

№ 4(34). 2019

Берега

Калининград

Берега

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Союза писателей России

НАШИ НАГРАДЫ

2015 г.

Союзное государство

Премия «Россия – Беларусь.
Шаг в будущее» – 2015 г.

2016 г.

2017 г.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ
"ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ"

Серебряное перо – 2015 г., Золотое перо – 2016 г.
Национальной литературной премии «Золотое перо Руси»

Журнал выходит при поддержке Союза писателей России

Август 2019 № 4 (34)
Калининград

Главный редактор: Лидия Владимировна Довыденко,
секретарь Союза писателей России
Телефон: +7 9118630467
E-mail: dovidenko_L@mail.ru, <http://www.dovydenko.ru>

Редакционный совет:

Николай Иванов — Председатель Правления Союза писателей России
Григорий Блехман — секретарь Союза писателей России
Александр Герасимов — прозаик, публицист, драматург
Елена Груцкая — поэт
Игорь Ерофеев — член Союза писателей России
Евгений Журавли — поэт, прозаик, публицист
Александр Казинцев — секретарь Союза писателей России, заместитель
главного редактора журнала «Наш современник»
Сергей Кириллов — прозаик, поэт, публицист
Валентин Курбатов — член Союза писателей России, член Совета по культуре
при Президенте РФ
Александр Новосельцев — член Союза писателей России
Сергей Пылёв — член Союза писателей России
Андрей Растворцев — член Союза писателей России
Геннадий Сазонов — член Союза писателей России
Валерий Старжинский — доктор философских наук, профессор кафедры
философских учений БНТУ

Журнал зарегистрирован
Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Калининградской области.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 39-00302 от 24 сентября 2014 г.
Дата выхода номера в свет: 15 августа 2019 года. Тираж: 1000 экз.
Адрес редакции, издателя: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50
Учредитель: Довыденко Лидия Владимировна,
адрес: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50
Цена свободная
Издание предназначено для лиц от 12 +
Дизайн обложки – Анна Степанова
Фото на обложке – Валентины Архиповской
Вёрстка – Елена Балантаева
Отпечатано в типографии «Страж Балтики»
г. Калининград, ул. С. Тюленина, 15, тел. 53–17-05
При перепечатке материалов, в том числе использовании их в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Берега» обязательна.
Редакция не несёт ответственности за содержание рекламных материалов,
может не разделять точку зрения опубликованных авторов.
Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

Правила подачи материалов в журнал «Берега»

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях. Присылаемые рукописи сохраняются документом Word (шрифт – Times New Roman, кегль 14, межстрочный интервал – 1). Текст не форматировать, не подчеркивать, разрешается части текста выделять курсивом. Файл называть своей фамилией, в начале текста – краткие сведения об авторе – *курсивом*, плюс фото автора. Мы уважаем все буквы алфавита, в том числе Ё. Тексты, где игнорируется эта буква, не рассматриваются. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала.

СОДЕРЖАНИЕ

Берега юбилеев	
10 ответов Валентина Курбатова на вызовы современности. К 80-летию писателя	4
Григорий Блехман. Слово, в котором дышит время. К юбилею Виктора Линника	8
Приглашаем к дискуссии	
Владимир Подлuzский. На дне нового «Тихого Дона»	14
Сэда Вермишева. Чужой заказ и наш наказ	19
Проза	
Юрий Серб. Счастливые. Роман-трилогия. Часть 1. (Продолжение в следующем номере)	23
Александр Чумиков. 90-е. Александр и другие. Повесть. Часть 3. (Завершение, начало и продолжение в журнале «Берега», № 2 (32) и №3 (33)-2019)	50
Александр Герасимов. Берега. Лотосы моей родины. Созвучия. Ивовое лукошко. Ягодные места. Рассказы-миниатюры	72
Владимир Нечаев. Дерево. Яблоко. Рассказы	81
Евгений Журавли. Рассказы. Часть 1	84
Светлана Савицкая. Легенда о торнадо, Лопе де Вега и Кецалькоатле	93
Поэзия	
Владимир Тыцких. Стихи	123
Геннадий Рязанцев. Стихи	127
Владимир Стрижов. Стихи	131
Вадим Новожилов. Три богатыря. Пьеса (Начало. Продолжение в следующем номере)	135
Берега Новоросии	
Иван Нечипорук. Стихи	143
Андрей Чернов. Перестроечные бездны под ироничной линзой Вадима Грачёва	146
Берега истории	
Юлия Плякушта, Неонилла Пасичник. «Влаимерова княгиня...»	148
Критика	
Валерий Старжинский. Отклик на событие. Энциклопедия авторов журнала «Берега», – Калининградская книга, 2019	154
Владимир Вахрамеев. К юбилею Эяны Суодене. «Я хожу по вселенским орбитам»...	157
Людмила Воробьёва. Посредине странствия земного... Размышления над книгой Л. Довыденко «Гумилёвская осень», часть 2. (Завершение. Начало в №3 (33)-2019)	165
Екатерина Фёдорова. Рюрикович на переломе эпох: сборник статей, интервью и других материалов. – Издательство «Минувшее», Москва, 2019	173
Лидия Довыденко. Заветы человечеству. О книге Амира Пахлевана «Грани таланта». К 60-летию поэта	177
Мир без границ	
Берега Чехии	
Ольга Белова-Далина. Стихи	180
Наталья Волкова. Стихи	183
Берега Мексики	
Франсиско Хавьер Мартинес Браво. Мифы Мексики	185
Бережок	
Елена Киселёва. Детские игры. Рассказ	188
Наши друзья	
Советуем почитать. Подписка и приобретение журнала	190

Берега юбилеев

10 ответов Валентина Курбатова на вызовы современности

«...неужели, мне будет 80 – и какое счастье!»

*Дорогой Валентин Яковлевич!
От имени редакции журнала «Берега»,
его авторов и читателей поздравляем Вас
с 80-летием!*

*Мы благодарны псковским берегам, которые подарили миру
Ваш огромный писательский дар и вдохновенный талант!
Желаем Вам прекрасного самочувствия и отличного
настроения, здоровья и сил на новые произведения,
которых мы всегда с нетерпением ждём.*

*Благодарим Валентина Яковлевича за ответы на вопросы главного редактора журнала
«Берега» Лидии Довыденко*

1. Почвенники, славянофилы и либералы, западники... Это разделение – проклятие русской литературы, русского общества или движущая сила? Или что-то ещё?

Василий Васильевич Розанов писал когда-то, печалась о Пушкине, что, «поживи Александр Сергеевич подольше, мы не разделились бы на славянофилов и западников», – такую целостную Россию он содержал в себе. Глядишь, постыдились бы.

Хотя вряд ли... Червячок-то с первой оглядки Петра Великого, с его «окошка в Европу» завёлся, за что староверы ласково звали его Антихристом. Да и матушка Екатерина одной рукой собирала Россию, прибавляя к ней Крым, а другой немножко оставалась дома, в Германии, кокетничая с Вольтером. Да и у самого Александра Сергеевича – почитайте-ка: «Пока Наполеон был далеко, молодые люди говорили обо всём русском с презрением и равнодушием», а как оказался на пороге, так «гостиные наполнились патриотами: кто высыпал французский табак и стал нюхать русский, ... кто отказался от лафита и принялся за кислые щи». Только теперь думаешь, что и, не окажись Наполеон на пороге, молодые люди не принялись бы за кислые щи, а всё так и цедили бы о родном с презрением и равнодушием. Да и сам-то Александр Сергеевич вон чего писал: «Я, конечно, презираю отечество моё с головы до ног – но мне досадно, если иностранец разделяет со мною это чувство». Это в ссылке, в живой досаде. А мы «на воле» презираем. Бог даст, до поры. И даже не до испытания, не до Наполеона (сохрани Бог!), а просто по духовному взрослению.

Что сделаешь... Видно, нам на роду написано наше «евразийство» с его невольным раздвоением. Только у тех, первых «делильщиков», по слову Герцена: «сердце было одно», а у нас уж вон и вовсе никакого сердца, одно взаимное противостояние Красной и Болотной площади. Однако опять ободрюсь, не обманывая себя, – до времени, когда из населения станем народом.

2. Что такое по-Вашему современный литературный процесс, его составляющие, и есть ли у Вас оптимизм по его поводу?

А современный-то литературный процесс куда денется? Он дитя этого деления. Загляните в «Завтра» или «Коммерсант» – ведь это газеты разных, не граничащих друг с другом государств, как радио «Эхо Москвы» и «Радонеж» или в телевидении каналы: «Дождь» и «Спас» – дети противостоящих информационных систем.

Вон позвали меня 24 мая в администрацию о Кирилле и Мефодии поговорить, а в Псковском университете в этот час проходили в рамках подготовки к Ганзейским дням наши «родные» «нетворкинги», «воркшопы» и «кесс-чейнджи». Вот тебе и День славянской письменности и культуры!

Вот и в литературе одни ещё договаривают старые живые правды, как, скажем, Роман Сенчин, Антон Уткин, Гузель Яхина или Петр Краснов, а другие уже и жанры определяют, как «фентези», «хорроры», «палп-фикшны», «стендап-комиксы или «роман нуары» (наши, наши определяют!) и брезгуют реализмом, конфузаясь перед Европой, – не буду называть фамилий – авось, ребята ещё вернутся «домой». Читаю, вон, в жюри Премии «Ясная Поляна» через край этих «хорроры» и «роман нуары», но всё отчётливее вижу, что с выравниванием мира и литература устаивается и понемногу обустроивает хоть и не дом ещё, а таун-хаус, но всё жилище под небом, и надеюсь, надеюсь...

3. Что Вы думаете о современных издательствах, которые даже хорошие книги подают под отвратительными обложками, как «чтиво»?

А художники книги делятся не так отчётливо, как писатели, и всякому естественно по домашнему честолюбию хочется подать книжку поэффектнее (и автора представить, и себя немножко показать), так что по обложке уже не отделишь честного консерватора от подлеца-постмодерниста. Зайдите в книжный магазин, тотчас и увидите это соревнование честолюбий: и меня купи! И меня! До содержания ли тут – от обложки отшатнёшься... Но тоже в своем таун-хаусе нет-нет и родное вспомнят, так что и тут не без надежды.

4. Помню, в одном из писем Вы сказали: «Пойду разобью телевизор о камень!» Действительно, на разных каналах ТВ совершается окончательное предательство своего народа, который воспринимается, как Вы говорите: «как пассивное неразумное большинство, управляемое сотней умных подлецов».

Про телевизор лучше не начинать. И, правда, лучше «о камень», а то девки наши расскажут Малахову про всех своих любовников, а те потом перебьют друг друга, а дети узнают всё о родителях, как бы те ни изворачивались перед детектором лжи. А старые актеры успеют искраснеться за своих молодых возлюбленных, если их не перебьют новости о Зеленском, которого по-прежнему будут именовать не Президентом, а «бывшим комиком», и не бояться быть вызванными на дуэль и застреленными (это вы о «чести» что ли? – что это такое?). Богатые ребята хорошо платят, чтобы человек не спрашивал, где он берёт деньги, а смотрел и утешался, что всяк человек – подлец, и можно не стесняться своего падения: всё вокруг такая же дрянь – «ведь правда, Вань?». А вон теперь ещё и «цифрой» грозят с сотней новых каналов. Когда думать-то? Только успевай переключать!

5. Ваш «Подорожник» – дневник Ваших путешествий с великими людьми: Цветаева, Антокольский, Пришвин, Тарковский, Свиридов и множество других лучших творческих людей. Это полотно и Вашей личной судьбы. Вы сами их искали, или они искали встреч с таким человеком, как Вы, любящим героев своих книг? «Несомненное право, самому выбирать свою жизнь» – это, перефразируя Николая Гумилёва. Вы сами выбирали своих героев? Вы говорили о Случайном, как о «дивном романе жизни»?

Начался «Подорожник» действительно случайно – взял да подарил Ю.Н.Куранов, которого теперь в Калининграде знает каждый читатель, мне на день рождения толстую канцелярскую тетрадь, где пиши да пиши, и сам написал первую страницу. А мне уж после него, которого я чтил высоко до неловкости перед ним, что и сам что-то пишу, писать дальше было неловко.

А скоро приехал в Псков Пал Григорьевич Антокольский, который потом рекомендовал меня в Союз писателей, и я дерзнул попросить его об автографе. Ну и уж тут тетрадь была обречена. Да и куда из себя матушку-провинцию денешь. Деревенский же! Как не похвалиться перед сверстниками? Поглядите, как и не деревенские даже сочинители конца XIX – начала XX века, хвалились, что вот побывали у Толстого и он сказал то-то и то-то. Вы думаете, они действительно ездили за спасительной мудростью, чтобы начать жить по-другому? Вспомните хоть Зинаиду Гиппиус с Дмитрием Мережковским, которые и сами тогда капризничали: кого принять, кому отказать от своего дома. Похвалиться хотела Зина. И Дмитрий Сергеич, хоть и стеснялся Зининою желанием, но и себя всё-таки хотел показать, свою модную на ту пору мысль.

У меня этих притязательностей не было (себя показать), а вот похвалиться, что видел и говорил с великими: вот, де, вчера Арсений Александрович Тарковский сказал, а Анастасия Ивановна Цветаева написала – как тут устоишь? О печати действительно не думал – друзьям бы показать да самому укрепиться. Ну и теперь вот вижу, что и писатели-то (и великие!) – тоже дети и им хочется утвердиться, что нужны, что слышны миру: особенно и просить не надо. А уговорил иркутский издатель Геннадий Сапронов: «На сундуке с сокровищами сидишь, – говорит, – чего не поделиться?» Тем более, что многих уже не было в живых, и любое их слово уже прописывалось в истории литературы. Уже и грех было бы скрывать-то.

Ну, а уж как первое издание вышло, то и «расчет» явился – сознательное желание хранить «домашнюю» историю литературы. А в последнее время, так уж и привычка и просто желание в одинокий час (ездишь-то с годами всё реже) взять зимним вечером тетрадь и вспомнить день и час нечаянного или подстроенного свидания и обмануть себя, что имеешь какое-то отношение к «процессу» литературы и жизни. И уже ищешь «контекста», провоцируешь авторов, отсылая к другим авторам – как они слышат друг друга. И тем будто на минуту и связываешь их друг с другом – тоже вроде и от тебя польза, и твоя страница в счастливом романе *случайной* жизни, когда ты уже строишь «случай» и чудо живого дня.

6. Когда я прочла Вашу книгу «Наше небесное Отечество», хотелось читать и перечитывать, что я и делаю, восхищаясь и Вашим стилем, и слогом. И никого не могу поставить рядом с Вами, кто так бы впитал в себя национальную культуру и так гениально выразил её в книге. Откуда у Вас такие духовные корни? Такая глубокая слитность с нашей верой?

А это уж просто «везение». Дедушка был молитвенник. Мы пять лет (с 1942 по 1947) после того, как переехали с мамой в связи с её работой из поселка Салаван, где я в 39-м году родился, жили с ним в землянке, потому что дедушку в свой час «раскулачили» за то, что у него было тринадцать детей – вон сколько рабочей силы! – непременно захочешь всех прокормить. Избу у дедушки отняли и увезли, но милостиво позволили жить в погребке во дворе, где летом хранили продукты. Он вставил в погреб окошко, сложил печь, и жил да молился в родной деревне. И меня, внучка, пока мама была на работе (путевой обходчик на станции Бряндино под Ульяновском), решил выучить псалтыри. И выучил!

А потом я уже был «как все» (не живите долго, а то вы узнаете, что первым «как все» хотел быть собеседник Гиппиус и Мережковского М.М.Пришвин, о котором я писал книгу ещё в «Советском писателе», который вскоре из просто Совписа, как «Советского писателя», стал Совписом, как стыдливым «Современным писателем»). Потом я был пионером, но крестик, зашитый в школьную куртку, носил с тайным пониманием вызова. А там уже и без всякого вызова был комсомольцем (и даже печалился, когда меня с первого раза не взяли – чуяли какую-то «порчу»). И совсем было позабыл о Боге за четыре года на флоте. А демобилизовался в Псков (расскажи всё подряд – никакого журнала не хватает), а уж тут при храмах-то на каждом шагу не вспомни-ка! И я потихоньку, ещё работая в молодёжной газете, прилачился заглядывать в три действующих храма (остальные были сосланы в «памятники»), а там уж и петь в одном из них. И вот с той поры пятьдесят с лишним лет и не выхожу из церкви.

А когда на пороге нового тысячелетия выпала возможность оказаться в Константинополе, а там и в Мирах Ликийских, – как было устоять? Вот и повадился, и за пять лет поездок и книгу накопил про «небесное Отечество». И в храме, читая «Апостол», уже лучше слышал Павловы слова, потому что помнил солнце, под которым его послания складывались, и пыль дорог и соль моря, которое для него было той же дорогой.

И сейчас, в пору шатания родного слова и выветривания смыслов на базарном языке эпохи, тем и держисься, что небесный корень слова помнишь, адамову райскую простоту наших глаголов.

7. Может ли или нужно ли писателю быть политиком?

Конечно, и в повседневные заботы эти первоначальные смыслы проталкиваешь, хотя бы даже и в политику (а мне довелось сживать в разных Советах, в Общественной палате России и сейчас вот в Президентском Совете). Художники обычно бегают от политики, даже с подчеркнутой брезгливостью. Виктор Петрович Астафьев, помнится, корил Валентина Григорьевича за его согласие войти в Президентский совет при Горбачеве. Но сам-то тоже в депутатах ходил и нет-нет похваливался, что «трудящиеся его района спят спокойно, потому что у них депутатом писатель Астафьев – обра-

зование шесть классов, беспартийный, русский, не судим...». И Валентин Григорьевич в депутатах и Совете писательского слова не ронял. Как и Василий Иванович Белов. Отчего писателей в шатающуюся эпоху и звали в депутаты. И когда бы и сейчас мы, как они, были бережными и рачительными детьми своего Отечества, то, может, и стеснялись бы воротить нос от политики. И она была бы осмозрительнее под строгим приглядом. А так мы ей сейчас руки сами развязываем. Идите, де, подлецы, не пачкайте наших художественных риз, а они за это время глядишь потихоньку такую жизнь построят, что свои ризы никак не убережёшь, потому что сама реальность, которой художники только зеркало, поневоле тебя изгваздает...

8. Что Вы думаете об СССР и будущем России?

О СССР подлинно, как о молодости. Кто не был бунтовщиком в юности, у того нет сердца, а кто не был консерватором в старости, у того нет разума. СССР – естественное дитя России, самое родное дитя. И она ещё спохватится и обнимет своё дитя, если не совсем дура, и перестанет без конца примерять чужие платья и искушаться призывом «Ведь ты этого достойна!». Это они недостойны её красоты без косметики (как у Александра Сергеевича – «здоровье краше всех румян»). Вспомнит, что она одна, по слову Рильке, граничит не с другими государствами, а с небом, и выйдет, наконец, в свою не общегоризонтальную дорогу, по которой человечество давно ходит по кругу, пряча от себя это топтание, а выйдет в единственную – вертикальную, куда ещё и шага не сделала. А выйдет в эту небесную сторону всё равно первой она – не Штаты, не Европа и даже не Китай с Индией. А там, глядишь, и они подтянутся. Не слепые же. И мы вспомним, что не зря зовёмся детьми Божиими.

9. «80 лет, и какое счастье!» Откуда у Вас этот оптимизм?

Это я впервые почувствовал в семьдесят лет, когда телевизионная девочка с состраданием спросила: «что можно чувствовать в этом возрасте?» А я ей с радостью: чудо и счастье! и мне ещё, Бог даст, будет семьдесят пять, а там и восемьдесят! И я только завидую ей, что ей это счастье ещё предстоит (девочка уронила микрофон).

Ты, как пчела, собираешь улей жизни и все цветы и поля твои, и каждый цветок отдельный и нет ему повторения. И в этом саду равноправны утраты, болезни, смерти близких. Господь строит твою душу и, оборачиваясь, ты вдруг однажды осознаешь, что каждый день единичен и необходим. И боль входит в порядок жизни, чтобы ты видел лучше и рос сердцем.

Впрочем, это умствование. Один монах, расстрелянный в 37-м году, удивительно сказал в свой самый трудный час, что «Бог любит не всех одинаково, а каждого – больше!» И ты это однажды так ярко осознаешь, словно тебя разбудят, и уже сам будешь знать, что чем далее, тем жизнь ненагляднее. Это в тебе прорастает вечность, которая не ТАМ, а и вот ТУТ, в каждом дне. И это только мы своеволием, жадной отдельностью и эгоизмом строим злое историческое пространство (особенно нестерпимое в религиозных войнах) вместо того, чтобы увидеть Другого и обрадоваться его «другости», как разнообразию небесного сада, где всяк цветок сам, а сад – только вместе.

А оптимизм в том, что раз ты догадался, то, значит, и другие в свой час догадаются вместе с Христом, Буддой, Магомедом, Конфуцием, что мы живем в вечности, где конца нет, а есть только переход. Как в старину говорили про умершего – «преставился», преставился на другую ступеньку. Когда ж тут печалиться?

10. Итожите ли Вы дни, «ярчайший где»?

Нет, не итожу – просто живу. А «ярчайший»? К концу дней – каждый! А предшествующие без осознания чуда – увертюра. Предшествующие – только *история*, которая всегда есть только преходящая частность *жизни и вечности*, встающей на дворе с каждым рассветом, пока ты не прозреешь.

– *Огромное Вам спасибо!*

Берега юбилеев

Григорий Блехман

Блехман Григорий Исаакович – поэт, прозаик, публицист, литературовед. По профессии физиолог и биохимик. Доктор биологических наук, профессор. Работал научным и литературным редактором журнала «Физиология и биохимия». Родился 11 августа 1945 года на Кубани – в казачьей станице Бесскорбная. В 1955 году отца перевели на работу в Москву, куда переехала вся семья. Стихи, художественная проза, эссе и публицистика опубликованы в отечественных и зарубежных журналах и альманахах. На десять стихотворений композитором Раисой Агаджанян написаны романсы. Некоторые произведения переведены на персидский, литовский, армянский, болгарский, немецкий и английский языки. Автор девяти сборников стихотворений, прозы и очерков, вышедших в издательстве «Российский писатель». Член редколлегии журналов «Берега» и «Литературная Феодосия». Секретарь Союза писателей России. Лауреат Международной и многих Всероссийских литературных премий: им. Н.С. Гумилева, им. А.Т. Твардовского, им. М.Ю. Лермонтова, «Слово – 2017»

Слово, в котором дышит время

К юбилею Виктора Линника

У известного не только в нашей стране, но и далеко за её пределами, элитного советского журналиста-международника, российского публициста, а с 1998 года основателя, издателя и главного редактора газеты «Слово» Виктора Алексеевича Линника 28-го июля Юбилей.

Наверняка, кроме поздравлений от родных и товарищей, не связанных с его профессией, юбиляр получит многочисленные поздравления своих коллег по литературному цеху, авторов издаваемой газеты и огромной аудитории благодарных читателей и слушателей этого Мастера Слова.

На сегодняшний день он посетил более шестидесяти стран, выступая с лекциями в университетах США, Великобритании, Австралии, Новой Зеландии...

Труд Виктора Алексеевича отмечен престижнейшими литературными наградами, и его авторитет в среде писателей, журналистов и людей других профессий, умеющих ценить истинную литературу, чрезвычайно высок.

Но «все мы родом из детства», которое во многом определяет наше человеческое и профессиональное будущее, потому что личностный фундамент закладывается там.

И чем выше наша возрастная дата, тем отчётливее всплывают в памяти те или иные эпизоды минувших лет.

28 июля 1944 года в семье командира роты прожекторного полка Алексея Васильевича Линника и его жены Анфисы Васильевны родился мальчик, которого назвали Виктором. И это обстоятельство так и осталось бы в пределах семейной хроники, если бы впоследствии мальчик, когда немножко подрос, не пристрастился бы к чтению и письму.

«Я очень много читал с детства. Проглатывал огромные, толстые тома русской литературы. Читал только русскую литературу, обожал исторические романы. История была для меня очень привлекательным предметом» – расскажет он позже в интервью писателю Юрию Кувалдину.

Во втором классе мальчик уприсит отца сходить с ним в городскую библиотеку подмосковного Дмитрова, где семья в ту пору жила. Там ему выдадут читательский билет, и он станет одним из самых прилежных читателей города.

А ещё, скромно вспоминает юбиляр: *«Мне интересно было писать – дневник, стихи, письма. У нас была замечательная словесница, Ирина Григорьевна Овчинникова, которая иногда хвалила мои сочинения».*

В 9-10 классах, когда семья будет жить уже в Москве, он познакомится с творчеством В.В. Вересаева, которое произведёт на выпускника очень сильное впечатление. Особенно «Записки врача».

Видимо, это было «последней каплей», повлиявшей на выбор будущей профессии: *«Я решил, что она непременно будет связана со словом».*

И по окончании школы он попробовал поступить в Московский университет на отделение русской филологии.

Попытка оказалась неудачной – не прошёл по конкурсу.

Начал готовиться ко второй. При этом стал работать в телестудии на Шаболовке. Там подсобный рабочий машинно-декорационного цеха отвечал за хранение декораций на складе.

«Вставал в шесть утра, сразу садился за письменный стол, до половины девятого занимался, затем уезжал на работу», – расскажет он потом в интервью корреспонденту Антону Цезареву.

Так как в ту пору юноше ещё не было восемнадцати лет, его рабочий день длился шесть часов. Поэтому домой приезжал в половине четвёртого, сорок минут отдыхал, а затем шёл на тренировку по лёгкой атлетике. После тренировки вновь садился за письменный стол...

К экзаменам подготовился прекрасно, но теперь поступал уже на романо-германское отделение филфака, которое к той поре показалось ему более интересным – хотел овладеть ещё и иностранными языками.

Хотя конкурс был очень серьёзным – 29 человек на место, преодолел его *«на ура».*

– Следует заметить, что в семье, где ещё были младшие брат и сестра – Дмитрий и Марина, все пели с детства. Обучала их русским народным песням мама, урождённая Анфиса Смелова. Все трое окончили музыкальную школу.

Собственно, иначе и быть не могло. Дело в том, что семья Смеловых происходила из старых русских интеллигентов, получивших многостороннее образование ещё в начале прошлого века. Родной дед нашего юбиляра Василий Петрович Смелов – главный лесничий Меленковского уезда Владимирской губернии – умел играть на нескольких музыкальных инструментах: кларнете, скрипке, гитаре, балалайке, фортепиано. В 1915 году был призван в армию, был выпущен прапорщиком после 3-месячных курсов в Александровском училище в Москве. Его брат Константин долго пел в хоре ветеранов революции. Так что музыка была в генах этой семьи.

В конечном счёте в 1969-м братья и сестра образовали известное в 70-е «Трио ЛИННИК», которое стало петь сначала в английском театре на филфаке МГУ, а потом выступало по линии «Росконцерта». Этот ансамбль был в те времена в числе лучших в музыкальном жанре, именуемом «фолк-рок», и с успехом исполнял русские и американские народные мелодии. Работали в одних концертах с тогдашними знаменитостями: Львом Лещенко, Валентиной Толкуновой, Евгением Мартыновым, Валерием Ободзинским... А знаменитая ныне группа «Машина времени» делала инструментальное сопровождение при записи третьей пластинки «Трио ЛИННИК»...

В студенческие годы Виктор Линник получил приглашение на телепередачу «Английский язык для вас», в которой участвовал 11 лет. Так он вновь очутился на уже знакомой ему Шаболовке, но теперь уже в новом качестве. Здесь в ту пору обосновался «Учебный канал», которым руководил бывший опальный редактор «Правды» П. Сатюков. На канале существовали программы по литературе и естественным предметам, по иностранным языкам. На одну из них – обучение английскому – его и пригласили. Видимо, уровень знаний этого студента к тому времени уже позволял это сделать.

«Детям и взрослым было интересно. Передача была занимательной для зрителей и очень весёлой для нас. Мы ставили небольшие сценки. Скучных лекций у нас не было. Каждая передача представляла собой некий отрывок из классики – из «Моей прекрасной леди», например, или из «Оливера Твиста» ... Всё это мы делали с любовью. Режиссёром у нас был Игорь Мурский – сын знаменитой солистки Большого театра Барсовой, который в телестудии священнодействовал. Он подходил к

каждой передаче так, будто собирался ставить «Гамлета» с последующим обязательным выдвижением на «Оскара».

* * *

Университет наш юбиляр окончит в 1968-м по специальности филолог-преподаватель английского языка, защитив диплом по творчеству известнейшего американского писателя, журналиста и драматурга Нормана Мейлера. Годы спустя, уже в США, Виктор Линник познакомится с ним на одной из конференций.

По окончании университета способный выпускник получит приглашение в аспирантуру открывшегося тогда совершенно нового для Советского Союза Института США и Канады Академии наук СССР. Успешно сдав вступительные экзамены, через три года он защитит кандидатскую диссертацию и станет кандидатом исторических наук. Там же в Институте состоялось его знакомство с героем его диссертации сенатором Юджином Маккарти.

Позже Виктор Алексеевич вспомнит: *«При Институте был журнал «США: Экономика. Политика. Идеология.», в который я писал материалы по своей теме – американским выборам. Заведующим отделом внутренней политики там был всегда невозмутимый, доброжелательный и прекрасно одетый Борис Изаков – ветеран газеты «Правда», её первый корреспондент в Лондоне (с 1931 года). Он что-то разглядел в моих текстах и как-то произнёс: «В «Правде» ищут человека в американский отдел. Не хотите ли попробовать? В редакции со мной очень любезно побеседовал Сергей Вишневецкий, известный американист. Но с первого раза «не срослось».*

В «Правду» наш юбиляр попадёт четыре года спустя – в 1980-м, но уже по личному приглашению главного редактора газеты тех времён Виктора Григорьевича Афанасьева. Познакомятся они в одной из зарубежных поездок – Виктор Линник в той поездке был переводчиком Афанасьева.

Сначала новый сотрудник работает обозревателем международного отдела. Но довольно скоро становится консультантом Отдела международной информации ЦК КПСС.

– Приглашению в этот серьёзный – главный в стране информационный Отдел во многом способствовали его глубокие знания обстановки в Америке, которые, в частности, позволили ему предсказать переизбрание на президентских выборах 1984 года республиканца Рональда Рейгана вопреки официальным ожиданиям советского истеблишмента.

Отдел курировал работу наших СМИ по международным делам, готовил документы для руководителей государства по внешнеполитическим проблемам, но акцент в работе сотрудников был сделан на глубокую аналитику, которая позволяла выработать ответы на пропагандистские кампании западных СМИ против Советского Союза.

Работа была очень интересной и, порой, с неожиданностями: *«Хорошо помню свои ощущения, когда однажды, садясь в вечерний поезд на Киев, где жили мои родители, услышал по радио зачитанные диктором «Ответы Ю.В. Андропова на вопросы корреспондента ТАСС». Ответы эти мы писали только вчера вдвоём с заведующим Отделом Леонидом Замятиным...*

В другой раз я целую неделю работал на даче Сталина в Волынском в составе команды, которая готовила программную речь М. Горбачёва на Верховном Совете СССР в 1986 году. Тогда она прозвучала на весь мир».

Была и такая неожиданность, которая открылась много позже: *«В 1984 году участвовал в подготовке визита М.С. Горбачёва в Великобританию, который стал своего рода смотринами для будущего генсека на Западе. После встречи с самым молодым членом советского политбюро мадам Тэтчер сказала: «С этим человеком можно иметь дело». Эта фраза, которую расценили как большой плюс для образа СССР на Западе, стала пропуском для Горбачёва в мировую элиту. Но этим «пропуском» он воспользовался, мягко говоря, отнюдь не в интересах собственной страны. Скажем, подписав с Рейганом в 1987 году Договор о РСМД (тот самый, из которого сейчас вышел Трамп), Горбачёв согласился на одностороннее (!) уничтожение Советским Союзом великолепной ракеты системы «Ока», дальность которой (до 500км) выводила её за рамки ограничений по Договору о РСМД.*

А взять непостижимую сговорчивость Генерального секретаря ЦК КПСС при решении германского вопроса. Канцлер Г.Коль был готов предложить Горбачёву 200 миллиардов марок за воссоединение ГДР и ФРГ – исторического решения для судеб Германии. Х. Тельчик – его советник по внеш-

ним и оборонным вопросам соглашался выложить 140 миллиардов. Чем в итоге довольствовался Горбачёв? Жалкими 4-мя миллиардами.

Как объяснить этот аттракцион неслыханной щедрости руководителя СССР?..»

В 1987-м Виктор Линник направлен собственным корреспондентом «Правды» в Нью-Йорк, где будет работать по 1992-й год.

Надо сказать, что это была не первая его поездка в Америку, поскольку неоднократно бывал там как участник программы «Молодые политические лидеры СССР и США». Согласно этой программе встречи молодых лидеров один год проходили в нашей стране, другой – в Америке. И поскольку участники этой программы, естественно, находились под усиленным вниманием американских спецслужб, будущий корреспондент центральной советской газеты никакой загадки для информационно-идеологического сектора Соединённых Штатов не представлял.

Писал он много, и его публикации пользовались повышенным вниманием читателей.

«Время в конце 80-х было особое. Такого времени не было до той поры и, думаю, не будет после, потому что я попал в США в разгар перестройки, в пору удивительную. Мы знаем, чем она, к сожалению, для нас закончилась, но советскому журналисту работать в это время в Соединённых Штатах было очень легко. Во-первых, к тебе был постоянный интерес американской аудитории. Во-вторых, ты действительно был свободен в выборе тем для репортажей, очерков, аналитических материалов. Некоторые вещи впервые появлялись именно в «Правде». Например, мой рассказ о том, что такое франшиза, ныне совершенно расхожий термин в предпринимательстве: почему она имеет смысл для начинающих бизнесменов. В «Правде» появились мои материалы о заказных убийствах в США, явлении тогда совершенно неслыханном для нас. Публиковали даже зарисовки о бисексуалах...».

Однако писал он не только о том, как американцы живут. Значительно интереснее ему было рассказать читателю, как они работают и чем интересуются. Написал, например, о жизни прораба на стройке высотного дома в Нью-Йорке, который трудился по 12 часов в сутки, ничем, кроме работы, не интересуясь. Единственным исключением были футбольные матчи с участием местной команды, проходящие в Нью-Йорке. Прораб посещал их, не пропуская. И обязательно «под банку «Миллера» (пиво известной британской пивоваренной компании – Г.Б.).

Но, конечно, главным в работе были статьи о политике: «Мир тогда сваливался в прекрасную надежду, что Горбачёв и Рейган избавят планету от ядерной угрозы. В ходу были лозунги, вроде: «Войдём в третье тысячелетие без ядерного оружия». Горбачёв, кажется, всерьёз обещал: «Сделаем к 2000 году Советский Союз ведущей автомобильной державой», «Каждой семье к 2000 году отдельную квартиру» ... Это было время незабываемого, почти нервического воодушевления, особенно поначалу. Поэтому нашим читателям было интересно читать об Америке, а американским студентам слушать в университетах мои выступления об СССР. Но я никогда не впадал в эйфорию по поводу США, потому что видел и слабые, откровенно негативные стороны американской действительности, понимал, что Америка уважает только силу и презирает слабость».

* * *

На Родину он вернётся в 1992 году и довольно скоро станет главным редактором «Правды». Причём, по воле сотрудников газеты.

Дело в том, что в эти годы руководящие посты во многих организациях начнут занимать люди не в результате их назначения из вышестоящих инстанций, а в результате выборов, проводимых в самих коллективах на альтернативной основе. В частности, в истории «Правды» такие выборы главного редактора состоятся в 1993 году. Кандидатов будет трое: предыдущий главный редактор Геннадий Селезнёв, Александр Ильин и Виктор Линник. Во второй тур выйдут Ильин и Линник. Селезнёв попросит своих сторонников голосовать за Линника. И он одержит окончательную победу.

Однако долго работать в «Правде» новому главному редактору не придётся. В начале 1994 года между ним и семейством греческих предпринимателей Янникосов, которые при Селезнёве стали инвесторами газеты, случился конфликт. Причиной станет желание этого семейства получить учредительные права на газету, о чём у Янникосов с Селезнёвым была предварительная договорённость.

Однако Линник на это не пойдёт, поскольку получение таких прав дало бы возможность новым учредителям диктовать коллективу условия по содержанию публикаций. Т.е., в этом случае «Правда» становилась бы во всех отношениях «карманной» газетой инвесторов.

В ответ на отказ нового главного редактора последует отместка: греки перестанут платить коллективу зарплату. В результате Линнику придётся из газеты уйти. Вместе с ним уйдёт и часть сотрудников.

«Моя попытка начать национально-освободительное движение против захвата иностранцами «Правды» потерпела неудачу. Через несколько лет греков из газеты выбросили, то есть «правдисты» сделали ровно то, что пытался сделать я», – расскажет он позже, когда уже полностью будет погружён в мысли о развитии своего «детища» под названием «Слово», ядро которого составят те сотрудники, что уйдут с ним из «Правды».

* * *

Но «Слово» появится не сразу. В 1995 – 1996 гг. Линник работает первым зам. главного редактора в еженедельной газете «Век», потом с коллективом, ушедшим из «Правды», предпринимает попытку издавать ещё одну «Правду». Однако по суду проиграет право на торговую марку газеты. И после этого, чтобы сохранить команду журналистов-единомышленников, предпримет активные действия для создания газеты под новым названием.

«Конечно, на редколлегии мы это (название газеты – Г.Б.) обсуждали неоднократно... Идея витала в воздухе. Но название в конечном итоге родилось у меня просто. Как-то одним солнечным утром, перед очередной редколлгией я вспомнил знаменитое стихотворение Фёдора Ивановича Тютчева:

*«Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется, –
И нам сочувствие дается,*

Как нам дается благодать...» – расскажет он позже писателю Юрию Кувалдину.

И с того момента станет ясно – именно «Слово» должно быть названием новой газеты, потому что её концепция виделась как раз такой, какая в четырёх приведённых строках великого русского поэта обозначена для понятия «слово».

Так 6-го ноября 1998 года в России родилась новая газета, которая в прошлом году отметила своё двадцатилетие.

С первого же выпуска «Слова» читатели почувствуют высокий уровень публикаций – экономических, политических, публицистических, литературно-художественных... Поэтому довольно скоро газета получит широкую востребованность среди ценителей проверенной информации, умного и взвешенного анализа обсуждаемых тем и, конечно же, культуры слова.

«Мне до сих пор звонят коллеги из «Правды», седовласые ветераны журналистики, и одобительно высказываются об отдельных публикациях газеты» – с присущей ему скромностью скажет главный редактор в юбилейные дни «Слова». И продолжит: *«К нашим подписчикам – и я с гордостью назову только некоторых! – принадлежат или принадлежали такие люди, как Николай Иванович Рыжков, в прошлом председатель Совета министров СССР, народная артистка СССР, художественный руководитель МХАТ имени Горького (уже, к сожалению, бывший – Г.Б.) Татьяна Васильевна Доронина, 101-летний генерал-лейтенант Михаил Тимофеевич Береговой, старший брат знаменитого космонавта, лучший Шерлок Холмс мирового кинематографа Василий Борисович Ливанов...*

Эти люди составляют гордость нации.

16 лет бессменным экономическим и политическим обозревателем был профессор Станислав Михайлович Меньшиков. Он входил в десятку лучших экономистов России. Сотрудничать с ним и быть его соавтором считали за честь нобелевские лауреаты Ян Тинберген, Василий Леонтьев, Генри Киссинджер, а также Дж. Гэлбрайт. Экономисты в его писаниях могли найти самое толковое объяснение того, что происходит с нашей экономикой. Надеюсь, что и другие материалы наших авторов помогают читателю разобраться в хитросплетениях и интригах на большой шахматной доске мировой политики».

* * *

А теперь приведу мнения, высказанные о газете «Слово», нашими выдающимися современниками:

Валентин Григорьевич Распутин: *«Это патриотическая газета, которая рассказывает обо всём, что происходит в мире. Там работают прекрасные люди, которых главный редактор знает давно. Сам он работал в Америке, вернулся и стал выпускать газету, что само по себе редкость. «Слово» – газета, которую я выписываю и читаю от корки до корки. Жаль, что тираж этой честной газеты небольшой... А она даёт столько информации, сколько не даёт никакая другая газета...».*

Татьяна Васильевна Доронина: *«Газета «Слово» относится к числу немногих сегодня изданий, которые выделяются своей интеллигентностью, приверженностью к правде, уважительным отношением к читателю, высоким журналистским мастерством...»*

Николай Иванович Рыжков: *«... На страницах газеты читатель находит вдумчивый анализ важнейших политических, экономических и международных событий нашего времени, отечественной истории и культуры. Газета «Слово», сохраняющая лучшие традиции отечественной журналистики, ценится читателями и экспертным сообществом. В «Слове» нет места псевдосенсациям и политическим спекуляциям, на которые так падки иные издания. Зато в каждом номере Вашей газеты можно найти материалы, пронизанные любовью к России, её народу, её духовным истокам. Газету отличает государственный патриотизм, взвешенность суждений, высокий уровень авторского исполнения...».*

Поскольку сказать лучше, чем наши знаковые современники, вряд ли возможно, мне остаётся лишь присоединиться к их словам. И добавить, что вместе с поздравлением желаю нашему юбиляру, чтобы такая зримая гармония между прекрасным творческим и физическим состоянием, какую мы привыкли в Викторе Алексеевиче Линнике чувствовать, была бы и дальше естественным состоянием этого Мастера.

Правда, недавно юбиляр сказал: *«Пишу, пожалуй, слишком много для главного редактора».*

Но с этим вряд ли кто-то из его коллег и читателей согласится, потому что такого высокого качества литературы, какое выходит из-под его пера, много не бывает в любые времена.

Спасибо Вам, дорогой Виктор Алексеевич, что глубоко и элегантно подаваемое Вами авторское слово и другие материалы Вашего «Слова» всегда наполнены дыханием конкретного времени во всех приметах его многогранного проявления.

P.S. Виктор Алексеевич ЛИННИК является секретарём Союза писателей России, действительным членом Академии российской словесности, Академии русской литературы, Европейской Академии безопасности и конфликтологии, председателем гильдии ветеранов журналистики «Медиасоюз»...

Приглашаем к дискуссии

Владимир Подлuzский

Владимир Всеволодович Подлuzский родился 5 июня 1953 года в селе Рохманово Брянской области. С отличием окончил Санкт-Петербургский государственный университет, Академию государственной службы и управления при Президенте РФ, Брянский сельхозинститут. Поэт и публицист. Член Союза писателей и Союза журналистов России. За роман в стихах «Тарас и Прасковья» удостоен звания Лауреата Национальной литературной премии «Щит и меч Отечества». Печатался в журналах: «Наши современники», «Роман-журнал XXI век», «Юность», «Север», «Мир Севера», «Нижний Новгород», «Днепр», «Новая Немига литературная», «Десна», «Глаголь», в «Литературной России», «Дне литературы», «Российском писателе» и в других изданиях. Его подборки вошли в «Антологию русской поэзии. Век XXI» и в «Антологию военной поэзии». Живёт в Сыктывкаре

На дне нового «Тихого Дона»

Русская литература готова к очередному роману-эпопее

У каждого своё Болдино, Константиново, Спасское-Лутовиново, Овстуг, Ясная Поляна и Вёшенки. Список святых для русского сердца селений с успехом можно продолжить. Неисчислима земля русская на литературные таланты. Раз в век отечественная словесность обязательно разливается мощным половодьем эпохального произведения. **Эпопеи.** Своё вещее слово уже изрекли Лев Толстой и Михаил Шолохов. Литературоведы прочат в вечные памятники национальной словесности ещё несколько пронзительных имён. А мне хотелось бы заранее заявить – двадцать первый век на переходе от человека природного и разумного к цифровой его модели просто обязан дать сгустки гениальности. Тем самым предотвратив полный провал носителя образа Божьего с сознательно изменённым религиозным сознанием в виртуальное пространство. Не важно, что в данный момент тема не интересна ни Кремлю, ни дворцу олигарха, ни бревенчатой избе со старухой, доживающей свой тяжёлый век. Подвиги, в том числе писательские, свершаются вовсе не ради славы. Хотя в наши времена она всё больше становится мерилем, часто в золотом эквиваленте, всей мало-мальски известной пишущей братии. Её даже Иванами, не помнящими родства, часто назвать трудно. Так, ГМО. Химическая прослойка, обесценивающая на праведной стороне бытия любую *стоящую* национальную книгу и явный талант. Однако через дорогу всегда колосятся тучные поля с не модифицированной рожью и пшеницей.

Речь о настоящей литературе. Чьи гены, подпитываемые Пушкинским ДНК, бессмертны. Как бы их не пытались исковеркать вырвавшиеся из ада энергии. Национальные особенности рано или поздно потребуют криничной воды, окропляющей державные пассионарные поколения, их величайшие свершения и всем понятный портрет отечественной истории. Прочь разные нигилисты, шарлатаны, позёры, словесные эквилибристы и сибариты! Словом, болотные обитатели.

Миллионы из нас носят православные крестики, не подозревая, что на гайтане самые настоящие антенны, связывающие души с Богом. С прошлым, настоящим и будущим нации. С реками судеб, пронзающих миры, о которых мы можем только догадываться. Через толщу событий, свет и мглу ведёт нас бессмертное Русское Слово.

Писатели стоят очень рядом, если не вровень, со священниками, много знающими об Истине. Говорят, суть её в какой-то степени может объяснить ВОДА. В молекуле святой воды, как утверж-

дают учёные, при мощном увеличении виден образ Богородицы. А сколько в Отечестве таких вод?! Хранящих Завет, мысли и формулы, данные Провидением для человеческого прозрения.

Я видел Волгу, Дон, Днепр, Северную Двину, Печору и много других рек, ставших для России духовными сосудами. Какие только песнопения не звучат в душе при приближении к величавым струям. Но они мелеют, заносятся песком. Зарастают камышом. Сколько экологических проблем возникло вокруг той же Волги-матушки. Может, потому, что давно не пробивались подпитывающие её родники мощных произведений, исходящих из самого смысла существования народа. А если нечто подобное и есть, то его просто не замечают ввиду мизерных тиражей. **Уверен, движение слова и воды тесно связано через Дух.** Скорее всего, одно рождает другое. Видимо, распутинское «Прощание с Матёрой» или астафьевская «Царь-рыба» и есть в некотором роде подтверждение тезиса.

Сегодня я лично знаю двух талантливых русских прозаиков, неспешно работающих над истинными эпопеями. По крайней мере, по задумке. Одна посвящена горячему разлому Отечества в девяностые годы. Вторая – не менее жарким событиям в Приднестровье. Действо в бессарабских кущах крутится вокруг пограничной реки, над которой парит белый аист. Стык во многом противоречивых эпох, словно тектонических плит, дал такие массовые народные бедствия, скрежет и стон, что помутнил ранее чистые наземные воды и неминуемо выдвинул необыкновенных, ранее неслыханных, персонажей. Готовых хоть сейчас взойти на литературные пьедесталы. Природа как бы устроила конкурс – чей герой окажется самым достойным и живучим. Впрочем, никто из нас не знает всех участников марафонского забега, победитель которого получит громокипящий кубок.

В лучшие для советской словесности годы я поражался разливу маленькой речушки Снов, текущей от Белоруссии через Брянщину на Черниговщину. Из ручейка, который лягушонок перепрыгнет, в апреле она превращалась, подобно русскому характеру, в широкую вольную стремнину. Тогда же я ошеломлялся майскими безбрежными водами Десны, вырывающимися, как взмыленный конь Ильи Муромца, на просторы украинской лесостепи и через сотню вёрст, вволю поящими певучий тогда ещё Киев своей певучей же синью, очищенной в брянских корабельных рощах и дубравах. Не зря в далеко не застойные семидесятые действовал межреспубликанский Комитет по Десне. Партийные бонзы, как ни странно, хорошо понимали почти сакральную важность одного из главных притоков Днепра. Не только речной, но и духовной скрепы братских, не побоюсь такого определения, народов. Стоило неразумным хохлам перекрыть Крымский канал, наполнявшийся в том числе и деснянскими водами, как херсонская степь стала засаливаться и затягиваться вонючей болотиной. Как и вслед поведение заколдованного, что отмечал ещё Гоголь, народа.

На Снови я слушал лихие былины старого рыбака, чья дочь по фамилии Родина (!) родила в международном сельхозтехникуме байстрюка от чилийца. Смуглый папаня младенца вскоре смылся в прерии растить виноград и картошку. Прислал былой подруге только одно письмецо. Главными в нём были не слова любви, а вымаранные тамошними цензорами советы, как правильно, по-американски, травить колорадов. Об этом, как и многом другом, рассказывал мне, то и дело ловко подсекая *блискучую* рыбёшку, грустный дедок с обвислыми усами, помнивший ещё поход Щорса через здешние Кудькины горы на Киев.

Никуда мне в те дни не требовалось бежать, лететь, трястись в «козликах» и обычных телегах, чтобы в блокноте прописать дивные истории. Достаточно было перейти с удочкой по трясущимся кладкам речушку и самозабвенно внимать словоохотливому любителю сказаний и плотвы. Почему-то её здесь жарили на сале. Также, видать, в своё время в соседнем сосняке слушал байки местного грибника художник Иван Шишкин. Набрасывавший у Великой Топали этюды для своих знаменитых «Медведей».

Эпоха за эпохой, роскошные, как свадебные поезда, выплывали из золотого осеннего леса, и, преодолев под птичьими колокольчиками, скошенные и заскирдованные луга, медленно удалялись в вечность. Мимо людей, былинных сёл и хуторов. Оставляя им гроздь красных и чёрных историй. Редко украшающих газеты и журналы. Особенно толстые.

Только литература способна остановить мгновение. Через волшебное увеличительное стекло рассмотреть его позорче, не стесняясь выпирающих как из рога изобилия образов. Надо лишь научиться слушать простой народ. Я его и слушал. В лесу, где конь таскал свежесрубленные хлы-

сты для новой хаты соседа. В ночном, где под фиолетовые лошадиные взоры пастух вспоминал свои давние курортные приключения. На картошке, сенокосе, жнивье в минуты отдыха одаривали меня русские люди своими историями. Ими прямо-таки кипели, подобно пиву, районные булдыри. Чем-то похожие на устные говорливые журналы. Без редакторов и цензоров. С цветным калейдоскопом тем, слегка приправленных матерком. С очень благодарными и заводными слушателями. Меня никто не стеснялся. Подумаешь, корреспондент. Интересно, так налей рассказчику и тоже послушай.

Однажды после пары кружек увешанный корзинами с черникой ягодник повёл газетчика к себе в гости. Оказался боевым лётчиком, сбитым в одной из локальных и мало кому известных войн. Бежавшим из плена. Передо мной сидел очередной очарованный странник. До полуночи он с любезной женой чистил от зелёных клейких листиков ягоды, а я впервые в жизни читал за перегородкой Библию. Как будто Господь меня свёл в самую атеистическую эпоху то ли с грешником, то ли с ангелом высокого полёта. Понятнее становились священные страницы после волнующих рассказов прихрамывающего майора. Целый год я напрасно подбирался к Книге Книг в одной деревеньке, бережно хранившей священные фолианты. Мне отказывали, уповая, что я, хоть и внук священника, пока не готов осмыслить загадочные страницы. И вдруг, в шипящем, на взгляд многих жён, кабацком аду я встретил поводыря, выведшего меня, подобно герою Данте, на свет. К той самой желанной Книге. Неужто созрел?!

Любит излить душу наш человек. Я тогда не задумывался, хоть и поработал не в одной районке, что из густой массы былей могли вполне выйти, скажем, новые «Охотничьи рассказы». Главное, ничего не надо придумывать. Герои действуют в необыкновенных условиях, порой на грани яви и фантастики. Проявляют чудеса изобретательности, смелости, лихости и Бог знает ещё чего, на что способен русский человек, верный своей необыкновенной планиде. Встречались тут и свои Аксиньи, и Гришки Мелеховы, и Андрей Соколов, прошедшие немецкие и советские лагеря. Однажды меня познакомили даже с дезертиром, просидевшем в подвале собственного дома целых двадцать лет.

Не менее страшными, чем у Лескова, подробностями пестрели любовные приключения. В них фигурировали председатели, парторги, прокуроры, милиционеры. Простые доярки и скотники.

В России никогда не бывает скучно. Наша жизнь разворачивается сразу в нескольких пространствах и временах. Прямо-таки раздолье для писателя. Садись и пиши. Можешь просто роман. А можешь и эпопею. Уж как повезёт. Ведь ты, образно говоря, находишься на дне собственного «Тихого Дона». *Дно можно понимать и как ДНО, и как ДЕНЬ.* Там каждый камешек золотой. Всякая раковина с жемчугом. Подобно Садко, осторожно пробуешь струны сладкозвучных гуслей. Надеешься, что под них заплещет речной царь. Волны взбурлят и в щепки разнесут яхты нуворишей, водящих дружбу с нечистой силой. И внесут прекрасные витязи в русские города тысячи бесценных книг, дарующих лад и радость. Такова русская мечта. Социальный заказ на шедевр. Автор должен помнить, для кого и зачем он создаёт своё произведение. Русская почва, возделанная старинными хлебопашцами, ещё способна разродиться гениальными трудами. Корни у них будут деревенские. Вросшие в подзол и в редкий тут чернозём. А ни в какой-нибудь городской поролоновый гидропон.

Чем же хуже местные крестьяне хвалёных казачьих династий и дворянских родов? Да у последних условностей больше. Того нельзя. Это полный моветон. Простым же селянам можно было почти всё. Даже тайные кабаки в избах молодых, с ещё тёплым «самограем», куда по случаю любил завернуть районный чиновник, а то и начальник милиции.

Вот писатель и обязан очистить эпоху от самоварной позолоты. Тогда и советская эра, и Россия тех лет предстанут в совершенно ином свете. Ясном. Не замутнённом идеологией. Открывающем глаза на великую эпоху, как её справедливо охарактеризовал известный эмигрант из Харькова.

У Союза писателей России тысячи мудрых перьев. У каждого полная впечатлений биография. Уверен, что кроме двух выше указанных мною мастеров слова, ещё несколько талантов готовы рискнуть и создать гениальное полотно. Время подходит нового «Тихого Дона». Только, дорогая страна, не мешай его течению. Ибо великая литература ненароком превратится в херсонские ядовитые солончаки. Без горстки соли истины.

Пришлось мне пожить не в одной крестьянской хате. С одинаково расставленной мебелью и

похожими фотографиями. Зато повсюду обитали колоритные национальные прообразы. Любой мог стать наброском для портрета современника. Сюжеты так и лились с народных уст. Это и была моя народная академия, достойная эпопеи. Частично дары судьбы я уже реализовал в своём романе в стихах «Тарас и Прасковья» и в нескольких поэмах. Думаю, подобные мысли приходят на ум не одному коллеге.

А как же для мастера слова университеты? Побоку? Получи аттестат за среднюю школу и дуй прямо в народную гущу? Вуз, особенно именитый, талантливому человеку не помеха. Особенно, если тот получит научное подтверждение всех своих лингвистических и прочих озарений, сделанных в годы работы в низовой прессе. Лучшей школе для будущего классика. Шансов у него замахнуться на эпопею больше, чем у «необстрелянного» студента-филолога. Шолохов живой пример. Хотя я уверен, что автором главного шедевра двадцать первого века станет писатель, хлебнувший и народной жизни, и факультетских треволнений. И будет он по рождению, скорее всего, провинциалом. Не исключаю, родившимся в семье сельских интеллигентов.

Стало модным говорить о том, что нас сейчас мало кто читает. Дескать, отошёл от большой литературы русский мужик. Уткнулся в телевизор, компьютер, сотовый телефон. Даже родную самогонку позабыл. Бежит теперь в супермаркет за бутылками со странными наклейками. Англичком пытается козырять. Хоть и со страшным акцентом. Кажется, всё так. Библиотекари вам подтвердят. Классика всё чаще остаётся нетронутой на полках. Неужели мы до такой степени другие, что нас уже не волнуют рассказы о человеческих судьбах. Неужто не вздрогнет сердце от местного словечка, слышимого в прекрасном детстве? Да не другие! Не очерствели душой. Быть русскими не перестали. Что бы там ни талдычили социологи и модераторы-детонаторы цветных революций.

Видать, пришла пора в старые меха вливать буйные молодые вина. В первую очередь, крымские и кубанские. Напитки из молдавских и грузинских подвалов уже прокисли. Русский человек так устроен, что как бы ни был интересен большой мир, всегда хочет узнать, что делается в соседнем доме, переулке. Как поживают родичи где-нибудь в вернувшемся в родную гавань Судаче. А если твой роман заденет самые тайные струны, будьте уверены – наш мужик его прочитает. Даже в интернете добрым словом отзовется. Если, конечно, не забанят. Лишь бы со страниц пахло Жизнью, а не её пресными консервами. И не стесняйтесь диалектов. Вон как здорово их используют орловчанка Татьяна Грибанова и тюменец Николай Ольков, одни из самых замечательных, не обиженных высокими премиями, прозаиков двадцать первого века. Всегда с трепетом открываю их новые произведения в «Берегах». Но не только этот прекрасный калининградский журнал способен опубликовать современную классику.

К чему меня потянуло на такие раздумья? Нельзя сказать, что ни с того ни с сего. Слишком долго подбирался к эссе. Сомнения мучали. Допустим, эпопея кем-то создана. Где её печатать?! Выбор, прямо скажу, узкий. Конечно, есть несколько издательств, не чуряющихся прорывной классики. То же «Вече». Всё увереннее проявляют себя толстые журналы. Как в столицах, так и в провинции. Правда, не всегда сразу разглядишь истинную прописку. Некоторые «областные» издания уже давно заткнули за пояс сдувшиеся московские и питерские. В условиях «конкуренции» с той самой пишущей братией, которую я помянул в начале эссе, тщетно мечтать об их широком государственном признании. Вызывает лишь улыбку маниловская мечта некоторых в общем-то неплохих авторов заполучить тираж своего опуса сразу в несколько сотен тысяч экземпляров. В широкие ворота стремятся, однако.

Такие произведения вполне могут появиться. Правда, под секретным грифом «ГМО». У спонсоров подрывной литературы всегда отыщется золотишко для дурно пахнущего хлама. Хотелось бы, чтобы мы все вспомнили, с какого тиража начинался Пушкинский «Современник». С шестисот (!) подписчиков. (У нынешних «Берегов», «Родной Ладоги» и «Подъёма» куда больше. Плюс тысячи благодарных читателей на электронных сайтах изданий).

Пушкин, как и нынешние главные редакторы журналов, познал, работая с «Современником», огромные, типографские издержки и финансовые бреши. А что стоило, подумают нынешние дельцы от полиграфии, получить пятнадцать тысяч откупных, предлагаемых пронырливыми оппонентами, и продать набиравший художественную и политическую силу журнал. Гений не пошёл на сделку с совестью. Произведения, им опубликованные, очень быстро узнала и полюбила вся

читающая страна. Думаете, у явленной русскому человеку классики тогда не было сильных конкурентов. Как бы ни так. Остались же только славные имена, собранные Пушкиным под сенью легендарного «Современника».

Поскольку старинные издательские и не только проблемы вернулись в Россию почти через двести лет, значит, мы вправе ждать новых великих имён, достойных эпопеи. Только при страшном сопротивлении разных болотных деятелей она способна проклюнуться на свет из яйца Истины. Вспомните, как чекисты, мягко говоря, мешали Шолохову во время создания «Тихого Дона», словно гоголевские черти Вакуле, пишущему для церкви картину со святым Петром. А как Михаила Александровича травили уже после создания шедевра. Автору досталось не меньше, чем его героям Григорию Мелехову или Андрею Соколову. Закончилась же эпопея всенародной любовью и Нобелевской премией.

На фоне чудовищных экономических проблем почти всех толстых журналов и одновременного их творческого всплеска очень своевременно прошёл посвящённый «толстякам» Ульяновский фестиваль с символическим названием «Волжская пристань». Как будто обмелевшая, изнывающая от духовной жажды великая русская река позвала капитанов последних литературных пароходов в свой порт. Спасите, мол, своим словом меня, а я спасу вас. Под эгидой тамошнего губернатора Сергея Морозова, кажется, впервые в истории русской литературы заговорили о создании Ассоциации толстых журналов, принадлежащих Союзу писателей России. Задумались о пропаганде в сетях выходящих номеров. С одной стороны, писатели поняли, что нужно держать порох сухим. А слова чистыми и не запятнанными. С другой, у провинциальной власти уже появились провидцы, осторожно расставляющие спасительные бакены на фарватере отечественной словесности. В этой обнадёживающей «вилке» журналы вполне могут развернуться. По крайней мере, в общественно-политическом и литературно-художественном секторе Лучшие издания должны быть готовы вовремя распознать выдающиеся подборки, романы и на своих площадках разместить даже эпопею. Уж будьте уверены, она не за горами.

Небывалый период уныния и шатаний, сгубивший многих талантливых литераторов, не смогших найти себя в новые времена, для русской словесности заканчивается. Правда, с резким делением оной на лагерь. В этом смысле мы, русофилы и либералы, один в один возвращаемся в Пушкинские времена. Осталось только привлечь к чтению рукописей и готовых книг царя и его администрацию. Не о том ли протрубил на Волге пароход с блестящей делегацией главных редакторов толстых журналов. Надеюсь, редакционные пухлые портфели в их руках никогда не закрыты на все защёлки. История великой литературы продолжается.

От того, победит ли в войне полюсов нравственности ей главный герой – природный русский человек, полный смыслов и чувств, своего созданного в тайных лабораториях электронного двойника, обладающего искусственным интеллектом и распечатанными на 3Д принтере органами, зависит судьба Цивилизации, России, Моего народа. Вот главный вопрос, на который должна дать чёткий художественный ответ грядущая литературная эпопея двадцать первого века.

Приглашаем к дискуссии

Сэда Вермишева

Вермишева Сэда Константиновна – поэт, публицист, общественный деятель. В 1974 году была принята в Союз писателей СССР. В настоящее время является членом Союза писателей России и Союза писателей Армении, сопредседателем русскоязычной секции СП Армении. Автор 14 поэтических сборников, а также брошюр и статей по фундаментальным геополитическим и другим проблемам современного мира. Её литературная и общественная деятельность отмечена многими государственными наградами как России, так и Армении и Нагорного Карабаха. Стихи переведены на армянский, польский, словацкий, болгарский, французский, английский и др. языки. Лауреат многих российских литературных конкурсов: Некрасовского (СПР), Лермонтовского (СПР), «Лучшая книга 2008–2011» (МГО СПР), газеты «Российский Писатель» (СПР) в номинациях «Позиция» (2013), «Поэзия» (2014). Член Высшего творческого Совета СП России.

Чужой заказ и наш наказ

Очерк написан в продолжение интервью главного редактора журнала «Берега» Лидии Довыденко и поэта и публициста Сэды Вермишевой, которое было опубликовано в шестом номере журнала «Берега» за 2018 год.

Прежде всего, я хотела бы немного дополнить и уточнить нашу предыдущую беседу. Речь идёт о моём высказывании относительно неприязни к излишествам, неприятию их в условиях отсутствия необходимого, проявившееся во мне в раннем детстве на подсознательном уровне. Правомерность этого детского подсознательного чувства подтвердилась много лет спустя, когда я прочла научный доклад Римского клуба – авторитетнейшей организации в рассматриваемой области Западного мира, в рамках его проекта «Проблемы человечества, вышедшего ещё в начале 70–х годов. Авторы – Донелла и Деннис Медоузы в этом докладе поставили задачу «определить пределы экономического и демографического роста человеческой цивилизации в условиях истощения природных ресурсов» (Википедия. «Пределы роста»). Они настойчиво и убедительно обращали наше внимание НА ГЛАВНОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ СОВРЕМЕННОЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ – ПРОТИВОРЕЧИЕ МЕЖДУ ЧЕЛОВЕКОМ И СРЕДОЙ ЕГО ОБИТАНИЯ. ИМЕННО ОНО, ЯВЛЯЕТСЯ СЕГОДНЯ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫМ, И ПОКА НЕРАЗРЕШЁННЫМ ПРОТИВОРЕЧИЕМ НАШЕГО БЫТИЯ.

ИСХОДНЫМ ЖЕ ЯВЛЯЕТСЯ ПОЛОЖЕНИЕ: ЧЕЛОВЕК – ЧАСТЬ ПРИРОДЫ, И ОН САМОВОЗОБНОВЛЯЕМ. ПРИРОДНЫЕ ЖЕ РЕССУРСЫ, КОТОРЫЕ ЯВЛЯЮТСЯ НЕОБХОДИМЫМ УСЛОВИЕМ ЕГО БЫТИЯ, ТАКОВЫМИ НЕ ЯВЛЯЮТСЯ, – ОНИ НЕ САМОВОЗОБНОВЛЯЕМЫ. НЕРАЗРЕШЁННОСТЬ, КОТОРАЯ МОЖЕТ ПЕРЕРАСТИ В НЕРАЗРЕШИМОСТЬ ОТМЕЧЕННОГО ПРОТИВОРЕЧИЯ, СТАВЯТ ПОД УГРОЗУ БУДУЩНОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ.

Игнорирование этой реальности грозит человечеству глобальной катастрофой. Отсюда – необходимость поиска, нахождения и воплощения в реальной жизни модели сбалансированного развития мира. В повестке современного общества этой проблеме должно принадлежать ведущее место.

И вот, через много лет, передо мной новая работа Римского клуба, его юбилейный доклад, вышедший в конце 2017 года с говорящим названием: «ДАВАЙ ЖЕ!» Он всколыхнул во мне прежние мысли о неприятии излишеств в условиях отсутствия необходимого, даже сделав эти мысли более радикальными, чем они были раньше.

Его авторы, ученые с мировым именем, А.Вийкман и Э.Вайцзеккер, как и другие соавторы доклада, утверждают, что «КАПИТАЛИЗМ – ТРУП. ЧТО КЛАССИЧЕСКИЙ КАПИТАЛИЗМ НЫНЕ ЗАМЕНЁН ЕЩЁ БОЛЕЕ ХИЩНОЙ ЕГО ФОРМОЙ, – ФИНАНСОВЫМ КАПИТАЛИЗМОМ, КОТОРЫЙ ПРИВЁЛ К ВЫРОЖДЕНИЮ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО СПОСОБА ПРОИЗВОДСТВА ДО УРОВНЯ ФИНАНСОВЫХ И БАНКОВСКИХ СПЕКУЛЯЦИЙ, УНИЧТОЖИВШИХ ИДЕИ ЛЮБОГО РЕАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ И ПРОВОЗГЛАСИВШИМ ПРИМАТОМ ЛЮБОГО БИЗНЕС-НАЧИНАНИЯ «ПРИБЫЛЬ РАДИ ПРИБЫЛИ», что в итоге привело к «практическому разделению (экономики С. В.) на фиктивные, но формально высокодоходные сферы, и на стагнирующую и разрушающуюся реальную экономику, которая всё больше попадает в зависимость от конечности и даже недоступности природных ресурсов» (там же). Экономическая же модель, преследующая в качестве основной мотивации получение прибыли, по определению, не может лечь в основу гармонического развития мира. Она индифферентна по отношению к её материальному наполнению. Из этого следует вывод: существующая модель развития мира должна быть заменена моделью, предусматривающей баланс между демографией и ресурсной базой земли. Мне представляется, что именно таков вызов нынешнего времени, таков его императив. Насколько адекватно ответит человечество на этот вызов, будет зависеть быть или не быть самому человечеству. Под влиянием этой реальности основным посылом авторов юбилейного доклада стал призыв: «НЕОБХОДИМ МАКСИМАЛЬНО БЫСТРЫЙ ДЕМОНТАЖ СУЩЕСТВУЮЩЕЙ МОДЕЛИ ЭКСТЕНСИВНОГО РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИЗМА И РАЗРУШЕНИЕ СИСТЕМЫ ГЛОБАЛЬНОГО ФИНАНСОВОГО ПАРАЗИТИЗМА» (там же).

В этой связи авторами рассмотрен широчайший аспект возникающих проблем, в том числе концептуального характера; в частности, о необходимости ИЗМЕНЕНИЯ СОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА, его понятийной системы и мировоззрения. Подчёркивается необходимость в «фундаментальной трансформации его мышления». В докладе справедливо утверждается, что мышление должно быть открыто развитию, но не в ущерб будущему. Общественное благо ставится ими ступенью выше индивидуального и что «государство будет устанавливать правила для рынков, а не рынки – государству». Авторы назвали эти положения Новым Просвещением.

И действительно; читая материалы доклада, мне подумалось, что я попала в век Просвещения с его поисками высоких смыслов и утверждения понятийных систем, отвечающих представлениям о справедливости, служении, превосходстве духовного над материальным, с его поклонением высокому перед лицом торжества неуклонно надвигающегося царства плоского прагматизма алчности и корысти.

И если уж на то пошло, в какой-то момент мне показалось, что пером его авторов водили приоритеты русского национального сознания, когда, как утверждает Фурсов: «общее выше личного, справедливость выше закона, духовное выше материального, служение выше владения, власть выше собственности» (газета «Слово» 02.11.18.), что созвучно и с русской православной традицией. Уверена; отмеченные положения рассматриваемого доклада были бы актуальны и в современной России, где ещё не совсем забыты установки и ценности её, не столь уж и далёкого, прошлого. Но парадокс в том, что доклад этот прозвучал в рамках европейской, а не российской организации, не Изборского или Валдайского, а Римского клуба, который призвал к демонтажу современного капитализма в интересах будущего человечества, являясь плотью и кровью этого самого капитализма в то время, как в совсем ещё недавно социалистической стране утвердился капитализм, и при том в наиболее его деструктивной ипостаси. Почему и как это могло произойти – тема специального разговора. Сейчас же, по мнению авторов доклада, общество должно сделать главное – осознать необходимость (повторю цитату) «демонтажа существующей системы экстенсивного развития капитализма и разрушения системы глобального финансового паразитизма» не дожидаясь, добавлю от себя, прихода худших времён.

Следовательно, главной задачей современности нужно считать построение гармоничного мира, а не, к примеру, коммунизма, с его лозунгом: «каждому по потребности!», как это было в совсем недавнем прошлом. С сегодняшних позиций этот лозунг – «каждому по потребности» – может рассматриваться только как недоразумение. Особенно антинаучно, подобием безграмотной химеры он выглядит на фоне выводов доклада Медоузов «Пределы роста». Но в те годы он был официальной установкой. А когда мне, ученице 7-го класса, довелось усомниться в его реальности – меня

исключили из школы. В обществе же постепенно нарастало ощущение несовершенства советской экономической системы и необходимости её коррекции. Набирало силу диссидентство, самиздат. Волей случая мне посчастливилось познакомиться с работами американского учёного, экономиста и практика, общественного деятеля, соратника Ф.Рузвельта Джона Гелбрейта, а через него и с экономической теорией выдающегося английского учёного Кейнса. До этого же я об этой теории ничего не знала, хотя с отличием окончила экономический факультет Ереванского Государственного Университета, и в учебную программу нашего факультета входил такой предмет, как «История экономических учений».

Как произошло моё знакомство с учением Кейнса? Я должна пояснить, что замалчивание – самый верный и лучший способ нейтрализации, блокирования конкурирующей системы. Так, в данном случае, представляется мне, обстоит дело с учением Кейнса, по крайней мере, на территории стран бывшего СССР, с учением, в котором признаётся регулирующая роль в экономике государства, а не рынка. Субъектность рынка в этом случае отрицается. Моё же знакомство с учением Кейнса носило случайный характер. Дело было в Москве. В редакции одного из московских толстых журналов мне предложили написать рецензию на книгу воспоминаний вышеупомянутого Д.К.Гелбрейта. Вернувшись в Ереван, пробовала достать эту книгу. Но в городских библиотеках Еревана её не было. Тогда я обратилась к своей школьной подруге – её муж был первым секретарём ЦК Компартии Армении. Из библиотеки ЦК Армении мне принесли испрошенную книгу. Я её не просто читала, я её изучала. Теория Кейнса в ней была изложена весьма подробно и доступно, и мне показалось, что ничего более подходящего для корректировки нашей советской плановой экономики нет. Я написала об этом в своей статье и в первую же поездку в Москву отнесла в редакцию журнала. Но мне её вернули, мотивировав ожиданием от меня статьи, касающейся мемуарной, а не экономической части книги. А через какое-то время я услышала заказывавшего мне статью редактора и отвергшего написанный мной текст в качестве ведущего радио «Свобода». Вещание шло на Россию. Через какое-то время я опять услышала его, но вещавшего уже по той же «Свободе» на Украину. В это же время в СССР ушло в отставку правительство Н.И.Рыжкова. Вразумительных объяснений не было. Но как мне тогда показалось, коррективы в советскую экономику правительством Рыжкова предполагались в духе кейнсианской теории, с учётом, конечно, советской специфики, как потом они были проведены в Китае – с китайской спецификой. В стране же на смену правительству Н.И.Рыжкова после В.С. Павлова уже после распада СССР пришло правительство Е.Гайдара с его рыночными реформами, основанными на теории чикагской экономической школы Милтона Фридмана, с его монетаристской догматикой отрицания какого-либо государственного вмешательства в регулирование рынка, господствующей сегодня в Соединённых штатах в качестве официальной. Получалось, что перестройка – зарубежный заказ, и скроен он по лекалам наиболее антигосударственной, отрицающей роль государства как такового зарубежной экономической теории. «Чикагские мальчишки» подвергли страну шоковой терапии – либерализации цен и приватизации госсобственности, лишившие её прежней субъектности, с последующей трансформацией страны из промышленной державы в сырьевой придаток Запада. С первого же момента меня ужаснула идея приватизации в предлагаемом правительством Гайдара варианте. Мне она сразу увиделась в истинном своем свете, – как демонтаж страны, переход её в руки частных лиц, как контрреволюция под флёром заморских, не очень понятных слов типа «ваучеризация», «приватизация» и пр., а также посыл личного процветания каждому. Моё возмущение и неприятие происходящего в стране не знало границ, – писала статьи, собирала митинги, старалась донести до общественного сознания пагубность нововведений. И мне казалось, что продвижение руководством Ельцина этих пагубных реформ идёт от недопонимания их гибельности. И мне, в моей наивности и самоуверенности одновременно, показалось, что если я встречу с Ельциным, я смогу донести до него истину. И он остановится. Личный телефон Ельцина я взяла у Тельмана Гдляна. До этого мне привелось способствовать его переезду в Ереван и избранию его и Николая Иванова, его коллеги, депутатами в армянский парламент, где депутатская неприкосновенность ограждала бы их от возможных репрессивных мер со стороны центральной власти. Гдлян дал мне личный телефон Ельцина. Но в Армении тогда действовал режим чрезвычайного положения. При посадке в самолёт пассажиры тщательно обыскивались. И я решила записать телефон Ельцина в записную книжку, предварительно зашифровав его. Но, когда я прилетела в Москву, – обнаружила, что не могу расшифровать мной же зашифрованный номер. Возможности своей

памяти я переоценила. Тем не менее, как это не наивно выглядит сегодня, желание и потребность встретиться с Ельциным меня не покидало. На том временном отрезке в Москве активно велась работа группы, под названием «Московская трибуна», в которую входили и депутаты Верховного Совета СССР, в частности, широко известной тогда «межпарламентской группы». Я попросила одного из них, депутата Виктора Шейниса, дать мне личные координаты Ельцина. Я подробно рассказала ему свою задачу. И мы откровенно поговорили с ним о проводимых в стране реформах, тем более, что В.Шейнис по образованию был экономистом, признанным в этой области учёным, и мы оба давали оценку реформам, я – свою, он – свою. Я – негативную, он – неуверенно возражал, ссылаясь на мировой опыт и успехи экономики стран капиталистического мира. Насчёт же возможности моей встречи с Ельциным он сказал мне буквально следующее: «А Вы уверены, что Ельцин не понимает того, что он делает?» Я ответила утвердительно. И тогда он сказал весьма категорично: «Ельцин всегда делает только то, за чем или за кем стоит сила». Я спросила: «Значит, сила за теми, кто проводит подобные реформы»? Он ответил утвердительно. Мне стала понятна расстановка сил в стране, и смысл во встрече с Ельциным отпал сам собой. А проводимые в стране реформы стало возможно рассматривать как заказ тех, за кем – сила. Через какое-то время услышала в кругу людей, достаточно осведомленных, что правительство Гайдара действует по инструкциям Международного Валютного Фонда, и о желании встречи с Ельциным я, соответственно, перестала думать, окончательно уразумев тщету затеи. В этой связи вспомнила я тогда и отказ от публикации моей статьи советским публицистом, оказавшимся по совместительству ведущим радио «Свобода», и отставку правительства Рыжкова – поборника реформ иного толка. И сейчас, когда говорю об этом, ещё раз убеждаюсь в заказном характере перестройки в том виде, в каком она происходила и продолжает происходить сегодня. Проведённый же правительством Гайдара переход страны от социалистической модели экономики к модели Чикагской школы Фридмана, как и следовало ожидать, не сработал, темпы роста экономики в России находятся на уровне 1-го процента (Н.И.Рыжков «Тернистый путь России» М. «Вече». 2018г.), что говорит об изначальной несостоятельности взятого курса, и во мне укрепляется убеждённость, что перестройка – способ уничтожить соперника на мировой арене, иным, не военным путём, потерпев неудачу в предыдущих войнах. Китай же, встав на путь регулируемой, не рыночной, не монетаристской модели экономики, за последние 40 лет увеличил свой ВВП в 37 раз. До реформ он был ниже, чем в России в 4 раза. Сейчас он в 4 раза выше (Википедия). Остался Китай верен и гуманистическим идеалам, провозгласив своей целью – создание в этих трансформациях человечества единой судьбы от Тихого океана до Атлантики.

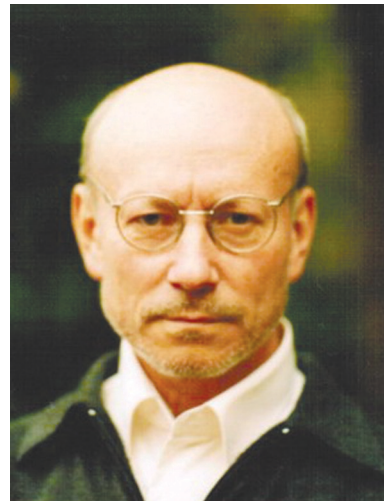
У меня же возникло ясное представление о том, кто и куда, в каких целях завёл страну за последние тридцать перестроечных и постперестроечных лет, необходимость Нового Курса, политического и экономического, на этот раз не США, а России, построенного на началах регулируемой экономики в противовес проводимому правительством курса образца чикагской школы монетаризма.

Проза

Юрий Серб

Лебедев Георгий Александрович (Юрий Серб) родился в Ровенской области (УССР) 17 апреля 1944 года. Окончил филологический факультет Ленгосуниверситета (ныне СПбГУ), прозаик, член Союза писателей России. Прозаические произведения Юрия Серба печатались в журналах: «Литературная учеба», «Северная аврора», «Аврора», «Берега», «Медный всадник», «Родная Ладога», в сетевых изданиях: «Русский переплет», «Топос», «МолОко», «Русская народная линия», «Филград». Публицистика Ю.Серба, посвященная главным образом вопросам защиты отечественного языка и культуры, появляется на различных интернет-сайтах на протяжении ряда лет. Сопредседатель Общества защиты отечественной истории и культуры «Петроград» (<http://petrograd.livejournal.com/>). Вёл колонку «Рцы Слово Твердо» на сайте «Российский писатель» в 2012/13 гг. Книги: «Годовщина прошлой ливствы» (1995), рассказы; «Солнце вдоль проспекта» (2009), роман; «Страна Эстремагвай» (2010), «Речка Нача» (2012), повести; «Статьи. Стихи» (2013); «Площадь Безумия» (2016), роман; «Стихотворения» (2018). Член Высшего творческого совета СП России. Живёт в Санкт-Петербурге

Счастливые

Роман-трилогия

Отъ автора: Ввиду того, что записи князя Петра сдѣланы въ традиціонной русской орфографіи, авторъ нашѣлъ сугубое удовольствіе въ томъ, чтобы привести весь текстъ къ нормамъ исконнаго русскаго правописанія.

Олегу и Надеждѣ Губановымъ

КНИГА ПЕРВАЯ

Вѣнокъ неудачнику

Прологъ

Въ одномъ изъ старинныхъ княжескихъ дворцовъ Петрограда, чѣмъ имя лѣтъ пятнадцать назадъ переименовано лукавымъ градоначальникомъ изъ «Ленинграда» въ Санктъ-Петербургъ опять, шѣлъ съѣздъ Дворянскаго собранія.

Гдѣ-то въ двадцатыхъ рядахъ параднаго зала сидѣлъ моложавый господинъ, на видъ не старше сорока пяти лѣтъ, и нетерпѣливо тербилъ свои пальцы. Онъ ждалъ, когда его записка, отправленная въ президіумъ, возымѣетъ эффектъ – и ему предоставятъ слово. Это былъ князь Рославлевъ, бывший житель Бирмингема, потомъ Лондона, а теперь петроградецъ... тьфу, петербуржець. Ему хотѣлось высказаться передъ болѣе широкой аудиторіей, чѣмъ узкій кругъ обѣденнаго застолья.

Наконецъ ему предоставили слово, и онъ торопливо, молодо поспѣшилъ къ трибунѣ. «Борзой!» – мечтательно сказала ему въ спину какая-то старуха.

– Господа! – звонкимъ голосомъ воззвалъ Рославлевъ. – Буду кратокъ. Я лишь недавно поселился въ Россіи, поэтому...

– Это ничего, князь! – ободрительно сказалъ въ свой микрофонъ предсѣдатель. – Лучше поздно, чѣмъ никогда.

Рославлевъ подавилъ досадливую гримасу и поклонился предсѣдателю.

– ...поэтому мой вопрос к вам может показаться запоздалым. Итак, имеем ли мы право пренебрегать высочайшим повелением Государя Николая Александровича и впредь именовать наш город не по-русски – Петроградом, как начали в 1914-м году?..

На мгновение воцарилась тишина, а затем – всё зашевелилось, зашумелись...

– Так царь-то ведь отрёкся!.. – прозвучал из президиума вальяжный голос молодцеватого и знаменитого мецената.

– От высочайших повелений он не отрекся! – возразил меценату князь.

Председатель откашлялся.

– Полагаю, что это вопрос не к нам, а к властям предрешающим, – сказал он, пожав плечами.

– Смью всё же адресовать этот мой вопрос почтенному собранию, господа! Мне это кажется вопросом нашей совести. Кстати, многие русские поэты писали «Петроград» задолго до 14-го года... Благодарю за внимание!

Князь Рославлев кивнул, как бы кланяясь, и спустился было со сцены, но замечание председателя заставило его вернуться к трибуне: председатель выразил удивление, что проживший столь долго в Англии князь обращается только к мужчинам.

– В зал также и дамы, князь! – укорил он Рославлева.

– В Англии, это правда, господин председатель, – как и во Франции, Америке и так далее, – говорят «дамы и господа». Или – ещё говорят, пока полностью не отменили половое неравенство!.. – князь повёл глазами по рядам, не скрывая саркастической усмешки. Но в нашем отечестве, в обращении в свѣтъ, так не говорилось. Не было у нас разделения по этому признаку. Благоволите, господа, обратиться хоть к русской классике. Спасибо!

По залу пробѣжало ропот, любопытные взоры женщин провожали идущего к своему креслу князя.

После этой выходки князя председатель попросил комментарий от учёного эрудита барона Барметова.

– Любезный барон, Аполлон Моиссеевич, что вы скажете по этому поводу?

– Благодарю вас, граф...

Эрудит высказался примирительно – в том смысле, что Петроград и Санкт-Петербург не противоречат друг другу: это, мол, дело эстетических предпочтений. Петроград лежит в русле православной традиции, зато Санкт-Петербург взывает к нашим прогрессивным устремлениям... Но это одно и то же имя, это не принципиально. Да царю и не было нужды объявлять своё повеление. Как здесь уже отменили, никому и прежде не возбранялось произносить или писать «Петроград»... А что касается обращения «дамы и господа», то я лично не могу не замечать прекрасных дам и привычки свои мнать не собираюсь.

Дамы стали радостно рукоплескать.

Председательствующий предложил собранию перейти в банкетный зал, с тем чтобы продолжить обмен спичами в более тёплой обстановке.

Князь Рославлев направился было к выходу, когда его остановил чей-то голос:

– Вы уходите, князь?

Широкоплечий и коренастый незнакомец стоял перед ним.

– Позвольте представиться: Дмитрий Михайлович Красов, доцент университета, факультет философии.

И он с поклоном протянул свою карточку. Рославлев поклонился и взял её.

– Рославлев, Пётр Николаевич. Чем могу служить?

– Хочу заявить вам о своей солидарности. Меня тоже коробила та безцеремонность, с какой формулировался вопрос к референдуму незабвенный мэр-буревѣстник демократии.

Рославлев улыбнулся и приложил палец к губам:

– Тс!.. Здесь не всё это может понравиться... (Он взглянул на карточку.) ...Дмитрий Михайлович! Вы остаётесь на объѣд?

– Нѣтъ. Ваш примѣръ заразителен! Но это шутка. Я же не по праву здесь, это меня коллега подбил... Ему на банкет свои дела обдѣлывать, а мне что тут дѣлать?

Вдвоём они отправились в гардероб.

– А вы думаете, Дмитрий Михайлович, что всё эти... – князь повёл головой по кругу, – здесь по праву? Смёю увёрить, далеко не всё.

Красовъ съ пониманіемъ кивнулъ въ отвѣтъ.

Выйдя на осѣнный вѣтеръ, дувшій вдоль набережной, они одновременно пригласили другъ друга на чашку чая, что вызвало дружелюбный смѣхъ у обоихъ.

– Во «Владимірскомъ Пассаждѣ»? – предложилъ Красовъ.

– Вамъ лучше знать, вы – старожиль, сравнительно со мной, Дмитрий Михайлович!..

И они повернули къ Владимірской площади, до которой было минутъ десять ходу.

– Если бы мой коллега, приведшій меня въ собраніе, меня не бросилъ на произволь судьбы, я бы к вамъ не подошёлъ и мы бы не познакомились, – говорилъ по дорогѣ Красовъ, заглядывая сбоку и немного снизу въ лицо князю.

– Что же онъ такой невѣрный товарищъ? – съ вежливымъ равнодушіемъ спросилъ князь.

– О, да всё они такіе!

– Кто они всё?

– Ну... скажемъ такъ: современные философы!

– Вотъ оно какъ! Но вы-то не философъ развѣ?

– Я? – простодушно переспросилъ Красовъ. – Нѣтъ, нѣтъ, я – другой! Мы братья только по диплому!

Рославлевъ уже начиналъ сомнѣваться, выйдетъ ли что-то путное изъ новаго знакомства. Съ другой стороны, онъ ещё не былъ настолько богатъ знакомствами въ Петроградѣ, чтобы отклонять приглашеніе къ разговору за чашкой чая. Да и что-то вѣдь свело ихъ обоихъ – будемъ надѣяться, что встрѣчъ случайныхъ не бываетъ!..

Словно отвѣчая мыслямъ Рославлева, Красовъ сказалъ, что у него было предчувствіе какой-то неожиданности, должной произойти съ нимъ сегодня.

Рославлевъ вспомнилъ сіяющій взглядъ Красова, когда тотъ подошёлъ представиться, и ему подумалось, что дѣло, вѣроятно, не въ одномъ лишь чувствѣ единомыслія, но также и въ титулѣ князя. Въ Бирмингемѣ, гдѣ Рославлевъ былъ только инженеромъ-ислѣдователемъ, но никакъ не пэрромъ Англии, его титулъ воспринимался туземцами какъ простительная слабость или какъ занесённая на визитную карточку ошибка переводчика. Только послѣ переѣзда въ Лондонъ, женитьбы и получения кресла въ наблюдательномъ совѣтѣ “Орднанс Индастриз” онъ почувствовалъ, что для окружающихъ это всерьёзъ. Но въ то же время, какъ ни парадоксально, онъ ещё больше чувствовалъ себя персонажемъ изъ чужого анекдота: русскій князь на британскихъ островахъ, а жена его – принцесса¹.

Когда они оба усѣлись за столикъ, вдыхая ароматъ горячаго чая, то ихъ дружелюбно улыбочивыя лица, обращенныя другъ къ другу, въ теченіе краткаго времени оставались предметомъ взаимнаго молчаливаго изученія.

Красовъ былъ широколицъ – въ полномъ соотвѣтствіи съ его коренастой фигурой. Слегка вьющіеся чѣрные волосы его, какъ и сіяющій взглядъ синихъ глазъ, очень шли его смуглому лицу.

О себѣ же Рославлевъ зналъ, что у него длинное лицо породистаго аристократа съ нѣкоторымъ намѣкомъ на лошадиность – иного онъ за собой не зналъ и считалъ это для себя достаточнымъ. Впрочемъ, благосклонныя женщины порой находили въ нёмъ сходство съ Рахманиновымъ.

– Итакъ, Валерій Михайловичъ, вы доцентъ въ университетѣ? – любезнымъ тономъ прервалъ паузу Рославлевъ.

– Такъ точно, князь! За памятникомъ Ломоносову, у него за спиной, гдѣ странныя дѣла творятся...

Брови князя взлетѣли, глаза усталились на Красова.

– Презрѣвъ истмать, вы окунулись въ чернокунижіе?

– О, если бы такъ!.. Но всё гораздо банальнѣе: словоблудіе о дискурсахъ – и дискурсъ о словоблудіяхъ. Видите ли, князь...

– Дмитрий Михайловичъ, давайте оставимъ титулованіе!.. Зовите меня Петромъ Николаичемъ.

– Да, Пётръ Николаевичъ, о какой философіи можно говорить въ притонѣ либероидовъ!

– Кто такіе либероиды? – изобразилъ непониманіе Рославлевъ.

– Ну, ельциноиды, если угодно...

¹ Слово «князь» переводится на основные языки Западной Европы какъ принцъ.

– Кажется, я понимаю вас, – возразил князь, желая переменить тему. – Но как вы выбрали вашу профессию?

Лицо Красова озарилось.

– Я родомъ изъ Полтавы, изъ Малороссіи, – онъ подчеркнуто произнёсъ последнее слово. – Отець бросилъ мою мать, когда я родился, а она, бѣдная, не окончившая школы крестьянка, всѣ силы положила на то, чтобы я закончилъ школу съ золотой медалью. Дальше – больше. Мама хотѣла видѣть меня высокообразованнымъ. Я колебался между филологіей и философией, но сдуру поступилъ на философію, то есть, какъ вы изволили замѣтить, на истмать. Мой другъ Салабинъ былъ счастливѣе: онъ способенъ къ языкамъ – и сразу выбралъ филологію.

– Чѣмъ же васъ обидѣла философія? – спросилъ князь. – Повѣрьте, я безъ всякой ироніи или сарказма, просто любопытствую...

– Я это чувствую, и благодаренъ за вниманіе... Я даже не боюсь быть обвиненнымъ въ профессиональной непригодности, потому что философія – это не профессія, а вы вѣдь, я надѣюсь, не философъ?

Рославлевъ склонилъ голову, а затѣмъ приподнял, будто сопровождая ходъ мысли Красова, и лишь затѣмъ признался:

– Да я-то не философъ... Но что, по-вашему, такое – философія?

– Какъ учебная дисциплина – это исторія человѣческихъ поисковъ и заблужденій. Какъ профессія – это кладбище благополучныхъ неудачниковъ. Но какъ призваніе – это можетъ кое-чѣмъ стать, съ конкретнымъ именемъ и фамиліей.

– Но вѣдь и вся исторія вообще – одни сплошныя заблужденія, ошибки, войны, преступления... Развѣ не такъ, Дмитрій Михайловичъ?

– Не спорю. Но, по мнѣ, въ тысячу разъ благороднѣе моя мать-крестьянка съ ея неполнымъ среднимъ образованіемъ, чѣмъ я самъ, кандидатъ наукъ и плановый докторантъ. Самъ я паразитъ – и 90 процентовъ моихъ коллегъ только паразиты на тѣлѣ общества.

– То есть вы говорите о порокахъ городской цивилизаціи какъ таковой, – кивнулъ понимающе Рославлевъ. – Иными словами, вы врагъ прогресса?

– Несомненно! – безъ тѣни запинки произнёсъ Красовъ, облегченно вздохнувъ: его-таки поняли! – Вы попали въ точку! Вы подарили мнѣ діагнозъ. Теперь мнѣ легче будетъ стоять на своемъ!

«Теперь я, можетъ быть, и нащупаю себѣ призваніе...» – подумалось ему.

– Ещё чаю, Дмитрій Михайловичъ? – спросилъ Рославлевъ.

Красовъ заглянулъ въ свою чашку и быстро допилъ остывшій чай.

* * *

Они вышли на Владимірскую площадь и стали выяснять, у кого какая линія метро. Обоимъ подошла одноименная съ площадью станція. Оказавшись рядомъ съ памятникомъ Достоевскому, они остановились какъ по командѣ – и посмотрѣли другъ на друга.

– Признаться, Дмитрій Михайловичъ, я этимъ изваяніемъ шокированъ.

– Я тоже, князь! – воскликнулъ Красовъ. – Но не удивленъ! Вѣдь онъ всѣмъ западникамъ – антиподъ! Поэтому широкоплечаго Фёдора Михайловича изобразили тщедушнымъ чучеломъ и снабдили его, вмѣсто тонкихъ прядей на головѣ, негритянскимъ бобрикомъ.

– Хм... Вѣроятно, мастерица лѣпила его изъ пластилина, потому что не владѣла рѣзцомъ, – замѣтилъ Рославлевъ.

– А, вы въ курсѣ, что это женщина! Да она и пальцами не владѣла...

– Я ещё въ Англии слѣдилъ за этимъ – въ интернетѣ.

– Зато посмотрите, на какой памятникъ не поскупились Кармазинову – въ оградѣ Русскаго музея! – возбужденно продолжалъ Красовъ.

– Кармазину?... – не понимая его Рославлевъ.

– Нѣтъ, Кармазинову... Такъ называлъ Достоевскій Тургенева... Помните – въ «Бѣсахъ»?

– Ахъ, да... Теперь помню.

Однако это замѣчаніе Красова заставило князя остановиться:

– Не любите Тургенева, Дмитрій Михайловичъ?

– Я? – удивился Красовъ. – Почему?... И люблю, и жалѣю...

- Это как же?
- Стоит мнѣ перечитать «Асю» и «Вешнія воды», какъ становится жалко старика до слѣзъ, – скрывая смущеніе подь нарочитой бодростью голоса, отвѣтилъ Красовъ. – Это Фѣдору Михайловичу было за что его не любить...
- А за что? – пытливно взглянулъ на Красова князь.
- Какъ же... Да вѣдь Иванъ Сергѣевичъ былъ западникомъ какихъ мало! И гордился этимъ, и Достоевскаго шпынялъ «россійскимъ варварствомъ».
- Да, это правда, Достоевскій въ письмахъ сообщаетъ... А какая тургеневская вещь у васъ – любимая?
- «Дворянское гнѣздо».
- Князь воспринялъ это признаніе съ видомъ удовлетворенія.
- Да... Её и Достоевскій любилъ. Я имѣю въ виду – Лизу Калитину. Въ своей исторической «пушкинской рѣчи» онъ назвалъ два вершинные женскіе образа нашей словесности, сопоставимые по красотѣ положительности съ Татьяной Лариной...
- Князь остановился, словно давая возможность и Красову обнаружить свою освѣдомлённость.
- Наташа... Ростова?
- Вы угадали. Только она была названа второй, какъ объ этомъ свидѣтельствуешь Николай Николаевичъ Страховъ. А первымъ прозвучало имя Лизы Калитиной, встрѣченное криками восторженныхъ слушателей. И потому Наташа осталась неслышанной – въ газетныхъ отчётахъ ея не оказалось. Но Страховъ былъ рядомъ съ Достоевскимъ – и онъ слышалъ.
- Спасибо, Пѣтръ Николаевичъ! – съ чувствомъ поблагодарилъ князя Красовъ.
- Они прошли дальше, но у входа въ метро Красовъ удержалъ Рославлева за рукавъ.
- А теперь, Пѣтръ Николаевичъ, прошу обратить вниманіе на архитектурный вызовъ... то есть, на вызывающій крендель въ видѣ баранки, вѣнчающій храмъ торговли напротивъ собора... ради лишь того, чтобы помѣстить баранку выше куполовъ Владимірской Богоматери...
- Да, вы правы! – тихо проговорилъ Рославлевъ и стиснулъ Красову локоть сквозь рукавъ пальто.
- Въ метро имъ надо было разѣзжаться въ разныя стороны, поэтому они пропустили ещё нѣсколько проходящихъ поѣздовъ, пока стояли въ вестибюлѣ: обмѣнялись телефонами и договорились поддерживать связь.
- Ну вотъ, уже Рославлевъ вошёлъ въ электричку...
- Скоро мой другъ Салабинъ возвращается из-за границы, – скороговоркой на прощанье сообщилъ ему Красовъ въ готовую захлопнуться дверь вагона. – Я бы очень хотѣлъ познакомить васъ!..

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Ранней весной 1994 года, то есть за десятокъ лѣтъ до вышеописанной встрѣчи, Салабинъ стоялъ передъ продуктовой витриной въ одномъ изъ торговыхъ заловъ Невскаго проспекта, изучая выставку снѣди, и переживалъ синдромъ полнѣйшаго отчужденія.

Въ головѣ у него порхали навязчивыя мелодіи, непрерывно звучавшія съ нѣкоторыхъ поръ по всѣмъ новоявленнымъ станціямъ FM. Лейтмотивами были «вѣтеръ перемѣнъ, унёсшій у меня изъ рукъ послѣднія деньги», либо «ты цѣлуй меня вездѣ – я вѣдь взрослая уже», а ещё – грозно звучавшая ночами, да не гдѣ-нибудь, а подь окнами Салабина, да ещё хоромъ, да подь яростную гитару – «Уходимъ! Уходимъ! Уходимъ!..»

Салабина подмывало уйти изъ магазина, но онъ не торопился. Перемѣны сдѣлали его свободнымъ, онъ могъ въ любую минуту покинуть Невскій съ его осыпавшимися фасадами и уйти на Сѣнную съ ея дешёвыми ларьками. Тамъ торговали китайскимъ сухимъ молокомъ изъ Западной Европы, бельгійскимъ спиртомъ въ литровыхъ бутылкахъ изъ пластика, картофельнымъ порошкомъ изъ штата Айдахо и брикетами изъ кожистыхъ куриныхъ обрѣзковъ... Наконецъ, тамъ было море разливанное чипсовъ – дотолѣ неслыханнаго деликатеса...

Только что Салабинъ проходилъ мимо бывшей «Минутки», гдѣ теперь обосновалась бесплатная столовка британской «Арміи Спасенія»; на тротуарѣ у входа маячила мадамъ въ мундирѣ и въ фуражкѣ этой самой арміи. Салабинъ подавилъ своё любопытство и заодно аппетитъ: онъ не рассчитывалъ, что пройдётъ фейсъ-контроль у женщины-конвоира. Главнымъ же былъ не собственный

аппетитъ Салабина, а вопросъ о томъ, что онъ принесётъ домой: вполнѣ предвидимо, пачку спагетти и бутылку подсолнечного масла. Плюсь пустотѣлое яйцо изъ шоколадной глазури, запечатанное въ цвѣтную фольгу – «киндеръ-сюрпризъ» для своей Маруси (по-мамкиному – Ляльки).

– Геннадій?.. Это вы?

Салабинъ оглянулся и не сразу узналъ въ невысокой пепельной блондинкѣ прежнюю знакомую по пароходству – Ольгу изъ коммерческой службы. Онъ молча называл её вѣчной холостячкой – впрочемъ, никогда не унывавшей и любившей заводить съ мужчинами бесѣды съ претензіей на свѣтскость. Во всякомъ случаѣ, къ Салабину она всегда подходила съ неизменнымъ вопросомъ: «Подѣлитесь, что Вы прочли интереснаго за послѣднее время?»

Вѣдь было такое время Великаго Чтенія – и Охоты за Книгой, когда каждый второй могъ сказать о себѣ «духовной жаждою томимъ», пусть даже не помня или не смѣя досказать: «въ пустынь мрачной я влачился». Свѣжее слово сказать было всегда затруднительно, но жажда всѣми ощущалась – къ немалой выгодѣ племени переводчиковъ: на экспортъ шли балетъ и «хохлома», а завозились въ невѣроятныхъ количествахъ чужая литература. Пусть и разрешенная – но всё равно чужая: съ чужими привычками, въ томъ числѣ вредными. (Тѣмъ она и была интересной, то бишь лакомой.) На устахъ интеллигентныхъ горожанъ первымъ журналомъ была «Иностранка», затѣмъ «Новый мѣръ»; могла иногда заискриться «сенсацией» «Дружба народовъ» или «Юность»; чисто женскій интересъ худо-бѣдно удовлетворяла польская “Kobieta i Życie”.

– Гдѣ вы теперь, Геннадій? Что съ вами? Въ пароходство не хотите вернуться?

Послѣдній вопросъ былъ не только неожиданнымъ – онъ былъ невѣроятенъ.

– А что – пароходство ещё есть? Если по газетамъ – такъ ничего не осталось!

– Не только есть, но даже возрождается! И съ новымъ руководствомъ!

Продолжая говорить, Ольга сунула ему въ ладонь твёрдую карточку со своей теперешней должностью: начальникъ коммерческой службы:

– Кацкунъ уже сидитъ на нарахъ, начальника упразднили, теперь у насъ президентъ и предсѣдатель совѣта, а вице-президентомъ – Борисовъ, большая умница и свѣтлая личность. Приѣзжайте завтра, я васъ къ нему отведу – и напишете завленіе! Новая команда спасётъ пароходство!

Салабинъ опѣшилъ отъ такихъ новостей.

– Придѣте? – свѣтлые Ольгины глаза уставились на него. – Люди с вашимъ опытомъ очень нужны!

– А кто такой Борисовъ?

– О!.. Это капитанъ, изъ лучшихъ въ пароходствѣ, выбранъ собраніемъ акціонеровъ!..

Салабинъ ещё разъ посмотрѣлъ на карточку:

– Я вамъ завтра возвоню.

– Смотрите: обязательно! – и на прощанье Ольга многозначительно состроила глазки: – Я буду ждать!

* * *

Поколѣніе Салабина собрало богатый урожай воспоминаній; и много воды утѣкло подъ мостомъ, пока переходили мы съ крутого берега на пологій, изъ царства ханжества въ республику цинизма. Всё было давно предчувствовано и предсказано, но пророковъ ханжески замалчивали въ тѣ годы, пока выросли Салабинъ со сверстники.

Уже и страна превратилась изъ самой читающей – въ самую пишущую (безъ знаковъ препинанія), изъ строящей – въ торгующую не торгуясь, изъ наглухо застѣгнутой – въ расхристанную напрочь. А мы, ребята, на этомъ кувыркѣ ни оглянуться не могли, ни очнуться не успѣли. Оглядываться другъ на друга надо было раньше.

Когда Салабинъ убѣжалъ изъ-подъ протѣкавшей крыши «Интерклуба моряковъ», начинался девяностый годъ. Улицы стала затоплять свобода слова и печати: гороскопы, *альтернативная исторія*, секты, брачныя объявленія, инфляція, реформа КГБ, порновидеосалоны, выставки раздѣваній, нападенія на пенсионеровъ, едва отошедшихъ отъ кассы или вышедшихъ съ пакетомъ изъ магазина...

Реклама била по органамъ чувствъ: «Дѣвушкамъ: работа за рубежомъ!» – «Эмиграція: телефонъ – миллионъ!» – «Англійскій – языкъ твоего будущаго!» – «Съ англійскимъ – я самый крутой!».

Салабину пришлось вернуться к первому образованию и давать объявления о репетиторствѣ, благо что появились газеты бесплатныхъ объявленій на всѣ случаи жизни и порока. Мыкался домашнимъ учителемъ, пока одинъ пріятель съ философскаго, уже профессоръ, не порекомендовалъ его учредителямъ *негосударственного университета*.

Жену Наталью убивала матеріальная скудость: пришлось ей опять пойти на нелюбимую работу въ дѣтскій садъ. Однако же тамъ она обзавелась интересными связями – грузинкой, бѣжавшей изъ Абхазіи, и ея подругой, подвизавшейся въ райотдѣлѣ милиціи уборщицей. Судьбоноснымъ для Натальи результатомъ этихъ связей – а почему не для Геннадія? – для него, какъ выяснилось, тоже – стало увлеченіе жены астрологіей. Просвѣщенная новыми подругами, Наталья другими глазами стала глядѣть и на мужа, укоряя того за «неприспособленность»: ну что ты каракули выводидь, стоя за чертѣжной доской? – вотъ пошѣлъ бы в милицію – точно не жилъ бы на одну зарплату!

Геннадій когда вспыхивалъ, а когда отшучивался:

– Ты чего, Наташ...? На милицію клеветещешь?

Наконецъ понявъ, чего добивается жена, онъ отвѣтилъ ей опредѣленнее:

– Ужъ извини, дорогая, но вымогателемъ и воромъ я не буду!

– Тогда зачѣмъ сѣмью заводилъ?!

Геннадій не узнавалъ своей жены. Да и многое вокругъ становилось неузнаваемымъ. Генсекъ сталъ президентомъ, генералы КГБ – перебежчиками, а счетоводы правящей партіи – «самоубійцами»... Но это было лишь начало.

Сынъ сталъ дерзить отцу и бросилъ школу, пропадая съ мальчишками по чужимъ чердакамъ и квартирамъ. Наталья первой узнала, что ея одиннадцатиклассникъ въ школу больше не ходитъ, прогулявъ уже цѣлую четверть, но сказала объ этомъ Геннадію, когда парень прогулял и вторую. Въ отвѣтъ на ужасъ и негодованіе мужа, Наталья фыркнула:

– Ну вотъ ты у насъ учёный – а толку-то?..

Парню предстояло идти въ армию, не окончивъ средней школы.

«На ней ли я тогда женился?» – спрашивалъ себя Салабинъ. И не зналъ, какъ отвѣтить. Спрашивалъ-то себя на бѣгу, между уроками, не видя предмета своихъ размышлений. А съ наступленіемъ сумерекъ Наталья отправляла мужа и сына съ рюкзаками далеко за Долгое озеро – тырить на совхозномъ полѣ ещё неубранную, а потомъ *недоубранную* картошку.

Власти взахлѣбъ знакомили народонаселеніе съ прихотями рынка и красотами демократіи. Промышленность воспользовалась предоставленнымъ ей правомъ – и установила свои отпускныя цѣны на продукцію, но розничныя цѣны, въ интересахъ народа-покупателя, торговлѣ трогать запретила. По такому дальновидному совѣту учёныхъ спецовъ встала промышленность, а торговля опустынилась.

Салабинъ сталъ догадываться, что въ правительствѣ пока ещё очень разные люди: одни въ недоумѣнны исчезаютъ, а другіе, укореняясь, возвышаются. А съ экрановъ продребезжалъ «первый советскій эротическій фильмъ – *Маленькая Вера*»; успѣлъ уже и забыться, захлѣстнутый видеосалонами импорта и кабельнымъ ТВ. Салабинъ такъ и не посмотрѣлъ эту *Веру* – но вотъ уже снимаютъ «первый отечественный триллеръ»... Какъ будто триллеръ можетъ быть отечественнымъ! – принципиально ворчить Салабинъ, не забывшій о своёмъ филологическомъ образовании.

А Ростиславъ Салабинъ уже призвался в армию. Значить, уже два года пробылъ старшій Салабинъ репетиторомъ и преподавателемъ въ *гуманитарной академіи*. А Ростика призвали, когда мать уже ушла въ вольноопредѣляющіяся.

Отецъ съ Лялей-Марусей посѣщали Ростика въ его полку уже безъ матери; подразумевалось, что она к нему ѣздитъ отдѣльно, хотя объ этомъ сынъ ни разу не обмолвился, а отца и сестру просилъ почаще пріѣзжать и заказывал опредѣленные гостинцы для «старослужащихъ ребятъ».

Позади осталось перетягиваніе каната между Горби и Борби и дурацкій ГКЧП смывшагося въ Крымъ Горбачёва (хотя, съ другой стороны, онъ былъ разыгранъ психологически гениально). А вотъ выводъ танковъ на площади былъ идиотическимъ, словно гѣкачеписты сами собирали себѣ на приговоръ... Позади уже былъ и кроваво-закопчѣнный девяносто третій... Ужъ эти-то огня и крови не боялись!

Но осталось ли всё это позади? Уже начинало казаться, что это среди насъ – и навсегда. И только древняя максима, что всё, всё на свѣтѣ проходитъ, оставляла призракъ надѣжды, теплящейся гдѣ-то въ тайныхъ уголкахъ души.

Тѣмъ временемъ пошли-поѣхали, попѣрли деклараціи большихъ и малыхъ *суверенитетовъ* («Папъ, кому они говорятъ **соври?**») – спросила Лялька.) Хотя нѣтъ: это раньше началось, попѣрло ажъ съ девяносто перваго, даже прежде Беловежской пуши, и даже изъ «обиженной Союзомъ» столицы РСФСР – Москвы, чьи комплексы подхвачивались пропагандистами, заморскими доброжелателями и консультантами.

Датировать сцены той трагедіи уже нелегко, но не забыть Салабину, какъ изъ президіума съѣзда похвастался то ли еще генсекъ, то ли уже президентъ: «всего, что знаю и дѣлаю, я же вамъ никогда не скажу!». (И не надѣйтесь!..) Сердцевѣдъ Салабинъ скромно понималъ это такъ, что Раиса Максимовна осерчаетъ!.. да и Маргарита не велить!)

А дальше этотъ сердцевѣдъ теряетъ всякую скромность: «Помянете моё слово: онъ очень долго будетъ жить, отъ него и Смерть отвернется!.. Пока не приготовятъ ему *тамъ* надлежащій приѣмъ... ууу!

Формально дорогой Михалъ Сергѣичъ за 93-й годъ не отвѣчаетъ; а по существу – ещё какъ отвѣтитъ! Только не передъ нами грѣшными...

Когда Ростикъ уходилъ служить, то сказалъ отцу при прощаніи:

– Не надо вамъ съ мамой разводиться!

«Это кто тебѣ сказалъ?» – спросилъ отецъ. – Она сама, – шмыгнувъ носомъ призывникъ. – «О томъ, что надо, – или о томъ, что не надо?» – потребовалъ уточненіи Салабинъ, не понимая собственной жестокости.

– О томъ, что вы разводитесь – и всё! – простодушно отвѣтилъ Ростикъ.

«И всё!» – мысленно кивнулъ Салабинъ.

– Держись, сынище! – сказалъ онъ Ростикъ. – Я тебѣ навсегда отецъ!

Въ учебномъ взводѣ внутреннихъ войскъ на улицѣ декабриста Якубовича («Почему не героя графа Милорадовича!») – привычно думалъ Салабинъ всякій разъ, когда они съ Марусей вступали на тамошній тротуаръ) – Ростиславъ за недѣлю-полторы превратился въ блѣдное привиденіе... Оказался неготовъ къ борьбѣ за выживаніе, за право на пайку, на койку и за право сильного, не могъ держать ударъ и отвѣчать на ударъ.

«Какимъ бы я самъ оказался въ этой казарме, на этой кухнѣ, въ этомъ туалетѣ?..» – спрашивалъ себя Салабинъ, получившій воинскую специальность въ университетѣ и не проходившій срочной службы. Въ школѣ ему приходилось держать ударъ верзилы-переростка Пашки Козловскаго: держать, ни на шагъ не отступая, но и ударомъ не отвѣчая. Пашка давно на томъ свѣтѣ, а въ память о нёмъ у Салабина дважды перебитый носъ.

«Я виноватъ! Не воспиталъ Ростислава!» – корилъ себя Салабинъ. Но вставали передъ глазами сцены, когда въ отвѣтъ на отцовскія внушенія Ростикъ слалъ ему оскорбительные жесты, укрываясь у матери за спиной.

Они должны были развестись, потому что жена ревновала мужа къ письменному столу, а собственную кухню и плиту возненавидѣла сильнѣй, чѣмъ тѣща ненавидѣла зятя (но тѣща и собственную мать ненавидѣла, только это отдѣльная исторія)... А ещё и потому, что грузинка изъ Абхазіи нагадала Натальѣ «перемѣну партнёра», когда ей стукнетъ сорокъ первый годъ.

По простодушію или въ далеко идущихъ видахъ, Наталья этими откровеніями тайныхъ и невидимыхъ силъ подѣлилась съ собственнымъ мужем. У Геннадія же было собственное впечатленіе, что Наталья сорокъ первый годъ уже давненько наступилъ. Поэтому онъ ей посоветовалъ ничего не дѣлать кое-какъ, а хорошо и осмотрительно выбрать себѣ новаго спутника.

Когда Ростикъ уже месяцъ пробылъ въ учебномъ взводѣ, Наталья объявила:

– Я рѣшила, Салабинъ: разведусь я съ тобой!

Онъ сглотнулъ неожиданный комокъ (несмотря на ожиданіе, перешедшее въ привычку), подумалъ – и отвѣтилъ:

– Ты, случаемъ, не ведёшь дневникъ?

– А то что?

– Если ведёшь, то такъ и напиши: «Это Я рѣшила!». Или купи красивую открытку, поставь дату – и напиши это там!.. Для исторіи!

Въ судѣ, «по взаимному согласію сторонъ», Наталья оставила за собой 18-лѣтняго сына, а 9-лѣтняя Елена, папина Маруся, она же мамина Лялька, досталась отцу. Тогда Маруся была достаточно склонна къ этому. Слёзъ у ней не было. Или слёзы были впереди?

* * *

«Я в пароходство иду опять, – сказал себе Салабинь, – потому что до сих пор, диспетчерь флота, стыд и срам, не испробовал шторма. Вот поэтому. А насчёт восторженного оптимизма Ольги Кузнецовой имё сильныя сомнѣнія.»

Когда-то, школьником, он собирался в южный город Николаев в кораблестроительный техникум – только не вышло: в тот год не принимали ребят с неполным средним образованием. Зато Люда Ильина, его первая школьная любовь, по окончании кораблестроительного института дома, на Балтикѣ, получила назначение именно в Николаев – и строила там громадные корабли: танкера и крейсера.

В пятом классѣ Генка влюбился в Люду молча и сразу – до боли сердечной. Там же, в самом сердце, эта молчаливая любовь истаяла вместе с болью – к седьмому классу. Женька Ядрышников, сосѣд Геннадія по партѣ, тоже был молча влюблѣн в Люду Ильину, которую вслух называл не иначе как Ильинухой. Но замѣчала ли Люда своих воздыхателей? Они сами себя в этом чувствѣ едва признавались.

В школьной самостоятельности Люда Ильина была прямой сольнаго пѣнія. Когда на репетиціях Люда пѣла, а Гена в полутора шагах смотрѣл на неё в упор – и с мѣста не сходил, и глаз не сводил – она ему замѣчаній никаких не дѣлала. Но когда в спортзалѣ на уроках физкультуры Салабинь выступал на конѣ или на брусьях, Ильина нарочито громко комментировала его исполнение, обращаясь к сосѣдкам-дѣвчонкам и обзывая Салабина Салаткинымъ.

Эта любовь Салабина так и не обрѣла своего голоса, а потом уроки физкультуры стали раздѣльными для юношей и дѣвушек. Позднѣ Геннадій пережил нераздѣленную любовь к новенькой Викѣ, которую мгновенно покорил чемпион школы по тройному прыжку. Чемпион как живой стоит перед глазами у Геннадія, хотя память не сохранила ни имѣни его, ни фамиліи.

С Людой Ильиной, уже студенткой «корабелки», Салабинь видѣлся лишь однажды в колпинском паркѣ – и вѣл тогда себя донельзя глупо: кривлялся и ёрничал, а Люда молча искоса смотрѣла на него. Её молчаніе толкало его на новые глупости, но выражались они не столько в словах, сколько в неумѣстной и ломающейся интонаціи. Он по-прежнему боялся женщин и был дуракъ дуракомъ (можно об этом прямо сказать, разъ это его собственный выводъ).

Мать Геннадія, постоянно встрѣчая других матерей, передавала ему новости об одноклассниках. Люда долго не выходила замуж; впоследствии Геннадія странно поразила новость, что ея муж оказался его тѣзкой. Но больше поразило его то, что Люда умерла, не дожив до пятидесяти.

По собственному сужденію Геннадія, он ничего особеннаго в жизни Люды Ильиной значить не могъ, – но какъ знать?.. Дуракъ вполне способен занять особенное мѣсто.

Когда Ростикъ шѣл пятый годъ и была жива ещё мать Геннадія, она рассказала об очередной встрѣчѣ с матерью Люды: в невинной болтовнѣ «о дѣтяхъ» та проговорила, что Люда спрашивает, каковъ сейчасъ Генка Салабинь – не отрастил ли себя животъ? «Да что ты, какой у Генки животъ?» – отвѣтила та, порою видѣвшая Гену рядомъ с матерью.

«Если бы всё сложилось иначе, – думал теперь Салабинь, – и я бы рано женился – на Людмилѣ, – она, вѣроятно, была бы сейчасъ жива, я был бы ей подкаблучникомъ – и был бы у меня теперь животъ.»

* * *

Ольга положила телефонную трубку и просіяла, кивая Салабину:

– Пойдѣте! Александръ Павловичъ ждѣт насъ.

Открывъ дверь изъ приёмной в кабинетъ вице-президента, она отступила, предоставляя Салабину войти первымъ, и тот увидѣл встающего из-за стола капитана «Новозыбкова» – Александра Борисова с той самой линіи «Вестабалт», которой и завѣдывал когда-то Салабинь....

– Ба! – воскликнул кто-то одинъ или даже оба. И схватили другъ друга за локти – полюбившись... И пальцемъ Борисовъ погрозил Ольгѣ:

– Ну, Ольга!.. Ухх! Что стоило фамилію сказать? Гена! Салабинь!. А то, понимаешь, она тебя секретила!

Ольга с довольной улыбкой покинула их, а мужчины стали дѣлиться свѣденіями о самих себя в текущемъ состояніи дѣйствительности.

Прежде чѣмъ отправить Салабина въ кадровую службу, Борисовъ разсказаль о послѣднихъ перемѣнахъ въ пароходствѣ: преобразовались в акціонерное общество, «мнѣ предлагали стать президентомъ, да я не рѣшился: только-только съ мостика на берегъ, понимаешь...» А президентомъ, что даже лучше, сталъ начальникъ судо-механической службы Луцинскій...

– Иванъ Ивановичъ?.. – оживился Салабинъ.

Онъ безсчѣтное число разъ здоровался съ Луцинскимъ въ лифтѣ или въ коридорѣ, а слышалъ о нёмъ только хорошіе отзывы.

Пароходство уже стало выкарабкиваться изъ кацкуновыхъ долговъ, медленно уползая отъ банкротства, была весна надеждъ, и кто могъ знать, что мрачнымъ осеннимъ вечеромъ Иванъ Ивановичъ Луцинскій будетъ разстрѣлянъ въ собственномъ подъѣздѣ десяткомъ пуль калибра девять миллиметровъ.

А вѣдь кто-то же это зналъ и вынашиваль: кровавый 93-й былъ невыносимо памятенъ... Но Салабинъ, ободрѣнный встрѣчей съ Борисовымъ, заторопился въ отдѣлъ кадровъ съ резолюціей о приѣмѣ его экспертомъ въ коммерческую службу.

«Коммерческой жилки во мнѣ нѣтъ, но работу съ договорами и тарифами я знаю!» – успокаиваль онъ себя.

* * *

Теперь-то мы знаемъ, что попытка Реставраціи пароходства (именно такъ, съ большой буквы, какъ обозначались Исторіей періоды возстановленія престоловъ) была обречена. Инспекторъ въ кадрахъ, помнившій Салабина, высказаль своё недоумѣніе: «ты куда идѣшь?.. Да у насъ разваль!».. Но это не поколебало Геннадія. Вспомнилась поговорка Вики Луниной, безсмѣннаго парторга Интерклуба, произносимая подъ речи о свѣтломъ будущемъ: *Qui vivra, verra*²! Да и выборъ у него былъ невеликъ: оставаться въ «гуманитарной академіи» – или сдѣлать шагъ навстрѣчу штормамъ.

На бумажномъ корабликѣ подъ названіемъ «Ваучеръ» каждый могъ воображать себя и мореплавателемъ, и судовладѣльцемъ, но Салабину хотѣлось настоящихъ событій.

Большинство изъ тѣхъ, съ кѣмъ Геннадій работаль бокъ о бокъ въ пароходствѣ, уже перебазировались въ зарубежье – за океанъ или въ Германію съ Бенилюксомъ, откуда учиняли иски «родному пароходству» за подлинныя либо мнимыя долги.

Впрочемъ, событій Геннадій не избѣжалъ бы никакъ, вопросъ лишь въ томъ, что считать настоящимъ: предстояль раздѣлъ квартиры и разѣздъ, забота о второклассницѣ-дочери (плюсь розыски Ростика, перекинутого изъ учебнаго отряда невѣсть куда), нѣсколько командировокъ эксперта коммерческой службы по тяжбамъ съ европейскими вымогателями, вынужденное (но, къ счастью, мимолѣтное) знакомство съ «комитетомъ солдатскихъ матерей»; далѣе – уходъ изъ пароходства въ мѣлкія морскія агентства, гдѣ зарплату не задерживали; какъ слѣдствіе – мѣлкобуржуазное существованіе съ новыми знакомствами, одно изъ которыхъ показалось роковымъ... А можетъ – не показалось. Всѣ зависитъ отъ угла или точки зрѣнія.

Возвращаясь въ пароходство, Салабинъ ещё не очень понималь, что теперь обречѣнъ на двойное существованіе: вѣдь новоиспекаемый коммерсантъ уже посѣщаль въ «Домѣ писателя» на Шпалерной творческой семинарь прозаика Гамова, самородка изъ рабочихъ. Совмѣщеніе этихъ несходныхъ ипостасей не смущало Геннадія, онъ мало жалѣль о происшедшемъ и происходящемъ лично съ нимъ, тогда какъ со страной происходившее – повергало... скажемъ прямо, въ ужась. Недоумѣній практически не было, всё слишкомъ было очевидно: одни лица чего стоили!..

Теперь можно говорить, что это достояніе исторіи, но эта вся исторія держитъ насъ по-прежнему за горло.

Знакомые въ пароходствѣ встрѣтили Салабина улыбками. По меньшей мѣрѣ одна улыбка была ироничной – отъ давнишняго пріятели Сашки Гасанюка, начальника эксплуатаціи. Это царапнуло, но оставалось мѣлкимъ недоумѣніемъ, пока не прояснилъ всё это Миша Вдовинъ. Тиская руку Геннадія, онъ сразу выложилъ: что самъ онъ ничего не зналь о салабинскихъ упражненіяхъ въ литературѣ и передачи городского радіо о нёмъ не слышалъ, узналь же объ этомъ отъ Гасанюка, упомянуваго «писателя Салабина» съ нехорошей ухмылкой.

² Кто будетъ живъ, тотъ увидитъ. (франц.)

Покойный Купавинь хотѣль продвигать Мишу на отвѣтственные должности за границей, но иностранный языкъ у Миши былъ слабовать, а объщать начальнику улучшения – дескать, костями лягу! – Миша не решился.

– Что жь ты, парень? Жаль, коли такъ! Тогда поѣдутъ Дирченко, Цицикашвили, Голозмерзенко...

Начальникъ хозрасчѣтной группы судовъ (ХЭГС-5) Жиченко, любитель анекдотовъ и прибаутокъ, любилъ вспоминать за рюмкой, какъ иностранцы вышучивали фамилии советскаго морскаго начальства, будь то въ Москвѣ, Ленинградѣ, Ригѣ, Одессѣ или далѣе: Дирченко, Харченко, Голозмерзенко, Головченко... На этомъ фонѣ Здриль и Гасанюкъ казались иностранцамъ совершенными великороссами.

Саша Гасанюкъ былъ тоже «бычкомъ» изъ черноморскаго бассейна: отецъ его сидѣль вторымъ лицомъ одного изъ южныхъ пароходствъ. Тихоня Саша и Геннадій частенько сиживали рядомъ въ автобусѣ по дорогѣ домой. Карьера Саши обезпечивалась московскими связями отца, а поскольку Салабинь, благодаря Купавину, былъ на хорошемъ счету у кадровиковъ пароходства, то на этой почвѣ Гасанюкъ сталъ культивировать довѣрительныя отношенія съ Геннадіемъ. Его мечтой была работа за границей. Вполголоса, под шумъ автомобильнаго мотора, онъ размышляль объ этомъ, сообщая пріятелю о тонкостяхъ и тайнахъ «мадридскаго двора»: какъ непримѣтная точка противъ фамилии въ спискѣ кандидатовъ можетъ заморозить всякое продвиженіе на годы и годы, и только вмѣшательство могущественныхъ лицъ способно это исправить. «Мнѣ бѣ твои заботы!» – молча думаль Салабинь.

Дѣла Гасанюка пошли въ гору съ появленіемъ въ креслѣ начальника достопамятнаго Кацкуна: его титулы и дипломы, а пуще рангъ его родителя, возымѣли эффектъ и онъ сталъ начальникомъ службы эксплуатаціи – у Кацкуна въ заместителяхъ. Однако жь, бывая во множествѣ краткихъ заграничныхъ поѣздокъ, продолжалъ завидовать тѣмъ, кто жилъ за рубежомъ въ длительныхъ командировкахъ.

Салабинь, въ началѣ «перестройки» попавшій на два года стажировки во французскій Гавръ, притомъ съ семьёй и перспективой «продления срока пребывания», взвыль отъ тоски на третьемъ месяцѣ. Чтеніе французскихъ газетъ и посѣщеніе съ скучными кліентами французскихъ ресторановъ его не утѣшало; втайнѣ отъ жены онъ отказался «ставить вопросъ о продленіи пребывания» – къ счастью, она такой возможности не подозрѣвала, а онъ рвался домой, чтобъ разобраться съ перестройкой.

Но къ чему было вспоминать передачу городского радіо? Дѣло въ томъ, что не одинъ тихоня Гасанюкъ отреагироваль на эту передачу. Точнѣе, не только въ пароходствѣ обратили на неѣ вниманіе – но и за моремъ, за окіяномъ, въ Новомъ Вавилонѣ... Бывшая советско-американская агентская компанія, учреждѣнная пароходствомъ, переродилась и переучредилась въ частную судходную компанію обаятельнаго одессита Лёни Воденко, а Лёнины дарованія были таковы, что такая пикантная мѣлочъ какъ трансляція по радіо опуса Генки Салабина не могла прошмыгнуть мимо его вѣдома.

Чтобы это оцѣнить, надо понять, кто таковъ Лёня Воденко.

Если тихоня Гасанюкъ былъ вещью въ себѣ и могъ служить инструментомъ внѣшнихъ силъ (ну, и къ собственной пользѣ тоже), то тихоня Воденко былъ болѣе краснорѣчивъ, наблюдателенъ и достаточно находчивъ въ построеніи отношеній съ окружающими. Какъ губка, онъ впитываль информацію, распредѣляя по отсѣкамъ и полочкамъ, чтобы использовать её, при надобности, мгновенно. Людямъ онъ умѣло, а иногда и грубо, льстиль, завоёвывая ихъ расположеніе. Салабину оъ льстиль чаще грубо, чѣмъ умѣло, и въ чѣмъ тутъ закавыка, сразу не отвѣтишь. Если предположить, что Воденко льстиль всѣмъ одинаково, то придѣтся признать за Салабинымъ болѣе тонкую интуицію, чѣмъ у прочихъ сослуживцевъ и пріятелей Воденко. При этомъ назвать Воденко скрытнымъ было нельзя. Онъ довѣрительно, но широко, дѣлился информаціей, что батька у него простой шофѣръ, зато дядя въ Москвѣ – на Старой площади... Впрочемъ, и простой батька, при такой-то роднѣ, наверняка руководилъ крупной автобазой номенклатурнаго типа.

Въ тѣ годы званіе писателя ещё не потеряло прежняго блеска въ глазахъ у бывшихъ советскихъ гражданъ – и въ первую же недѣлю пребывания въ должности эксперта-коммерсанта Геннадій Салабинь получилъ звонокъ изъ Нью-Йорка. Лёня выразилъ радость по поводу возможности ихъ новаго

сотрудничества и предложил безвозмездную помощь в издании первой книги Салабина. А книга у Геннадия была уже собрана – около дюжины рассказов – и, странный человек, он даже не задумывался, когда и как он её будет издавать: ему чудилось, что как-нибудь да выйдет. Почти не удивившись, он принял предложение бывшего непосредственного начальника (подумалось, что «таперича совсем не как бывалоча») и даже искренне поблагодарил.

Книга вскоре вышла, деньги всё рѣшили быстро. Салабин получил отзывы, рекомендации – и был принят в тогда ещё единый Союз писателей, в котором состояли и Юрий Бондарев, и даже, к тому времени, Игорь Шевердаля.

А Лёня Воденко получил с борта одного из судов своей компании заказанные им две пачки новоизданной книги и стал периодически названивать Салабину, разузнавая новости пароходства, мнѣние Салабина о них и вворачивая в собственные комментарии ту или иную фразу из салабинской книги, со значением приговаривая: «как ты пишешь». Теперь он поручал заботам Геннадия и своих родственников, обосновавшихся на Невѣ, и дѣлился ѣдкими замечаниями в адрес общих знакомых – теперешних конкурентов Лёни Воденко.

Самостоятельный оператор арендованных в Прибалтике судов, Лёня сохранил за своей фирмой положение агента достославного Балтийского пароходства и получал от «принципала» (то есть пароходства) своё законное агентское вознаграждение – *agency fee*, да простит нам читатель этот англицизм. О чём, однако, знали немногие – так это о том, что главный бухгалтер пароходства Татьяна Седова перевела в своё время – и очень, надо сказать, своевременно! – немалый куш в Лёнину компанию, якобы в погашение нѣких долгов. Впоследствии Татьяна отплыла за океан и около года работала главбухом у Лёни, но вынужденно возвратилась на родину: не сошлись два крепкие характера.

Пароходству она была уже не нужна, как и пароходство – мало уже кому, и слѣды Татьяны потерялись в калейдоскоп рыночной демократии. Но мы ещё её увидим: она была важной фигурой в составе делегации пароходства, выѣзжавшей в Марсель и Лондон для споров с аферистом из Новой Каледонии Жаном Руэлем – деловым партнёром Гриши Цицикашвили. Руэль арендовал наши суда через дочернюю фирму пароходства, во главе которой в Бремене находился Гриша, только Руэль не переводил пароходству арендную плату.

* * *

А жизнь продолжала свой ход семимильными шагами и не оглядывалась, поспѣвают ли за нею салабины, гасанюки, воденки и цицикашвили – спасатели пароходств, производств либо их разорители.

Кругом поощрялись такие профессии как банкир, бомж и «челнок» (трансграничный корабейник), обрѣтали популярность агенты по недвижимости. Агентов стали, для краткости и определённости, со вкусом и азартом именовать риэлторами – а в новостях и сплетнях всё чаще риэлтор сопрягался с бомжом. Банкир сопрягался то с инкассатором, то с грабителем, а то и с убийцей. Журналисты щеголяли заголовками типа «Банкира убили в своей постели» – и мало кто, кроме несчастного Салабина, хотѣл спросить журналиста, кому это понадобилось банкира уложить в *свою* постель, чтобы там его убить. Вѣдь в замѣтке сообщалось иное: того убили в *его* собственной постели.

«Челноки», вмѣстѣ с сумками в человеческой росте летающие в Турцию и Польшу за ѣдой и тряпками, сопрягались с вещевыми ярмарками и торговыми ларьками, куда ходили гулять Салабин с дочкой. Ростика куда-то перебросили из учебной части, но отцу на разпросы не отвѣчали, совѣтуя подождать письма.

А тут подоспѣла поѣздка в Марсель, к аферисту-вымогателю Жану Руэлю, который опирался на контракты, подписанные от пароходства «бременским музыкантом» Гришей Цицикашвили. Злые нѣмецкие языки весело шутили, что Гриша «чутьчку не самый богатый человек Германии», а незлые русские грустно говорили, что «бременский счёт – это вам не гамбургский».

Пароходство отрядило большую группу энтузиастов во главе с замѣстителем (простите, вице-президентом) по коммерческой работе – капитаном, без году недѣля как сошедшим на берег, и с Татьяной Сѣдовой ему по правую руку, включая нѣскольких дѣвиц из Ольгиных подчинѣнных плюс представителя новой службы экономической безопасности, плюс инспекто-

ра технической службы – Татьяниной подруги, и наконец – Геннадія Салабина, недѣлю изучавшаго контракты, исполнительные акты и взаимныя претензіи совместно съ нанятымъ лондонскимъ юристомъ. Этотъ белобрысый британецъ, Ниль Эвероттъ, увѣряль, что Жанъ Руэль на этотъ разъ не выкрутится – выложить, какъ миленькій, всё 8,9 миллионъ долларовъ, причитающіеся пароходству за взятые въ аренду суда.

Но на душѣ у Геннадія кошки скребли: отраслевая французская пресса прямо писала о плохой дѣловой репутациі Руэля. Кромѣ того, Марусѣ предстояло оставаться безъ папы цѣлую недѣлю. Хорошо, что рядомъ на лѣстничной площадкѣ были добрые сосѣди съ дѣвочкой-ровесницей: они просто взяли Марусю къ себѣ. Геннадій ихъ ужъ всяко отблагодарить.

А было уже лѣто. Марсель встрѣтилъ ихъ жарой и рекламой de la bière pression*. Ниль Эвероттъ поджидалъ ихъ въ гостиницѣ, готовый снова флегматично внушать оптимизмъ этимъ отчаяннымъ русскимъ.

Представитель экономической безопасности, человекъ бывалый, заранѣе подсчиталъ стоимость разѣздовъ отъ гостиницы до офиса – и объявилъ, что арендовать дизельный микроавтобусъ станетъ втрое выгоднѣе: вечернія поѣздки на пляжъ будутъ, считай, бесплатнымъ бонусомъ. Чтобъ не утомлять читателя, сразу перейдѣмъ къ итогамъ.

Къ свѣтлымъ воспоминаніямъ Салабина надо отнести средиземноморскую растительность и жѣлто-розово-смуглыя выпуклости каменистаго берега; стайку ворковавшихъ на каменномъ парапетѣ и поразительно неразличимыхъ другъ отъ друга загорелыхъ красавицъ, у которыхъ Геннадій справлялся, какъ пройти или проѣхать къ искомому офису; нѣсколько морскихъ купаній практически въ потѣмкахъ, по окончаніи рабочихъ часовъ – и зовъ слишкомъ юной коллеги изъ Ольгина отдѣла: «Геннадій Серафимовичъ! Искупайтесь! Когда ещё вы будете на Средиземномъ морѣ?!»

По завершеніи переговоровъ у нихъ оставалась свободная половина дня до вылета домой, и Салабинъ пошѣлъ прогуляться въ портъ. На каменной площадкѣ въ яхтенной гавани незадолго до заката появилась дѣвчушка, годами пятью постарше его Маруси, и по-турецки усѣлась лицомъ къ морю на тёплую отъ солнца ровную кладку. Геннадій смотрѣль въ ту же сторону – на жѣлто-розовое небо, белѣсую гладь воды и тѣмныя мачты, прочертившія еле колышущійся воздухъ. Въ позѣ дѣвчушки видѣлось что-то молитвенное – и созвучное чувствамъ Салабина. Разлука и ожиданіе читались въ ея осанкѣ, въ устремлённомъ въ даль и обращѣнномъ въ будущее тонкомъ лицѣ. Она принесла своё настроеніе сюда, къ мѣсту встрѣчъ, разставаній и зримой безбрежности міра – и затихла, переполненная всёю этимъ.

Уходя, Геннадій оглянулся: она сидѣла по-прежнему, она была всё тамъ же, она не почудилась ему...

О сѣрыхъ и мрачныхъ итогахъ говорить пока преждевременно, потому что они обнаружались черезъ полгода, послѣ арбитража въ Лондонѣ.

* * *

По возвращеніи домой Салабинъ выудилъ изъ-подъ рекламы въ почтовомъ ящикѣ конвертъ съ фиолетовымъ треугольникомъ: письмо отъ Ростика. Парень былъ теперь въ части, стоявшей... подъ Калининградом! Вотъ оно, Генка! Ужъ теперь-то ты тамъ побываешь!

Права на отпускъ въ пароходствѣ Салабинъ ещё не заработалъ, но въ счётъ будущаго – недѣлю ему предоставятъ... Почти четверть вѣка назадъ онъ чуть не сталъ калининградцемъ – да такъ и не увидѣль этотъ городъ. Зато теперь онъ тамъ побываетъ непременно!

Нагрузившись гостинцами для Ростика со товарищи, захвативъ экземпляръ своей книжки, провѣривъ карманъ съ описаніемъ маршрута до КПП части, похлопавъ себя по авиабилету и папорту, онъ снова ввѣрилъ Марусю сосѣдямъ – и отбылъ.

У проходной полка они съ Ростикомъ и его пріятелемъ съ утра до четырёхъ пополудни дожидались командира роты, чтобы тотъ отпустилъ ребятъ въ увольненіе; наконецъ командиръ взвода рѣшился позвонить тому на мобильный (мобильники были ещё рѣдкостью, но ротный командиръ былъ по совмѣстительству предпринимателемъ)... Во вниманіе къ отцовскому пріѣзду, командиръ предоставилъ Ростику 24 часа – считая съ момента обращенія по телефону, а пріятелю – до 20.00 текущихъ сутокъ. Ребята побывали съ Салабинымъ въ зоопаркѣ, попили кофе и поѣли мороженого

въ кафе, нарвали алычи съ дикорастущихъ деревьевъ, искупались... (Салабину не вспомнить, были ли то прудъ или рѣчка Прегель.)

Проводивъ къ автобусу Виталия, отецъ и сынъ сняли въ гостиницѣ номеръ для ночлега – и съ утра ещё погуляли на волѣ. Въ Калининградѣ Ростикъ сталъ походить на человѣка: обрѣлъ мышечную массу... Въ родномъ же городѣ, въ учебномъ отрядѣ – оставался дистрофической тѣнью, неспособной улыбаться.

Вскорѣ по возвращеніи домой отецъ получилъ отъ сына письмо съ новаго мѣста службы – изъ Архангельской области. Солдатъ внутреннихъ войскъ съ восторгомъ описывалъ красоту безбрежной тайги, наблюдаемой съ высоты сторожевой вышки.

Съ этого момента всѣ письма отца къ сыну и обращенія къ мѣстному начальству ВВ оставались безъ отвѣта; на его запросъ въ главный штабъ рода войскъ пришла телеграмма за подписью Шепеля о командировкѣ Салабина Ростислава Геннадьевича въ Архангельскую область: «о причинахъ молчанія выясняемъ, сообщимъ».

* * *

Пошѣлъ второй мѣсяцъ ожиданія вѣстей отъ Ростислава. Четыре письма къ сыну остались безъ отвѣта. Салабинъ сталъ подумывать – не безъ содроганія – о такъ называемомъ «комитетѣ солдатскихъ матерей», лидерша котораго появлялась на страницахъ новодемократическихъ газетъ и на экранахъ.

Судя по вторичнымъ гражданскимъ признакамъ этой особы, никакого сына подъ ружьёмъ у неё быть не могло. Но на публикѣ она появлялась регулярно, а въ метро и на улицахъ ей вторила безымянная реклама съ телефонами: «Юридическая помощь призывникамъ!» – «Альтернативная служба – это просто!» – «Военнообязанный? Поможем!»

Внутреннія войска упоминались въ новостяхъ изъ Чечни. Пьяница-президентъ билъ себя въ грудь – обѣщаль, что солдатъ-срочниковъ противъ террористовъ не пошлютъ. А если солдатъ прослужить подъ пулями, на минахъ и среди засадъ полгода, то получить немыслимыя льготы и привилегіи. Салабинъ понималъ чиновничью натуру и зналъ, что вѣрить имъ нельзя.

Онъ вторично послалъ телеграмму въ главный штабъ, вторымъ адресомъ указавъ военную прокуратуру (чтобы только припугнуть). На третій день пришѣлъ отвѣтъ: «вашъ сынъ находится в командировке в чечне. здоров. причины молчания выясняем.»

Какъ выяснилось потомъ, потомъ, уже потомъ – солдатамъ просто запретили переписку.

И сейчасъ измученный отецъ заглянулъ къ «солдатскимъ матерямъ» – въ ихъ логово на Измайловскомъ проспектѣ.

Въ ожиданіяхъ своихъ (они же подозренія) Салабинъ не обманулся. Тѣтки съ помощниками-мужчинами, всѣ вполне конкретной масти, брали аудиторію за рога – призывали родственниковъ солдатъ и призывниковъ выходить на пикетированіе «противъ войны», «противъ военныхъ расходовъ» и «верните намъ нашихъ дѣтей!». Не всѣ тѣтки были равно агрессивны, но всѣ дружно подчёркивали, что обратившимся за помощью «халявы не будетъ!» – только «башъ на башъ»: хотите помощи – выходите на пикетъ!

«Хотите спасти своего пацана? Спасайте и чужихъ!»

Гдѣ «халява» – тамъ и «пацаны». Гдѣ «пацаны» – тамъ обязательно «халява». Салабинъ эту феню³ хорошо усвоилъ. А вице-премьеръ Полторанинъ даже въ отставку загремѣлъ, едва лишь высказался противъ «лагернаго иврита» у министровъ и телеведущихъ.

Салабинъ всталъ и, бокомъ выбравшись изъ ряда, торопливо покинулъ собраніе. Едва оказавшись на крыльцѣ, онъ жадно сталъ глотать вечерѣющій воздухъ, даромъ что городской – стало быть, не самый чистый...

* * *

Въ штатѣ у Ольги, помимо эксперта Салабина, состояли шестеро юныхъ особъ женскаго полу – «молодыхъ специалистовъ», выпущенныхъ профильными вузами. Они готовили всевозможныя справки и отчеты для начальства – какъ для новаго (сошедшихъ на берегъ капитановъ), такъ и для Гасанюка со товарищи.

³ Блатной жаргонъ.

Только эта информация была уже особого свойства: не пароходству как хозяину адресовалась, а затрагивала пароходство как жертву. Пароходство как таковое не могло быть с сепаратистами в долѣ, а Гасанокъ со товарищи вполне могли быть. Должны были быть. Но это уже мысли болѣе позднего Салабина, покинувшего стѣны родного пароходства.

А пока что онѣ, не особо вслушиваясь, наблюдаетъ, какъ щебечетъ Ольга передъ выводкомъ своихъ «специалистовъ»; потомъ, когда тѣ уходятъ курить, она откровенно жалуется Салабину, что ей «не хватаетъ мозговъ», чтобы вывести на чистую воду всѣ незаконныя схемы, паутиной которыхъ опутано пароходство за годы правления Кацкуна...

(Существуетъ, правда, служба экономической безопасности, учрежденная спецслужбами, куда перешѣл бывший глава ХЭГСа-4 – онѣ ѣздилъ, кстати (или нехстати?), съ ними и въ Марсель; но эта спецслужба ни во что не вмѣшивается, а лишь рапортуетъ наверхъ исключительно по слѣдамъ событий.) Потомъ заходитъ вице-президентъ Борисовъ и сразу отъ порога простираетъ къ Ольгѣ вверхъ ладонью правую руку, церемонно приближаясь... Ольга не менѣе церемонно кладѣтъ свою руку на протянутую ладонь – и тотъ еѣ цѣлуетъ.

«Что-то здѣсь уже было!» – говоритъ себѣ Салабинъ, а Борисовъ оборачивается къ нему съ недоумѣннымъ вопросомъ, какъ это Салабинъ до сихъ поръ не умеръ «въ этомъ цвѣтникѣ». Если Ольгины дѣвчата уже вернулись, окутанные никотиновымъ ароматомъ, то подыгрываютъ начальнику-мужчинѣ: мечутъ въ Салабина стрѣлы и молнии.

– Слушай, какъ ты это выносишь? – восклицаетъ капитанъ Борисовъ. – Я бы давно уже умеръ!

– А я и такъ – ни живъ, ни мѣртвъ! – эти слова Салабина женщины встрѣчаютъ взрывомъ веселья.

Молодушки всего на пять лѣтъ постарше его Ростика, плюсъ никотиновая зависимость, поэтому ни одну изъ этихъ красотокъ онѣ сыну не посоветуетъ. О томъ, что всѣ онѣ замужемъ или какъ-либо иначе несвободны, Салабинъ забываетъ.

И немудрено забыть: Ольга, эта щебетуха-цокотуха, не стѣсняясь присутствіемъ этихъ красотокъ, уже не разъ выпытывала у Салабина, къ которой изъ нихъ онѣ питаетъ наибольшую слабость. Въ отвѣтъ Салабинъ изображалъ на лицѣ мучительную работу мысли и борѣнье противорѣчивыхъ чувствъ.

Неужели Ольга до такой степени распоряжается своими подчиненными? Или это мнѣ снится? Или это в пароходствѣ – традиція? Или, можетъ, не только в пароходствѣ?

А то нѣтъ?.. Развѣ Кацкунъ не заказалъ себѣ, на свою голову, «чѣрную вдову» Свѣтлану изъ маттехобезпеченія прямо въ кабинетъ? – развѣ не лѣчился онѣ потомъ, по рассказамъ личнаго водителя Серѣжки? Конечно, Свѣтлану потомъ изъ пароходства паводокъ унёсъ...

Къ которой изъ шести красотокъ Салабинъ питалъ наибольшую слабость, онѣ и самъ себѣ признаться не хотѣлъ. Мало ли ему, что ли, того, какъ онѣ обжѣгся въ Интерклубѣ?

Изъ-за этой Ольги съ ея выкрутасами отодвинулся рассказъ о разобшѣнности пароходскихъ подразделеній в періодъ Великой Попытки возрожденія. Ольгина «коммерческая служба» только и могла, вѣроятно, что справки составлять. А рассчитать, напимѣрь, *общую аварію*^{*4?} – дока въ этомъ дѣлѣ, легендарный Донатычъ, давно покинулъ пароходство. Вести претензионныя дѣла? Это направленіе выдѣлилось изъ пароходства въ автономный отдѣлъ – въ лицѣ якутскаго мальчика Володи Цвейгаупта съ помощникомъ: нѣкое ЗАО или ООО со своими собственными юридическими связями.

Володѣ съ помощникомъ не надо было платить за отопленіе, за помещеніе, за свѣтъ, за связь – притомъ онѣ вѣль, по ощущеніямъ Салабина, двойную бухгалтерію и отдѣльные счета. Не могъ не вести. Это угадывалось, это сквозило въ его словахъ, въ его разѣздахъ и независимомъ поведеніи. Странное дѣло, претензионный отдѣлъ никакъ не участвовалъ въ тяжбѣ пароходства съ Жаномъ Руэлемъ – и, что болѣе странно, это никого не удивляло. Да и Салабинъ удивился только сейчасъ, поздоровавшись с Володей въ коридорѣ.

* * *

Если мучила Салабина неизвѣстность, что тамъ и какъ въ Чечнѣ съ Ростиславомъ, то касательно тяжбы съ аферистомъ Руэлемъ энтузиасты пароходства пребывали въ увѣренности, что проходимца мы-таки ущучили! Наш замѣчательный Ниль Эвероттъ раскинулъ глобальную сѣть Mareva injunc-

⁴ Разсчѣтъ отвѣтственности сторонъ за понесенные убытки при аваріи.

tion, накрывшую всё счета и активы компании Translink судебным арестом. И потом, уже в Лондон, на повторной свёртке позиций сторон, наш адвокат подтвердил эти свои заявления не моргнув глазом.

Но коварная действительность подтвердила их не вполне. В Лондонском арбитраже пароходство тяжбу выиграло, но под накидкой Эверотта денег Руэля не оказалось: в перечне Mareva отсутствовала одна-единственная компания в Новой Зеландии, где Руэль упрятал свои активы.

И взятки с Руэля были гладки: даже флот его не арестуешь – он же, подлец, работал судами, взятыми в аренду у своей будущей жертвы.

Вскорь Татьяна Съдова уехала в Америку к Лёне Воденко, а Салабинь, разочарованный в пароходском руководстве, принял предложение «Новых агентов» (ООО) и перешёл к ним на службу – тоже экспертом, но с ответственностью на порядок меньшей, а с оплатой труда – втрое большей, чем в пароходстве.

На второй день работы в «Новых агентах» выяснилось, что они агентируют, среди прочих, также и флот Лёни Воденко. Таким образом, и не в пример тому, что было прежде, Лёня стал не просто начальником, а принципалом Салабина.

Салабину предстояло прожить целых полгода в полном невёдении относительно Ростика.

Он жадно следили за теленовостями, с отвращением – за выкрутасами президента Бориски, с опаской – за перелётами, перемещениями и назначениями сановников, машинально їздил на работу, ходил на родительские собрания (где незамужние учительницы страшили его будущим одиночеством) и регулярно получали телефонные звонки от Лёни Воденко.

Теперь Лёня удостоивал его звонков не только по служебному, но и по домашнему телефону. Бывало, приходил домой Салабинь (они жили теперь в коммунальной квартире на Лиговке), а дочка уже разговаривает «с дядей Лёней»... И о чём бы ни говорили Салабинь с Леонидом Андреичем, тот заканчивал беседу напутствием «наблюдать, наблюдать – и делиться всяким любопытным материалом».

В результате своих наблюдений Салабинь пришёл к выводу, что у Леонида Андреича имела в агентстве целая когорта соглядатаев, из коих самой очевидной была Алла Сажалник, читавшая электронные письма Леонида во всеуслышание, с придыханием – и стоноподобными изъяснениями в любви к принципалу. Она же всё пересаживала на рабочем месте, дожидаясь начала рабочего дня за океаном и сеанса связи с возлюбленным шефом.

Впоследствии Татьяна Съдова, сбжав от заморской службы у Воденко, вздыхала и кудахта, называя Лёнину контору «концлагерем», где сплошь выслаживания и подгаживания, потому что, по мысли Воденко, человек – это, в принципе, закоренелый грешник, а то и преступник. «Да я лучше в лес уйду, чем буду так, как там у них!..» – причитала Татьяна, вызывая, впрочем, мало у кого сочувствия. Воденко, по её рассказам, помешался на выслаживании «откатов» – ложных завышенных расценок по сговору с контрагентами. (Салабинь разъясняет, что такое *откат*, потому что до той поры сам не знал такого слова.)

Недолго вытерпеть у дяди Лёни и его ближайший племянник из Одессы, бывший ранее на стажировке в Питере... Этот откровенно говорил друзьям по телефону: «да лучше на Привозе за прилавком стоять!..» В конце концов он выпросил себе место в одесском представительстве дядиной фирмы.

А фирма-то!.. – усердно возила в Америку «уран Черномырдина» – мистеру Гору, радиоактивные изотопы от питерского АО «Изотоп», титановую губку, чушки алюминия, металлический кремний... и какую-то страшную химию в очень специальных контейнерах из города Волжского (что на Волге, само собой). А что привозила фирма из Америки, оставалось за пределами внимания Салабина: этим занимались таможенники, оптовики-получатели и плательщики фрахта, а потом, совсем уже по-своему, конечный потребитель... например, куриных окорочков; или хлопьев из картофеля.

Но как бы ни было всё это интересно, Геннадий проживал эти недели и месяцы как ходячий спазм или тромб: с напряжённой думой, ожиданием вестей от Ростислава. Забудыга-президент обещал не посылать солдат первогодок под пули и гранаты, но мало ли чего он в прошлом обещал! Да и Ростик уже не первогодок – его касается другое обещание Бориски: разнообразные льготы всем, кто пробудет в боестолкновениях шесть месяцев... Шест

месяцѣвъ – охъ какъ долго! Полгода – это всё-таки короче... А пустое напряжённое ожиданіе на-чисто стираетъ память: ничего и не осталось въ памяти за эти мѣсяцы!..

* * *

Генка Салабинъ былъ со школьныхъ лѣтъ убѣждёнъ, что женщина для мужчины – это больше, чѣмъ мужчина для женщины. Въ отношеніяхъ между ними – совершенно таинственныхъ отношеніяхъ – женщина представлялась ему существомъ высшаго порядка; во всякомъ случаѣ – порядка неизъяснимаго. И наоборотъ, въ сферахъ, подчинённыхъ разуму, – пожалуйста: мужчина превосходитъ женщину безоговорочно... Но тамъ, гдѣ женщина хозяйка положенія, тамъ мужчина теряетъ своё превосходство и становится слугой, рыцаремъ, воздыхателемъ – а то и дуракъ дуракомъ. Возможно, маленькій Салабинъ читалъ не тѣ книги, – потому что читалъ онъ много и безпорядочно. Ещё въ пятомъ классѣ отецъ замѣтилъ за сыномъ, что тотъ выворачиваетъ шею ко всякому печатному листу, какъ конь къ зелёной травѣ, будь то хоть газета подъ сковородкой. А могъ бы отецъ и раньше это замѣтить – съ третьяго класса уже.

Взрослый Геннадій, вспоминая любимыхъ имъ Тургенева, Стендаля, Гоголя и множество другихъ писателей, у кого были нелёгкія отношенія съ прекрасной половиной человѣчества... гм, не за это ли онъ такъ по-родственному къ нимъ и относился? – а вотъ Бунина, неизмѣнно восхищаясь прозой послѣдняго, онъ чѣмъ далѣе взрослѣлъ, тѣмъ болѣе недолюбливалъ.

Чичиковъ у Гоголя якобы нѣмѣлъ передъ закономъ, а Салабинъ дѣйствительно нѣмѣлъ передъ женщиной, въ которую влюблялся. Даръ рѣчи, данный намъ Свыше, у Салабина испарялся почти весь, стоило ему только «пропасть» по-настоящему.

Со временемъ пришлось ему задуматься объ этомъ, или попросту – о себѣ. Синдромъ Салабина выражался въ томъ, что онъ могъ шутить, ухаживать, говорить комплименты – но только не будучи смертельно влюблённымъ; онъ бывалъ въ ударѣ, если увлекался слегка и ощущалъ своё состояніе лишь какъ поводъ, чтобы проявить себя. Тогда онъ любилъ не столько предметъ своихъ ухаживаній, какъ самого себя: онъ видѣлъ себя со стороны, онъ себя контролировалъ. Но стоило ему влюбиться до смерти, какъ онъ терялъ пловучесть и шёлъ ко дну. Съ илистаго дна, не дыша, онъ слѣдилъ, какъ резвились надъ его головой дельфины, nereиды и русалки, изъ которыхъ одна владѣла его сердцемъ. Поэтому уже со студенческихъ лѣтъ о Салабинѣ бытовали разныя, прямо противоположныя мненія *противной стороны*, то есть женской части: дамскій угодникъ?.. – да что ты: бука букой! Въ отвѣтъ на эти отзывы факультетская вѣдунья Регина Абрамовичъ сказала вѣщія слова, при свидѣтеляхъ Лѣвѣ Ласкарёвѣ и Тойво Маркусѣ:

– Такъ или иначе, а посмотрите на его глаза! Всегда грустные!

Геннадій придумалъ себѣ оправданіе: «женщины для меня – какъ цвѣты... люблюсь... нюхаю...». Женщины смѣкали и даже оглашали мысль, что если кто понюхалъ – «тотъ уже не остановится!...». Но не такъовъ былъ Салабинъ. Цвѣтовъ онъ долго не срывалъ.

Въ студенческіе годы у нихъ на факультетѣ возстановился послѣ арміи добродушный циникъ Вовка Прокопенко. Салабинъ помогаль ему возстановить рѣчевые навыки въ британскомъ діалектѣ, а тотъ, въ свою очередь, удѣляль Геннадію больше вниманія, чѣмъ прочимъ «салагамъ».

Наблюдая какъ-то разъ на студенческомъ балу за Геннадіемъ, Вовка сказалъ ему:

– Ну, братъ, и хрупкое у тя сердчишко! Ты что, ещё ни одной дѣвчонки не обидѣль?..

Салабинъ удивился. Въ словахъ Вована «обидѣть дѣвчонку» прозвучала нѣкая таинственная *норма*, Салабину недоступная, житейскій законъ иного бытія. Но мірозданіе Геннадія Салабина устояло: онъ не собирался самоутверждаться, обижая дѣвчонокъ; онъ этого не умѣлъ; но ещё больше удивился бы, если бы циникъ Прокопенко сообщилъ ему, что дѣвчонкамъ только того и надо.

– Ну ты даёшь! – сказалъ Вованъ. – Бери за грудь, говори что-нибудь!

О томъ, что у него языкъ присыхаетъ къ нѣбу, Геннадій стыдливо умолчалъ. Методика Вована повергла его въ дрожь: грудь... что-нибудь... жуть!.. Только годы и годы спустя Салабинъ догадался, что и самъ онъ тоже обижалъ дѣвчонокъ – только по-своему. Тѣхъ, въ которыхъ былъ не влюблёнъ, но говорилъ комплименты: обижалъ флиртомъ безъ продолженія, небрежностью и проч., и проч.

«Не за тѣхъ ли мстила мнѣ жизнь?» – пройдя половину пути, спросилъ онъ себя.

И только подъ конецъ жизни онъ, казалось, нащупаль смыслъ и значеніе этихъ своихъ особенностей и кажущихся лишений.

* * *

Солдаты «внутренних войск» Ростислав Салабинь был демобилизован поздней осенью 1996 года, проведя на блок-постах Северного Кавказа пять с половиной месяцев; президент Забурдыгинь, в данном отдельном случае, своё слово сдержал. Когда отец и сестра увидели выставленный перед ними на эскалаторе метро – обтянутый кожей скелет с остановившимся взором, то узнали его сразу, а признать его Ростиком не могли.

Чась назад им звонила прежняя соседка и сбивчиво, таинственным тоном стала объяснять, что у ней в доме сидит человек, попросивший сообщить им о себе, но запретивший называть своё имя. На нетерпеливые расспросы Салабина бедная женщина, испуганная видом посетителя, смогла лишь пролепетать: «да, это ваша кровь...»

– Маруся, наш Ростик вернулся! – ломающимся голосом воскликнул Салабинь. – Он у Тереховых!

Прямо с вокзала Ростислав направил стопы туда, где всё ему было памятно и знакомо. Новый адрес отца и сестры он себе никак не представлял, а спрашивать чужих людей не стал... Людей он ещё дичился. Но была ещё причина, главная: он отправился к двушке, которая должна была его ждать, однако... не дождалась – и «закрутила» с другим.

Застывший взор Ростислава не позволил соседке в чём-либо перечить ему; не меньше поразили он и отца. Геннадий относил отрешённость сына исключительно на кавказский опыт, но расспросы отскакивали от парня как от стёжки горохов.

Немного оттаяв, он кратко доложил, что из Моздока их перебросили в Гудермес, в боях он не участвовал, стоял в кордонах, стреляя сослужу на звук, потому что без очков никого не видел, а ранение получил одно – и лёгкое, когда в палатке, под ящиками, застланными матрацами и ватниками, «ни с того ни с сего» взорвалась граната.

Всё прочее, произошедшее в тот день, когда вернулся Ростик, из памяти Салабина-старшего улетучилось. Наутро сын отправился к матери, с которой был соединён по решению суда. Очевидно, он с Кавказа писал и матери, но так как письма из Чечни не доходили, то Наталья, как выяснилось впоследствии, пребывала в благополучном невёдении о чеченской «командировке» сына.

* * *

К той поре, когда Ростик вернулся с Кавказа, агентская контора, где трудился Салабинь, дважды переучредилась – и влилась, всецело подконтрольная партнёрам Лёне Воденко и Саше Смиркину, в их же компанию «Водо-Меркурь».

Новые частные компании учреждались на площадях государственных предприятий, использовали оборудование и каналы связи этих предприятий – и за их счёт, потому что новыми «фирмами» владели прежние руководители либо их близкие родственники. Благополучно доведя госкомпанию до банкротства, новые компании, уже налившись кровью и обросши мясом, либо съезжали, либо выкупали с потрохами помещения банкрота.

«Водо-Меркурь» располагался на шестом этаже административного корпуса знаменитого завода, когда-то строившего броненосцы и паровозы, а потом трактора для целинных земель. Что теперь производил завод, было неизвестно; газеты об этом не писали. По ощущениям Салабина, не производил он ничего.

Новые фирмы, в лице своих ликующих владельцев, подчёркнуто не жаловали «бесплатную медицину для народа» и заключали договора на оказание услуг с платными медицинскими центрами. Тем самым они воспитывали преданность кадров работодателям: лечение работника оплачивалось «фирмой» – сколько было необходимо, и только услуги стоматолога ограничивались определённой суммой за год.

Когда Салабинь оказался в составе «Водо-Меркура», то пациентом медицинского центра «Адмиралтейских верфей». Там и произошла встреча Геннадия Салабина с Ириной Анатольевной, ставшая, в его отношениях с прелестной половиной человечества, последним знаменательным событием.

За всё то время, что Геннадий кормил, одёв, воспитывал дочку, возил её в школу (благо, что

это было по пути на работу) и ко врачамъ, разыскивая въ то же время слѣдь сына-солдата, надо признать, что онъ по-прежнему замѣчалъ и женщинъ, хотя эта способность вернулась къ нему не сразу.

Послѣ развода съ Натальей имъ завладѣло непонятное, пьянящее чувство, которому не было названія: онъ весь отдался заботамъ о дочкѣ и домашнимъ дѣламъ, оставляя всякіе помыслы о не-написанныхъ повѣстяхъ и рассказахъ – тѣ самыя мысли, о которыхъ при Натальѣ почиталъ за благо помалкивать. Постепенно онъ осозналъ это какъ состояніе безопасности и свободы; приходилось, волей-неволей, признать, что Наталья воспринималась, пусть даже подсознательно, какъ угроза... Потому что его невозмутимое упрямство, цѣлеустремлённое молчаніе – тихо бѣсили Наталью. Нѣсколько вспышекъ Натальиной злобы – или негодованія? – вспоминались порой Салабину, когда приходилось отвѣчать на досужіе разспросы знакомыхъ о причинахъ развода.

Однако со временемъ, втянувшись въ ритмъ отца-одиночки, онъ сталъ находить свободныя силы на то, чтобы подумать о будущемъ. «Рыночная Россія» уже располагала къ этому: появились не только газеты брачныхъ и прочихъ объявленій, но уже наступала и заря так называемыхъ виртуальныхъ знакомствъ – въ Сѣти. (Правда, увидѣть на тротуарѣ трафаретное приглашеніе типа «Отдых. ХХХ-48-58 Маша» тогда было ещё немислимо. Но такого не позволяло и тогдашнее состояніе тротуаровъ: панели выглядели не лучше, чѣмъ похмѣльное Первое Лицо.)

– Ну это только ты такъ можешь! – выкрикнула, съ возмущённымъ хохотомъ, сослуживица Салабина и большая допытчица, когда онъ, припѣртый ея допросомъ, проговорился не только о томъ, что влюблёнъ, но и о томъ, что влюбился онъ, сидя въ зубоврачебномъ крѣслѣ. Надо отдать ему должное – не въ стоматолога влюбился (это было бы ужъ крайнимъ извращеніемъ) – а въ дѣвушку-ассистентку. Это и была упомянутая Ирина Анатольевна.

* * *

Отецъ посѣщаетъ сына въ однокомнатной квартиркѣ, гдѣ сынъ прописанъ вмѣстѣ съ матерью, но проживаетъ одинъ. Ростикъ, должно быть, уже потихоньку отходитъ отъ того удара, что получилъ отъ женскаго племени, но выглядить потеряннмъ по-прежнему и порой отвѣчаетъ невпопадъ. Повидался и съ матерью, и съ ея новымъ мужемъ, тоже разведённымъ дядькой – скорѣе, даже парнемъ, «онъ тя моложе, папа», но въ прежнемъ бракѣ парню, какъ выразился Ростикъ, «крупно не повезло».

Салабинъ не сталъ любопытствовать. Его больше интересуютъ сыновьи планы.

Сынъ задумался, покраснѣлъ, засопѣлъ, глаза увлажнились; объявилъ, что могъ бы законтрактоваться и снова поѣхать на Кавказъ.

– Съ твоимъ астигматизмомъ? – нарочито дѣловымъ, спокойнымъ тономъ спросилъ отецъ. – Кстати, почему ты безъ очковъ?

– Ещё новыхъ не заказал.

– Денегъ нѣтъ? Я дамъ.

– Пока не надо, – отвѣтилъ Ростикъ. И задумался, забывъ сказать «спасибо».

– Тебѣ надо въ вечернюю школу идти, аттестатъ получить, а тамъ уже рѣшай какъ знаешь: учиться дальше, работать или служить.

Ростикъ кивнулъ. Онъ вышелъ проводить отца и «заодно въ магазинъ». Голодное начало девяностыхъ какъ будто отступило, но скудость жизни большинства ещё оскорбляла глазъ. Геннадій расплачивается за покупки сына и берётъ съ него обѣщаніе, что тотъ станетъ учиться.

– Я, навѣрно, въ милицію поступлю, – говоритъ Ростиславъ. – И въ вечернюю школу тоже. Я уже думалъ.

У Салабина какъ гора съ плечъ свалилась. Онъ боялся, что Ростикъ сдѣлаетъ какую-нибудь глупость послѣ своей сердечной неудачи.

А онъ-таки сдѣлалъ... Черезъ недѣлю-другую напился и вышелъ на балконъ съ пистолетомъ популять въ бѣлый свѣтъ, да и въ тёмную землю тоже. Пострадала прохожая тётка: отрикошетившей пулей пробилъ ей сапогъ и поцарапало икру, былъ крикъ, былъ нарядъ милиціи и дальнѣйшія событія, о которыхъ Салабинъ узналъ по ихъ окончаніи.

Къ чести Натальи и ея новаго мужа, они постарались спасти Ростислава отъ суда: парень довольно скоро переѣхалъ в коммунальную квартиру, а средства, вырученныя при обмѣнѣ, ушли на умасливаніе пострадавшей, дабы та отказалась отъ судебныхъ дѣйствій.

Такъ Наталья оказалась безъ собственнаго жилья и попала въ зависимость отъ мужа, свекрови и свёкра.

Отець навѣщаль сына по новому мѣсту жительства. Его сосѣди, слава Богу, люди были спокойныя, среди нихъ молодая пара. Сынъ сталъ искать утѣшенія въ своей давней страсти къ рыбалкѣ, но теперь по-серьёзному – съ пріятелиаи сталъ ѣздить на подлѣдный ловъ. Пойманныхъ окуньковъ и краснопѣрокъ, а то и шукъ, онъ отдавалъ старушкамъ по сосѣдству, кто держаль кошачьихъ; такъ онъ пріобрѣль извѣстность въ околоткѣ, чему способствовала и форма милиціонера; къ слѣдующей веснѣ онъ замѣтилъ яркую девушку Ольгу съ сосѣдней улицы, а вскорѣ и Салабинъ увидѣль у сына фотографію симпатичной брюнетки. Ростикъ, какъ бы между дѣломъ, сообщилъ, что родители Татьяны считаютъ его удачнымъ кандидатомъ для дочери: не пѣть, не курить, пристроенъ, имѣеть перспективу, учится. Труднѣе понять саму Ольгу: дѣвица достаточно капризная.

Съ матерью Ростикъ видѣлся рѣдко: ей было не до прошлой жизни. Тѣмъ охотнѣе сынъ дѣлился съ отцомъ.

* * *

Итакъ, промежуточные итоги Салабина: дождался сына; дочка – съ нимъ; изданъ сборничекъ рассказовъ; съѣхали съ Марусей въ коммуналку, но есть работа, позволяющая надѣяться, что со временемъ онъ сможетъ и квартирѣху купить – на вторичномъ рынкѣ.

А что до устремленій литературныхъ, то мѣстные писатели согласились признать Салабина своимъ коллегой, снабдили его книжку выпиской изъ протокола и отправили въ Москву, въ центральную пріёмную комиссію, дабы утвердили его въ этомъ качествѣ. Но это совсѣмъ другая тема, насъ она не слишкомъ интересуеть. Впрочемъ, и Салабинъ думал, что теперь эффектъ уже не тотъ: прежде было нормой «принимать въ писатели» по выходѣ двухъ или болѣе книгъ

– Не скажи! – возразилъ ему Евгений Васильевичъ Кутузовъ, тогдашній предводитель русскихъ писателей города. – Такой книжки, какъ твоя, одной достаточно. Ты же её не написалъ – родиль! Видно всё по датамъ рассказовъ!...

Писательскій билетъ пришѣль изъ Москвы какъ разъ къ разводу. Свобода! – пиши не хочу. «Не хочу», – отвѣчалъ свободный Салабинъ. На рукахъ была дочка, а в арміи – ещё не найденный сынъ. Потомъ вернулся сынъ – но попрежнему невѣсть куда легла вся страна. И Салабинъ не сталъ раздумывать между реализмомъ и набирающимъ наглость поцъ-модернизмомъ, а сдѣлалъ рѣшительный разворотъ въ сторону злободневной публицистики.

* * *

Впослѣдствіи Салабинъ не разъ говорилъ Красову и Рославлеву, что въ своёмъ писательствѣ гнушался дѣлать героемъ своей прозы представителя писательскаго цеха, считая это линіей наимѣншаго сопротивленія. И потомъ – почему не писать о нормальныхъ людяхъ? – съ простодушнымъ видомъ удивлялся онъ. Другое дѣло – автобіографическіе тексты, здѣсь авторъ не имѣеть права на вымыселъ, поскольку пишетъ о себѣ самомъ: врать нельзя, но можно промолчать. Не потому ли многіе классики ограничивались собственными дѣтствомъ и юностью?.. Въ частности, второй и третій Толстые... Хотя причиной могла быть и скромность, какъ у Чехова, – но тогда и дѣтство-юность описывать не станешь.

Автобіографическая проза можетъ быть увлекательнымъ и познавательнымъ чтеніемъ – тотъ же Горькій хотя бы... Но не довѣль пролетарскій писатель свою исповѣдь до усыновленія имъ родного братца Янкеля Свердлова, не открылся намъ – зачѣмъ и почему. Какъ бы то ни было, автобіографическія писанія имѣють право на существованіе, но беллетристу дѣлать героемъ писателя N* – развѣ не лукавство, развѣ не попытка, въ глазахъ читателя, надѣть золочѣную маску?

Зато публицистика – священная обязанность писателя во всѣ времена. Только равнодушные гнушаются ею. Либо труссы...

Въ 90-е и «нулевые» годы страна оцѣнивала установившійся режимъ какъ измѣннической и продажный. Ропотъ въ народѣ не ослабѣвалъ, но выхода ему не было. Возникали національныя русскія организациі, съ которыми успѣшно боролись власти: гдѣ компроматомъ, гдѣ провоцируя на беззаконіе, а гдѣ и черезъ внезапныя перемѣны въ законѣ – примѣняя ихъ какъ имѣющіе обратную силу. Самымъ удачнымъ для властей былъ способъ «возглавить, чтобы обезвредить»... Генераль

упразднённого КГБ возглавил «Русский национальный собор», разваленный, согласно мудрому руководству, меньше чем за год. Через несколько лет был Церковью образован Всероссийский Народный Собор, который уже не мог развалиться по определению, да и грозить властям не мог и не собирался: власть сама насытила сей Собор своими лучшими представителями. А «Русское национальное единство» было затоптано за несколько лет.

Но свобода создания «партий» сохранялась, и многие люди, не обременённые ни властью, ни памятью истории, восприняли это на свой счёт, продолжая верить в партийный путь к спасению страны. Возникали партии с самыми возвышенными названиями, как «Святая Русь», возрождались исторически прославленные наименования, как «Союз русского народа» (он же «чёрная сотня», то есть люди от чёрной земли)... Но такие партии имели краткий век по целой совокупности причин – по отсутствию средств, карьеризму и себялюбию руководителей, из-за препон законодательных, из-за интриг подосланных людей. Если организация оказывалась вдруг твердой, сплочённой вокруг неподкупного вождя, то его вождь внезапно отдавал Богу душу, едва успев перед кончиной раз или два причаститься Христовых Тайн, а дальше происходило плановое, ожидаемое: интрига и раскол.

На этом фоне публицистика цвела буйным разноцветьем. Она затягивала людей самых разных слоёв, возрастов и профессий – только с противной стороны она была выгодно оплаченной работой, а с другой – безкорыстным делом одиноких либо соединённых в мёртвую редакцию энтузиастов.

Геннадий Салабин отдал публицистик десяти лет. Поочередно побывав за это время в рядах нескольких партий, он пришёл к очень важному выводу, о котором известили читателей всеми ему доступными средствами: политические партии – это для России губительная чума; именно с них началось распадение государства; спасение может прийти только через испытанный Историей отечественный инструмент – Земский Собор. Поэтому любая партия может быть только временным образованием (в силу требований драконовского закона), но подчинять свою деятельность должна задачам созыва такого объединительного, спасительного Собора Всея Земли. В таком Соборе может и должна быть представлена и Церковь – как индивидуально, так и соборно, но лучше всего – снизу.

В этом убеждении Салабин оставался до конца своих дней; даже отойдя от постоянного участия в политической полемике, он не проходил мимо всякого удобного случая эту точку зрения объяснить и отстаивать.

Но мы помним, что за эти десять лет дочка у Салабина-отца должна превратиться из третьеклассницы в зрелую девушку, а сам он, после ряда перипетий, должен был остепениться, «скупее стать в желаньях» и обрести ценную для себя дружбу Красова и Рославлева.

Трое в одной лодке... Не считая роковой спутницы Ирины Анатольевны.

* * *

Начертание 1991 года Салабин ощущал, интуитивно, как водораздел, конец и начало: черту – проведённую через судьбы невёдомо кем, или вёдомо – Кем... как иносказание, как отражённый цифрами портрет двулика Януса.

Впрочем, тогда ещё мало кто знал и говорил о Цифре, об оцифровке человеческого знания и тем меньше – об оцифровке человеческих душ. Но таинственную связь между начертанием «1991» и фигурой новоявленного президента СССР – безработный Салабин осязал почти физически. Интернет ещё не конкурировал с телевидением, зато число телеканалов быстро возрастало... Однако только кабельное ТВ распространяло видеоклип «Райка в раю» (то бишь в бутиках на Западе) – и то не по кабельной сети, а строго из-под полы. Комитет господской безопасности носился в лихорадке по городу, выслеживая эти незаконные *транзакции* (одно из слов, вошедших в лексикон чиновников и журналистов), а Салабин вспоминал французскую поговорку – *Cherchez la femme* – и не знал, на которой остановиться: на Раисе или на Маргарите.

Липовый путь умышляющего руки Горбачёва открыл дорогу больше наглому и решительному Бонингу Николаевичу – и страна помертвела от разрыва сознания. А когда, попустительством водворённого в прежнее кресло Горби, произошло бльвежское беззаконие, Геннадий похолодел от

предчувствія, вспомнив сразу всё: и сестру-кіевлянку, и несбывшіея планы побывать въ Крыму и повидать Молдавію... или наоборотъ: Крымъ повидать, а побывать въ Молдавіи, распѣвающей дойны*...

Удивляло – и даже претило ему, что «молодые литераторы» въ Домѣ писателя мало чувствовали всё происходящее: какъ ни въ чёмъ не бывало обсуждали ученическіе опусы другъ друга и отъ души прикладывались къ флягѣ съ самогономъ, неизмѣнно приносимой къмь-нибудь изъ младшихъ начинающихъ.

А пріятели изъ пароходства передавали тогда ещё бродячему репетитору Салабину, что заѣзжіе европейцы очень обезпокоены російской нестабильностью. Ещё бы имъ не беспокоиться! Западъ задолго до Альфреда Нобеля научился богатѣть въ облапошенной Россіи...

Въ слѣдующемъ году Домъ писателя посѣтила группа студентовъ изъ Франціи, вдругъ пожелавшихъ встрѣчи «съ молодыми русскими литераторами». Почти всё въ группѣ, съ разной успѣшностью, изучали русскій языкъ, а одна изъ нихъ, Франсуаза, безъ пяти минутъ преподаватель родного французскаго, ещё интересовалась и русскою поэзіей. Салабинъ и увязавшійся за нимъ младшій коллега Сергѣй продолжили общеніе съ гостями и гостьями въ ихъ временномъ общежитіи на Казанской. Сергѣй разсматривалъ Салабина какъ переводчика, а Салабинъ Сергѣя какъ третьяго лишняго, но Сергѣй пригласилъ Франсуазу на свой день рожденія – и приглашеніе было принято, а Салабинъ былъ приглашёнъ ещё раньше: ситуація складывалась любопытная.

И вотъ тамъ, на Казанской, глядя въ чѣрные глаза очаровательной Франсуазы, въ отвѣтъ на чѣй-то вопросъ Салабинъ неожиданно выпалилъ, что на Россію надвигается 93-й годъ. Всѣ поняли, что это намѣкъ на романъ Виктора Гюго, вѣдь онъ съ такимъ чувствомъ, холодѣя внутри, произнёсъ «катрованъ-трэзъ», что лицо у дѣвушки тревожно вытянулось.

– Всё такъ серьёзно? – спросила она.

Геннадій приложилъ пятерню къ своей груди и молча склонилъ голову.

Тутъ же была и Селестина со своимъ дружкомъ-англичаниномъ, который въ Домѣ писателя спрашивалъ Салабина, не грозитъ ли русскому языку судьба покойницы-латыни. Вѣроятно, эту тему Кевинъ, не изучавшій русскаго языка, и его подружка, этотъ языкъ изучавшая, постоянно обсуждали.

По пути на Казанскую Салабинъ сообщилъ французенкамъ о такомъ интересѣ Кевина – южанкѣ Франсуазѣ и бретонкѣ Гаэле.

Бретонка удивилась:

– Mais les russes, ne sont-ils pas nombreux, quand-même⁵?..

Англичанину же отвѣтъ его былъ сухъ и коротокъ:

– I should not think so.

Онъ не сталъ развивать тему собственныхъ наблюдений – о томъ, что англійскій, въ силу своей международной, подвергается неизбѣжной и непрерывной эрозии.

Франсуаза, фанатѣвшая отъ стихотворныхъ лѣсенокъ Маяковскаго, спросила, «кто сейчасъ первый поэтъ Россіи». Сергѣй, физикъ по профессіи и фанатикъ своей собственной прозы, съ отвѣтомъ замѣшкался, а Салабинъ назвалъ Юрія Кузнецова – и, желая сдѣлать засѣчку въ памяти у Франсуазы (и, по возможности, отвлечь её отъ Маяковскаго), добавилъ:

– ...Написавшій стихи, какъ онъ «пилъ изъ черепа отца...»

Однако эти слова потонули въ какомъ-то смѣхѣ Селестины, шептавшей съ Кевиномъ.

Забѣгая впередъ, скажемъ, что влюбленность Салабина въ Франсуазу пережила 93-й годъ и ельцинскіе перевыборы въ 96-мъ. Въ 1995 году, уже возвращённый въ пароходство, онъ выслалъ ей свой сборничекъ рассказовъ, а Франсуаза отвѣтила сборникомъ Аполлинэра.

О своиxъ чувствахъ онъ не заикался: въ 92-мъ ему мѣшала совѣсть сѣмьянина, а въ 95-мъ – осознаніе своей нищеты и неспособности поддерживать связь даже по телефону. Послѣдней причиной, но всё-таки причиной, было то, что Салабину въ годъ рожденія Франсуазы было ровно столько же, сколько ей къ моменту ихъ встрѣчи. Но жадная память запомнила, какъ обычно отвѣчала Франсуаза, когда онъ предлагалъ ей время и мѣсто встрѣчи:

– Entendu⁶.

Ещё далѣе впередъ, упомянемъ, что съ развитіемъ интернета Салабинъ смогъ выяснить удалѣнную траекторію Франсуазы: черезъ двадцать лѣтъ она защитила докторскую диссертацию на при-

⁵ Но разве русскихъ не достаточно много? (фр.)

⁶ Хорошо. Поняла. (фр.)

чудливую тему, гдѣ сопрягались имена Маяковского, Сендрара и Аполлинэра. И ещё въ какомъ-то обращеніи къ учёной тусовкѣ она благодарила своего супруга-филолога за оказанную ей помощь въ работѣ. Такъ что – Маяковскому съ ней больше повезло? Не будемъ торопиться съ выводами...

* * *

Въ 1993 году иностранные гости пароходства, выпивая съ бывшими сослуживцами Салабина, выражались ещё болѣе категорично, чѣмъ два года назадъ: разстрѣль парламента – это безусловно государственный переворотъ. Точка! Prosit*!

Жуть, кровь и гарь произошедшаго долго витали въ воздухѣ и тлѣли въ людяхъ, медленно выходя изъ памяти, дыханія и слуха, но осѣдая въ печени, выступая на кожѣ пятнами...

Телевидѣніе рукоплескало перемѣнамъ и внедряло передовыя інформаціонныя технологіи, занимствуя множество заокеанскихъ шаблоновъ и сценаріевъ. Люди, обладавшіе интуиціей, искали выходы или хотя бѣ единомышленниковъ въ интернетѣ. Гласность, о которой пѣли трели горбачёвцы, смѣнилась безстыдствомъ и соответствующимъ обновленіемъ словаря. Дѣти вслѣдъ за телевизоромъ учились говорить *сексуальное платье* – въ смыслѣ: красивое, и *откровенный нарядъ*, что означало «безстыдный». Культурныя традиціи уходили въ резерваціи. Политическое сознание ещё бурлило в пробиркахъ типа дискуссионнаго клуба «Русская мысль» и выплѣскивалось на страницы малотиражныхъ газетъ, время отъ времени запрещаемыхъ, мѣняющихъ названіе и неизбѣжно снова закрываемыхъ, когда тиражъ ихъ начиналъ возрастать.

* * *

Медикамъ хорошо извѣстно, что сильный стрессъ сказывается, среди прочаго, на состояніи зубовъ. У Салабина выпали одна за другой двѣ пломбы – и онъ отправился въ медицинскій центръ «Адмиралтейскихъ верфей», съ которымъ у «Новыхъ агентовъ» былъ договоръ.

Ирина Анатольевна завладѣла его сознаниемъ и, пожалуй, сердцемъ, подаривъ ему немалое отвлеченіе отъ мерзостей политики. После рабочаго дня Ирина спокойно позволила ему проводить её домой; дочка Маруся была въ загородномъ дѣтскомъ лагерѣ; день былъ ясный и предстояла волнующе-неближняя дорога отъ устья Фонтанки въ самый конецъ предлинной улицы Ленсовета, до «Звѣздной» станціи метро.

Под землёй ихъ путешествіе продлилось не столь долго, какъ могло бы длиться въ автобусѣ; это уже дома онъ высмотрѣлъ на картѣ улицу Ленсовета, о которой до того момента не имѣлъ никакого представленія. Зачарованно слѣдя, какъ тянется эта улица черезъ полгорода, да ещё съ изломомъ на половинѣ длины, онъ подумалъ, что столь несуразное имя не дѣлаетъ ей чести, а хорошо бы назвать её именемъ академика-хирурга и долгожителя Фѣдора Углова, чей портрет, въ советскихъ и заграничныхъ орденахъ, онъ видѣлъ недавно в газетѣ. Хирургъ продолжалъ оперировать въ возрастѣ девяноста съ лишкомъ лѣтъ. Тогда длина улицы оправдалась бы долгою дней академика.

Второю мыслью Салабина было воспоминаніе о давней командировкѣ во Францію: въ Парижѣ почти любой изломъ длинной улицы можетъ имѣть новое названіе – столь много у нихъ почитаемыхъ имёнъ; славныхъ много и у насъ, но почитаемъ почему-то не всѣхъ, или просто не тѣхъ... У французовъ даже стометровый переулокъ, не имѣющій ни одного строенія, носить, тѣмъ не менѣе, имя актёра Жерара Филиппа.

Ирина была чѣмъ-то похожа на героиню «Пармской обители», въ которую влюбился Фабриціо, сыгранный Жераромъ...

Да, дочка была въ лѣтнемъ лагерѣ, и Салабинъ предался безъ помѣхъ воспоминаніямъ объ истекшихъ суткахъ...

Мнѣ долго счастье чуждо было.
Мнѣ ново наслаждаться имъ
И, тайной грустію томимъ,
Боюсь: невѣрно всё, что мило.

А.С. Пушкинъ. *Гречанкѣ*

Войны, революціи, преступленія людей и произволъ властей, врачебныя, судебныя ошибки – всё это понятно, всё объяснимо. Макроявленія, при всей ихъ грандіозности, на самомъ дѣлѣ

представляют собою простые рѣшения; когда переполняется чаша Всевышняго Терпѣнія – то изливается Гнѣвъ Господень, настигая кого въ чёмъ застаётъ. Но столкновение и попытка сочетанія двухъ микрокосмовъ являютъ собой задачу, арифметически не рѣшаемую. Для двухъ психическихъ атомовъ – всё непредсказуемо, всё загадочно и таинственно, хотя для вышнихъ – не можетъ тайны быть и тутъ, при томъ что психическій атомъ въ теченіе жизни измѣняется; онъ подверженъ воздѣйствію множества видимыхъ и невидимыхъ, тѣмныхъ и свѣтлыхъ, внѣшнихъ и внутреннихъ силъ.

Преждѣ чѣмъ примѣнить къ себѣ своё гуманитарное образование, Геннадій Салабинъ далеко перешагнувъ пятидесятилетний рубежъ. Оглянувшись на свою личную исторію, онъ вдругъ увидѣлъ, что его любовное поведеніе не имѣло къ современности никакого отношенія: оно принадлежало средневѣковью... и, можетъ, въ малой степени – античности (при этомъ вспомнились стихи Алкея къ Сапфо: о томъ, что онъ испытываетъ къ ней чувства, въ которыхъ не смѣетъ признаться). Отвѣтъ Сапфо былъ строгъ – но могъ быть понятъ и какъ поощреніе: не будь твои желанія нескромны, ты бы легко признался въ нихъ!

Средневѣковый же влюблённый былъ другимъ: блѣдный измученный призракъ съ лихорадочнымъ взоромъ, лелѣющей молча сердечную рану. Этотъ образъ изъ лекціи профессора въ университетѣ освѣтилъ потѣмки салабинской жизни: эге, братъ, да ты – придурокъ изъ средневѣковья, покинувшій античность – и не прибавившійся къ Возрожденію; къ тому самому, которое историки-искусствовѣды величаютъ съ прописной буквы – умалчивая, что возрождалось-таки языческое отношеніе ко всему окружающему и къ себѣ какъ центру всѣхъ вещей.

Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ сильнѣе влюблялся Салабинъ, тѣмъ болѣе средневѣковымъ типомъ онъ выглядѣлъ. Таковъ былъ его психосоматическій изъянъ. «А я-то голову ломалъ: что за проклятіе такое?» – воскликнулъ Салабинъ, разрѣшивъ загадку своей почти уже пройденной жизни.

Объяснились всѣ его пораженія и утраты, главной изъ которыхъ ощущалась Ирина Анатольевна. Его ещё не посѣтилъ вопросъ, за что и для чего эти утраты ему дарованы.

Сейчасъ ему нѣтъ ещё пятидесяти, онъ только что пережилъ необычныя для себя сутки своей жизни – и хочетъ снова ихъ пережить, хотя бы мысленно.

...Выйдя изъ метро, Геннадій съ Ириной вскорѣ оказались въ зелёномъ пространствѣ между жилыми домами, похожемъ на скверъ съ дѣтской площадкой. Она мановеніемъ руки показала на скамью – и они усѣлись, продолжая свою бесѣду.

По правдѣ говоря, бесѣды-то и не было. Больше говорить приходилось Салабину, поскольку это онъ былъ стороною, навязавшей своё общество, и приходилось оправдывать своё пребываніе рядомъ съ этимъ существомъ, столь его интересующимъ.

Изъ учётной медицинской карты Салабина Ирина опредѣленно знала, кто онъ и откуда, развѣ что ей были неизвѣстны его обязанности и полномочія, поэтому Геннадій вкратцѣ объяснилъ ей, чѣмъ занималось ихъ агентство, за что отвѣчалъ онъ самъ, а Ирина спросила объ одномъ ихъ диспетчерѣ, Сергѣе, которого обозвала конкретнымъ идиотомъ – за то, что онъ записывается на приёмъ и сплошь и рядомъ не приходитъ.

– У него работа такая, – извиняющимся тономъ пояснилъ Геннадій, – въ порту постоянно случаются заморочки съ пароходами, и онъ остаётся разгрѣбать чужую забывчивость и разгильдяйство... Такая доля у парходнаго агента.

– Всё равно! – отвѣтила Ирина. – Намъ отъ этого не легче! Нельзя же постоянно...

Геннадій теревилъ въ рукахъ какую-то газету, и это мельтешеніе заставило её спросить:

– Что это у васъ?

Возможно, её вопросъ былъ медицинскимъ и касался діагноза: что это с вами? – но Геннадій понялъ его буквально и доложилъ, что это патриотическая газета, которую онъ иногда покупаетъ.

– Я газетъ не читаю! – съ вызовомъ отвѣтила Ира.

– Навѣрное, вы правы, – сказалъ Геннадій. – Во всякомъ случаѣ, эта газета продаётся только в одной точкѣ на весь городъ.

Поколебавшись, онъ всё-таки спросилъ:

– А книги вы читаете?

– По специальности читаю. Стефана Цвейга тоже... Потомъ Булгакова...

– Я могу вамъ свою книгу подарить. Хотя я точно не Цвейг, но немного Булгаковъ...

Она картинно отстранилась и посмотрѣла на него изъ-подъ руки. Затѣмъ отвернулась и произнесла:

– Ну, давайте.

– Я съ собой не возьму. Надѣюсь, мы ещё увидимся?

Она разсмѣялась:

– Конечно! Въ четвергъ, въ стоматологіи.

«Она помнитъ, когда я приду на приёмъ!» – благодарно подумалъ Геннадій.

– Намъ пора! – сказала Ира.

Геннадій безропотно поднялся. Они вышли на улицу Звѣздную и пошли въ сторону закатнаго неба, миновали станцію метро, изъ которой недавно вышли, и пошли на сѣверо-западъ по неизвѣстной улицѣ. Салабинъ прочёлъ на табличкѣ: «улица Ленсовета».

День стоялъ погожій и цвѣтной, какъ арбузная корка на тѣмномъ столѣ старой дачи, и воздухъ совсѣмъ не пахнулъ городомъ.

– Скоро Ирочка въ отпускъ поѣдетъ! – со вздохомъ накопившейся усталости объявила Ира.

– Какъ скоро? И далеко?

– Въ Крымъ пригласили. И дочка уже там.

– Завидую, – признался Салабинъ. – Расскажите про дочку...

Дочка Ирины перешла на второй курсъ Финэка, то есть финансово-экономическаго...

– А моя – въ лагерь на Карельскомъ перешейкѣ.

– Навѣщаете? – строго обернулась къ нему Ирина.

– А какъ же!

Они снова повернули вглубь квартала и пошли уже между домами, по затѣненной дорожкѣ рас- трескавшегося асфальта.

– Вы не отвѣтили, когда отвѣжаете! – напомнил онъ.

– Въ субботу.

– Такъ скоро?

– Дожить ещё надо! – вздохнула она. «Попробуй тутъ возразить!..» – подумалъ Салабинъ.

Быль, конечно, августъ – мѣсяцъ, нагруженный исторіями, урожаемъ, катастрофами, и по краямъ ихъ асфальтовой дорожки уже созрѣвала черноплодка – у куста Ирина остановилась, взяла ягоду, сверкавшую даже въ тѣни, и взяла её въ губы, глядя синими глазами на Геннадія. Онъ потянулся къ ягоде той, а она триумфально исчезла подъ алой аркой – и онъ выдохнулъ: ахъ, поздно! – а Ира возразила: нѣтъ, рано!

Онъ взялъ её за руку и такъ постоялъ, сжимая кисть ея и переживая красоту ея отвѣта.

Ирина пошевелила рукой, высвободилась, и они пошли какъ ни въ чёмъ не бывало, но у него брэнчало въ душѣ: какъ бы не такъ!.. о, какъ бы не такъ! Какъ въ пѣснѣ, памятной, совсѣмъ недавно популярной, молчаніе становилось обѣщаніемъ, кровообращеніе въ природѣ участилось – никакъ не мѣшая, однако, звучанію той пѣсни о русскомъ полѣ и его отдѣльномъ колоскѣ.

Тутъ Ирина посмотрѣла на скамейку:

– Давай покуримъ!

«Ахъ! – дрогнуло въ Салабинѣ. – Курилка... А всё равно, всё равно, всё равно – ненаглядная...»

Они присѣли, она изъ сумочки достала пачку сигаретъ и зажигалку.

– Мнѣ оставишь? – неожиданно для обоихъ, сказалъ онъ ей. – Затяжку, двѣ...

– Последнія затяжки – самыя вредныя... А если ты не куришь, то зачѣмъ?.. Ну ладно, ты тогда зажди...

Она протянула ему зажигалку и тонкую сигарету, онъ зажѣгъ её, не закашлявшись, затянулся и выпустилъ дымъ – Ирина отняла сигарету:

– Ну, до чего смѣшно!.. Сразу видно, что не курильщикъ. Тебѣ и не надо, понялъ?

– Ага.

Она курила, глядя въ его сторону сквозь лёгкія облака дыма, а онъ рядомъ сидѣлъ съ надрѣвающимъ сердцемъ.

Когда встали и пошли, онъ молчалъ на протяженіи полукилометра дорожекъ и поворотовъ, взглядывая на чистый профиль Ирины, а она по-своему, искоса, посматривала на него. Такъ онъ молчалъ, пока вдругъ не услышалъ:

– Ну вотъ, мы и пришли!

Онъ встрѣтилъ ея взгляды и продолжалъ молчать, не уклоняясь отъ сыпавшихся камешковъ прошлого, пока шли они къ железно-коричневой стальной бронеплитѣ, преграждавшей входъ въ ея подъездъ. «Неизбѣжность страннаго міра, неизбѣжность страннаго міра», – вертѣлось у него въ головѣ и онъ вспомнилъ, что это названіе книги, которую совѣтовалъ классу ихъ учитель физики, обращаясь въ первую очередь къ отличникамъ, способнымъ увлечься тайнами атома, надѣясь на Салабина въ томъ числѣ...

Неизбежность странныхъ совпаденій не замедлила проявиться. Номеръ коммуналки Салабина былъ 64, а на дверяхъ Ирины было 46. Онъ рѣшилъ, что это совпаденіе. Завтра онъ будетъ записывать ея телефонъ – и въ нёмъ тоже найдётъ совпаденіе чего-то съ чѣмъ-то, ещё не ясное вполнѣ: 126-1-126. Войдя въ квартиру, онъ поразился ея медицинской чистотѣ, особенно порядку въ кухнѣ, затѣмъ Ира прошла въ дальнюю комнату – это была спальня – и проверила на прикроватномъ телефонѣ пропущенные звонки. Такіе аппараты были ещё редкостью, у Салабина въ коммуналкѣ такого и подавно быть не могло.

– Ничего нѣтъ важнаго, – нараспѣвъ произнесла Ира и направилась изъ спальни вонъ.

Изъ этого Геннадій могъ бы заключить о своей относительной важности, однако онъ, не сводившій съ Ирины глазъ, едва ли могъ её слышать.

Она провела его въ ближнюю комнату, поменьше, и указала на крѣсло:

– Сядь сюда и не ходи за мной. Газету почитай. Ну, или телевизоръ включи.

Вскорѣ изъ кухни послышалось весѣлое звяканье металла и посуды.

Ужинъ ихъ тоже оказался чудеснымъ «совпаденьемъ»: тѣртая свѣкла, политая сметаной, творожная запеканка – что у него, то у неё.

Новый камешекъ воспоминаній упалъ ему на грудь – поговорка покойной матери: «Гдѣ сердце лежитъ – туда глазъ бѣжить!». Дума его, когда онъ смотрѣлъ на Иру, заключалась въ одномъ словѣ: ненаглядная! И вѣдь чудесное это слово есть только у насъ, въ нашемъ языкѣ, но это продолженіе думы пришло уже назавтра, когда онъ былъ одинъ.

Больше нигдѣ однимъ словомъ этого не выразить, говорилъ онъ себѣ, вспоминая эту минуту: прочимъ народамъ понадобится цѣлое предложеніе...

Чѣмъ дольше онъ говорилъ, отвѣчая ея требованіямъ, тѣмъ больше превращался въ электрическое реле напряжённаго ожиданія, потому что не за горами было время, когда вотъ-вотъ закроется метро.

Ирина почувствовала, что онъ почти всё сказалъ и сталъ уже заговариваться; тогда встала, порылась у себя какъ бы на книжной полкѣ (оказалось: среди видеофильмовъ) и поставила на просмотръ одну изъ кассетъ.

– Ну, съ тобой всё понятно!.. А вотъ тебѣ моя теперъ жизнь!

Это прозвучало слегка крикливо, как у конферансье со сцены.

На экране появились кадры травяного лѣтнаго поля и неба съ фигурками парашютистовъ.

– Это нашъ гатчинскій аэроклубъ!

– Ты парашютистка? – спросилъ восторженный Салабинъ. – Лѣтчица?..

– Была, – отвѣтила она неопредѣленно, не уточняя, кѣмъ же она была. – Ты смотри пока.

Общій планъ смѣнился ближними кадрами и навстрѣчу Салабину направился рослый мужикъ съ рыжей щетиной на щекахъ и косою улыбкой курильщика. Тутъ онъ ухмыльнулся шире и подмигнулъ...

– Съёмка твоя? – не скрывъ безпокойства, спросилъ Ирину Салабинъ. Улыбка у мужика была невыносимо хозяйской...

– Моя...

«Вотъ это громила! – подумалъ Салабинъ. – Такому требуется двойной парашют!»

Послѣ прыжковъ съ неба и тренировочной укладки парашютовъ пошли сцены тёплой компаниі у костра подъ гитару... На заднемъ планѣ лоснились бока иномарки-внедорожника. Ира сказала, что этой машины больше нѣтъ: разбитая стоитъ въ гаражѣ ея отца, а разбилъ не кто иной, какъ мордоротъ Серёга (недружелюбный эпитетъ мысленно добавилъ, разумѣется, Геннадій).

– Совершенно невмѣняемый человекъ! – съ жалобнымъ выраженіемъ лица сказала ему Ира, а Салабину померещилось восхищеніе на этомъ лицѣ.

– Такъ это его была машина – или ваша?

– Отцовская! – и теперь на лицѣ, точно, восхищеніе.

А должно быть отецъ её очень любить!.. Да и какъ не любить?

– Ну, вотъ! – ты теперь жизнь мою знаешь! И ничего общаго съ вашимъ моремъ – только съ пляжемъ!

– Да, я вижу! – кивнулъ Салабинъ.

И въ самомъ дѣлѣ начинало что-то брезжить: метро уже закрылось накрѣпко, а такси не вошло ещё въ норму жизни горожанъ – даже имѣющихъ твёрдый заработокъ.

Ира вытащила альбомъ семейныхъ фотографій, за альбомомъ съ полки упалъ конвертъ, набитый открытками, и она перебирала ихъ, пока Геннадій просматривалъ фото Иры въ разные годы, съ родителями и безъ.

– Вотъ, смотри... – сказала она и стала вслухъ читать открытку отъ бывшего мужа къ ея дню рожденія.

– Это онъ мужемъ такимъ былъ? – подивился Геннадій нѣжному многословію мужика.

– Уже бывшимъ!.. Это онъ уже потомъ на слова не скупился! – нотка то ли злорадства, то ли сожаленія прозвучала въ ея голосѣ.

И толкнула ему стопку открытокъ: – На, смотри!..

Онъ нашёлъ это страннымъ съ ея стороны, но съ вниманіемъ просмотрѣлъ открытки, среди которыхъ были нѣсколько фотографій офицера въ чѣрной формѣ съ бѣлымъ кашне. «Вотъ тебѣ и море!»

Она постелила ему въ комнатѣ дочки, а сама ушла въ родительскую спальню. Черезъ какое-то время она прошла въ кухню покурить подъ вытяжкой; возвращаясь, сказала:

– Не спится что-то... Давай разговаривать!..

Утромъ она уѣзжала на дачу къ родителямъ и онъ провожалъ её къ электричкѣ. Голова его гудѣла какъ причальная тумба отъ волновыхъ ударовъ, глаза щипало отъ ослѣпительнаго блеска. Ирину тоже качало и солнечный блескъ ей, похоже, былъ не милъ. Когда подошла электричка, она торопливо, какъ бы вынужденно, ткнулась ему въ губы и побрела къ вагону.

У нихъ были ещё день-другой до ея отъѣзда, у него былъ ея телефонъ... Но онъ совсѣмъ не зналъ, чему вѣрить и о чёмъ онъ можетъ себя спрашивать.

* * *

Когда она объявила о своёмъ предстоящемъ отъѣздѣ къ дочкѣ въ Крымъ, Геннадій вызвался провожать её къ поѣзду. Но не тутъ-то было: её-де провожаютъ «двое молодыхъ людей», одинъ изъ которыхъ – принимающая сторона ихъ съ дочкой въ Крыму, а другой слишкомъ хорошо знакомъ съ Сергѣемъ, «котораго ты только что видѣлъ на дискѣ»: это будетъ «море крови»!

Человѣку свойственно сначала испугаться, а потомъ поразмыслить. Даже внезапный герой-спасатель бросается на помощь отъ испуга, что кто-то можетъ погибнуть у него на глазахъ.

Когда Салабинъ поразмыслилъ, то у него нашлись множество возраженій противъ мифическаго «моря крови», но Ирина упорно стояла на своёмъ. Согласилась только съ тѣмъ, что Геннадій проѣдется съ нею отъ дома до вокзала, но къ вагону, во избѣжаніе ненужнаго знакомства, не пойдѣтъ.

Её провожали двое сорокалѣтнихъ мужиковъ – вылитые горожане, которыхъ въ деревнѣ сразу опознали бы какъ дачниковъ, никогда не державшихъ лопаты. Они сопровождали двѣ-три картонки какой-то цѣнной рухляди, передаваемыя съ Ириной крымскимъ получателемъ...

Ирина-птичка щебетала съ ними, а Геннадій издали ждалъ-опасался невѣдомо чего. Наконецъ горожане усадили Иру съ картонками въ вагонъ и отбыли восвояси, а Геннадій-деревенщина не уходилъ, пока не тронулся поѣздъ.

Зато, съ обрѣтеніемъ воли, Салабинъ снова сталъ слѣдить за новостями и событіями, упражняя свою мышцу публициста.

Дважды въ недѣлю онъ ѣздилъ къ дочкѣ въ лагерь, а въ будніе вечера переписывался съ такими же, какъ самъ, активистами, рассылающими бюллетени о состояніи здоровья страны и предлагающими способы лѣченія.

(Продолжение романа в следующем номере журнала)

Проза

Александр Чумиков

Чумиков Александр Николаевич – генеральный директор коммуникационного агентства «Международный пресс-клуб» (www.pr-club.com), главный научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, профессор Российского университета дружбы народов.

Кандидат философских наук, доктор политических наук, профессор. Автор 35 учебников, учебных пособий, монографий по проблематике связей с общественностью (PR), медиа, антикризисных коммуникаций; нескольких сотен публицистических материалов в общероссийских, московских, региональных газетах и журналах.

В художественно-документальной прозе дебютировал в 2008 году с мемуарной книгой «Записки PRофессионала» (Издательство «Питер»).

В журнале «Берега» ранее опубликовал повести «Москва-400» и «Кам-са-мол!».

90-е. Александр и другие*

Окончание. Начало в № 2(32), № 3 (33)-2019

Повесть

*... И помню, какой славный бой был!
Тепло было, солнышко, тепло, но не жарко...*

Михаил Булгаков, «Бег»

ЧАСТЬ III

Александр. Пишу в блокнотик, впечатлениям вдогонку

Бывают должности, на которых ты получаешь возможность и даже обязанность – много чего видеть и слышать из того, что другим не дано; таким же образом встречаться с известными людьми.

Бывают такие же места, куда ты почему-то получаешь допуск.

Бывает стечение обстоятельств, обозначенное известной формулой: «в нужном месте в нужное время...»

В соответствии с этой формулой я и оказался генеральным директором Международного пресс-клуба (МПК), который работал на площадках Центра международной торговли (ЦМТ) на Краснопресненской набережной Москвы и о происхождении которого уже рассказывалось в предыдущей части повести.

Раз пресс-клуб – значит, журналисты. Раз журналисты – значит, пресс-конференции. А на них, стало быть, и выступают те самые известные люди. По понятным, а иной раз совершенно не понятным причинам, они иногда говорят кое-что из того, что в другой раз или в другом месте не скажут.

Сидя в качестве ведущего на этих пресс-конференциях, я не только слушал и говорил, но и... записывал. Запись и расшифровку (транскрипт) выступлений делали, разумеется, и помимо меня. Но я выхватывал не столько общественно значимые, сколько просто любопытные, понравившиеся фразы.

В общем, как у Высоцкого:

* В повести много персонажей проходит просто под именами. Но они очень часто похожи на реальных и хорошо известных людей. Повествование порой ведётся прямо от имени «похожих». Список возможных прототипов приводится в конце каждой части повести. Впрочем, в её заключительной части «похожих» мало. Большинство персонажей названы своими исходными именами.

– ... И всё, что слышу, и всё, что вижу
Пишу в блокнотик, впечатлениям вдогонку.
Когда состарюсь – издам книжонку...

Состарился ли, нет ли, но, видимо, пришла пора познакомить и читателя с мини-набором неординарных фраз, произнесённых эмоционально, без подготовки. Теперь не буду шифровать авторов, в надежде, что они, в большинстве своём, слава Богу, живые и по сей день, на меня не обидятся.

Итак.

Юрий Лужков – в то время мэр Москвы – неизбежно выходил на тему реконструкции прежней, во многом серой и неудобной, российской столицы. Естественно, касался при этом финансовой стороны вопроса, вклада федерального и городского. И вот жалуется:

– *Реконструируем стадион в Лужниках. Дело-то общероссийское, а Правительство России денег не даёт. Я говорю: может, хоть на правительственную ложу дадите?!*

Министр финансов российского Правительства Александр Лившиц неизбежно становился тем самым крайним, кому адресовали вопрос об отсутствующих или недостающих для благих дел деньгах. Исчерпав не слишком устраивающие журналистскую аудиторию рациональные аргументы, министр шутил:

– *Не стреляйте в финансиста – он даёт столько, сколько может.*

Своеобразным кавказским юмором, как правило, спонтанным и необычным, блистал президент Ингушетии Руслан Аушев. Парируя расхожий аргумент о том, что нечто является правдой постольку, поскольку в одной книге написано, генерал произнёс:

– *Чтобы написать одну книжку, надо прочитать... ну, хотя бы три!*

Анализируя выборную кампанию, в которой он выдвигался на пост Президента России, но таковым не стал, лидер ЛДПР Владимир Жириновский объяснил всё просто:

– *Дайте мне побольше денег, и я вам не только себя – я страуса сделаю президентом Австралии.*

Когда мы обменивались визитками с лидером российской компартии Геннадием Зюгановым, я задержал взгляд на его карточке – там помещалось и фото партийного вожака, и довольно крупный шрифт:

– *Изучаете? – поинтересовался Геннадий Андреевич. – Правильно изучаете. Визитка уникальная: её предъявителям в наших ресторанах бесплатно сто граммов наливают.*

Множкратно встречаясь с Сергеем Ястржембским, пресс-секретарём Бориса Ельцина – тогдашнего Президента страны – я сделал для себя открытие: Ястржембский (впрочем, как и последующие президентские пресс-секретари) частенько комментировал на своих брифингах высказывания Президента, которых сам... не слышал. Что, Сергей Владимирович в этом признался? Конечно, нет! Просто на вопрос, когда он последний раз видел Бориса Николаевича, однажды ответил:

– *Тогда же, когда и вы – по телевизору...*

Уважаемые и титулованные люди порой ударялись в поучительные воспоминания молодости. Так, Александр Заверюха, во время нашей встречи вице-премьер Правительства России и доктор сельскохозяйственных наук, рассказал вот какую историю:

– *После школы я работал трактористом. Во время срочной службы в армии был командиром танка. А в 26 лет стал председателем колхоза в Оренбургской области. Что делать, – не знал; сначала только морды бил – ведь пьяные все ходят!*

Интересное и наиболее понятное как раз журналистам дополнение к чеховской цитате «Краткость – сестра таланта» предложил Валентин Зорин, занимавший пост председателя Комитета по делам национальностей Госдумы:

– *Да, конечно, сестра таланта. Но – тёща гонорара!*

Софье Пилявской, народной артистке СССР, ученице Константина Станиславского, старейшине МХАТа, журналисты задали вопрос: «Какие современные «звёзды» Вам нравятся?». Пилявская ответила достойно:

– *Сейчас сплошь «звёзды»... А раньше «звёзд» не было – были артисты. А «звёзды» были в оперетках. Или ещё пониже.*

Человек, прославившийся как застройщик столицы, первый заместитель премьера Правительства Москвы Владимир Ресин поделился секретом успеха:

– Вы хотите узнать секрет успеха? Первое – это голова, второе – ноги, а третье – то место, на котором сидишь.

В 90-е подводились промежуточные итоги распада СССР. Злободневно, даже и по сегодняшним событиям, высказался министр РФ по делам национальностей и федеративным отношениям Вячеслав Михайлов:

– Многие республики бывшего СССР искренне считали, что без России они станут жить лучше. И вот недавно депутат российской Госдумы украинец Николай Гончар поехал на Украину, посмотрел вокруг и на одной из встреч спрашивает собравшихся по-украински: «Ну что, хлопцы, где ж ваше сало? Опять москали съели?!»

С признательным заявлением в рамках популярной в 90-е темы о привилегиях выступил легендарный офтальмолог – генеральный директор Межотраслевого научно-технического комплекса «Микрохирургия глаза» – академик РАМН Святослав Фёдоров:

– Какие у меня привилегии? Государство даёт мне одну привилегию: грабить больного человека. Я – академик-рэкети́р.

Кто когда-либо слышал не только канонические молитвы, но и обычные выступления Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла, знают: это непревзойдённый оратор. В 90-е он занимал должности митрополита Смоленского и Калининградского, а также председателя Отдела внешних церковных сношений Московской Патриархии. Отвечая на журналистскую критику официальной церкви и российского законодательства, якобы притесняющих нетрадиционные религии, иерарх за опровергающим аргументом в карман не полез:

– Какие притеснения?! Допустим, в моём городе Смоленске появляется религиозная группа, поклоняющаяся антарктическому пингвину. Никто не знает что это такое, ни одна душа. Что произойдёт с этой группой? С первого дня своего существования её участники имеют право исповедовать свою веру. Чего же они лишены? Ну, смеху подобно – в течение пятнадцати лет они будут лишены права юридического лица.

Талантливый скрипач, дирижёр, педагог, руководитель всемирно известного камерного оркестра «Виртуозы Москвы» Владимир Спиваков стремился передать лучшие профессиональные и человеческие качества своим дочерям. И вот рассказывает:

– Дочки пришли домой в полном восторге от «Пиковой дамы» в Большом театре. Пели по-французски. Потом... попросили меня поиграть с ними в подкидного дурака.

Герман Стерлигов, один из учредителей первой в стране товарной биржи «Алиса» и автор многих экстравагантных проектов, сокрушался:

– Единственное, что не удалось сделать из запланированного – это поставить памятник Остапу Бендеру в Рио-де-Жанейро. Местные власти не разрешили!

В 90-е многие члены команды Бориса Ельцина, копируя увлечение Президента России, начали играть в теннис. На вопрос, каким видом спорта увлекается, Управляющий делами Президента Павел Бородин, видный мужчина ростом 192 см и весом за 100 кг «крамольно» ответил:

– Да, в последние годы многие члены президентской команды начали играть в теннис. Но я теннис не люблю – я играю в футбол.

Мэр Краснодара Валерий Самойленко на саркастическое замечание из зала «Есть же в Краснодаре умные люди» отреагировал с юмором:

– Умные люди и в Москве встречаются.

А танцор и общественный деятель, народный артист СССР Махмуд Эсамбаев начал своё выступление так:

– Я – чеченец, сидите спокойно!

Первый заместитель Председателя Госдумы Александр Шохин прокомментировал одинаковые фразы двух разных политиков:

– Когда Виктор Степанович Черномырдин на заседании Думы утверждался в должности премьера, он сказал, что все депутатские предложения мы соберем и положим «в одно место». Место оказалось не таким уж плохим, поскольку на все предложения депутатов были даны письменные ответы.

У Бориса Ефимовича Немцова, в то время первого вице-премьера, под «одним местом» имелось в виду другое: ящик либо другое техническое устройство, положив в которое бумаги, вы их больше не увидите.

С изюминкой выражали свои мысли на пресс-конференциях и представители зарубежья, например, послы:

Так, Чрезвычайный и Полномочный Посол Государства Израиль в РФ Ализа Шенар сразу обозначила знание медийных интересов:

– *Я прекрасно понимаю, что газета не будет писать, что нет мафии – это не материал для популярного издания. Материал для газетного репортажа – это когда есть мафия.*

На вопрос «Сколько китайцев проживает в России?» Посол Китайской Народной Республики в нашей стране Ли Фэнлинь ответил так, что отбил у журналиста желание продолжать каверзный диалог:

– *Нет у меня такой информации! И у вашего министра внутренних дел Куликова тоже нет.*

Накануне визита в пресс-клуб Посла Мексики с красивым длинным именем – Хосе Анжел Абельардо Тревино Мартинез – в Москве появилось мексиканское пиво «Корона Экстра». Посол его очень хвалил и даже вольно или невольно стал лоббистом пивных компаний, сказав:

– *В Мексике начались большие позитивные перемены тогда, когда люди вместо водки начали пить пиво.*

А директор по связям с общественностью российского представительства табачной компании «Филип Моррис» англичанин Эндрю Уайт, в ответ на полемику о вреде табака и перспективах антитабачных мер, рассказал анекдот:

– *Пилот находящегося в воздухе самолёта обращается к пассажирам: «У меня есть две новости для вас, плохая и хорошая. Плохая: я не знаю, где и куда мы летим. Хорошая: мы идём с большим опережением графика»...*

Николай. Beast from the East

Объявлен Международный турнир на кубок мэрии Москвы по профессиональному боксу среди супертяжеловесов. Участниками главного боя должны стать Олег Маскаев (он позиционируется как «чемпион Азии») и Алекс Стюарт (титул подаётся ещё интереснее: «четырёхкратный претендент на звание чемпиона мира»).

При этом на анонсирующей турнир пресс-конференции они не присутствуют – ньюсмейкерами здесь выступают заслуженный мастер спорта, президент Федерации профессионального бокса России Виктор Агеев; представители международных боксёрских организаций, московские спортивные чиновники и ...

Это практически не известный боксёр, который занимается боксом совсем недавно, да и тренироваться начал поздновато, в 1993-м году, в возрасте 20 лет.

Его зовут Николаем. На «боксёрской» пресс-конференции мы представляем его как «самого большого боксера современности» (рост 213 см, вес 147 кг), и такую информацию никто не оспаривает. Николай и в самом деле огромен. Над каждым вопросом он задумывается, а потом выдаёт довольно оригинальные ответы:

– А Вы готовы сразиться с Майком Тайсоном?

– Я готов попробовать.

Чтобы понять актуальность следующего вопроса, надо вспомнить, что в 1996-м году Майк Тайсон в бою с Эвандером Холифилдом потерял титул чемпиона мира по боксу в супертяжёлом весе, а в 1997-м произошёл матч-реванш. Этот бой окружал небывалый ажиотаж: все 16 тысяч билетов на него распродали в первый же день. Однако вместо увлекательного боксёрского поединка зрители увидели нечто совершенно неожиданное: в третьем раунде Тайсон, обиженный на то, что Холифилд несколько раз ударил его головой, откусил Эвандеру кусок правого уха, а затем толкнул его в спину. Рефери подозвал врача, который, осмотрев ухо Холифилда, постановил, что тот может продолжить бой, снял с Тайсона два очка, и поединок продолжился. Через некоторое время Тайсон снова укусил противника за ухо, на этот раз – за левое, и был дисквалифицирован...

– А если он Вас за ухо укусит?

На каменно-невозмутимом лице Николая отображается напряжённая работа мозга. Вдруг его осенило:

- А как он достанет? (И в самом деле – при росте Тайсона всего-то в 180 см – авт.)
- Ну, а если всё же достанет?!

Николай напрягается в очередной раз, а потом довольно улыбается:

- Я ему тогда голову откушу!

Так как же боксёрский поединок на кубок мэрии? Что касается основного боя, то Маскаев из Узбекистана англичанина Стюарта побил. А про Николая газета «Спорт-Экспресс» писала следующее:

– В этот вечер московская публика впервые имела возможность увидеть на ринге самого большого боксёра планеты – Николая. Что и говорить, гигант производит впечатление. Ему, например, в отличие от остальных боксёров, не пришлось, выходя на ринг, нырять между канатами ринга – он просто перешагнул через них. Выделялся боксёр не только ростом, но и мощным, гармоничным сложением, и на фоне своего противника – чуть рыхловатого американца Кевина Розьера – выглядел эдаким былинным богатырём.

Любопытно, что в своё время Розьер работал на правительство США и выполнял разные деликатные миссии во всех уголках мира. Затем, выйдя в отставку, начал охранять звёзд Голливуда и поп-музыки, среди которых, например, небезызвестный Билли Айдол. То, что Розьеру лучше как можно быстрее вернуться к своей основной профессии, россиянин доказал всего за один раунд. Дважды послав незадачливого супермена в нокаун на первой и второй минутах боя, он добил его мощным апперкотом на третьей.

Найти для Николая достойного спарринг-партнера очень непросто, – сетовал президент Федерации профессионального бокса России Виктор Агеев. – Потенциал Николая очень высок, и, думаю, со временем у России может появиться свой первый чемпион мира в супертяжёлом весе среди профессионалов...

Агеев как в воду глядел. Правда, с Майком Тайсоном Николай не встретился и голову ему не откусил. Зато в 1999-м году стал чемпионом России, в 2000-м завоевал титул чемпиона мира по одной из престижных международных версий; в 2005-м – стал первым российским чемпионом мира среди профессионалов в супертяжёлом весе по версии Всемирной боксерской ассоциации (WBA) и так далее, не буду продолжать. В дополнение к «самому большому боксёру» получил прозвища «Кувалда», «Русский гигант», «Никола Питерский», «Зверь с Востока» (англ. Beast from the East)...

Александр. Фиолетовый треугольник

В 90-е произошло то, на что благословлял ещё Великий Кормчий Мао Цзедун лозунгом «Пусть расцветают сто цветов». Они расцвели: в виде стихотворцев и графоманов, в виде музыкантов и лабальщиков, в виде открытых АО и закрытых ОПГ, в виде пятизвёздных гостиниц и ни разу не звёздных ночлежек ... В виде многочисленных душеспасающих организаций, где танцующие и поющие кришнаиты, последователи индуистского бога, выглядели самыми безобидными. Вот с душеспасающими мне как раз и повезло.

Очередной заказчик начал резко:

– Несколько престижных столичных информационных площадок отказали нам в проведении мероприятия. Хотя мы готовы платить. Поэтому обратились к вам.

– А почему отказали?

– Потому что мы представляем...

Погожу с формальным названием, а расскажу о данной структуре по существу. Сами себя участники верующего вроде бы в Христа сообщества называют себя просто христианами, специалисты по религиоведению именуют их религиозной организацией или направлением, оппоненты – псевдохристианской апокалиптической сектой. Чьё определение истинное – пусть читатель сам разбирается. Я же, будучи человеком не апокалиптическим и не апологетическим, просто поделюсь впечатлениями. А организацию пока буду называть «Фиолетовые».

– Какие задачи вы хотите решить с помощью Международного пресс-клуба?

– Мы хотим провести презентацию фильма и выставку.

– То есть нужно всё это организовать?

– Всё это уже организовано. Ваша задача – пригласить журналистов и обеспечить ведение пресс-конференции.

– Вы будете проповедовать свои взгляды и критиковать другие?

– Отнюдь. Мы представим фильм и выставку, где будет рассказано о том, как достойно вели себя последователи нашей религии во время Второй мировой войны.

– Хорошо, я согласен.

«Всё это» оказалось не просто организованным, но подготовленным блестяще, причём, усилиями как активистов Фиолетовых, так и специалистов профессионального американского PR-агентства.

Вот какое приглашение рассылалось в средства массовой информации:

– Пресс-конференция, посвящённая фильму «Мужество Фиолетовых перед лицом нацизма»

Почему эта религиозная община преследовалась нацистами в период Второй мировой войны? Что привело к кровавому конфликту, в результате которого тысячи Фиолетовых подверглись жестоким пыткам, а сотни из них были казнены? Почему только этой группе заключённых СС предоставил возможность освободиться ценою подписи под отречением от своих религиозных убеждений?

Ответы на эти вопросы прозвучат из уст российских и зарубежных ученых, узников нацистских концлагерей.

Журналистам будут представлены отрывки из фильма «Мужество Фиолетовых перед лицом нацизма». Полностью данный фильм можно посмотреть в этот же день в киноконцертном зале Центра международной торговли в 14.00...

Замечу, что при прочих равных условиях значительно больший резонанс в СМИ имеет то событие, которое максимально «разжёвано» в сопутствующих событию материалах. Не полениюсь перечислить содержание пресс-папки, которая раздавалась журналистам в данном случае:

- приглашение на пресс-конференцию,
- приглашение на премьеру видеофильма,
- программа проведения пресс-конференции с перечнем всех её участников,
- информация о видеофильме с полной печатной версией всех звучащих в фильме текстов,
- краткая хроника преследования Фиолетовых,
- краткие сведения о бывших узниках нацизма – членах организации из СССР,
- воспоминания бывших узников нацизма – членов организации из России, Украины, Германии;
- авторские исторические справки,
- пресс-релиз «Забывшие жертвы Второй мировой войны»,
- видеокассета с фильмом,
- фотографии и, наконец, что меня поразило больше всего, тексты всех выступлений на пресс-конференции.

Поразило потому, что большая часть выступавших – старики и старушки в возрасте около 80 лет.

– Что, они будут читать свои выступления?

– Нет, они будут рассказывать. Это ведь искренние воспоминания.

– Но у вас в порядке ведения указано, что каждый рассказ занимает три минуты. Старики могут расчувствоваться и «зашкалить» регламент.

– Не волнуйтесь. Регламент будет ровно таким, как написано.

И регламент был таким, как написано. Дедушки и бабушки душевно и по-человечески, «без бумажки» произносили... ровно те тексты, что лежали в пресс-папках. В зале на 120 мест были заняты все места (при полутора десятках журналистов).

Премьера фильма состоялась после пресс-конференции в другом зале, на 400 мест. И в этом зале были заняты все места.

В фойе залов, где проходили пресс-конференция и премьеры фильма, развернулась тематическая выставка, на которой работали консультанты, раздавались печатные тексты и фотографии. Только что специальной едой не кормили.

Если бы у журналиста возникло малейшее желание написать о мероприятии, ему оставалось только просмотреть предложенные материалы и выбрать из них наиболее приемлемые куски...

А в чём, собственно говоря, вопрос? Что такого делали Фиолетовые во время Второй мировой войны в оккупированных фашистами странах? А вот что: Фиолетовая религия не позволяет её сторонникам брать в руки оружие. Они и не брали. Соответственно, категорически отказывались воевать на стороне фашистской Германии. Отказывались также говорить «Хайль Гитлер». За это их сажали в концлагеря, где Фиолетовые находились под особым контролем и отмечались специальным знаком – фиолетовым треугольником. Достойное поведение? Вполне. Но... Ладно, чуть позже.

На этом всё не кончилось. На протяжении года я периодически получал индивидуальные, семейные и другие коллективные письма от участников тех мероприятий. Необычное количество писем. Что было в них? Благодарность «за понимание и предоставление возможности», намерение и дальше принимать участие в «столь полезных встречах». На улице ко мне совершенно случайно, но значительно чаще, чем раньше стали подходить незнакомые люди с предложениями поговорить о Боге и почитать журнал Фиолетовых...

Оружие в руки Фиолетовые не берут до сих пор. В волнениях, а тем более восстаниях не участвуют. Отказываются от переливания крови даже под угрозой смерти – мол, Библия велит «воздерживаться от крови».

20 апреля 2017-го года решением Верховного суда Российской Федерации деятельность религиозной организации Фиолетовых и всех его региональных 395 отделений признана экстремистской и на нашей территории запрещена. Что вызвало возмущение европейских и американских правозащитных организаций.

Но 2017-й в нашей стране – это, понимаете ли, не 90-е.

Слава. Я никогда не гажу своему собственному народу

Характерная сцена:

– Здравствуйте, Вы меня узнаёте? – спрашивает журналистка, один раз видевшая маэстро и сделавшая интервью с ним в газете.

– Ну, конечно, лапочка (варианты – деточка, милочка, цыпочка и пр.), дай я поцелую тебя в щёчку, – следовал обязательный и неизбежный ответ.

Другой вариант, когда человек видел маэстро раз пять-шесть:

– Слава, привет (это если обращается мужчина) или Славочка, здравствуйте (говорит женщина), давайте с Вами (а то и с тобой) выпьем...

Такие обращения поощрял сам Слава. Да и выпить не отказывался. Помню, перед пресс-конференцией – она готовилась в одном из ресторанов Центра международной торговли – мы захотели временно уединиться. Незаметного угла в ресторане не нашли, так выпили прямо в подсобном помещении...

Супруга Галина, часто сопровождавшая Славу, так поступила бы вряд ли. А как бы она поступила? Ну, я расскажу о манере поведения, а вы делайте выводы.

Веду Галину к лестнице на второй этаж ЦМТ, в ресторан «Европейский», где мы проводим помпезный деловой обед для знаменитой четы со спонсорскими напитками от «Хеннесси»:

– А что, у вас лифта нет? – спрашивает Галина.

– Лифт есть, но это дольше, надо идти в другую сторону, потом – возвращаться. По ступенькам будет быстрее...

– Ну и что, пошли. А поближе лифт не могли сделать?!

Я разворачиваюсь и веду Галину к знаменитому прозрачному лифту. Мы проходим мимо огромных часов с петухом наверху, который поёт каждый час. Час как раз стукнул, и петух запел:

– Что он у вас поёт? «Царствуй, лёжа на боку!» Разве это можно петь?!

И далее в таком же духе. Правда, кухня и коньяк «Хеннесси» Галине понравились и немножко её расслабили.

Общение наше с маэстро крутилось вокруг международной премии и Большого Русского Приза «Слава» («Глория»), учрежденного Ассоциацией «Русская исполнительская школа» и вручённого музыканту. Премии сопутствовало три PR-акции: первая – объявление о премии, вторая – церемония вручения премии в Большом зале Московской консерватории, третья – намерение маэстро

учредить на проценты от полученной премии (250 тысяч долларов) фонд именных стипендий, которые будут ежегодно присуждаться международным жюри лучшим молодым музыкантам.

На каждой из акций Слава много, охотно и откровенно говорил. Если свести фрагменты индивидуальных и коллективных бесед с его участием образца 90-х, могла бы получиться интересная речь:

– Многие считают: если я уехал из России, значит, иностранец какой-то. А сюда приезжаю, чтобы заработать побольше денег. Нет, дорогие мои! Я был и остаюсь русским. За всё время, что в Россию приезжал, я не вывез отсюда ни одной копейки. И не вывезу.

И ещё об одном. Я никогда не гажу своему собственному, русскому народу. И даже критику свою по поводу происходящего здесь сдерживаю. Чего не сказать о некоторых других. Вот сейчас опять сменилось правительство в России, и сразу на вновь назначенных министров обрушилась волна критики. А я так скажу, особенно журналистам: солнышки, не травите людей преждевременно, дайте проявить себя.

Я много видел всякой хулы. Помню, в конце 40-х годов прошлого века как только ни прикладывали моих кумиров и учителей Дмитрия Дмитриевича Шостаковича и Сергея Сергеевича Прокофьева. Обвиняли их в «формализме», «буржуазном декадентстве», «пресмыкательстве перед Западом». Шостаковича даже изгнали из Московской консерватории.

Многие от слабости и в надежде на признание верхами – а ведь критика пошла от них – присоединялись к хулителям. А я? Ни песчинки не бросил в моих кумиров! Не найдёте этого нигде и никогда! Но найдёте статью в «Советском искусстве» конца 40-х, где и мне досталось: «Духом безыдейности и наплевизма на запросы широких масс трудящихся проникнута деятельность талантливой аспиранты Московской консерватории».

Да что говорить о «без вины виноватых»! Я и с Солженицыным даже *в то время* дружил, и с Сахаровым.

Андрей Дмитриевич был святой человек. Он даже напился всего один раз в жизни (немножечко), и то с моей лёгкой руки. Случилось так: приходит Сахаров в гости, и я, конечно, наливаю ему водочки из холодильника, а он отказывается: «Не могу, я вообще ничего холодного не пью». А дома стояла бутылка японского сакэ – я сразу разогрел и говорю: «Вот, пожалуйста, горячий...»

Не прошло и десяти лет, как развалился Советский Союз, а уже идут активные разговоры о всеобщем объединении – и внутри страны, и снаружи. Я разве против? Конечно, надо объединяться. Будучи поклонником Герберта Уэллса, думаю, что настанет момент, когда мы увидим каких-нибудь одноглазых зелёных. Мы объединимся с ними и заживём в одной коммунальной квартире под названием Земля. И будем дружить. Но не сразу, должно пройти время...

Меня часто просят открыть секрет, как я успеваю совершать многочисленные поездки, встречи, концерты. Очень просто! Обычно сплю три часа в сутки. А если сплю четыре часа, то хорошо высыпаюсь.

Да... Вот делают комплименты: Вы – великий, гениальный, с королями, с принцессами встречаетесь. Во-первых. А почему мне не встречаться? Они не люди, что ли?!

Во-вторых. Это вы считаете, что я великий и гениальный. А моя супруга полагает, что почти всё, что я делаю – г...

* * *

Ну, да, иностранцы. Граждане мира. А всё равно наши. И мы для них свои. Уезжали. Возвращались. Умерли и Слава, и Галина в Москве. Похоронены на Новодевичьем кладбище.

Александр. Кто как пьёт

Встречи с прессой известных персон чаще всего начинались в 11-12 дня и через час-полтора заканчивались. Но это с журналистами заканчивались, а так-то не совсем. У нас имелась очень уютенькая «комната президиума», примыкающая к пресс-залу. Особая прелесть её состояла в том, что вход был возможен как через сам пресс-зал, так и совершенно с другой стороны, где никто из журналистов тебя не встретит. Ну и после завершения официальной части я, как официальный хозяин, всегда что-то «выставлял».

Сразу замечу, что 90 процентов наших ньюсмейкеров от «выставленного» не отказывались. Обращаю внимание: речь идёт не о деловых обедах и клубных вечерах, а о дневном режиме, когда после «приёма внутрь» предполагалось продолжение работы. А это требует, кто знает – тот понимает, особой выдержки и подготовки. К сожалению, не все мои сотрудники подобные качества имели. От одного способного зама, который, начав употреблять в районе обеда, уже не останавливался, пришлось избавиться...

Но не будем о грустном. Это общение после пресс-мероприятия запомнилось иногда больше, чем оно само. Итак, вспомним поименно. Не всех, а некоторых.

В 1998-м руководитель Центра глобальных проблем Горбачёв-фонда и член-корреспондент РАН Георгий Хосроевич Шахназаров познакомил меня с Михаилом Сергеевичем Горбачёвым. Поводом для знакомства стала презентация в Пресс-клубе исследования «Национальные интересы и проблемы безопасности России», проводившегося Горбачёв-Фондом. Впоследствии мы неоднократно общались с первым и последним Президентом СССР, но сейчас происходила первая встреча, и я спросил у Шахназарова:

– Георгий Хосроевич, а можно после презентации предложить Михаилу Сергеевичу что-нибудь выпить?

– Конечно – он абсолютно нормальный человек.

– А что конкретно?

– Ну, как ты полагаешь, он столько лет со мной работает...

– Неужели армянский коньяк?

– Вполне подойдет!

Когда Горбачёв ответил на все вопросы прессы и вернулся в заветную комнату, я спросил, теперь уже у него:

– Михаил Сергеевич, может быть, по рюмочке?

Своим знаменитым горбачёвским говорком тот ответил:

– А почему нет? Почему нет? Выпил бы армянского коньячку.

В полном восторге я достал из тумбочки заготовленную (единственную, но делал вид, что там целый бар) бутылку и мы выпили по две-три рюмки.

С официальных тем разговор перешёл на жизненные:

– А почему Горбачёв-Фонд из здания возле метро «Аэропорт» выселяют?

– Почему? Да он (Президент Ельцин – авт.) хочет, чтобы Горбачёв пошёл и ему в ножки поклонился: не выселяй, мол. А Горбачёв не пойдёт к нему в ножки кланяться! Горбачёв новое здание Фонда построит!

И построил! Совсем неподалёку, на том же Ленинградском проспекте.

Знаменитый танцор, хореограф и режиссёр Владимир Васильев (в то время художественный руководитель – директор Большого театра) также предпочитал коньяк..., обмакивая в него сахар – получался коньяк вприкуску!

Спрашиваю, что это даёт.

– Ничего не даёт, – отвечает Васильев. – Просто вкусно!

Перед визитом режиссёра и актёра, председателя Комитета по культуре Госдумы Станислава Говорухина я попросил своих сотрудников поинтересоваться и его пристрастиями. Ответ от знающих помощников был получен следующий:

– Станислав Сергеевич любит хороший виски «Бурбон».

– А сможем ли мы достать...

– Тогда водку.

– Какую?

– Любую. Но обязательно холодненькую. Шеф уважает с потцом!

Посидели неплохо. Говорухин сильно корил Бориса Николаевича за склонность к спиртному. Мягко замечаю:

– А Вы что, не употребляете?

– Обязательно употребляю. Более того: с большим подозрением отношусь к людям, которые вообще не пьют. Но нельзя же до такой степени!

У Говорухина тогда уже был готов сценарий фильма «Ворошиловский стрелок» и шёл подбор актёров:

– Герой фильма мстит за внучку. Это старик, но больше мстить некому. Кого взять на роль... Потом эту роль сыграл Михаил Александрович Ульянов.

Рамазан Абдулатипов, в то время министр российского Правительства, а дальше кем только ни был, беспрерывно шутил. Он умудрялся это делать и во время серьёзных дискуссий. Как-то при обсуждении сложного вопроса межнациональных отношений Абдулатипов парировал острый выпад:

– Подождите, так ведь это Ваше личное мнение!

Спикер, к которому адресовалась фраза, умерил свой пыл, но через некоторое время отреагировал уже на высказывание Абдулатипова:

– Но теперь это Ваше личное мнение!

– Ну, почему же, – возразил Рамазан Гаджимурадович, – моя жена тоже так думает...

Когда доходило до застолий, ему просто не было равных ни в речах, ни в винных традициях. На раннем деловом завтраке предлагаю министру выпить сухого вина.

– А мы что, спать ложимся?

– Почему спать?

– У нас на Кавказе сухое вино пьют, когда спать ложатся.

– И что?

– Что?! Виски неси!

Запомнился один тост, который я слышал от Абдулатипова раз пять:

– В горах паслась отара овец, и вдруг в небе появился орёл. Он схватил одного из баранов и полетел вместе с ним, держа барана в когтях. Рядом проходил охотник. Он поднял ружьё и выстрелил в орла. Орёл упал. Но баран полетел дальше. Так выпьем же за то, чтобы орлы не падали. А бараны не летали!

Много было выпито, много и сказано. Многое и забылось, поскольку за рюмкой «в блокнотик» особенно не запишешь. Но вот Виктора Степановича Черномырдина забыть невозможно. Правда, дело было не в «уютной комнатке» ЦМТ, а в ресторане Центрального дома журналиста. Виктор Степанович являлся тогда депутатом Государственной Думы России от Ямало-Ненецкого автономного округа, и его «сосватали» возглавить оргкомитет экспедиции «Великой Северной Тропой», которую инициировали и провели путешественник из Екатеринбурга Сергей Соловьев с друзьями.

Ужин в Домжуре был затеян нами с тем, чтобы привлечь послов скандинавских государств к помощи экспедиции. Пришёл посол Норвегии Ойвид Нордслеттен, мы достигли необходимых договоренностей, а потом просто отдыхали. И тут разговор зашел о... Ленине – в связи с тем, что он и в скандинавских странах бывал.

– Ленин? Что ж, расскажу вам о Ленине, – включился в беседу Черномырдин. – Однажды (я тогда ещё министром работал) поехали в Швецию. И там предлагают:

– Знаете, Виктор Степанович, здесь ещё хозяйка жива, у которой Владимир Ильич на квартире останавливался, не хотите на неё, живую реликвию, посмотреть?

– Ну, что ж, говорю, пойдём.

Пришли, а старушка чего-то раскипятилась: не знаю, кричит, никакого Ленина.

– Может, Ульянова знаете? – спрашиваю её.

– Ульянова-то знаю! Приехал он тогда, муж ему кружку пива поставил, а тот в ответ ничего! Муж через некоторое время опять поставил, а тот выпил и хоть бы что, как будто так и надо. Вот какой невоспитанный человек ваш Ульянов, разве так можно!!!

– Я её успокаивать бросился, – продолжает Черномырдин, – не волнуйтесь, говорю, Вы так, я сейчас за него заплачу...

Политики себе лишнюю рюмку, конечно, не позволяют; если позволяют, то ничего в их поведении всё равно не меняется. А вот артисты – другое дело. Тут возникают кураж, удаль, творческие проявления, а посиделки не обходятся в дежурных 15 минут, а иной раз уходят в ночь-полночь.

Как-то очень известный актёр театра и кино (фамилию называть воздержусь) «принял на грудь» ну, очень много и, шатаясь, засобирался на выход. Я вежливо поинтересовался:

– Вы устали. Дойдете ли до дома? Может, проводить?

Актёр уверенно ответил:

– Не переживайте. Я за рулём. Давайте по последней на дорожку!

Александр. Огонь, дефолт и медные трубы

90-е были пропитаны музыкой. Подпольные и полуподпольные ансамбли вылезли наружу ещё во второй половине 80-х. Теперь происходила их нормальная рыночная селекция: талантливые оставались на сцене и расцветали, «понтовые» уходили – теперь уже не в подполье, а в никуда.

Мало-помалу пробивалась ностальгия просто по хорошей музыке; той, которая, вроде бы, надоела, а нет! Настоящая музыка, будь она консервативная или с изыском последних дней, не надоела никогда.

Моя дружба с газетой «Вечерний клуб» продолжалась. Но на каком-то этапе руководители молодого «ВК» Валерий Евсеев и Николай Михайлов покинули дорогую сердцу площадку и плавно встали у руля одной из старейших столичных газет «Вечерняя Москва». Назначение-то вроде новое, а «повадки» остались прежними: выдумывать, творить, сочинять такое и эдакое. С помощью столь же «повадистых» друзей, число которых с годами только прирастало.

Один из них, руководитель военно-оркестровой службы Вооруженных Сил России (а это около 500 оркестров по всей стране), главный военный дирижёр генерал-лейтенант Виктор Афанасьев, как-то родил идею: на носу очередной юбилей военно-дирижёрского факультета Московской консерватории. Может, отметить это в феврале, вместе с праздником Российской Армии?! Но идея заключалась совсем не в банальном факте отмечания, а вот в чём:

- Давайте соберем журналистов под это дело, – говорит генерал.
- А в каком месте?
- Так прямо в военном городке «Октябрьские казармы», где факультет базируется.
- И что покажем?
- У-у-у! Такое покажем!!!

От идей Виктора Афанасьева мы перешли к своим. Я скромно предложил профинансировать «военно-полевой фуршет». Коллеги дружно откликнулись:

– Да-да! Сядем прямо в курсантской столовой и водочки выпьем под гречневую кашку и с бочковыми солёными огурчиками. Журналистов за уши не оттащишь!

Определившись с бытовыми подробностями, ринулись в заоблачные выси:

– А что, – говорит Евсеев, – если композиторов позвать. Тех самых, старых, пока ещё живы. И песни их вспомним, попоём, и тосты поднимем...

Насколько же была реализована эта задумка? На 100 процентов!

Не слишком холодным февральским днём мы собрали полста журналистов да ещё столько же прочих друзей на плацу Октябрьских казарм. И грянул плац-концерт 1-го Отдельного показательного оркестра Министерства обороны России, за который он уже получил Гран-при на международном фестивале во Франции. Под открытым небом прозвучали военные марши, джазовые мелодии, «Калинка», «Барыня», гимн Москвы и другие композиции. Военные и гражданские марши с цоканьем подкованных сапог об асфальт, с барабанной дробью, замиранием и вновь стройным вступлением духовых вводили в настоящий экстаз!

Женщины вместе с мужчинами кричали «ура» и даже чепчики, у кого были, в воздух бросали.

Потом пошли в здание факультета, расселись по музыкальным классам.

– Мы гордимся своими выпускниками. Даже самый распоследний троечник способен сделать музыкальные аранжировки для всех без исключения инструментов! – заявил Афанасьев.

А уж касательно отличников... Педагог в полковничьей форме взял саксофон и начал выдавать музыкальные шедевры! Позже я узнал, что это заслуженный артист России известный джазмен Вениамин Мясоедов.

Но главное происходило в актовом зале. Именно здесь собрались Никита Богословский, Оскар Фельцман, Владимир Шаинский, Серафим Туликов, Юрий Саульский, Людмила Лядова... Все откликнулись на наше приглашение! Встречались ли они в таком составе когда-нибудь? Вряд ли и раньше, а уж после-то точно нет. Звучали песни в оркестровом сопровождении: «Тёмная ночь», «Идёт солдат по городу», «Чёрный кот»...

«Старая гвардия» слушала собственные произведения со слезами. А Людмила Лядова не ограничилась присутствием и сама исполнила песню-вальс «Женщина». Трудно сказать, за что она удостоилась больших аплодисментов – за вокал или за танцевальную импровизацию под музыку Дюка Эллингтона.

И кашку подавали, конечно. И огурчики, и капустку. И алюминиевые ложки, и эмалированные кружки. И такой вкусной водки я давно не пил...

Это про искусство традиционное. А дальше про авангардное. Уже к началу работы Международного пресс-клуба мы разработали для него фирменный стиль – как графический, так и музыкальный. В качестве последнего выбрали джаз. Каждый клубный вечер в МПК обязательно сопровождался джазовыми композициями; их исполнял бас-гитарист Алекс Ростоцкий вместе со своими друзьями. Постепенно вызрела мысль – сделать джаз не просто фоном, как это обычно бывало, а самостоятельным действием.

Уж не помню, кто предложил совершенно шикарное место – зелёные лужайки в Саду «Эрмитаж», затем начались переговоры с именитыми джазменами. Потом две презентации: одна – в ЦМТ, где Первый московский джазовый фестиваль на открытом воздухе (а именно так мы решили назвать нашу акцию) благословил маэстро Георгий Гаранян, а другой маэстро Аркадий Шилклоппер сыграл на четырехметровом альпийском роге; вторая – в самом Саду «Эрмитаж».

Потом... встал вопрос о деньгах. Откуда их взять? Спонсоров надо найти – единодушно высказались организаторы Фестиваля. Глубоко верно, но трудно! Помимо МПК, спонсоров набралось ещё трое: сам «Эрмитаж», Московский джазовый клуб “Birdland” и Агентство “Люди...” Гриши Погосяна, популярного теле- и радиоведущего. Мы разослали проникновенные письма в уважаемые коммерческие структуры и получили от них вежливые ответы, не обеспеченные материальным содержанием. Тогда я стал обзванивать друзей. Один из них – Алексей Курдеев, работавший тогда директором сети магазинов стройматериалов, откликнулся и спонсором Фестиваля стали «Сухие смеси Scanmix – финское качество».

Сказать о суммах? Почему же нет – они не секретные и не баснословные.

Сухие смеси дали \$ 10000. По столько же скинулся каждый из организаторов – итого \$ 50000.

«Джаз в Саду Эрмитаж» был великолепен. Три тёплых дня конца августа 98-го зелёные лужайки в центре Москвы заполнились народом. Люди валялись на траве (это разрешалось!), пили пиво и слушали джаз всех времён, народов и направлений: «нотный» и импровизационный, духовой, струнный, клавишный и барабанный. Мы собрали знаменитых джазовых исполнителей из Москвы, других городов России и даже из стран СНГ (на дальнейшее зарубежье бюджета не хватило). Я переводил в «Эрмитаж» всех своих родственников, друзей и знакомых.

Мы «отбили» все затраты только на входных билетах!!!

Вечером 23-го августа вышли с коллегами на сцену Сада, чтобы сказать прощальные слова музыкантам и зрителям. Перед выходом ко мне подошла Ольга Леонова, работавшая тогда руководителем PR-управления Минфина и поделилась новостью:

- Только что поступила информация об отставке Правительства.
- Из-за чего?
- Из-за дефолта...

Да, 17 августа правительство объявило дефолт. Но я слабо ещё понимал, что это такое, поэтому пошутил прямо со сцены:

– Пока мы с вами веселимся, правительство отправлено в отставку. Из-за этого, как его, из-за дефолта...

А ведь было знамение, было! Где, вы думаете, я находился накануне Фестиваля? Да на своем любимом Эльбрусе! 16-го августа мы сделали восхождение на Западную вершину (5642 м), потом спустились на «Приют Одиннадцати» (4200 м), отдохнули немного и ушли чуть пониже, в вагончики-«бочки». Вечером, но ещё засветло, увидели бегущих со снежного склона людей: кого-то везли в акье – специальных альпинистских носилках, кто-то был одет как-то наполовину. Первый из спускавшихся подошёл к нам и выдохнул:

– П..... Сгорел «Приют»!

Да, в стоявшей среди снежно-ледовых полей тургостинице «Приют Одиннадцати», убогой, но всемирно известной, 16-го августа действительно произошёл пожар. Его причиной стала неаккуратность одного из участников спортивной группы, который плеснул из канистры бензин вместо воды в стоящую на горячей газовой плите кастрюлю.

В процессе пожара на кухне «Приюта» начали полыхать газовые баллоны. Огонь быстро пере-

крыл выходы, и обитатели напоминавшего дирижабль трёхэтажного «Приюта» прыгали и спускались по верёвкам из окон. Гостиница горела всю ночь и сгорела дотла.

В момент пожара в «Приюте» и поблизости от него находилось около ста человек. Туристы и альпинисты из России, Германии, Венгрии, Голландии, Франции, Швейцарии. У многих из них сгорели вещи и документы. Жертв, слава Богу, избежали. Один француз, прыгнув с третьего этажа на камни, получил травму позвоночника. Ещё несколько человек легко ранены.

17-го августа утром я фотографировал идущие из руин дымы и оставшиеся обломки.

Вот в этот-то день Правительство России и объявило дефолт, а 23-го августа было отправлено в отставку.

Перспектива прослеживалась не очень. Рухнули банки-друзья – «Инкомбанк» и «Империал». Упал «Элбим-банк», где у нас находились счета. Учредители МПК отписали мне лаконичные письма, смысл которых сводился к тому, что больше помогать деньгами Пресс-клубу не будут.

Так что: «Слезайте, граждане, приехали, конец»?!

Другие. Батяня думает о Родине

Есть вещи, которые объяснить для меня, не экономиста, затруднительно. Почему-то оказалось, что не «слезайте» и не «конец», а, напротив, начало. Чего? Трудно сказать, однако после абсолютно пессимистической осени 98-го наступил следующий год. И люди как-то адаптировались: одни затянули пояса, а другие, напротив, начали или продолжили зарабатывать деньги.

Так почему? Потому, что, как писал незабвенный Фёдор Михайлович Достоевский в «Преступлении и наказании», «ко всему-то подлец-человек привыкает»?

Или потому, что в 99-м в воздухе вновь сильно запахло политикой, и политический рынок стал продуцировать свои особенные деньги?

Видимо, и то, и другое. Аромат политики появился не без оснований: в декабре намечались выборы в Государственную Думу России, весной 2000-го – президентские. Политический запах поначалу был весёлым, шутейным и очень привлекательным.

Вместе с профессиональным клубом дизайнеров-графиков «Портфолио» мы придумали креативное шоу под названием «Я обещаю». Его суть сводилась к следующему: ведущие дизайн-студии и рекламные агентства выдвигали собственных кандидатов на пост президента России и проводили для них игровую избирательную кампанию. Кандидатов выбирали из числа «невсамделишных» героев – исторических, литературных, киноперсонажей, а также реальных личностей (и даже предметов), находящихся за пределами российского политического пространства.

Агитационные плакаты, пусть и в небольшом количестве, висели на московских улицах. С точки зрения дизайна (профессионалы делали!) каждый из них был почти безупречен.

Зачем? Затем, что своё творческое слово сказать хочется! Не сбором подписей заниматься и не интриги плести, а вот просто сказать! И чтобы услышали те, кому положено! Так было во все времена, прямо или завуалированно, так случилось и в 99-м.

Вспомним некоторых кандидатов.

«Я пришел дать вам волю!» – обещал БУТМАН (аналог анимационного героя Бэтмена в исполнении дизайн-бюро «АГЕЙ ТОМЕШ»). А дальше излагал полную графоманских изысков и не лишённую издевательских оттенков концепцию: «Обычно я не обещаю обещать другим того, что обычно обещают другие. Сегодня же я готов обещать всем всё то, что я могу и должен...»

Сюрреалистический контекст, основанный на доминирующем внешнем признаке – больших ушах, сформировался вокруг ещё одного мультипликационного персонажа – кандидата в президенты ЧЕБУРАШКИ (студия/фирма «ИМА-ДИЗАЙН»). Смотрите: «Никто никого не слышит и не хочет слушать! В стране дефицит ушей, способных выслушать желания и мысли каждого! Но вот настал час Че; но вот появился «самый человечный Че» и заявил: «Я услышу каждый голос!».

Кандидат в президенты и существующий в реальности медийный человек Александр ГОРДОН (рекламный синдикат «HIDALGO-IMAGE») со слоганом «Сталин покажется вам усатым мальчишкой» предложил внешне радикальную программу, обнажающую пороки политической действительности: создать партию политического цинизма (ППЦ), продавать государственные должности по лицензиям, разбомбить Латвию и сделать наркотики дешевле колбасы.

«Известная девочка и псевдофея ЭЛЛИ из сказки «Волшебник Изумрудного города» («КУ-КУ!») описывала свой опыт реструктуризации политической и экономической вертикалей в Изумрудном городе и обещала столь же сказочное исполнение желаний в современной России.

Удачные ракурсы нашли для «заморских» кандидатов – президента США БИЛЛА КЛИНТОНА (фирма «TYPO GRAPHIC DESIGN») и чемпиона мира по боксу МАЙКЛА ТАЙСОНА (студия/фирма «ПАРОВОЗ»). Предложенная мотивация голосования за Клинтона восходит к 859-му году, когда новгородцы призвали на княжение варяга Рюрика. А почему не повторить позитивный опыт сейчас, пригласив править Россией талантливого топ-менеджера из США? К идее добавлялись технологичные пропагандистские решения – плакаты-фотографии Билла в России с надписями: «У нас впереди большая работа», «Послужим России, сынок!».

А уж из Майкла Тайсона криэйторы выкачали буквально всё. Какова «великая русская мечта»? «Сильный президент!» Так и получайте! Вам не нравится элитарный теннис? (Любимый вид спорта Президента Ельцина – авт.) Тогда мы предлагаем вам «бокс вместо тенниса». В программных установках кандидата в президенты использовался даже случай на ринге, когда Тайсон укусил партнера: «Откусим всё. Не сразу. Постепенно. По частям. Я верну России её исконные территории. Вплоть до Аляски».

Сложную задачу поставила перед собой дизайн-студия «САМОЛЁТ», взявшаяся раскручивать в качестве кандидата в президенты УНИВЕРСАЛЬНУЮ ОЧИСТИТЕЛЬНУЮ СИСТЕМУ «FILTER QUEEN». Хотелось просто снять шляпу перед завораживающей креативной логикой имиджмейкеров пылесоса. «Они среди нас! – безжалостные и кровожадные. Они не дремлют и тогда, когда вы уже спите! Они – это пироглифидные клещи, обитающие в грязи и пыли – заметьте, не только бытовой, но и политической. Существующие пылесосы бессильны в борьбе с ними. Предлагается новая концепция: в результате её использования грязи станет меньше».

Но, пожалуй, самым органичным оказался образ БАТЯНИ (студия «DIRECT DESIGN»), в роли которого фигурировал один весьма известный человек. Вот из чего складывалась эта органичность.

ОСНОВНЫЕ СЛОГАНЫ ПРЕЗИДЕНТСКОЙ КАМПАНИИ

- Батяня – потянет!
- Батяню не выбирают – Батяня просто есть!
- Земля наша богата, Батяни только нет!

ПРОГРАММА КАНДИДАТА

Ну что, заждались? Да всё хорошо будет, родные! Сядем, чайку выпьем, а то и водки по стопочке пропустим под огурчик. Покалякаем по душам и во всем разберёмся. Это ж наша Родина, ядрёна Матрёна! А если и накажем кого, то тоже по-отечески, любя. А то ведь разбаловался у нас народ.

РЕКЛАМНАЯ ЛИСТОВКА

Земля наша богата, Батяни только нет!

Видит Батяня: неладно с Родиной. Богатая, а живёт плохо. И всё ходит-побирается. Облепили её мздоимцы и кровопийцы. Ногами все её, бедную, пинают.

Эх, думает Батяня, за державу обидно! Что же вы, начальники, говоруны-политики, мать вашу?

Нет, думает Батяня, от этих толку не жди. Слов много, дела мало. Да у семи нянек и дитя без глаза. Тут надо по-другому взяться, по-нашему. Плохо в доме без мужика, вздыхает Батяня. Ветер по углам гуляет. Бабы затосковали, дети распустились. Народ до того обленился, что уж сам маётся.

Порядок нужен, решил Батяня. Но не как на кладбище и не в две шеренги, а как в хорошей семье. С любящим и строгим Батяней. Нужен Матери-Родине Батяня! Будем жить ладно, дышать вольно. А кто озорует – того за ушко да на солнышко. Сядем всей семьей за общий стол – за бугром все с зависти помрут.

Батяню не выбирают – Батяня просто есть!

ПЛАКАТЫ

1. Задумчивый Батяня сидит в поезде у окна. За окном волнуется народ. Тексты: «Родина! – думает Батяня», «Батяня!!! – думает Родина», «Батяня – потянет!».

2. Батяня протягивает руку с сигаретой, как бы обращаясь к кому-то. Тексты: «Ты помоги Батяне – Батяня поможет Родине!», «Батяня – потянет!».

3. Батяня в бане (в одежде, с серьёзным лицом) разговаривает по телефону, а вокруг обнажённые женщины. Тексты: «Бабы думают о Батяне – «Батяня думает о Родине!», «Батяня – потянет!»...

Провели презентацию кандидатов в президенты, разъяснили журналистам, что к чему, а потом устроили реальное голосование: в феврале 1999-го года в Центр международной торговли на развернутую там выставку претендентов приходили «избиратели», всерьёз заполняли бюллетени и опускали их в урны. Кто победил? Конечно, Батяня!

В завершение, как и записывалось в пригласительном билете (на его обложке, как и на каталоге выставки, помещалось фото девочки с развешанной на ушах лапшой) состоялся фуршет с «водочкой под икорочку». Звучит заманчиво, правда? А на деле денег не хватало, и мы решили купить дешёвые продукты: водку и красную икру. Водку разливали в пластмассовые стаканы, а икру раскладывали в блюдца. Больше ничего – ни масла, ни хлеба – на столах не было. Но народу понравилось!

Митя. И грянул выстрел, второй да третий

Митю я знал со школьных лет. Был он широкий, приземистый, тяжёлый. Взглядов в советский период придерживался критических, хотя не настолько, чтобы помешали парню вступить в комсомол. Папа у Мити умер, но до этого занимал должность заместителя директора одного из «продуктовых» московских заводов. Видимо, поэтому сам Митя, его мама и брат приобрели и полезные знакомства, и некоторую, как сегодня бы сказали, бизнес-ориентированность.

Впрочем, от армии родня и знакомые Митю «откашивать» не стали, он честно отслужил своё, да ещё и продвинулся в области вольной борьбы, которой никогда до армии не занимался. Секрет оказался простым: в Митиной весовой категории претендентов на победы почти не было.

А вот в плане последующего трудоустройства полезные знакомства пригодились, поскольку в начале 80-х, будучи всего-навсего студентом вечернего отделения юридического факультета, Митя попал в структуры Минвнешторга.

Профильный опыт торгового министерства, пусть и пребывал Митя на невысоких должностях, пошёл ему впрок, в конце 80-х он сотоварищи открыл торговый дом «Альтернатива», зарегистрированный Минфином в первой тысяче новоиспечённых коммерческих структур. «Альтернатива» имела сеть магазинов; доли в промышленности, сельском хозяйстве, строительстве – в общем, жила неплохо.

В 80-е мы виделись редко; в дни, когда Митя собирал у себя дома одноклассников и приглашал меня. Потом сколько-то лет не виделись совсем, и вот в начале 97-го он внезапно позвонил и предложил встретиться. Почему ж нет – давай встретимся. И мы пересеклись.

Но встреча эта выглядела как-то странновато. Станным было не дело, с которым Митя обратился ко мне – дело как дело. Станным было...

Жил я в двухкомнатной квартире типового семнадцатизэтажного дома в Крылатском, на четвёртом этаже. Так вот: в гости ко мне Митя подъехал на солидной машине в сопровождении ещё одного автомобиля – микроавтобуса с людьми. Пока мы с Митей беседовали, люди эти стояли у подъезда, а также на каждом из четырёх этажей.

Поговорили. Митя сказал, что бизнес идёт неплохо. Что построил большой загородный дом, что любит рыбалку, а рыбу ловит в выкопанном рядом с домом собственном пруду.

Что вступил... в Компартию и регулярно платит взносы.

– Погоди-погоди, как это? Тебе зачем? Чем ты недоволен?

– А затем! «Алюминий» схарчили, «Никель» схарчили, «Сталь» схарчили. И всё себе в карман, а народ бедствует. Несправедливо, надо такой порядок менять. Кто изменит? Кроме коммунистов, я никого не вижу.

– Так тебя поэтому так охраняют? Боишься преследования за связи с коммунистами?

– Брось, за это не преследуют. Вопрос совсем в другом. Покушались на меня...

Оказалось, что случай с этим покушением был широко известен. «Коммерсантъ» писал, что ещё в 96-м у подъезда дома Мити в Москве взорвали мощную осколочную бомбу. Взрывное устройство привели в действие радиосигналом в тот момент, когда Митя выходил из подъезда.

Мол, получил пять осколков, однако ранения не очень серьёзные. Правда, пострадали находив-

шиеся поблизости люди: телохранитель, дворник, школьник. Дворник умер в больнице. Сам бизнесмен заявлял, что покушение не связано с его работой, но следователи не верили. Считали, что у Мити появились проблемы с одной из кавказских преступных группировок. Органы даже задержали нескольких подозреваемых в организации теракта, но прямых улик по этому случаю собрать не удалось, и бандитов осудили лишь за хранение оружия...

Реальность прояснил мне сам Митя.

Осколков он получил не пять, а пятьдесят.

Покушение и впрямь связано не с работой, а с совсем «простым» нюансом. «Простота» заключалась в том, что, даже построив престижный загородный дом с трудом, Митя продолжал жить с мамой в абсолютно обычной московской «двушке», располагавшейся, правда, в центре столицы, рядом с театром Сатиры. Из-за неё и произошёл сыр-бор. Какая-то компания дом откупила и стала расселять. Расселили всех, остался один Митя. Однажды к нему пришли и поинтересовались суммой, которая потребуется для его безбедного переезда. Митя сумму называть не стал, а послал предлагавших подальше. После этого и произошёл взрыв.

– А сейчас ты где живёшь?

– Где жил, там и живу.

– А охрана такая тебе зачем? Вопрос с киллерами не закрыт?

– Не закрыт. Одно так сказать... А другой в бегах.

– Понятно.

О совместных делах мы договорились и к таковым приступили. Но спустя несколько месяцев (я опять первоначально узнал это из «Коммерсанта») произошло второе покушение. Газета сообщала, что снайпер произвёл несколько выстрелов. Вновь при выходе Мити из того же подъезда. Пули попали предпринимателю в руку и в бок. Охранники отвезли Митю в больницу, где ему сделали операцию.

И опять я получил уточняющую информацию от самого пострадавшего.

Что пули вырвали из боковой части тела большой кусок. Что Митю оперировали в Финляндии. Что стоять на ногах после успешной операции он не мог: весил Митя при росте ниже среднего 160 кг, и вес давил на швы, не позволяя ране заживать. Митя перешёл на реальную голодовку и 60 кг сбросил...

Отношения с Компартией поухили. Но оппозиционность режиму осталась: Митя начал работать исполнительным директором Телевизионной службы новостей (ТСН) – поставщиком информационных выпусков для каналов ТВ-6 и REN-TV. ТСН, в свою очередь, работала на «губернаторский блок», превратившийся в 99-м в движения «Вся Россия», о котором мы чуть дальше поговорим.

Митя больше не ездил с охраной, поскольку, как он поведал, «вопрос со вторым беглецом тоже, так сказать, решён», и бояться больше нечего.

Но в жизни как бывает: с пулями и бомбами пронесёт, а вот с чем-то более прозаическим – нет. Через год Митя умер. Сердце подвело.

Другие. Переход через Альпы

Вы помните, в каком возрасте Александр Суворов совершал свой знаменитый переход через Альпы? Не очень? Ладно. Случилось это, однако, за два месяца до его семидесятилетия и ровно за 200 лет до событий, о которых я расскажу дальше.

В мае 1999-го появилась информация о создании на учредительном съезде в Санкт-Петербурге общественно-политического блока «Вся Россия», идущего на думские выборы под лозунгами защиты экономических и политических интересов регионов и их жителей.

«Яйцеголовые», то бишь аналитики всех мастей, чесали в затылках: как это понимать? А так!

Стул под Борисом Ельциным в то время в очередной раз шатался. В этой ситуации региональные лидеры и захотели показать себя, усилить статус и полномочия, создать новый центр власти.

В политсовет «Всей России» вошли такие известные региональные лидеры, как губернатор Санкт-Петербурга Владимир Яковлев, президент Татарстана Ментимер Шаймиев, президент Ингушетии Руслан Аушев, губернатор Астраханской области Анатолий Гужвин, губернатор Челябинской области Петр Сумин. Со всеми этими людьми я уже был знаком по совместным проектам.

Исполком Блока «Вся Россия» возглавил также мой знакомый – председатель депутатской группы «Российские регионы» в Государственной Думе Олег Морозов. В числе наиболее заметных новых знакомых оказался Сергей Собянин – в то время председатель Думы Ханты-Мансийского автономного округа.

Создавать подробную хронологию событий вряд ли имеет смысл – это не слишком интересно для не включенного в те процессы читателя. Поэтому ограничусь лишь несколькими примерами, наводящими на определённые размышления.

Итак, летом 99-го возникла ещё одна коалиция – общественная организация «Отечество». А затем обе структуры соединились в политический блок «Отечество – Вся Россия (ОВР)». Координационный совет (КС) блока возглавили два сопредседателя: Юрий Лужков, мэр Москвы, лидер «Отечества», и губернатор Санкт-Петербурга, член президиума политсовета «Всей России» Владимир Яковлев.

Ура, мир-дружба-жвачка? Как бы не так! Штабы обеих структур как сидели на своих собственных местах, так и продолжали сидеть. Команды, работавшие на каждую из сторон, так и продолжали работать именно на них.

А когда в КС вызрело решение «благословить» на лидерство примкнувшего к ОВР Евгения Максимовича Примакова (в том же августе он был избран председателем КС) – и подавно: его команда всегда держалась исключительно особняком.

В этом «тройственном союзе» мне досталась «Вся Россия».

С трудом, но удалось «пробить» сквозь тесные ряды «единомышленников» несколько полезных инициатив.

Например, мы вместе с Олегом Морозовым сочинили и провели через съезд «Всей России» в Уфе документ под названием «Девять принципов достойного поведения (Белая Хартия ответственной политики)». Вот его текст:

– Мы, представители общественных и политических партий, движений и блоков, осознавая свою ответственность перед Россией в рубежный для неё исторический момент, перед её прошлым, настоящим и будущим, её великим народом, выступаем за соблюдение девяти принципов свободного и ответственного выбора будущего России:

1. Содействовать активному и ответственному участию всех граждан России в избирательном процессе.

2. Соблюдать Конституцию и законы РФ, решительно и твёрдо отстаивать интересы российских избирателей, защищать их права и достоинство.

3. Способствовать честному и открытому разговору всех участников о нынешней ситуации в России, её проблемах и перспективах.

4. Вести корректную борьбу, уважая право граждан на свободное волеизъявление и достоинство всех участников избирательного процесса.

5. Противодействовать любым формам политического экстремизма, попыткам применения незаконных методов ведения предвыборной борьбы.

6. Признать право субъектов политического процесса на интерпретацию информации и высказывание собственных версий происходящего.

7. Отвергать манипулирование общественным мнением на основании искажения цифр и фактов.

8. Уважать профессиональный интерес представителей СМИ к ходу избирательной кампании (профессиональную обязанность предоставлять гражданам объективную и достоверную информацию).

9. Следовать истинным принципам ПР как искусства открытого и гармоничного диалога.

Подписывая Белую хартию, мы добровольно берем на себя обязательства перед гражданами России за соблюдение её принципов и призываем всех, кому дорого будущее России, в преддверие выборов в Государственную Думу РФ следовать принципам настоящей Хартии.

Красивый текст? Очень красивый! Так он и в Библии красивый, и даже в российской Конституции. И под каждым из этих текстов большинство россиян, скорее всего, подпишется. Но... А-а-а... В этом-то «но» и всё дело...

Бесплатным подарком для партийцев стал фестиваль прессы, который ежегодно проводился

Союзом журналистов под шапкой «Вся Россия». Договорились с Союзом об участии, изготовили задник, заказали партию часов с лейблом «Вся Россия» для каждого участника фестиваля и поехали в сентябре в Ижевск, который в этом, 1999-м году фестиваль принимал.

Что же касается коалиционного взаимодействия... Любопытным событием стало создание в рамках ОВР объединенной аналитической группы, в которую вошло немало весьма солидных и известных политологов: Вячеслав Никонов, Сергей Караганов, Алексей Салмин. Рядом с ними и автор настоящей книги. Группа собиралась два раза в неделю и выдавала «на-гора» записки-рекомендации в форме информационного бюллетеня для руководителей и «верхнего слоя» функционеров и активистов ОВР.

Вот, например, фрагмент бюллетеня от 30-го августа 1999 года:

– Мощным резервом блока «Отечество – Вся Россия» остаётся электорат Е.М. Примакова. Точкой напряжения является тот факт, что электораты Ю.М. Лужкова и Е.М. Примакова совместимы не полностью. Между электоратами Ю.М. Лужкова и Е.М. Примакова существует ниша, которую занимают избиратели «Яблока», вступившего в союз с С.В. Степашиним. В силу этого, «Яблоко» следует считать основным конкурентом блока «Отечество – Вся Россия» на предстоящих выборах...

О как! «Яблоко», оказывается, – главный конкурент. А «Единство» где же? Так не было пока никакого «Единства» (оно же первоначально «Медведь»), блок возник только в начале октября.

Другая аналитическая записка приводила данные социологических исследований – продукт собственной, а посему особенно надёжной социологической службы «РОМИР»:

– По данным социологических опросов, на конец августа Е.М. Примаков занимает первое место в электоральном рейтинге лидеров различных политических партий и движений. Е.М. Примаков наиболее популярен на Северном Кавказе, в Черноземье, северных и северо-западных регионах России, наименьший рейтинг – в городах-миллионниках. Е.М. Примакова чаще поддерживают люди старше 60 лет, сельские жители независимо от уровня образования. Второе место в электоральном рейтинге лидеров занимает Г.А. Зюганов. Важным представляется тот факт, что электораты Е.М. Примакова и Г.А. Зюганова частично пересекаются.

Сразу после того, как Е.М. Примаков возглавил Блок «Отечество – Вся Россия», на 11% возросло число избирателей, ассоциирующих блок именно с ним...

Ми-ну-точку! А Путин где? Да как сказать: практически в эти самые дни (16 августа) он утверждался Председателем Правительства Российской Федерации. И ЕБН заявлял, что это его преемник на посту Президента. Да мало ли чего он заявлял, мало ли кого Борис Николаевич и раньше имел в виду преемником... В общем, никто, кроме совсем уж избранных, не верил.

А вот Максимыча-то (так его за глаза называли приближённые люди) продвигали. Анализируя плюсы и, разумеется, минусы этой политической фигуры. Среди минусов выделялся вот какой: негативное акцентирование фактов возраста и здоровья Е.М. Примакова, особенно в связи с тем, что 29 октября ему исполнялось 70 лет.

В одном известном фильме есть фраза: кто нам мешает – тот нам поможет! «Яйцеголовые» её чуть-чуть поменяли: что нам мешает – то нам поможет. И затеяли кампанию. Кампания посвящалась... полководцу Александру Суворову. А почему нет? Итальянский и Швейцарский (1799-й) походы стали вершиной славы полководца на 70-м году его жизни. Победы русской армии на реках Адде и Требии, поражение французов при Нови позволили освободить всю Северную Италию от противника.

Во время Швейцарского похода, когда суворовская армия оказалась в сложнейших условиях, брошенная союзниками на произвол судьбы, Суворов и его “чудо-богатыри” действительно показали чудеса при взятии перевала Сен-Готард и Чертова моста. Войска Суворова с честью вышли из окружения: “русский штык прорвался сквозь Альпы”. За Швейцарскую кампанию Суворов получил чин генералиссимуса.

Правда, вслед за тем последовала опала, продолжавшаяся до самой смерти полководца. Однако последний факт остался за рамками нашей кампании, призванной увязать в сознании избирателей два юбилея...

Но вернёмся к Владимиру Путину, который только-только стал «простым» премьер-министром. Со слова «простым» можно даже кавычки убрать, поскольку руководителей Правительства (вклю-

чая и Максимыча) Борис Ельцин снимал с высочайшей скоростью и регулярностью. Сегодня ты есть – завтра нет.

Меж тем Путин сделал заявление по Блоку «Медведь» («Единство»). «Яйцеголовые» интерпретировали его для народа следующим образом:

– ...Заявление Председателя Правительства о поддержке блока «Медведь» означает победу Б. Березовского над В. Путиным. Борьба Б. Березовского (в то время крупный бизнесмен, один из владельцев общественного Российского Телевидения – ОРТ – авт.) и А. Чубайса (в то время – председатель правления РАО «ЕЭС России» – авт.). Премьер–министр всё же ставленник «семьи» (Б.Н. Ельцина – авт.), несамостоятельная политическая фигура. В этой ситуации сложно предположить, что В. Путин поддержит какую–то иную партию или движение, а не прокремлевский блок «Медведь»...

И еще из нашей аналитики:

– ... В предвыборной кампании появился элемент остервенения... Информационная ситуация накануне выборов во многом напоминает ситуацию 1937-го года. Основные удары направлены против блока ОВР как реальной позитивной силы, претендующей на власть. В связи с информационной изоляцией, Блок и его лидеры с трудом пробиваются к избирателю, используя любую возможность...

Н-да, мы тогда воевали в «белых перчатках». Против «белых перчаток» пользовавшийся тогда огромным влиянием Борис Березовский выставил всего-то одного «чёрного» журналиста – правда, в новостной праймтаймовской программе главного телеканала страны, где в конце августа появилась «Аналитическая программа Сергея Доренко». Сразу стало понятно, что в информационной войне наступают активные боевые действия.

«Известия» писали по этому поводу:

– Доренко по призванию – типичный король нищих. Как и его хозяин – Березовский. Вот они и будут манипулировать общественным мнением толпы. Прочие функции на канале исполняют другие персонажи. Для работы с политической элитой есть всегда желчный Михаил Леонтьев. Более широкую публику по субботам будет забавлять простодушный Павел Шеремет, всё более подходящий на героя Ильфа и Петрова – застенчивого Альхена. Видно, что Шеремет стесняется, ему неловко, но не может не передернуть факты и обстоятельства...

Программа Сергея Доренко, поставленная в сетке вещания первого канала на воскресенье, 21.00, очень быстро набрала вес и стала самой популярной аналитической программой на всем отечественном телевидении.

Доренко начал атаки с нападок на «семью Лужкова». В программе демонстрировались документы, из которых следовало, что некто Андрей Батурин – брат супруги Лужкова и казначей московский «семьи», по утверждению Доренко, получал от швейцарской фирмы «Мабетекс» деньги. Человек по имени Андрей Батурин уже на следующий день провёл пресс-конференцию и заявил, что к семье московского мэра никакого отношения не имеет и что деньги получал от «Мабетекса» вполне законно – за оказанные фирме услуги. Но уже в следующем выпуске своей программы Доренко поделился со своими зрителями «секретом»: оказывается, ведущий дал Лужкову «глубже заглотив крючок».

Далее Доренко начал представлять Лужкова как «крестного отца», главу крупного клана, мафиозной «семьи». Организация убийства совладельца гостиницы «Славянская Рэдиссон» американского бизнесмена Пола Тейтума, финансовые махинации, вымогательство – Лужков был обвинен во всех этих преступлениях.

«Крепкий хозяйственник» на глазах превращался в сицилийского «дона»: Доренко даже называл мэра «доном Джорджио». Рейтинг московского градоначальника стремительно пошёл вниз, Лужков перестал рассматриваться населением как реальный претендент на президентский пост.

Уничтожив Лужкова, Доренко не забыл о бывшем премьер-министре, который в середине октября всё ещё опережал по рейтингу действующего премьера – Путина. Примакова тоже надо было нейтрализовать, для чего в «Аналитической программе» Сергей Доренко устроил репортаж из клиники, где подробно показал операцию на суставе – с кровью, мясом, костями, медицинскими инструментами. Подобную операцию делали летом Евгению Примакову... Примаков был показан

старым, безнадежно больным человеком. Зритель отсылался к образу бесконечно «работающего с документами» Ельцина и особенно – к образу Леонида Ильича Брежнева...

А мы что?

А мы пытались умно разьяснять истинную суть вещей через «Итоги» Евгения Киселева на НТВ.

А мы креативили по поводу контрперсонажа для Сергея Доренко и пытались сделать таковым Станислава Говорухина на ТВЦ.

«Московский комсомолец» отреагировал на выпады в адрес мэра Москвы статьей с характерным заголовком «Д.Д.Д. Диагноз для Доренко: абсолютно здоровый подлец»...

Наши усилия имели лишь ограниченный успех. В декабре на выборах в Госдуму «Единство» неожиданно заняло второе место, а пару недель спустя Владимир Путин стал исполняющим обязанности Президента России...

Выходит, кампания проиграна? Я был бы готов согласиться с этим и признать любые коллективные и свои собственные ошибки, если бы...

Если бы мы не провели вскоре после выборов в Думу очередной клубный вечер, где отлично повеселились вместе с Олегом Морозовым, Станиславом Говорухиным и многими другими соратниками по Блоку, в очередной раз ставшими депутатами российского парламента.

Если бы коммерческая структура, которая вовлекла нас в кампанию, не возвысилась ещё больше, продвинув своих представителей на ключевые посты в кремлевской администрации.

Если бы все без исключения губернаторы – участники Блока – не сохранили свои посты.

Если бы автор «победы» – Борис Березовский – не убежал в Великобританию.

Если бы «инструмент победы» – Сергея Доренко – не вышвырнули с ОРТ на обочину отечественной журналистики.

Как же так? А так вот.

Александр. Прозевали

Я опять всё прозевал. В 1991-м прозевал путч ГКЧП. В 1998-м прозевал дефолт. 31 декабря 1999-го прозевал... Ну, если б знал, то, может, и не прозевал бы. Но я же не знал...

Почему прозевал? А вот почему. Стало быть, 19-го декабря 99-го состоялись выборы в Госдуму. Через несколько дней мы провели клубный вечер, трудно понять какой: то ли заздравный, поскольку после выборов все остались и в буквальном, и в переносном смыслах целы; то ли заупокойный, так как наша победа фактически не состоялась. А встав из-за стола, сели с друзьями в самолёт и полетели в славный Амстердам.

Нет, не ностальгия по Красным фонарям повела туда, а совсем другое: из Амстердама мы вылетели в страну Танзанию и приземлились в аэропорту возле города, название которого большинству читателей абсолютно ничего не скажет – Аруша. Но если перевести это в неофициальное название Дар-эс-Сафари, а потом ещё упомянуть национальный парк и гору Килиманджаро, то узнаваемость резко повысится.

Мы прилетели в Арушу как раз для того, чтобы взойти на Килиманджаро.

Спустя некоторое время после африканской экспедиции и до сегодняшнего дня восхождение символически напоминает мне эти самые девять лет – с 91-го по 99-й.

Всё начиналось в эйфорическом тумане. Мы не очень понимали, что нас ждёт впереди. Мы пили мутный и крепкий местный напиток со странным названием «Konyagi». Созвучный коньяку, на реальный коньяк он никаким боком не походил, но в местных лавчонках других напитков не продавали. Мы поглощали невиданные фрукты и жарили неведомое мясо. Мы не думали о том, какие последствия для желудка это вскоре повлечёт.

Мы знакомились с чернокожими носильщиками и проводниками, радуясь, что не придётся нести тяжёлый груз собственноручно. Мы не знали, что главная трудность в высокогорье заключается не в переноске тяжёлых грузов, а в переходах без достаточной акклиматизации. Когда «бьёт» не только по желудку и печени, но также по голове и сердцу.

Начав на высоте около двух тысяч метров, мы бодро «взлетели» до приюта Мандара (2743 м) и переночевали там. Правда, сон был неудобным, прерывистым, с некомфортными сновидениями.

На следующий день достигли Хоромбо (3720 м), к этому времени поймали первые «глюки», и наше состояние стало ухудшаться.

И, наконец, добрались до приюта Кибо (4750 м), откуда и стартует финальная часть восхождения. У меня сохранилось видео: ребята упали влѣжку, совсем зелёные, молчат и лишь изредка отпускают якобы весёлые и ободряющие шутки типа «Был я раньше просто дятел, а теперь я альпинист».

Мы не совсем сознавали, как сможем в приемлемом здравии долежать (именно так, а не доспать) до двух ночи, когда предстояло выходить на вершину. И как встанем, и встанем ли, и не загнёмся ли уже в пути.

Преодолевая себя, кое-как поднялись и в сопровождении проводников (но не понесут же они, в придачу к рюкзакам, и тебя самого!) приступили к подъѣму по крутой каменной осыпи. Холод и темнота, потом потрясающий восход солнца. Но это я сейчас говорю «потрясающий», а тогда любоваться светилom не было никакого настроения.

С огромным трудом добираемся до точки Гилмана (5680 м) – это кромка кратера потухшего вулкана, который в целом и называется Килиманджаро.

До высшей точки (Ухуру-пик, 5895 м) идти по кромке кратера всего чуть больше двухсот метров. Правда, слово «всего» лучше взять в кавычки: «всего» – это не по длине, а по высоте; а «всего» по времени – Бог знает, сколько.

Но сил больше нет. У ребят головокружение, у кого-то рвота, меня тоже колбасит: накрыла горная болезнь, а по-простому «горняшка» – последствие «победного штурма» горы.

Меня, одного, делегируют на вершину как самого, по выражению циников-медиков, сохранного. Плетусь, отдыхаю стоя или сидя через каждые тридцать шагов; часа через два вижу столбик с заветной надписью. Падаю в полубморочном состоянии на покрытые снегом камни и полчаса лежу без движения.

Потом подходит проводник, «на автомате» делаю съѣмку. И вдруг с удивлением вижу почти призрака: это Серѣга Дорофеев – заместитель префекта Западного округа Москвы шаг за шагом, шатаясь и тяжело дыша, приближается к Ухуру-пику...

По мере спуска самочувствие и настроение постепенно улучшаются. На приюте Кибо собираемся всей командой, пьѣм чай и решаем, несмотря на измотанность, спускаться вниз дальше.

30-го декабря к вечеру достигаем Хоромбо. Всё хорошо? Как бы не так: всех схватывает жестокая простуда, а сна по-прежнему нет.

31-го не спеша преодолеваем завершающую часть маршрута. Чудо – сложности позади! Чудо – будем встречать Новый год в Африке! Чудо – звоним домой! Да-да, в беднейшей стране денежный зарубежный турист – святое дело: и рюкзак ему несут, и завтрак в пластмассовой коробочке подают, и кожурки от бананов подбирают и уносят из национального парка. И вышки устанавливают, позволяющие принимать сигналы мобильной связи, а уж радиоприѣмника и давно.

И вот включаем мы приѣмник. Российских станций он, конечно, отчѣтливо не ловит, но мы слышим родную речь, да не чью-нибудь, а собственного Президента. Еѣ транслируют какие-то зарубежные станции в оригинале, а затем переводят.

Будучи приверженцами исконно русской традиции на равных разговаривать с телевизором и радио, вступаем с приѣмником в диалог. Реплики, спонтанно произносимые вслед за текстом президентской речи, позже смакуем и дополняем. Примерно, так:

... Дорогие россияне!

Осталось совсем немного времени до магической даты в нашей истории. Наступает 2000-й год. Новый век, новое тысячелетие... Вот этот день и настал...

– Ну чо, настал, понятно, дальше давай!

Дорогие друзья! Дорогие мои!

Сегодня я в последний раз обращаюсь к вам с новогодним приветствием. Но это не всё. Сегодня я последний раз обращаюсь к вам как Президент России. Я принял решение. Долго и мучительно над ним размышлял. Сегодня, в последний день уходящего века, я ухожу в отставку.

– Эт давно пора. А то мы уж заждались!

... Ухожу раньше положенного срока. Я понял, что мне необходимо это сделать. Россия должна войти в новое тысячелетие с новыми политиками, с новыми лицами, с новыми, умными, сильными, энергичными людьми.

– *Это с кем же? Он вроде всех снимал?!*

... И я не должен держаться за власть, когда у страны есть сильный человек, достойный быть Президентом, и с которым сегодня практически каждый россиянин связывает свои надежды на будущее..

– *Он про кого, про Путина, что ли?*

– *Да не, будет кто-то другой.*

– *А про то, что «практически каждый россиянин связывает свои надежды», Боря, как обычно, загнул...*

... Я хочу попросить у вас прощения. За то, что многие наши с вами мечты не сбылись. И то, что нам казалось просто, оказалось мучительно тяжело.

– *Да мы уже замучились слушать твои прощения – сколько раз уже просил!*

... Боль каждого из вас отзывалась болью во мне, в моём сердце. Бессонные ночи, мучительные переживания – что надо сделать, чтобы людям хотя бы чуточку, хотя бы немного жилось легче и лучше. Не было у меня более важной задачи.

– *Стакан принял, в теннис погонял – и боль прошла!*

... Я подписал Указ о возложении обязанностей Президента России на Председателя Правительства Владимира Владимировича Путина.

– *Ну, я говорил, а вы не верили. Путин будет!*

... С Новым годом! С новым веком, дорогие мои!

– *И тебя, дорогой Борис Николаич! Наливай давай!*

* * *

Погруженные в празднование Миллениума, потом в заботы о возвращении на Родину, мы не сильно обсуждали отставку Ельцина и «престолонаследование» Путина. Не слишком переживали и за будущее. А чего переживать: ЕБН давно дал понять, чтобы мы сами, как можем, выкарабкивались из подаренных жизнью и «мудрым» руководством проблем. Сначала мы ждали помощи, а потом перестали. И понемножку вылезли, и вот живём, и даже на Килиманджаро ездим. И дальше так будем жить – сами по себе. А президенты – и новый, и старый – пусть будут сами по себе, лишь бы нас не трогали и не доставали своей «помощью».

Нам было хорошо. И в голову не приходило, что 90-е уже закончились. Мы прозевали!

ПОХОЖИЕ ПЕРСОНАЖИ

НИКОЛАЙ. Валуев Николай Сергеевич – российский боксёр-профессионал, выступавший в тяжёлой весовой категории, политический деятель. К моменту написания книги – депутат Государственной Думы РФ.

ФИОЛЕТОВЫЕ. Это Свидетели Иеговы (Исследователи Библии, Общество Сторожевой Башни). Миллионы последователей и десятки тысяч приходов по всему миру.

СЛАВА. Ростропович Мстислав Леопольдович – виолончелист, пианист, дирижёр, педагог, общественный деятель. Народный артист СССР.

ГАЛИНА. Вишневецкая Галина Павловна – супруга Славы, оперная певица, актриса, театральный режиссёр, педагог. Народная артистка СССР.

БАТЯНЯ. Расторгуев Николай Вячеславович – советский и российский музыкант, певец, лидер группы «Любэ». Народный артист Российской Федерации.

МИТЯ. Цын Дмитрий Борисович – бизнесмен.

Проза

Александр Герасимов

Родился в селе Иннокентьевка Архаринского района Амурской области. Работал учителем, журналистом и редактором газет и телевидения, генеральным директором региональной телерадиокомпании «Амур», трижды избирался председателем Амурской областной организации Союза Журналистов России.

Автор рассказов и пьес (публикации в литературных журналах России, Австралии, Германии, Канады, постановки в театрах Абакана, Астрахани, Владивостока, Луганска, Сиэтла, Тынды, Челябинска и др.). Награждён орденом преподобного Сергия Радонежского Русской Православной Церкви. Заслуженный работник культуры РФ. С 2011 года живёт в Калининграде. Член редакционной коллегии литературно-художественного журнала «Берега».

Берега

За северным фасадом, взирающим на старый немецкий пруд, в тени моего дома сугробы ещё сахарные, чуть оплавленные. На самом пруду и его округлых берегах февральские дожди снег растворили: лёд стал мраморным, гладким, с медовыми прожилками заплывших трещин, а на почернелой земле и над ворохами жухлых прошлогодних листьев распласталась зелёная до изумрудности трава. Никак не могу привыкнуть к этому густозелёному ковру, беззаботно являющемуся из-под стаявшего снега. На моей родине в Приамурье сейчас безысходная зима: земля в глубоких рваных трещинах, стылая до звонкости, донельзя, лихие заверти гоняют, хлещут жёсткую снежную крупку, и сил нет как, отчаяние берёт ждать прихода далёкой весны.

Зато весна на Амуре, начавшись несмелыми проталинками и робкими хрустальными сосульками, – безудержная, бесшабашная. Солнца у нас вволюшку. Притихшие чистые снега истончаются, становятся скандальными мутными ручьями, а те, демонстрируя оптимизм грядущих перемен, миллионами осколков разбитых зеркал разбрасывают по миру резвых и неуловимых солнечных зайчиков. Но и это только начало, ещё прелюдия, чёрно-белое кино, в котором звонкие ерошенные воробы вместе с солнцем купаются в сверкающих лужах. Следом зазвучат цветные аккорды весенней картины мира, вот-вот прольются.

На покатых склонах амурских сопок, на невзрачных кустиках с крохотными тёмно-глянцевыми вечнозелёными листиками, чуть набухшие почки приоткрылись яркими клювиками бутончиков рододендрона. Как бабочка, выходящая из тесного кокона, цветок с трепетом расправляет смятые крылышки: неосторожно-длинные, восторженно изогнутые розовые стеклянные ресницы тычинок и пестика в ювелирном обрамлении пяти восково-прозрачных лепестков.

Немыслимо передать словами дивные оттенки этих нежнейших, почти воздушных лепестков. Есть в них радость розового утреннего неба, нега малинового заката, печаль фиолетовых сумерек, это – цвет грациозной божественной японской сакуры, только более чудный, девственный, первозданный и отчаянный. До видимых горизонтов и далеко-далеко за ними сопки светятся сплошным малиново-розовым покрывалом, – чарующая цветомузыка заполняет всю весеннюю вселенную.

Кажется, бабочки цветов на кустики только чуть присели: вот-вот встрепенутся и полетят все разом меж стволов тёмных сосен и светлых берёз, над рыжим маньчжурским дубняком, не сбросившим крепкий прошлогодний лист. А потом в потоках холодного, ещё морозного воздуха поднимутся выше, заполнят небо, покружатся и улетят к солнцу, в сказочную страну детства, где все беззаботны и счастливы: и люди, и бабочки, и цветы.

Далее приходит пора амурских подснежников: фиолетовых, синих, тёмно-красных мохнатых колокольчиков. На солнечных косогорах и в тени распадков, в лесах и на берегах – чохом, гурьбой явиться могут всюду, даже на одичалых газонах и в истоптанных городских парках. По-детски застенчивые стоят они на крепких с сизой серебристой опушкой стебельках, поднимая и клоня из расрёпанных розеток-воротничков головки милых сердцу цветов⁸.

Над подснежниками запорхали, кружатся настоящие мотыльки: красно-бурые с голубыми пятнышками в белых с чёрным подзором окружьях. Но благостное отишие нарушает гулкий рокот и гуд. Откуда ж взяться грому без грозы?

С берегов Амура летят раскаты, трещит лёд на великой реке – апогей весенней симфонии, время её следующей – эпической части. Это ещё не ледоход, а его предтеча. В прибрежных домах стёкла тренькают и тонко поскуливают от речных набатов. Вот уже и ветра разбудил Амур: задули, загремели, засвистали, шквалами и дикими сквозняками понеслись вдоль реки. И – охнул лёд, сдался. Сдвинул Амур ледяной панцирь, потащил, скрежеща в берегах. Лопается, ломается лёд, дыбятся громадами заторов. Но герою нет преград, и чёрт ему не брат! Звон, грохот, уханье ледохода сливаются в оглушительный гул, как под колоколом.

...Как-то по весне приехали ко мне в Благовещенск приятели из Иркутска, вывел их на набережную – Амур-батюшку показать. Встали мы на самом краю у чёрных литых столбов с провисшими тяжёлыми цепями. А был должно конец апреля – самая вершина ледохода, и грохот стоял такой, что кричать приходилось, чтобы услышали. Неслись по реке огромные льдины, бились, топорщились, набережную цепляли, и вдруг одна как исполинский кашалот вынырнула, бросилась к нам, – чудом успели отскочить, – а та зацепила массивные чугунные кнехты ограждения, в ярости вырвала из бетона и, прихватив вместе с коваными цепями, легко утащила в пучину. Мои сибиряки только ахнули, – и у себя дома видели они великие реки, и сам Иркутск стоит на берегу немаленькой Ангары, но такой мятежной силищи ещё не встречали.

...Много дней тянет лёд по Амуру, пока верховья его самых северных притоков не освободятся. И уже плещет, смеётся бликами тёмная вода, разудалые волны резвятся в стремнинах, уже в затонах мальчишки купаются-визжат, а по берегам всё ещё лежат и томятся выброшенные и забытые Амуром могучие речные айсберги: позванивают, шелестят, осыпаясь высокими иглами-кристаллами.

Земля ещё толком не оттаяла, по утрам нередко ледяные глазури, и вечерами зябко тянет холодом, но днём солнце жаркое, жгучее. Наконец-таки распускаются почки деревьев, раскрывают ребячливые листики, вкрадчивыми щепотками пробиваются травинки, радостные одуванчики зацветают, а следом – фарфоровые яблоньки, жемчужные вишенки, мраморно-белые груши, а уже за ними – кипенные черёмухи. А как сорвут, завьюжат горячие ветра черёмуховый снег, то уже лето наступит.

Финал весенней симфонии. Потом польются песни лета. Песни тёплых гроз, лугов, сплошь цветущих золотыми лилиями-саранами, белых придорожных маков на беззащитно-тоненьких ворсистых гнутых ножках...

Эко куда я мыслями улетел. На Амур, за семь тысяч километров. И вовсе не весна сейчас там, размышчался...

А меж тем стал падать снег. Опускается густо отвесно огромными, как перья, хлопьями. Уже и другого берега старого пруда не видать. И так тихо-тихо стало, что даже дыхание в груди таится и только слышно, как сердце гулко стучит. И всё стало белёхоньким, а нежные пёрышки всё падают и падают.

Лотосы моей родины

Архаринский район Амурской области, где я родился, уникальнейший во всей нашей необъятной России: когда-то от Великого оледенения уголок этот защитил Большой Хинган – вулканический горный хребет. Оттого сохранились на реликтовых озёрах дивные тропические лотосы.

⁸ В Европейской России «подснежниками» называют совсем другие, чаще – белые, цветы. В Красной книге наш амурский первоцвет величают «прострел Турчанинова», назван именем знаменитого ботаника – красноярского (енисейского) губернатора Николая Степановича Турчанинова: ещё во времена А.С. Пушкина собрал он лучшую в России коллекцию гербариев, написал книгу «Байкало-даурская флора», ценимую учёными и в наши дни. – *Примеч. автора.*

Не рискну сказать какого цвета мои царственные водяные лилии, да и невозможно это. Лотос в течение дня постоянно, во времени почти неприметно как, меняется.

Цветок Солнца. Огромные лилии всегда обращены к солнцу, движут гордые головы вслед за светилом. Ночью лотос спит, с закатными лучами складывается в тугий бутон, с рассветом расправляется.

Утром лотосы самые яркие, с матово-восковым отливом. Насыщенно-розовые, чуть малиновые.

Но и рассветные лотосы неравномерны цветом. У кончиков лепестков окрас насыщенный, в центре – мягкий. Дорожки светлого от сердцевинки лучиками тянутся и растворяются.

Сердце цветка – глянецовой золотой конус, семенная коробочка с изящным, каким-то космическим контуром, а ещё она похожа на аккуратное рыльце садовой леечки, даже дырочки в ней просматриваются, обрамлена множеством тычинок с густой жёлтой пылью. Запах лотоса плотный сладкий и терпкий, нравится пчёлам, их часто увидишь пирующими. Всю жизнь мечтаю попробовать на вкус лотосовый мёд. Родом из мест, где лотосы тысячи лет цветут на древних озёрах, оттого что-то и воображаю себе.

Днём лотосы бледнеют, порою белеют, заполняются солнечным светом. Цветы могут почти лежать на воде, но чаще – гордо подняты над нею упругими высокими стеблями.

Лепестки лотоса всегда чистые и сухие.

Удивительно, даже сорванными, поставленными в воду, лотосы продолжают сжимать и раскрывать лопасти лепестков, в течение дня меняют окраску – столько в них великой силы и желания жить. Это мне рассказали, сорвать самому – не смел и подумать.

Цветок похож на многокрылую бабочку, грациозно взъерошенную, взметнувшую ярусы огромных чуть заострённых крыльев.

Размерами лотос ошеломляет, в садах таких цветов не встретите, диаметром лилия сантиметров в тридцать. А зелёные округлые листья – до полуметра, кажется, что по ним ступать можно. Листья, как и цветы никогда не намокают, только очень ранним утром видел на них редкие перламутровые шарики тёмной росы.

Цветок мудрого Будды, в нём очищение, просветление, вечность...

Стараниями и заботой добрых людей сейчас лотос бережно расселяют по озёрам Приамурья, охраняют, его изображения становятся брендовыми. В 2014-м тысячи моих земляков проголосовали за то, чтобы именно лотос представлял Амурскую область в Аллее России парка Победы города Севастополя.

Лотос, цветок Солнца, он тоже символ великой нашей страны.

Созвучия

БЕЛЬКАНТО

За моим окном соловей поёт. Тёк-тёк-тёк! Тюить-тюить-тюить! Тиу! Тиу! Следом мелкой дробью и долго так: тррррр...тррррррррр... Примолкает, прислушивается. Из соседнего парка другая птаха клёканье, тёканье и дробные колёнка выдаёт. А потом издали следующая включается.

Соревнуются соловушки. Завораживают. Весь день перекликались, теперь ввечеру особенно звонко. Иные птицы уж умолкают, а для моих раздолье. В ночи только их и будет слышно.

Все окна настезь!

* * *

Ночью всё соловьи щёлкали, то сонно, то раскатисто переливчатыми трелями заливались, к рассвету умаялись. А тут и первые синички пробудились: тенькают хрустальём. Солнце в небо поднимается, всё оживлённее птичий гомон. Сначала пытался знакомых птах признать, но такой занялся перезвон ликующий несмолкаемый, что бросил я эту затею. А солнышко всё выше, вот уже стрижи пронзительно зазвенели, скользят в поднебесье, и слышна их радость над всеми голосами.

* * *

Первое «ку-ку» в звенящем весеннем гвалте дождался. Вещунья кукушечка кукнёт и эхо слушает, уж и тревожишься, потом как заводная зарядится, откукивает несчётные сроки, уши наостряешь, а она: мало? а вот ещё тебе, слушай-слушай, дурачок, ку-ку, ку-ку, ку-ку, ку-ку, ку-ку...

ЛИПА ЦВЕТЁТ

В буйстве цветения нет липе равных. Боже, какие ароматы! И всё это за моими окнами. Пышные соцветия своею невероятной тяжестью ветви клонят, осыпаются густо жёлтой пылью, проливаются тягучим нектаром. В липком сладком соке и листья лип и тротуары под ними. Вот откуда название то – липа!

А сегодня летний ливень пошумел бегло, теплынь, рыжие от пыльцы лужицы испарились, воздух недвижим, томлив. Самое время липовый цвет собирать.

Стараюсь эту пору не пропускать. Остались ещё и прежние заготовки, запас пить-есть не просит. Сохранилась даже коробочка сбора, привезённая из Благовещенска, восемь лет прошло, а как откроешь, каждый раз кажется, что только пахучее становится.

Память о моём тесте Николае Васильевиче Иванкине: как-то посадил он у калитки дома крохотную липку, та разрослась в пышное дерево, знойными июлями стала цвести густо-густо, а запах такой, что сладкие его волны я за квартал чувствовал, когда переулком в гости шёл. В кроне пчёлы гудели яро, роилось столько, что, ей-богу, боязно было руку к ветвям протянуть. В Калининграде пчёлка редко увидишь, усталые одиночки залетают в липы, мне так обидно, что нектар собирать некому.

Каждую кисточку пушистых соцветий норовлю отщипывать без бледного листика розетки, он клейкий-запылённый, при чайном запаривании даёт дегтярный окрас и горчинку. Просушу собранное, разложу по льняным мешочкам. Есть у меня и иной рецепт запасаения. Нежные свежие цветики отделяю от хвостиков ножек, пересыпая сахаром, плотно укладываю в стеклянную баночку и в холодильник. Месяцами может стоять. Липовый цвет пустит медвяный сок. Его и в чай добавлять, и на блины поливать. И сами засахаренные цветочки можно есть – ложкой и в рот! Попробуйте. Будете удивлены: да они же мёда вкуснее!

...В парке есть липовая аллея, нами любимая, – присаживаемся с Людой на скамейку: во млеющих деревьях пичуги звенят, благодать райская.

ЯНТАРНЫЙ ДЕНЬ

Ах, какое вчера было море. В белёсой дали водная ширь растворялась в небосклоне, корабли висели в небе. Окоёма не существовало, только заплотень стал просвечиваться, вырисовываться, крепнуть. Округлые волны тягуче покачивались, неторопливо близились, уже у берега кудрявились, пенились, заворачивались, бухали набегающим мягким гребнем, растекались тонким наливом, шуршанием и шёпотом гасли в песке.

Волны выбрасывали кусочки янтаря. Ходил прибоем и собирал. Выудил несколько самородков размерами в монетку. За этими пришлось поохотиться: не успеешь подхватить, следом набегающая волна слизнёт в море, потом жди, пока вновь выкинет, а зазеваешься – утянет. Попадались всё больше – махонькие осколочки, эти выщипывал из песка. Крохотки, но как горят на солнце! У янтарей очень широкий цветовой спектр: оранжевые, огненно-красные, прозрачно-жёлтые, почти молочные. И сам песок на Балтике солнечных оттенков от мельчайших крупинок янтаря, а под ногами хрустит, как снег.

Потом, повыше берегом, собрал горсть очень крупных янтарных слив алычи.

А вечером огромное солнце плющилося расплавленным янтарём, сопротивлялось и никак не хотело нырять в море, янтарные отклики на облаках провожали его...

Ивовое лукошко

СОЛЁНЫЕ ГРУЗДИ

На камбузе и на кухне отец мог только картошку варить, картошины в его кастрюле были многогранниками, случалось, вываливал к ним банку тушёнки. Но как умел засолить рыбу в пряном тузлуке! Как солил грузди!

Из всех навигаций привозил дубовую бочку груздей. А если работал в низовьях Амура, ещё и солёную горбушу. Куда нам столько, – мама раздавала по соседям, денег не брала, хотя рыбу отец не ловил, покупал у нанайцев, но грибы собирал сам.

О чудесных хрустящих груздочках расскажу. Как в детстве у отца увидел, так и соллю, только не в бочке, не те масштабы.

Убеждён, заготовка груздей – занятие сугубо мужское.

Грузди ещё надо суметь найти, всегда прячутся под слоем опавшей листвы. Я их присутствие по запаху чую. А как увижу взрыхлённые бугорочки и срежу первый груздок, всё по кругу прочешу, – по одному не растут. И бежать дальше не тороплюсь, в том же ярусе леса обязательно найдутся и другие семейки. Хорошо искать грузди на взгорочках и по сопкам: идёшь снизу-вверх зигзагами и видишь, как выглядывают, подсматривают за тобой.

Я беру сырой груздь. Шляпки у него с ямочками в центре, а краешки с мохнатой бахромой, у молодых плотно загнуты к ножке. Молоденькие тугие сизовато-беленькие, а подросшие в лёгких рябушках-рыжинках. По срезанной ножке, с выступившим млечным соком, видна свежесть гриба, шибко проточенные червячками брать не стоит.

Принесённые из лесу надо очистить от прилипших листочков и хвоинок. Большие шляпы разрезать на половинки и четвертушки. Промыть проточной водой.

Потом вымачивание. Сок грибов горький. В Германии и большинстве европейских стран грузди считают несъедобными и ядовитыми. Не отсюда ли пословица: что русскому хорошо, то немцу – смерть? Много они понимают, ха-ха, попробовали бы под русские грузди свой шнапс. Нет, лучше холодные солёненькие – под заиндевелый лафитник нашей!

Для вымачивания укладываем грузди вниз шляпками, заливаем чистой водой, сверху плоскую тарелку с гнётом. Часов через шесть вода помутнеет, меняем на свежую, и потом вновь. Продолжается это два-три дня. Как-то видел у таёжного пасечника: сетки с груздями, прикрытые ветками маньчжурского дуба, полоскались в чистейших струях холодного родника, – идеальный вариант!

Приступаем к засолке. Достаём грибы по одному, осматриваем, соскабливаем не понравившиеся пятнышки. Выкладываем слоем в посудину. Посыпаем крупной солью. Поверх выстилаем листья чёрной смородины, молодые-дубовые, лопухи хрена, спелые зонтики укропа, зубчики чеснока. Вновь слой грибов, на него те же ароматные приправы... загружаем ёмкость доверху. Не бойтесь придавливать, грузди после вымачивания становятся эластичными, не раскрошатся. Сверху два-три слоя листьев хрена, смородины и гнёт потяжелее. Если грибов маловато, можно подложить вымоченных из следующего сбора. Грузди солятся долго – сорок дней.

Первые дни идёт брожение, – желательно деревянной шпажкой по краешкам давать выйти пузырькам газа. Когда процесс успокоится, грибы можно переложить в банки, поплотнее, чтобы не было воздушных пустот, иначе окислятся и почернеют. Все слои груздей перестелить теми же приправами, под укупорную крышку – побольше, чтобы грибы не высывались.

Пишем на банке дату засолки, ставим в холодильник и набираемся терпения. Напоминаю: сорок дней!

А уж как откроете готовые...

КАКИЕ ГРИБЫ ЛУЧШИЕ?

В наших лесах – белые. Всегда к ним с трепетом отношусь, а собрав, не спешу отправить на сковородку, жалко, – лучше высушить впрок. Как чудесны грибные супчики зимою! Размочив, сушёные

белые можно и пожарить. Но супы-таки лучше: горсточка грибов, а аромат на весь дом, даже соседи по лестничной площадке завидуют. Рецептов супов из белых не счесть, потому что всегда импровизирую. Не поверите, даже в борщ их кладу.

А вот что заметил, лесные белки белым и другим грибам предпочитают маслята. Возможно, оттого, что эти грибы растут в сосняках, где часто и обитают белки. Основная их еда – семена сосновых шишек. Небось, видели под кронами сосен шишки, ободранные до кочерыжек. Это белочки потрудились, откушали маслянистых зёрнышек, но большей частью где-то припрятали. Должно, вкусные.

А вы знаете, что сибирские и дальневосточные кедровые орешки – не совсем кедровые? У нас растёт кедровая сосна, а кедр – в субтропиках, да в краях, где зим не бывает. Но это я отвлёкся. Об орехах как-нибудь в другой раз. Про маслята речь завёл. Не раз видел эти грибочки наколотыми на веточки, встречал и на пеньках разложенные. Это всё белочки. Высушивают про запас, почти как я, чтобы зимою насладится. Что-то в закрома потом снесут, а могут и на сучках оставить. Выскочит белка в морозный день из гнёздышка-дупла, снимет сушёный маслёнок, в лапках-ручках зажмёт и грызёт, жмурясь от удовольствия. Так что, маслята грибы не второсортные, белка толк знает.

Как-то собираю маслята в сосновом лесочке, ползаю на коленях по опавшей хвое и вдруг по голове меня что-то тукнуло, глянул – крепенький такой маслёнок. Глаза поднимаю: белогрудая белка надо мною, смотрит обиженно – её добыча у меня в руках оказалась. Осторожно, чтобы не спугнуть, нанизал грибок на сухую ветку повыше. А потом шёл и лыбился как дуралей, и маслята из лукошка по сучкам развешивал. Если хотите видеть белок в лесах, не жадничайте, делитесь с ними. Так можно и городских белочек подкармливать, когда грибы из лесу привезёте.

А ещё заметил – белки любят подберёзовики. Я их тоже люблю – поджаренными до румяности.

О солёных уже рассказал, сейчас – о жареных грибочках. Ну, держитесь:

ГРИБЫ ЖАРИМ!

Огорчаюсь, когда кто-то неправильно жарит грибы, и получаются они варёными, расплзающимися. Послушайте бывалого грибника.

Свежие грибы нельзя мыть и замачивать. Конечно, есть виды, которые из-за горечи и непривлекательного запаха советуют предварительно отваривать, но не о них речь. Благородные лесные грибы – белые, боровички, лисички, подосиновики, подберёзовики и шампиньоны (в том числе из магазина) промывать нельзя! Иначе наполнятся излишней влагой и поплывут на сковороде. От соринки грибы достаточно очистить острым ножом.

Потом режем на ломти одной толщины. Размерами грибы разные, а так они и приготовятся одновременно и, поверьте, реально станут вкуснее.

По поводу репчатого лука в грибах даже не спорьте. Тонкую грибную ароматность жареный лук не перебьёт, сделает изысканнее – оттенит своею сладковатостью. Первым делом на среднем огне поджариваем колечки лука до красивой золотистости.

Потом сковороду с карамельным луком раскаляем на сильном огне и, секунды не медля, выкладываем грибы. Чуть прихватились – лопаточкой нежно-ласково переворачиваем на другой бочок, потом снова... ломтики должны со всех сторон зарумяниться соблазнительной корочкой, она сохранит грибные соки. Сами наши грибочки станут поджаристыми, уменьшатся размерами раза в два. Это уже момент готовности.

Солим только сейчас, раньше нельзя – вытечет сок. Снимаем сковороду с огня.

От сумасшедшего запаха голова кружится. А мы ещё посыпаем грибочки свежим душистым укропчиком-м-м-м...

Всё! Пробуйте.

А я что говорил?!

Хотите в сметане? Легко! На горячую сковороду – в уже поджаренные грибы – положите две ложки жирной сметаны, доведите до кипения, грибы пропитаются нежной сливочной кислинкой. Но в сметане лучше не жарить, а запекать в духовке.

Ну, а к вкуснейшим жареным грибам гарнира лучше молодой отварной картошки человечество пока ничего не придумало. Однокалиберную некрупную картошечку отварите, слейте воду, дайте минуту подсохнуть, чтобы беленьким забархатилась, потом на неё сметану – щедро так, а поверху опять-таки укропом рубленным и ещё веточками для украшения...

ГРИБОВЕНКА

– моё ивовое лукошко. Много лет бродил с грибовенкой неспешно и торопко в погоды ясные и дожди ненастные по тайге, лесам и перелескам.

Попадались грибы и когда без лукошка был. В Комсомольске-на-Амуре видел на газоне подосиновики. Город в тайге строили, сохранились грибницы. А уж по северным дальневосточным городкам и посёлкам красноголовики – привычные уличные грибы. Встречал их в Тынде, Бомнаке, большом эвенкийском селе Ивановское. Экологически чистые места. Местные у подосиновиков берут только тугие маленькие шляпки, меня как-то угостили банкой маринованных, не счесть сколько их там было.

У калитки моего дома в Калининграде шампиньоны время от времени появляются, а чуть в сторонке под деревьями – маховики. Не срезаю, в большом городе не стоит, хотя очень соблазнительны. А вот в Благовещенске городские грибы доводилось собирать. В Первомайском парке, где Зeya впадает в Амур, ещё ребёнком с мамой набирали пригоршни подберёзовиков. Парк тихий, чёрные и белоствольные берёзы от сохранённого лесного уголка. И за моим телецентром рядом с набережной в запущенном сквере имени Сорокалетия ВЛКСМ подберёзовики собирал, хотя там деревья не от леса, комсомольцы в 1958-м посадили. А во дворе самой телестудии под соснами ребята операторы каждое лето маслят резали, потом, не в силах утерпеть, в своих закутках жарили на электроплитке, – вкусные запахи щекотали в эфире ноздри ведущим и гостям телевизионных программ.

...Ещё поброжу с моим лукошком, о повадках и тайностях грибов расскажу – истории охоты за ними всегда полны приключениями и открытиями.

О головокружительных ароматах, превосходностях вкусовых ноток и оттенков наших грибов надо писать не кулинарные книги, а художественные рассказы, доверяя это только самым виртуозным мастерам слова. Попытался как смог. А что оранжевые лисички пахнут абрикосами не успел рассказать... и как янтарные рыжики наивкуснейшими хрусткими-ядрёными засолить... да, не вздумайте рыжики вымачивать!

Ягодные места

С утра дождик мелкий, торопливый зачастил, потом ударило ливневой полосой, потоки лужиц закипели радостно, но дождь ослаб, стал сеять водной пылью, и уже не понятно было, пойдёт ли вновь, – низкие тучи всё ещё тянулись от горизонтов к горизонтам. Или вновь разверзнутся хляби небесные? Будет лить и лить без продыху. Или распогодится? Солнце пробьёт-раздвинет лучами тяжёлые тёмные облака, ослепит мокрые деревья и чистые зеркальца луж, засверкает крохотными бриллиантами на стриженных газонах, и разом воробьи звонко зачирикают, голуби ворвутся в высокую промытую синеву...

Вы как хотите, а мы с Людой и Ватсоном – в лес. Надумали и поехали чернику пособирать.

Уже на выезде из города попали в такую стену ливня, что пришлось остановить машину, но не вернулись, переждали.

Проехали мы километров сорок. И тут пред нами радуга засветилась, повисла яркой упругой дугой, а над нею ещё одна – расплывчатая и цвета её в обратном порядке: красный внутри обода, а фиолетовый наружу. Увидеть двойную радугу – хорошая примета, к удаче. Не стоит дальше ехать.

С дороги только сошли, ещё и в лес не углубились, а воздух совсем другой: густой и тихий. Ватсон, закрутив хвост калачиком, тут же стал бегать вперёд-назад, распугивать дремавших лягушат и

скучавших без нас лесных пичужек. Торфянистая тропка влажная и мягкая, приятно по ней ступать. Правда, приходилось уворачиваться от высоченной цветущей крапивы, – неосторожно заденешь – обжигает, идёшь и почёсываешься. Огорчаться не стоит, крапива – трава целебная, её даже к ранам прикладывают, чтобы быстро заживали. У тропинки ореховая лощина: листья крупные по-летнему усталые. За орешником утомлённая зелень клёнов, берёз, ольхи.

Сквозь светлое разнолесье вошли в бор старых сосен. В тени меж вековых стволов – чистые мхи, сплетение кустарничников, островки можжевельника. Увидели и махонькие кустики чернички. Ягоды всё мелкие попадались, пока донца банок прикрыли, полчаса прошло.

А тропка нас дальше завлекает. Через болотца потянулась, брёвнышками заботливо выстелена. Озерко встретилось – живописное, словно с картины Васнецова «Алёнушка». На берегу чаща молодых сосенок. Стволы теснятся, охвоенные ветви только в высоте под солнечными лучами, нижние – сохлые, надломанные, в облатках изумительно красивого, цвета античной патины, лишайника. Театральные сказочные декорации. Здесь-то настоящая черника и явилась нам. Кустики по кочкам растут, оттого кажутся высокими, и ягодками щедро обвешаны. Пахнет только можжевельником, в прогалинках света повсюду его охристые стебли с пухлыми листиками-иглочками. А тишина-то какая. Люда на пяток шагов отойдёт, я её и не слышу: под ногами ковёр мягких мхов и рыжей хвои. В таких лесных ягодниках всегда жутковатая таинственная тишина, даже птиц не слышно, только одинокие комарики прерывисто тонюсенько и как-то испуганно звенят. Замечали?

Обираем чернику пальцами. Многие совками прочёсывают, ладно что с листвой, в раж войдя, выдирают кустики, один потянут, а следом ещё два висят и сохнут. Корни паутинные, дерниной рыхлой чуть прикрытые, черника ими и разрастается, захватывая территорию, для нас же старается. Говорят, куст черники может сто лет прожить, – неужели не жалко?

На серебристых ягодках пальцы оставляют лёгкие мазочки. Дымчатый сизый налёт черники – это ягодный воск: оберегает от солнечного перегрева, порчи от росы и дождей, – лучи отражаются, а капельки воды скатываются. Густое восковое напыление есть и на жимолости, голубике.

Чернику часто путают с голубикой. Я научу, как различать. Черника – отдельными ягодками на веточках, а голубика – кисточками. Черника тёмно-сизого цвета, голубика – сизо-голубого. Овальные листики у черники заострённые, у голубики с закругленными кончиками. А если не запомнили мои приметки, раскусите ягодки: у черники плоть тёмно-красная, у голубики – розовая. Ваши губы, язык и пальцы от сока черники станут фиолетовыми, как от черёмухи, а голубика рот и руки не испачкает. Вот и все различия! И по вкусу ягоды похожи, чудо как хороши! Только черника чуть более терпкая и вязкая, сахаристая с лёгкой кислинкой, мякоть её литых ягод плотная пурпурная с крохотными семянышками. Голубика покислее, мякоть крахмалистая, какой-то диковатый хмельной привкус имеет. В родных мне таёжных краях раньше собирал немало этой ягоды, там её называют – голубица.

Богатые голубичники на моей родине. Только и комаров в тех местах, на болотистых марях, пропасть сколько: идёт человек, а со стороны – будто серое облако колышется – такой его эскорт сопровождает, и каждый комарище норовит укусить или в рот влететь. В облачном облике не только человека, но и медведя можно повстречать. Любят косолапые лакомиться голубицей. У нас в любой деревне расскажут истории о пьяных медведях: нажрутся-де хмельных ягод, начнут песни реветь, а потом храпеть на солнцепёке. Осторожными надо быть в голубичниках, чтобы на подгулявшего мишку не наступить, всякие случаи бывали, – моя прабабушка Анна хворостиной медведя гоняла, сослепу за бурую корову приняла...

Да ладно, не пугайтесь, мы же не в тайге, в пригороде ягоду собираем, нет здесь берложников. Но дикого кабана встретить можно, – пока тропинкой шли, заметил следы покопок и лёжек. Не знаю, объедает ли кабан чернику, его любимое занятие – ворошить мягкую лесную подстилку, опад листьев, коры, ветвей и плодов. Ищет сочные корешки, отростки побегов, лакомится улитками, жирными личинками, дождевыми червями. Зрение неважное, за пятнадцать шагов может не увидеть человека, зато обоняние и слух отличные, на них и надежда, учуяв-услышав, уйдёт подальше. А ещё – на Ватсона, отважный пёсик не даст в обиду, лишь бы в лесу не заблудился, прогоняя вепря.

Люда научила Ватсона отрывать чернику с кустика, понравилось тому лакомиться. Так вот втроём и обирали ягоды.

Обирали-собирали. И уже стало нам казаться, что всё в какой-то дремоте. Тени колышутся в проблесках, передвигаются, диск солнца плывёт, подрагивает в мареве неба... Должно, сомлели. Даже неугомонный Ватсон умаялся, стал на бок приваливаться, розовый язычок показывать.

Выбрали мы валежину не замшелую, посуше, присели почаёвничать. В китайском термосе напиток с лесным сбором: свежий липовый цвет, лепестки шиповника, ягоды земляники, красной смородины, листики малины, немножко мёда... Главный секрет духовитого чая – нежная гармония: ни один аромат и вкус не должен перебивать другие. Готового рецепта не осмелюсь посоветовать, только личным опытом можно определить – сколько и каких ягод, цветов, листочков, травинков, веточек класть в термос для запаривания и томления. Есть чайные сборы бодрящие, бывают успокаивающие. Витаминные и лечебные. Одни хороши в летнюю пору, другие зимами.

Напившись чаю, приободрились, воспрянули. Но с черникой решили пока не заморачиваться. По баночке набрали, хватит для первого похода. Ягодное место открыли, дорогу приметили. Хорошо бы и на грибы глянуть в этом лесочке.

К машине возвращались уже вдоль-поодаль тропинки. Высматривали меж деревьев. Видели, но не брали сыроежки, моховики, опёнки. А в корзинку попали приболотные подберёзовики – стройные, светлые и влажные, подосиновики с плотными оранжевыми головками на коренастых рябеньких синеющих ножках и три боровичка – толстых, бархатистых. Замечательный улов, пусть и не великий. Потушить в сметане с лучком и укропчиком – вкуснятина, за уши не оттащишь. Или грибочки поджарить с картошечкой? Размечтались, а тут на нас в лесной чаще местные комары и набросились, словно поджидали, злющие такие. Стали мы себя шлёпать, шаг ускорять. На тропку выскочили и, отмахиваясь, почти бегом отступали, а комары гнались, не отставали, самые наглые даже в машину за нами вломились. Известно, в походах всё гладко да сладко не случается.

Дома участники загородной экспедиции предалися занятиям по интересам. Я присел записывать эту историю. Ватсон бесцеремонно завалился спать на диване, иногда, встрепенувшись, подёргивал лапками: куда-то бежал, за кем-то гнался. Люда протёрла чернику с сахаром, а грибы в сметане с молодой картошкой, луком и укропом запекла в духовке: в жизни не едал ничего вкусней.

Столько за день впечатлений! Даже половины не передал. Но и за новыми поехать надо. Уж мы-то с вами знаем ягодные места. Не счесть их по России.

Проза

Владимир Нечаев

Владимир Иванович Нечаев родился в 1957 году на побережье Берингова моря в поселке Оссора. После окончания Владимирского политехнического института, прошёл срочную военную службу на Урале. В 1982 году вернулся на Камчатку, где ныне и проживает. Автор шести книг (стихи, рассказы, притчи, эссе): «Золотые звери» (1991), «Россия – с печалью...» (1995), «Утешитель» (200.), «Исследование дома» (2008), «Лодка до Каюма» (2015), «Сокровенное» (2017) Публиковался в региональном альманахе «Камчатка», журналах: «Дальний Восток», «Москва», «Литературная учеба», «Октябрь», и др. В 2001 году принят в СП России.

Дерево

Он мешал им – старый тополь в два объёма. Возрастом чуть меньше города, в котором вырос. Прежде здесь была тундра, потом лёг асфальт. И тополь вымахал на высоту восьмизэтажного дома. На ту же глубину тянулись в землю корни. Я выходил из подъезда, шёл по дорожке наискосок к тополю, задрал голову, смотрел, как шумит крона. Поздней осенью тополь сбрасывал листву, и чёрные кончики голых веток кололи пустое небо, ждали тепла.

Когда тополь обнесли забором из свежеструганных досок, стало ясно, что дни его недолги. Вот так, на виду, не хотели рубить, потому забор поставили. И справились только к вечеру. Возвращаясь с работы, я не увидел дерева на привычном месте. Заглянул в заборную щель. Из земли торчал изуродованный обрубок ствола.

Наутро подогнали экскаватор, сноровисто вырыли котлован, бетоном залили основание и сняли часть забора. Под вечер следующего дня, по традиции, на дощатом столе в центре бетонной основы распили шампанское.

Они все разошлись, когда я шёл мимо. На столе стояла пустая бутылка и десяток пластиковых стаканов. Ветер опрокидывал лёгкий пластик, сметал со стола...

Дом строили быстро. Технология канадская, рабочие из Китая. День они начинали с птицами, на птичьём языке переключались. И какой-нибудь Ли Бяо, ладя очередной блок, наверное, вспоминал другой дом, своё семейство где-нибудь в далёком Сычуане, и думал о том, как приедет через год, привезёт денег и подарки, и как его будут встречать и говорить, что Ли Бяо – труженик и кормилец.

Я всё реже вспоминал о вековом тополе, росшем на месте строящегося дома. «Был тополь, – говорил я себе, – а будет дом. Девять этажей, по канадской технологии. Разве плохо? Вот у меня жильё – так себе. Куплю квартиру. Простое человеческое счастье, чего ж ещё? А нет-нет и вспомню тополь, который мешал».

Через год китайцы уехали на историческую родину, а в дом стали вселяться жильцы. И я въехал в хорошую двухкомнатную квартиру. Обживался, покупал мебель, думал о женитьбе, о детях, которые заполнят тишину. Ночью, лёжа в кровати, я слушал, как живёт новый дом, как шелестит речью, переключается своими полостями, множится звуками шагов.

И в каменной кроне дома, связанной каркасом человеческого языка и общей судьбы, появилось новое. Оно приходило ночью, когда одни жильцы засыпали, а другие лежали без сна, всматриваясь во тьму. И я всякий раз ждал приходящее и слушал, как оно живёт во мне, как пробуждается другая жизнь. Другие соки поднимались из глубины. Я не сопротивлялся этому. Общность, скреплённая одним, – разве не этого все мы хотим, не этого ищем? Разумная клетка единого тела. И прорастая сквозь меня ночью, а днём ожидая моего возвращения, это новое, без имени и числа, ветвилось и укреплялось.

То, что поднималось в нас, обживающих новый дом, питалось нашим ожиданием. Но чего же мы ждали?

Как обещание, которым повеяло, когда идут перемены, встал новый дом. Вырос на месте старого, но ещё крепкого дерева. У дома появилась душа, а, значит, надежда.

– Всё здесь, куда же ты? – окликал меня голос дерева.

– Но ведь я и не ухожу, – возражал я ему.

– Вы – трава на обочине чужой дороги, – говорил голос. – Подует ветер и прильёт траву.

Я не знал, что ответить голосу.

Но мы жили в доме. И дерево проснулось в жильцах. В каждом пробудился срубленный тополь. Особенно остро я слышал в себе по ночам движение старых корней. На губах горчила листва. И мы вспомнили о небе.

Дерево крепло в нас. Под ветром крона дома разворачивалась в одном порыве. Ветер стихал, и дерево слушало голоса обитающих среди ветвей.

В своё время приходила осень. И тогда крона роняла усталый лист. Весной новые листья просыпались и жили своим, а дерево жило всеми. И через всех говорило с каждым.

Древесные тяги и крепи проросли сквозь квартирные стены, сквозь мебель, сквозь живущих в доме. Они заставляли задуматься о свободе. Чтобы сделать шаг, нужно было рвать древесную ткань. Для одних это было мучительно, а другие искали здесь корысть и забаву.

И тогда заговорили о необходимости перемен, и о том, что все они вольны поступать по своей прихоти и разумению. И каждый твердил только о себе и о своих желаниях. Всем хотелось быть выше дерева, растущего в них.

Мы больше не слышали голоса старого тополя. И не птичьи голоса звучали в ветвях, но одно только недовольное жужжание...

Завтра сюда придут люди с новыми, блестящими топорами. Они привычно срубят ослабевшее дерево, зальют основание бетоном и, соблюдая традицию, за грубым, наспех сколоченным столом, разольют вино в одноразовую посуду, выпьют и разойдутся до следующего дня.

Яблоко

Долгоня работает дворником.

Когда-то к нему обращались «Иван Сергеевич» – он был директором завода – а теперь он убирает окурки, подметает, следит за чистотой.

Почему Долгоня пошёл в дворники – он и сам бы не мог внятно ответить. Однажды, устав от своего директорства, он рассудил, что хорошо рано утром выходить во двор, чистить, убирать мусор, которого так много в жизни. Ко всему, работа дворника требует немного усилий, а результат виден сразу. И это должно уравнивать чувства и наполнять душу покоем.

Подумав так, Иван Сергеевич уволился с родного предприятия, где он проработал всю жизнь. В домоуправлении его данные занесли в картотеку, а в трудовую книжку – соответствующую запись. Ему выдали спецодежду, инструмент, определили территорию «от угла до угла» и пожали в напутствие руку.

Такой поворот судьбы называют вывертом, но Долгоня принял его органично. И был ведь сознательный выбор, сделанный в твёрдом уме. И знакомые Ивана Сергеевича говорили за его спиной: «Вот так вот...», что могло означать очень многое, или совсем ничего.

Когда работа привычна и необременительна, а руки знают, что делать, в голову приходят хорошие мысли. Для Долгоны это было очень важно, потому что он писал стихи, вернее, одно единственное стихотворение, совсем небольшое, в двенадцать строк. И можно было бы считать стихотворение написанным, если бы не последнее слово в третьей строке, которое никак не давалось.

Утром Долгоня надевает синий фартук, берёт в руки метлу и думает о потерянном слове. Летом он подметает тротуар, собирает пустые пластиковые бутылки, осенью сгребаёт опавшие листья, а зимой – снег с дорожек. Он внимательно смотрит перед собой, как будто искомое лежит под ногами, в пыли, среди окурков, листьев и снега. Долгоня не спешит, мерно взмахивает метлой и терпеливо ждёт.

Иногда ему кажется, что, может быть, он вовсе и не хочет дописывать своё стихотворение. Найдётся слово, стихотворение закончится, и станет невыносимо скучно. И тогда он замирает посреди двора, опираясь на ручку метлы, как на древко знамени, словно битва проиграна, войско пало, а он остался один. И какой-нибудь жилец, идущий мимо, спрашивает деловито:

– О чём думаешь, Сергеич? И Долгоня в ответ:

– Неправильно оно всё...

– Это как посмотреть, – говорит со значением жилец и спешит дальше.

В острые минуты кризиса Долгоня уходит в дворничскую, ложится на топчан и негромко читает своё стихотворение вслух. Он умолкает в том месте, где зияет прореха, а потом читает дальше. И когда прочитывается последняя строчка, стихотворение ещё звучит где-то внутри у него, затихая. И не так язвит отсутствующее слово. Он вспоминает о своей работе и поднимается убирать, чистить, скрести.

Нельзя сказать, что недописанное отравляло жизнь. В стихотворении говорилось об оправдании живущего перед высшим началом, о том, что только и нужно донести данное тебе от рождения до самого конца, не повредив, не испортив, и что в этом-то и лежит простая задача человека. Но последнее слово в третьей строке своим отсутствием отрицало эти истины. Жизнь тогда представлялась хаосом неубранного двора. И нужно было начинать сначала. Долгоня делал широкий взмах метлой, и стихотворение разворачивалось, наполняя его.

Стихотворение Долгоня писал медленно, гораздо быстрее проживалась жизнь. И странным образом теперешнее его дворничество и запавшее слово соединялись и требовали какого-то разрешения, не нахально, не навязчиво, но с очевидной настойчивостью.

Казалось бы, найди созвучие в лад – и дело с концом! Долгоня только хмурится, качает головой: «Легко соблазниться-то...» И сердито сметает мусор своим инструментом.

Делать достойно нехитрую работу – в этом дворнику Долгоне виделось что-то фундаментальное. Вот и для Творца создание мира не представляло особого труда, но сколько величия в замысле и воплощении: «И увидел Бог, что сделанное им хорошо!» И первые люди, не в порфирах и без корон, – они были истинные цари! Власть над вещью, это когда в первый раз, от начала: дом, плуг, пастушьья дудка...

– Паси, паси своё стадо! – шепчет в рыжую бороду Долгоня и ведёт метлой новую строчку.

Однажды, на исходе лета, Долгоня лежал в дворничской и рассуждал про себя, что подошло время умирать. Не он решил так, а что-то внутри у него поднялось из сердечной глубины и сказало: «Хорошо бы приготовиться...» Перед этим он исповедовался, как положено, и причастился.

Было время яблочного Спаса. И свежее яблочко – крепкая «антоновка» – приятно холодило ладонь старика.

Долгоня отложил яблоко, прикрыл глаза и подумал о седьмом дне Творения, о блудном сыне Адаме и о том, что однажды сын вернётся. И тогда всякая вещь у Отца займёт своё единственное место, ей положенное. Пришло время и ему возвращать... Вот и Отец небесный стоит в изголовье, смотрит с тихим упрёком. Долгоня знает свою вину. И можно ли оправдаться?

Потерянное слово яблоком ложится в ладонь. Простое слово. Как же он мимо проходил? И ведь всю жизнь искал!

Долгоня кладёт яблоко себе на грудь, а это птица. И птица сейчас улетит. Ему не страшно, потому что он и есть птица, яблоко, слово. Отец кивает головой, протягивает к нему руку – и птица легко вспархивает.

Легко дворнику Долгоне. Он легче птицы, легче слова.

– Иван Сергеевич! – зовут его из темноты.

– Иду я... – откликается Долгоня.

Яблоня шумит на ветру, роняет яблоки.

Проза

Евгений Журавли

Евгений Журавли родился в 1979 в городе Ярцево Смоленской области. Образование – педагогический факультет КГУ (ныне БФУ им. Канта). Живёт и работает в Калининграде. Сфера деятельности – малый бизнес. Увлекается историей, экспериментальной поэзией и частной публицистикой. В рамках сотрудничества с общественно-политическими и гуманитарными организациями, как исследователь и журналист, совершил множество поездок по странам бывшего СССР, Балкан, Ближнего Востока и Центральной Азии. В том числе – в Афганистан, Иран, Косово и воюющий Донбасс

Рассказы

Часть 1.

Продолжение в следующем номере

1. Начало

Каждый год, когда последний лист серебристого тополя покидает родительские ветви, отправляясь странствовать по свету, мужчины из народа Тяжёлого Топора укладывают вещи в большие мешки с широкими лямками, берут всё необходимое и отправляются из тех мест, где живут, в долину Большого Костра. Путь их различен, иногда занимает недели, иногда несколько часов. Порой они встречаются на пути и сразу узнают друг друга, даже будучи незнакомыми. Тогда они пьют «горькую», делят вечернюю снедь и немного говорят о чём-то неглавном. Наутро они вместе продолжают путь туда, где ветер колышет волны, но нет моря; где полно ветвей, но нет ни одного дерева, где великая река течёт прямо по небу, ночью превращаясь в расплёсканное молоко...

Это место называется Пушта. Все дороги – и земные, и небесные – начинаются там. И с тех древних времён, когда небесный свод ещё вращался вокруг звезды Тубан из чертога Дракона, а не вокруг Альфы Малой Медведицы, как сейчас, мужчины народа Тяжёлого Топора ежегодно зажигают в Пуште общий Костёр, чтобы увидеть друг друга, помолчать о том, что забыто, и вспомнить то, о чём не должно забывать. Так начинается охота на Серебряную Рыбу Судьбы.

Это необычная рыба. В тёплое время года она живёт глубоко под землёй, а с наступлением холодов перебирается на небо и летает там, будучи почти незаметной, лишь оставляя на синей глади длинные белые всплески. Только в Пуште – в единственном месте, где объято взглядом всё небо мира, можно рассчитывать на удачную охоту. От этого зависит выживание нашего небольшого народа.

Поймать Рыбу Судьбы можно только словами. Но слова эти должны быть подлинными, самые настоящие, только те слова, из которых и складывается истинная Правда. А в любой век этих слов немного. И если когда-нибудь таких слов больше не найдётся, мужчины народа Тяжёлого Топора прощаются в последний раз, закинут на плечи свои мешки с широкими лямками и вернутся в дома, чтоб сказать, что Большой Костёр никогда уже не зажжётся снова. Это будет означать, что нашего народа больше нет. В этом заключается наша судьба.

Уже второй год, как отец берёт меня на большую охоту и, как и все, я сижу, глядя в таинственную пляску огненных всполохов Большого Костра. Над нами бесконечное небо, и где-то летает Серебряная Рыба, вокруг меня мой народ, и все мы чувствуем одно и то же тепло. Конечно, в Пуште я ещё ни разу не произнёс ни слова, но сейчас, кажется, я начинаю понимать, в чём заключается эта охота...

Огонь Большого Костра растопил в моей душе какие-то древние льды, и мало-помалу они сливаются в тугой поток повествования, проплывающий перед моими открытыми глазами. Все его слова настоящие. Я понимаю их, и понимаю, о чём они говорят, но не знаю ни звуков, ни знаков, которыми они могут быть выражены. Возможно, они забыты, а, может, не явлены ещё в свет.

Большая охота очень трудна. День сменяется ночью, а ночь снова днём. Мы продолжаем сидеть. Но вот я чувствую, как Серебряная Рыба начинает трепыхаться у меня в душе. Сначала медленно, вызывая образы, которых я ещё не знал, потом всё сильнее и чаще, расширяя внутреннее пространство и делая его огромным. Расширяя его для себя. Долго-долго ещё сижу я, не произнося ни слова, и не веря своему счастью. Но я уже знаю.

Наконец, я поднимаю глаза к бесконечному небу над Пуштой и вижу отчётливый белый след.

Пора сказать:

– Мы соберёмся снова. Я знаю.

И все расходятся.

2. Маки и ирисы

Когда-то давно, когда после долгой зимы, наконец, прояснилось небо, и небесный пастырь вновь гнал свои многочисленные стада по бесконечному голубому морю, земля набухла и наполнялась запахами. В такие моменты в моей семье очередное поколение взрослых обычно рассказывает очередному поколению детей, как когда-то давно прадед деда привёз из турецкого похода красавицу-жену – то ли сирийку, то ли персиянку. Предание говорит, что, когда первые недели солнца высушивали этот влажный воздух, а рога месяца по ночам обращались своими острыми концами направо-вверх, красавица – жена собирала дорожный набор и покидала дом, на несколько дней уходя в степь смотреть, как распускаются маки. Может, эта пора являлась единственным напоминанием об утраченной Родине, может, какой-то древний зов будоражил её душу – никто не знает... Всё красивое всегда заключает в себе тайну. А тайна всегда содержит в себе некую красоту. Мы, дети, подпавшие под влияние этой загадочной были, всю жизнь помня её, как и многие другие наши предания, по-своему пытались найти ключ к этой древней загадке, постепенно становясь теми, кто мы сейчас есть. И эта красивая история учила нас поступать иногда просто по требованию души, не дожидаясь обоснований разума, не страшась руководствоваться неудержимым порывом... Сегодня мне кажется, что нет ничего необычного в поиске прекрасного, в созерцательном саморазговоре одиночества, в щемящей душу ностальгии по утерянному раю детства и в чувствах, будоражащих душу каждую весну, потому что всё это есть пробуждение. А без пробуждения жизнь – лишь тьма. И не важны эпохи, обстоятельства и языки. И ещё мне кажется, что когда-то, когда на жарком Юге в тёмных глазах моей праматери отражалось бесконечное море колышащихся трав, где-то далеко, на холодном Урале, девушка-коми так же спрашивала совета у тишины среди первых ландышей на влажной лесной поляне... А в глубине Русской равнины молодая погружалась в сладкое забытье среди маленьких бутонов таинственной сон-травы, в окружении которой не страшны наговоры, и которая оберегает от дурных помыслов. Чьё имя скоро будет названо над лепестками ромашки? Подарить ли кому свой венок на Ивана Купалу?

Сегодня небесный пастырь так же гонит свои лохматые белые стада в сторону непостижимой вечности. И среди бетона и стеклянного блеска большого города, в небольшом синем магазинчике за синей автобусной остановкой, я беру тугую связку синих ирисов и несу домой, чтоб передать той, которой, может, не рассказывали древних преданий, но которая погрузит в эти бутоны своё маленькое лицо и молча вдохнёт их плоть. И, наверное, вспомнит что-то древнее, что-то очень важное.

3. Истоки

В русском языке слово «хорошо» происходит от старого «хорошь», а оно, вероятно, доносит до нас древнее имя забытого ныне Бога солнца – Хорса (Хърсь). В древнем понимании «хорошо» – это как солнце, а уж солнце – это всегда хорошо... И, как тысячи лет назад повелось в Северном полушарии, так было и в этот день – было и хорошо, и было солнце.

– Дедушка, а что мы просто так сидим? Давай лучше я плавать буду и на следующих соревнованиях точно смогу победить! – заявил семилетий Илья, имея в виду непочётное «третье с конца» место на недавних внутренних соревнованиях его плавательной секции.

Обстановка располагала к плаванию. Дед с внуком сидели на песчаном берегу местной речки, чьё

неторопливое течение не представляло никакой опасности для ребёнка. Вокруг носились ласточки, и уже с неделю стояло уверенное июньское тепло. Природа налилась зелёным соком и спешила разрастаться и жить. Рядом лежали три удочки, однако дед не испытывал желания расставлять их, предпочтя рыбалке молчаливое созерцание.

– Нет такого слова в русском языке. Нельзя сказать «победю».

– А как сказать? «Побеждю» что ли?

– И такого слова нет. Никак не сказать.

– Это почему? Давай придумаем такое слово...

– Не надо придумывать. Не нужны эти слова. Нет ни «побеждю» ни «победю», потому что неизвестно ещё – победишь ты или нет. Так уж в Россиюшке уложено – не загадывать победу. Бедово это.

– Ммм... ну, ясно... А почему тогда есть слово «победим»?

– Ну, так, когда нас много – мы всегда победим, – усмехнулся дед. – Вместе – сила, известно ведь!

Дед в семье слыл чудаковатым, сторонился людей и всё больше замыкался в себе, трепетно относился к словам, сердился иногда ни с того ни с сего. Любил чистоту, но органический мусор раскидывал по палисаднику, а иногда и вовсе – за забор. С годами странновато стал произносить слова – медленно и веско, чётко выговаривая буквы и делая необычные ударения или акценты. Из-за этого его речь стала пахнуть какой-то брутальной патриархальностью и даже язычеством. «В каком-то своём мире живёт... По ходу параллельное гражданство себе на небесах оформил...» – шутил сын.

– Ну, так можно поплавать или нет? – переспросил Илья.

– Давай поплаваем. Так оно лучше.

– Спасибо, дедуль. Мама в жизни бы не разрешила.

– И тебя спаси Бог, внуче. Спаси и сохрани... А мать... на то и мать.

Матери возводят стену перед своими детьми, чтоб их защитить. На пользу ли это? Дед вспоминал сейчас и свою мать, и в общем, затушёванном уже, калейдоскопе воспоминаний она не потеряла ни остроты, ни яркости. Как наяву. Мать – первое существо для каждого человека и первое слово в любом языке... Всё ли они делают правильно? Нет. Но они делают всё, что могут. Мама – священо.

– От меня и по лево, внуче. И далеко не плавай.

– Против течения что ль?

– По течению каждый может.

– Ну, ладно.

«Ладно – суть лад – порядок, устой, согласованность, равновесие», – думал себе дед. Почему согласие выражается этим словом? В противоречии мироустройству согласие не имеет веса? Или как согласие с законами мироустройства? Он глянул на потомка. Потомок, фыркая и хлопая по бокам, медленно входил в воду.

– Холодная?

– Нет, деда... Ты лезь и увидишь.

– Я и так вижу. Холодна.

– И что, не поплывёшь?

– Я и так уже плыву...

– Это где ты плывёшь? – оглянулся Илья.

– По веремени, внуче, по веремени.

Время в сознании деда неизбежно растягивалось в сакральное веремие – что-то таинственное, длинное и бесконечное, похожее на тёмное течение этой небольшой реки, оно неспешно текло из ниоткуда и исчезало в непроглядной дали. «Вервие, веретено – всё это нить», – думал дед. Но веремие, в какой-то точке которого он ощущал и себя, – это нечто большее... Течение, являющееся причиной, началом и концом, порядком и строем. Непостижимое и всеобъемлющее.

– Все реки текут, внуче. Все, – резюмировал свою мысль дед.

– И почему?

– Чтобы быть. Что не движется, то умирает.

– Всё, что не движется, умирает? И я умру, если не буду двигаться?

– Точно.

– А если я всегда буду двигаться, я никогда не умру?

– Всё останавливается рано или поздно, Илюш. И умирает.

- Но почему останавливается? Просто так?
- Просто так не бывает. На всё причина.
- «Как иначе?» – думал дед. Причина – это «нечто при чине». А чин – это и есть порядок, лад, способ, закон. Любая причина – следствие закона мироздания. Она не бывает просто так.
- Дед, а сколько тебе лет?
- Много, не помню уж.
- А не умирать сложно?
- Не умирать легко. Жить сложно.
- Это почему?
- Потому что «сложно». Потому что сложить надо много всего, чтобы жизнь получилась. А если не слаживать, то не полная она, больная, жизнь.
- Это когда болеешь?
- Нет. И да.
- Когда бедный?
- Не так. Бедный – это просто когда беда в самом человеке. От малого ума или ещё как... Но и бедам всегда есть причина. А не когда денег нет. Бедными и с деньгами бывают.
- Бедный при деньгах. Одинокий в людях... Омут воспоминаний затягивал старика. Он вспоминал себя. Успех, к которому стремился. Что это? Успех – в русском языке само это слово означает «то, что произошло поспешно». Удача – «то, что даётся». Где здесь был он сам? Но казалось, что во всём – личная заслуга. Поэтому пришла гордость. Не зря предки называли её этим словом: «отгородиться», «ограда», «городить» – всё это слова того же значения. Гордость возводит вокруг себя стены и начинает не замечать окружающих. Поэтому за гордостью всегда приходит одиночество – состояние, сложенное в нашем языке из слов «один» и «очи». В этом пустом одиночестве, среди собственных мыслей, силясь объяснить возникшую неполноценность, душу человека неизбежно наполняет разочарование – буквально «разрыв чар», владевших впечатлительной душой. И вот тогда это становится «невыносимым» – то есть, «тем, что невозможно вынести». Из души. Никогда.
- Дед, а я стану богатым?
- Господи спаси, ты и так богат, Илюш...
- Это как так, дед? У нас богатство есть?
- Есть у тебя лично. Да ещё прибавится, если не растеряешь. Вдумайся, богатство – это что Бог даёт. Только не замечаешь ты его пока. Проживёшь жизнь, поймёшь.
- Какое ему богатство? Исковеркали суть всего. Думают – деньги! Достаток – это, может, и деньги, но и то лишь столько, сколько «достаточно». Но не «богатство». Деньги точно не от Бога. Никогда не было ещё ни с кем такого, чтоб деньги счастье несли. И будет ведь стремиться, добиваться... А что такое стремление? Быстрота, стрела, стремительно – всё это одно слово. А быстрота редко устойчива. «Стремнина» ведь, пропасть. А добиваться – это и вовсе бить нечто и добивать. Никак, саму жизнь... Вот жизнь нас потом и судит. А мы жалуемся на судьбу. Судьба – это и есть суд. Суд самой жизни. Потому этим словом и названа.
- Представь, Илюш, то есть «поставь перед собой навсегда», что есть Великий суд. Не тот, который в Писаниях сказан, а прямо сейчас происходит. И вот все твои слова и поступки судья взвешивает... Имя судьи, как есть – «судьба». И вот как ты поступаешь, так тебе и откликнется. Ложь – в дрожь. Страх – в прах. Совесть – добрая весть. Честный – чистая честь. И будет тебе и богатство, и честь, и радость.
- Внук уже не слышал деда. Взбивая воду, он всеми мыслями был там – на будущих соревнованиях, и в будущей взрослой жизни, чуть ли не знаменитый пловец, готовый броситься и спасти, или выполнить особо важное задание... Река времени всегда шепчет нам о будущем. Но нам трудно услышать её. Может, потому что избегаем тишины...
- «Не лги ни себе, ни миру. Не разбрасывай слова, а храни их. Нет их, лишних, пригодятся. Думай над всем, что делаешь. Всегда спрашивай, «почему» и «что» – как молитву, – медленно проговаривал дед.
- «Нет лжи и нет вины – наступит свобода», – размышлял он. «Свобода» – суть два слова: «своё» и «бда», то есть «бытие, бдение, пребывание». То есть это пребывание в чём-то своём, а не чужом. Получается, либо принимаешь закон и делаешь своим, либо свой чин создаёшь, который не противу речи лада мира... Будь, Илюша. Дорога свободна, да ценна.

Не так уж всё мудрено. Не такие уж они непонятные – чин, лад и мир. Из года в год род людской размышляет и открывает этот закон. Всё, что несёт веремие – неизменно. Находят люди новое – выражают его словами, складывая новое понятие из существующих, а если не находят слов, то называют так, как чувствуют... В том и мудрость вся. Всё объяснено давно. Кто не додумал ещё, у того мало слов в языке, кто понял, у того язык тяжелее. Только стали забывать смысл того, что говорим... Оттого и разлад.

– Деда, деда... – тряс его за шею Илюха. – Ты заснул что ли?

Очнувшись от своих грёз, дед опознал перед собой широко раскрытые глаза внука, увидел их тревогу и возбуждение, ощутил холод мокрых ладошек, сжимающих его шею.

– Деда, я подумал, что ты устал двигаться и умер!

– Не бойся так за деда, внуче. Когда дед перестанет двигаться и умрёт, он всё равно останется.

– А где ты останешься? Я хочу к тебе приходить.

– Тебе не нужно будет куда приходить. Я останусь в тебе.

Солнце светило всё так же, ласточки живыми пулями взлетали над речкой и бросались вниз, а вода безмолвно текла... Обняв за спину мокрого внука, грея его своим теплом и чувствуя биение маленького сердца, на песке берега сидел старик. В русском языке слово «счастье» образовано из двух слов и обозначает «соединение с чем-то большим, частью чего являешься».

И так оно и было.

4. Рубцы

Глухой звук ударов далеко разносился в упругом холодном воздухе. Едва уловимый запах свежей древесины чуть пьянил. Светло-жёлтые щепы, словно буквы, осыпались на коричневую поверхность слежалой осенней листвы, не складываясь, однако, в слова и мысли. Сашка второй день рубил этот высокий ясень.

Ветер не спеша шелестел последними листками уходящего года, а скупое осеннее солнце ещё изредка выглядывало из-под монолитного небосвода, но, поёжившись, всякий раз пряталось обратно... Сашка тоже куда не спешил. Батя задумал расчистить под посадку пространство за огородом ещё в прошлом году, но как-то всё было некогда. Наконец, пару недель назад, когда чуть подсохла от холода размокшая осенняя почва, нехотя взял топор, и, позвав своего десятилетнего сына, принялся зачищать. Он показал, как подрубать корни молодняка, чтоб они вытаскивались целиком, как грамотно оприходовать густой шиповник, не царапаясь, и что делать с высокой травой, мешавшей работе.

«Дальше сам. Без нужды не рви. Найдёшь свой ритм – и работа поплывёт будто, сам не заметишь, как всё сделаешь», – подытожил он.

Лесопосадка, простиравшаяся сразу за огородом, представляла из себя густую поросль самых разных пород: ивы, вербы, ясеня, ольхи, шиповника, крапивы и даже одичалой малины. Весь её вид говорил о том, что она является смещением чего-то различного, являясь пограничным участком между лесом, сельскими огородами и защитными насаждениями железной дороги, проходящей невдалеке. Хаотичный участок ничейной земли, нечто переходное и вынужденное между системным и стихийным, между культурным и диким – как и само время, в котором он произрос. Шёл нелёгкий 1992-й.

Уже не первый год страна вместе с холодами чувствовала и ледяное дыхание рыночных отношений. Народ привычно ходил на работу, но более из желания сохранить систему, чем ради заработка, зарплату же каждый месяц подбедала гиперинфляция. Многие из тех, кто не нашёл в этом смысла, беспробудно пили. Деревня загрубела, потекла крышами и стала пустеть. Редкий стук калитки да весёлые шлепки по лужам всё чаще создавали ошалевший от безлюдья ветер и грустный молчаливый дождь... Некому было петь и не с кем играть... Молча покуривая по утрам с кружкой тёмного чая и ёжась по вечерам у экранов телевизоров, брошенная Русь очередной раз подумывала о том, чтоб потянуться к топору. Однако в этот раз её генетический порыв был разрешён в бескровном смысле. Недавние ожидания лучшей жизни ещё тлели в душах угольком надежды, а упрямство продолжало шептать о правильности сделанного исторического выбора. Извечная вера Руси в справедливость осаживала горячие головы и принуждала ждать. Те, кто ждать уже не мог, приспособивались... Кто-то рубил медные кабеля и сдавал пережжённый «цветмет» перекупщикам, кто-то валил лес, отправляя кругляк «за бугор», а кто-то, как и Сашкины родители, просто расширял огороды, чтоб

хотя бы не голодать зимой. А там как-нибудь... «Ну, вот тебе и взрослая работа, помощник. К весне успеешь», – сказал батя, бросив плашмя к Сашкиным ногам топор.

Приняв поручение со всей ответственностью, Сашка после школы приходил и потихоньку расширял этот первый просвет среди сплошных зарослей. Шла вторая неделя работы. На поляне уже высились аккуратные кучи порубленного кустарника и молодняка – летом они будут сожжены. В начале участка появился штабель длинных жердей, годных на ограду и столбы. Кое-где бессистемно лежали обрубки толстых стволов, которые Сашка не смог откатить в одиночку. Посреди этого пространства, как александрийский столп, ещё не осознав наступившего одиночества, простирал ветви к небу высокий ясень.

«Красивый», – мелькнуло в голове.

Вокруг стояла тишь, не нарушаемая ни шорохом мёртвой листвы, ни звуками ещё живой деревни. Белёсое небо разгладилось, одарив неуверенной тенью. Можно было даже сказать, что сама природа и весь окружающий мир вдруг замерли, решив посмотреть на нечто необычное среди повседневной скуки. Но Сашка не думал об этом. В предыдущие дни он уже подступал к этому ясеню, но, пару раз ударив, ощущал, что нахрапом его не взять. «Серьёзный соперник», – понимал он и возвращался к расчистке поляны. Сегодня, наконец, придя пораньше, сняв свитер и утопав землю вокруг дерева, он приступил. Первые удары шли легко, но, лишь только углубившись в толщу, Сашка понял, что работа замедлилась. Сколы стали коротки и широки, а звук ударов – звонким и размеренным. Удар, ещё удар. Удар. Ещё удар. «Надо же! Будто не берёт его ничто... По крошке снимается... А другого пути нет. Надо терпеть», – подумалось Сашке. В монотонном ритме потёк этот поединок взрослого дерева и маленького человеческого существа. Тусклое осеннее солнце, не желая смотреть на происходящее, безмолвно поспешило закончить день. Ещё некоторое время в темноте раздавались удары, но скоро стихли.

Дома, садясь ужинать, Сашка посмотрел на свои натруженные руки и положил на стол. Заметив это, мама нежно взяла их в свои, и, развернув наружу, с улыбкой провела пальцем по набухшим подушечкам. Они посмотрели друг другу в глаза... Сашкины руки никогда не были избалованы мягкостью и уже имели мозолистые уплотнения, приобретённые частым обыденным сельским трудом, но за последние дни сильно зашороховатились и даже огрубели от постоянной работы и холодного воздуха.

«Женщина полюбит тебя за твои руки», – теребя его ладошку, вдруг сказала мама.

Подняв вопросительно брови, Сашка глянул на маму, но, смутившись, не стал ничего спрашивать...

«Потому что эти руки всё будут делать, но при этом молчать», – с улыбкой ответила она на его немой вопрос.

Сашка заметил, как, чуть шмыгнув носом, она отвернулась... В глазах мелькнула искра слезы.

Следующий день начался как обычно. Школа, обед, полчаса на кроликов и кур, и вот – снова этот ясень. Сашка оглянулся вокруг – вроде другой работы пока не требуется... Перекинул в руках топор, провёл пальцем по лезвию – вроде подточил уже... Зияющая выемка на стволе была не так уж и велика – за весь предыдущий день углубился лишь сантиметров на десять, и это только с одной стороны! Сильное дерево. И корни мощные. Это сколько ж пень корчевать придётся, если только рубки неделя? Ну, что делать? Ладно. Поехали!

До самой кромешной тьмы ритмичный звук ударов доносился с края огорода... При взгляде издали ещё некоторое время было видно, как маленький человеческий силуэт монотонно покачивается возле могучего древесного ствола, не сбавляя темпа, упорный в своём постоянстве, в желании победить, но скоро и эта картина наглухо затушевалась пасмурной осенней мглой. Оказалось, что этот поединок, как и любой другой – прежде всего поединок с самим собой, и подросток быстро понял это, отбросив мысли и смиряясь с неизбежностью. Через некоторое время дыхание выровнялось, время превратилось в течение спокойной реки, а стук ударов слился с биением сердца. В сознании возникал размеренный диалог. Почему мама плачет? «Тук, тук». Кем я стану, когда вырасту? Сколько росло здесь это дерево? «Тук, тук». А почему я пришёл и рублю? Почему всё умирает? «Тук, тук, тук». Неужели всё умирает так же, без причины? Распаренное тело Сашки, найдя свой ритм, не прося и без стопа, вело с самим собой беседу, точно и спокойно делая заданную работу. Сашка и не заметил, как вечерний ноябрьский воздух стал колким, забираясь в тёплые пазы распахнутой рубахи, а жаркие выдохи проявились вдруг белым дымком...

Тьма скрыла их. Никто не помнит, во сколько Сашка пришёл домой и лёг спать... Когда утро, наконец, очертило контуры всего сущего, Сашка не встал в школу... Да и вообще не смог встать. Мутное марево перед его глазами кричало и обрушивало вдруг в бездонную тьму. Воспалённое сознание бросало в жар и внезапно обливало ледяным потоком. Сашка болел. Тягуче, болезненно, сильно. Болел.

Но не только он болел этим пасмурным утром... Вся огромная страна, ещё менее года назад бывшая единой, билась в агонии и в бреду, не в силах подняться. Корёжась в тихом стоне, она полыхала огнём на окраинах и замерзала в холоде серого бетона пятиэтажек. Жар пожирал её изнутри, скованную ледяным страхом и внешним равнодушием. Молодые республики, ещё только успев провозгласить суверенитет, уже заряжали обоймы, собираясь выпустить их друг в друга. Страна болела... Жесточайшая резня русских, междоусобица в среднеазиатских республиках, масштабная война между почти всеми этносами вспыхнувшего Кавказа, беспочвенное братоубийство в Приднестровье – холодная осень 1992-го оказалась крайне горячей. Гиперинфляция, конституционный кризис, дефицит. Голод, бартер, шоковые реформы... И ещё много-много непривычных, непонятых слов пронеслось по стране, сея всполохи страха. Всё, что жило и дышало на огромном пространстве великой страны, вдруг поняло, что худшее ещё впереди, и, перекрестившись, приготовилось ждать.

Посреди опустевшей поляны одиноко стоял высокий ясень... Лучи солнца поблёскивали на плёнке засохшей бесцветной крови зияющей раны его могучего тела. Никто не явился сегодня на поединок с ним, и казалось, что это дело может остаться таким же незавершённым, как и многое другое, начатое в том нелёгком году.

Но это противостояние уже не могло не разрешиться. Всё вокруг было надорванным и больным. Само мироздание, поняв, что натворило, готовилось безропотно начать выдачу своих бессмысленных жертв. Глубоко-глубоко, там, где нет места даже сознанию и мыслям, там, где безраздельно царствуют сны и невыраженная навь – началась совсем другая борьба.

К людям всегда во сне является самое яркое из пережитого накануне. И ясень не мог не прийти... Он явился пред Сашкой, простирая руки к небу и взывая к ответу. Но уже не требовал диалога... Мечь, священная и первобытная, бушевала над ним, упиваясь вседозволенностью. Все удары, нанесённые ясеню, теперь болезненно возвращались обратно. «Тук, тук, тук», – хлопало откуда-то изнутри. Могучее дерево властвовало в бескрайнем пространстве восприятия, то притягивая, то удаляя на тысячи километров и лет удивлённое сознание ребёнка. Высокие тугие ветви возносили Сашку над землёй, а потом вдруг клали вглубь мокрой почвы, неотвратимо смыкающейся прямо поверх глаз и ноздрей. Сашка задыхался и силился разодрать глаза...

«Тук, тук, тук...» – слышалось издалека. Длинные, кривые руки покачивались над ним, будто прощаясь. Густым дождём с неба падали жёлтые щепки...

Мрак накрыл маленького человека. Время превратилось в тягучую болезненную явь, то растягиваясь, то сжимаясь, а боль, сплетясь в тугой узел, взрывалась вдруг язвительным звонким смехом, заставляя дрожать и искривляться то, что могло себя осознавать в этот момент. С белого мутного неба который раз уже падал сухой тонкий лист, так и не коснувшись земли... Сашка понял, что он и есть этот лист.

«Лихорадит ребёнка. Надо жар сбивать», – констатировал очевидное пожилой фельдшер, держа его горячее лицо своими ладонями. «Нету антибиотиков. В городе только», – добавил он. «Отвар надо сделать – кора ясеня и лист смородины, два к одному. Потом шиповник – отдельно. Ну, и таблетки, какие есть... Пробуйте».

В тот день было очень мало слов. Мама носилась вокруг с градусниками, тазиками, таблетками, но навряд ли Сашка ощущал из этого хоть миг... Полчаса сидел на кухне, покручивая в пальцах сигарету, отец, а потом молча вышел.

Кора. Узловатая, глубокая, тёмная. Изрезанная реками трещин и вершинами наростов, увенчанных, будто снежными шапками, островками неубиваемой седой плесени... Это растрескавшееся лицо земли, покинутой жизнью. Пустыня, в которую медленно стала превращаться огромная, великая страна... Ещё кочевали по ней все известные формы жизни, ещё текла по иссохшим впадинам влага, но какая-то часть этого пространства уже была обречена... Сняв в сильных ладонях древесную плоть, батя медленно стал крошить кору в сосуд...

По бессознательному, наконец, поплыли голые ветвистые кроны... Серое-серое небо и молчаливые стражи деревьев, охраняющие скорее не его, а саму бесконечность... Шорох холодного воздуха,

скрип колеса... Сашка понял, что он снова родился – это всего лишь коляска, и он катится сейчас в ней, коконом, по осеннему тротуару. И где-то рядом мама и её тёплые руки. И стоит лишь потерпеть вновь, прожить жизнь – и всё снова вернётся к тому, где оборвалось... Ясень, кажется, не стал забирать его, и сейчас ветвями своих собратьев лишь бодро помахивал вслед... «Ступай, Сашка..»

«Тук, тук, тук», – далёкий стук превратился вдруг в мягкое и уверенное биение собственного сердца. Стало тепло и спокойно. Кто-то, сильно нажав, разомкнул его рот, и влилась терпкая микстура. «Деревья, пап, я сам, пап... Деревья...» – шептал в бреду Сашка.

Они стояли на пустой поляне вдвоём. Отец и сын. Спокойный, обращённый вниз, взгляд отца говорил о том, что он доволен проделанной работой и не требует большего. Прошла неделя после того, как Сашка был здесь последний раз, и сегодня, когда немного окрепший ребёнок встал пораньше, одел рабочее и побрёл в огород, батя, поняв, куда тот направляется, решил пойти тоже. Более, чтоб оградить от лишней работы, а не наоборот. На поляне было чисто и светло, ровные горки порубленной растительности аккуратно были рассортированы. Жерди – отдельно, ветви и кустарник – отдельно, небольшие брёвна – тоже. Обрубки молодых деревьев были подкопаны и надрублены... Советовать было явно нечего.

«Хочешь продолжать?» Сашка кивнул. Батя оглядел его с головы до ног, будто оценивая способность к дальнейшему подвигу... «Будь разумен. Иногда о рвении приходится сожалеть», – произнёс он.

Ясень молча взирал на них со своей высоты. Могучие корни ещё легко качали воду из недр, раздавая её по всему телу. На голых ветвях покачивались небольшие гирлянды семенников, которые ясень ещё рассчитывал пустить по ветру весной. Но сам он был уже обречён. Сашка серьёзно потрудился последний раз. Не менее трети ствола было выбрано по толще, а в середине светло-жёлтого тела уже обнажилось коричневое древесное сердце.

«Лет сорок, наверное? Красивый, – погладив кору и глянув на уходящий ввысь ствол, произнёс батя. – Даже жалко».

Батя был скуп на слова. Никогда ничего не говорил просто так.

Следующие два дня у Сашки пошли слабо. Лишь только взяв топор в руки, он вдруг осознал то, что смутно шевелилось в его душе. Он совершает непоправимое! Живое! Дерево – живое! Оно росло здесь много лет – красивое, мощное, полное сочной жизни, создавая вокруг себя благоприятную среду – и вот кто-то пришёл его убить. Просто так, потому что посчитал это достойным поединком. Убить существо, старше тебя в четыре раза, по простой прихоти! Безмолвное и величественное в своей покорности! Сашке вдруг захотелось, чтоб дерево смогло дать сдачи, отхлестать его или, схватив узловатыми ветвями, бросить на землю. Но ясень молчал, и от этого совесть терзалась всё сильнее. Почему нужно убивать? Зачем я родился? Есть ли во мне смысл? Почему нельзя всё вернуть в прошлое? Одна ли жизнь у меня? А у него? А для чего, вообще, жизнь?

То ли сам Сашка, то ли молчавший до этого ясень – кто-то стал вдруг задавать вопросы... Тяжёлые, как осеннее небо, неудобные, слишком колкие, чтоб их можно было безболезненно похоронить в душе... Они давили и, попадая в душу, распирали её изнутри.

На всём пространстве – от места восхода Сашкиного солнца до места, где оно садилось – больше не было ни одного ответа ни на один вопрос... Люди и правительства выдавали самые неожиданные решения, ведомые страхом или сиюминутной выгодой, часто себе во вред. Бесплезно было искать в этом хоть какой-либо смысл... Царил хаос, и большинство пыталось лишь не оказаться погребёнными под рушащейся громадой великой страны. Когда-нибудь историки и философы найдут причинно-следственные связи, всё обоснуют и объяснят. Назовут это «политической целесообразностью», «исторической неизбежностью» и даже «естественным этапом развития». Но в этом году философы молчали, потому что в происходящем не было ничего естественного и ничего целесообразного, потому что вообще, как оказалось, человеческая деятельность представляет из себя просто череду хаотичных действий, ответных бессмысленному потоку случайностей. В 92-м не стоило ждать смысла ни от человека, ни от правительств. Нет никакой закономерности и предопределённости развития. А даже если бы и была, то масса человеческих нелепостей и страхов давно смела бы её, втоптав в грунт. У мироздания не оказалось цели.

Произошедшие события не развернуть вспять. Невозможно извиниться и вернуть прошлое. Каждое действие безвозвратно. Непоправимо... Ясень больше не противился. Работа теперь шла чрез-

мерно легко. Ещё пару дней Сашка без охоты делал лишь направляющий надруб, со стороны места будущего падения, да и то без конца отвлекался на корчевание нескольких оставшихся пеньков, и наконец, поняв, что делать больше нечего, бросил топор и уселся на бревно. До самого заката он смотрел на свой ясень... Никто не хотел приближать конец. Сашкино сознание пыталось примириться с пережитыми за последние дни чувствами, или хотя бы их осознать. Или попытаться наладить мысленный диалог, задать вопросы... Но ясень молчал.

«Я заметил, с трудом работа пошла? – спросил вечером отец. – Стучишь вяло как-то. Давай завтра подойду, и мы вместе свалим...»

У Сашки всё перевернулось в душе...

«Обречён! Обречён ясень... Что делать? Сам же взялся! Зачем? Пусть бы рос... Жалко-то как»... «Нет, пап, не надо. Я сам, пап».

Наступил новый день. Долго собираясь, растягивая время, Сашка понимал всю неизбежность происходящего. Глупо. Он сам придумал этот поединок и возвёл его на такой высокий принципиальный уровень. Поставил себе зарубку на мозгу, что должен непременно победить это сильное дерево. Зачем? Может быть, батя этот ясень бы и не мешал... А сколько сам пережил уже с этим ясенем? Да и подружился даже, если честно... Теперь уж сам. Теперь нужно завершить начатое. Убить. Дерево. Друга. Собеседника. И всю жизнь знать, что сделал. Сам. Убил. По прихоти. Большое, красивое. Убил. Вот тебе и зарубка.

День уже клонился за середину, когда Сашка пришёл к ясеню... Что-то вдруг поднималось в душе, потом отпускало, хотелось что-то сказать или выразить, но вдруг не находилось слов... Апатия вдруг сменялась возбуждением, а бодрость каким-то тягучим утомлением. Сашка не знал, с чего начинать. Трудно начинать то, что является концом. «Прости меня», – вслух произнёс Сашка и поднял топор...

* * *

Прошло года, наверное, три или четыре... Однажды, принимаясь, как обычно, по весне вскапывать огород, Саша не без удивления заметил, что на пограничном навале в конце участка стали прорастать молодые деревья. Подойдя, он увидел, как из трухлявого, развалившегося тела огромного бревна, потянулись тугие, уже окрепшие, стволы. Из его дерева... Год за годом, лишённые корней и питаемая лишь влагой, какие-то части этого дерева пытались жить. Это было тяжёлое время. Вся страна – поверженная, распавшаяся, сгнившая, стреляющая друг в друга в Чечне и подворотнях, еле подавала признаки жизни. Уже повзрослевший Сашка чуть улыбнулся, вспоминая всю важность и глупость своего первого противостояния, и вдруг почувствовал, как участилось дыхание и вопреки усилиям чуть увлажнились глаза... Странная бессловесная мысль вдруг объединила всё, что было в его жизни, и всё, что должно было произойти.

Годы потекли как река... Разъехавшись по городам и притонам – Сашка, ты, я, да и вообще все, объединённые словом «мы» – сваленные на обочину, брошенные, лишённые корней, но желающие жить – мы росли.

Страна распадалась на части, продавала себя первым встречным и закидывалась героином в надежде забыться, хотя иногда точно также хаотично клеилась вновь, выкупая себя по-дешёвке и собираясь всем миром на поминки и войны. Мы оправдали, наверное, самые худшие ожидания из всех возможных. Не пытались надолго заглядывать в будущее, а к настоящему относились и вовсе небрежно... Старое поколение предпочло умереть, чтоб не видеть собственными глазами наступившую новую реальность, а собственные наши родители часто закрывали глаза на то, кем мы стали, наверняка чувствуя свою вину.

Иногда нас вытаскивали с наших помоек – к очередным выборам и войнам, но тут же старались забыть вновь. Кому-то, наверное, и было жалко, но будущего не было ни у кого.

Нас просто забыли. Похоронили. Оплакали и закопали.

Но не знал никто, что мы – семена.

«Нас похоронили, но оказалось, что мы семена» – испанская пословица.

(Продолжение в следующем номере)

Проза

Светлана Савицкая

Светлана Савицкая – юрист, доктор философии в области социологии и культурологии, писатель, общественный деятель. Академик ордена Ломоносова Международной Академии Интеграции Науки и Бизнеса (МАИНБ), Член Союза писателей России,

Автор книг: «100 притч «Энергия сердца», «Энергия вселенной», «Энергия мудрости», «Таинства русской души» (на немецком) и в других странах на 20 языках мира.

Более 80 художественных и научных книг, обладатель более 150 лауреатских и почётных дипломов российских и зарубежных конкурсов и проектов.

Обладатель ордена «Трудовая доблесть России», Литературных премий: Союза писателей России, Орденов им. Владимира Маяковского, Г.Р. Державина, С. Есенина, медалей А.П. Чехова, А.С. Грибоедова. Включена в Золотой Фонд литераторов Калининградского издания «Берега», Золотую книгу поэтов г. Дюссельдорф. Хрустальный кубок Лос-Анджелес (Америка), обладатель звания «Лучший автор» более 20 зарубежных и русских изданий, в том числе «Волга», «Смена», «Берега», «Ахалтеке-Информ» и др.

Легенда о торнадо, Лопе де Вега и Кецалькоатле

РОСТ ДУШИ

Душа заболела. Без причины. Душа заболела без причины, и поэтому захотелось спрятать боль, как стыд. Как невосполнимую потерю. Как тайну оголённого тела, приученного к тряпицам, и вдруг лишённого их. Душа заболела, потому что созрела до рождения. Выросла. И рёбра, как прутья камеры заключённого, врезались в бока! Тесно! Гулко! Воздуха бы в помощь! Бога! Свободы!

Душа требовала скинуть одежды времён. Жизней. Столетий бездействия, равносильных преступлению веков!

Услышать недостающие ноты в общем органе музыки сфер...

Антресолька спрятала глаза в пол, чтобы никто не видел смятения.

Кто поймет? Вольнодумные двоечники? Зубрилки-отличники? Учителя, уткнувшие очки в шоры учебников? Мать? Бабушка? Она сама?

Открыла портфель. Старый. Дранный. Тёплый. Его зачем-то сохранила пыль самой верхней полки. В нём – несколько исписанных тетрадей. И вдруг – покусанный фломастер, решительно воззвавший изливаться на бумагу неиссякаемый речной поток синих чернил!

Рука дрогнула, как у вора. Как у тех, кто нарушает Закон!

Ладонь узнала оружие, и вооружённая рукою, прямо там, на полу в коридоре, под распахнутыми замусоленными верхними дверцами, за которыми чёрным-чёрным космосом блеснули непокорные своенравные звезды Малой и Большой Медведицы, на обратной стороне выцветшей тетрадки – то-ропливо прописала (набросала) несколько строк:

«Люди должны быть гордыми,

Словно олени горные!

Люди должны быть сильными.

Слабости непростительны!!!»

Первое стихотворение, как приговор инквизитора, перевернуло самоличностный мир. Душа, заточённая в бездействие, получила стило, рычаг, с помощью старенького фломастера взломала ре-

шётки, разбила стёкла иллюминатора и вдохнула, наконец, солёные брызги океанической бездны Вселенной, умудрившись в бунтарстве своём запустить новый виток энергетически-светового механизма песочных часов, где песок – жизнь.

РОСТ СЕРДЦА

Жизнь, как понималось теперь – это что-то, вновь созданное, неожиданно и вопреки. Дерзкое. Ненужное.

...Пока ненужное...

Запоминались почему-то не физические законы, а то, как учительница Елена Сергеевна торопит время, чтобы закончить урок. Там, под книгами, спрятан с отключенным звуком её мобильный телефон. В книжном саркофаге захоронена на целых 45 минут надежда на счастье! Энергия жизни или смерти. Как повезёт. Впрочем, это воспринималось равнозначно.

Губы неровно покрашены. Тревога то появляется, то исчезает на дне зрачка. Рука на доске машинально выводит очередную формулу. Вечную. Скучную. Никому из присутствующих не нужную. Ни Антресольке. Ни её одноклассникам. Как далеки они сейчас от электричества и от всей физики. Зачем он им... закон Ома?

И вот уже класс, не сговариваясь... торопит время.

Сколько до звонка? Пятнадцать минут? Десять? Пять? Четыре?

Не выдержала Елена Сергеевна. Выдохнула. Сломалась. Приподняла учебники. Глянула на экран телефонного аппарата. В ужасе оцепенела. Чуть не рухнула на стул. Что увидела? Что???

Почему именно ЭТО остро ударило в солнечное сплетение Антресольки чужой безутешностью? Электрическим разрядом без проводов? Зелёною молнией оголённого чувства? Отсутствующим взглядом Елены, или в поисках, куда спрятать глаза, чтобы никто – НИКТО не мог раскрыть её страшной тайны.

Опять растёт душа?

Девочка осмотрелась. Одноклассники заняты, кто чем. Ни один не понял, как страдает сердце женщины от появившихся строк в мобильном телефоне. От непроявленной любви. А, может, и не было её, той любви, о которой мечтала молодая и очень красивая учительница физики?

Неужели никто так и не понял? Ничего не понял?

Антресолька почти задышалась. Вслед за душой, росло её сердце...

Воздуха! Бога! Свободы! Смелости!

Где же взять её? В чём? Чтобы запустить из точки невозврата ...счастье любви истинной?

Да. Росло сердце, разбуженное чьим-то стуком, вынужденное застучать в ответ соучастием. Сопричастием. Причастием. При беде. При чувстве. Как вибрация Морзянки... тук-тук. Точка тире. Точка. Спасите наши души! SOS – стучало сердце, не услышанное никем, кроме неё... Может, она единственный проводник? Параметр???, характеризующий свойства всей электрической установки пространства и времени? Переговаривающиеся, перестукивающиеся, замкнутые друг на друга сердца, её и её учительницы теперь через три ряда парт стучали почти одновременно. Способные связывать один атом? Что это: атом? Что это – электричество? Валентность? Одновалентность? Одночувствие? Как Ом, великий и непогрешимый создал закон об электричестве, так и не поняв, что это???. Электричество? Где оно? Почему не все сердца способны воспринимать биотоки переживаний? Почему для одних «закон писан», для других нет???. Может, это и не закон вовсе? А исключение.

Наконец, звонок.

Ученики выбегают. Остаются двое.

Антресолька кладёт перед учительницей тетрадный листок с очень важными словами:

«За окном туманно. За окном морозно.

Солнце церемонно тает во Вселенной.

Но тебя, любимый, видеть непременно

Я хочу сегодня. Завтра будет поздно...»

Это ключ. Это путь выхода из кажущегося беспросветным жизненного тупика. Нельзя терять ни минуты. Сознание Елены Сергеевны возвращается в реальность, и вот уже её пальчики

лихорадочно вбивают спасительный текст в СМС для него – на противоположной стороне мобильного.

А через полчаса она повисает в восторге на шею молодого человека, встречающего её у ворот школы...

Так впервые Антресолька, как некая проявившаяся реальность, подарила спасение в безнадежно проигранной шахматной партии здесь и сейчас. Её сила воздействия – сила тока в цепи, вопреки всем законам, оказалась прямопропорциональна сопротивлению. Хотя сам источник – истинный генератор напряжения, девочка Алька, носившая с детства глупую кличку Антресолька, вообще была как бы ни при чём.

Ни при делах. Ни при чувствах. Ни при результатах.

Что стало с влюбленной парой – неизвестно.

Но ключ! Ключ, найденный как бы случайно – четыре строчки, перевернувшие конструкции ситуативности – вот что доминировало в момент пробуждения сердца.

ЛЕГЕНДА О КРЫЛЬЯХ, РАССКАЗАННАЯ МАРФОЙ

Со времени пробуждения сердца из далёкого детства всё чаще вспоминался разговор с бабушкой, или... может, сон.

– А как цветет папоротник?

– Радужными бабочками! Тогда возле цветущего папоротника непременно появляется Змей Горыныч!

– Чтобы съесть?

– Чтобы измениться.

В воображении своём Алька видела, как невесомо и грациозно танцует, подобно колышущейся вуали Северного сияния, энергетический змей сбрасывает кожу слой за слоем, флюоресцируя весенне-зелёным, белым, розовым и фиолетовым оттенками. Этот грозный дракон абсолютно осязаемо превращался снова и снова из небесной фантастической изумрудной ленты в ласковую земную ящерицу..., а потом в зелёный дикий цветок папоротника.

– А Змей Горыныч это... хозяйка Медной горы?

– Нет. Он – хозяин наших чувств. Любви. Рождения. Смерти. Как только отрастают магические крылья цветов-бабочек на папоротнике, змей надевает их, и улетает за пределы земли к далеким звёздам...!

ДЕФИЦИТ СОЛНЦА

Первый раз она влюбилась серьезно, влюбилась, «как дура». Бегала со своими чувствами за пареньком. Тот – от неё. Упала. Разбила коленки в кровь.

Больно. Стыдно. Глупо.

Зачем?

Дефицит солнца – не повод загорать под луной.

А любовь?

Любооо-овь легендарного змея Кецаль-коатля к бабочке и бабочки-однодневки-падёнки к змею, этому исполину, лишь вздох которого приводит в движение атмосферу, а земные полюса озаряются полярным сиянием, разрезающим небосвод изгибами его энергетического следа – вот это любовь.

И это совершенно другое.

Фантастически-неправдоподобное, существующее для избранных, зеленовато-жёлтое магнитно-пептидное поле, блуждающее в слоях всех земных сфер, разрезающее пространство и время, проходящее через стучащие сердца взошедших на смерть по ступеням пирамиды Солнца ..., проникло теперь в Алькину жизнь, как приступы отчаяния и единственной правды, и управляет теперь её жизнью. Жизнью, не такой, как у других. Индивидуальной. Особенной.

И Антресолька научилась прятать это от всех.

Кроме своих снов, которые раз за разом приглашали и увлекали юную душу в новый полёт.

Не принимая их, не веря им, что они – истина, а не бред бредовый, Антресолька среди ночи резко отрывала голову от ничем не виноватой постели.

Застигнутая врасплох, не успевшая вернуться душа тыкалась то в подушку, то в одеяло, пока не просачивалась через грудь обратно в тело к тёплому сердцу. Поёживалась, взбрыкивала. Так хорошо леталось. Что заставляло снова и снова Антресолькино сознание отвергать возможность путешествовать среди миров и фантомов небытия? Страх? Недоверие Её Величеству Смерти?

«Хорошо, – думала девочка. – Не бейся, сердце. Не бунтуй. Досмотрю я тот сон о Змее и бабочке. Только здесь. В реальном мире. В полном уме и здравии. И путешествия ночные проанализирую».

Однако ни один закон не мог объяснить, почему во сне она летать может, а наяву – нет? Почему в снах она и змей и бабочка, а в жизни всего лишь человеческая особь, обладающая чётко выраженными женскими гендерными признаками с законсервированной внутри тела душой.

КРАПИВНЫЕ ВЕНИКИ

Любовь мифически-непережитого будущего или прошлого, и не понятая в юном теле, растворилась во времени, как вода в молоке. Ни воды. Ни молока.

Вот бабка – зачем молоко разбавляет? Как ни проси! Глаза старая Марфа выпучит. Ни одно словцо, поперечница, не пропустит – всё-то обмусолит-оговорит. Эх, придется пить разбавленное. Да кому ж понравится?

Однако жажда так утолялась лучше. Теперь надо было бы проскользнуть мимо бабки, чтобы Марфа крапивою вдоль спины не протянула. Взяла где-то причину исправлять внучкин позвоночник. Спасу от неё нет.

– Давай! Давай! Ай, молодца! А я ещё добавлю! – хохотала Марфа, когда Антресолька сиганула напрямки, задержав дыхание и стук сердечный, через не прополотый крапивный малинник, да сама же по пояс голяком крапиве и досталась.

– Сколько раз тебе говорить? Не сиди до ночи за компьютером! Рёбра вон, как половицы хрустят! – хлестала Марфа спину внучки от всей души, как нагнала.

Ну, что с нею сделаешь? Парацельс в юбке!

А потом отпустило. Хорошо так стало. Хорошо. И боли нет. Особенно после бани. Простыни белые. Земляничкой пахнут. Волосы вольно по подушке извиваются солнечными змеями вольных ветряных лучей. Млеют. От кожи пар. Благодать. Истома. И впрямь, косточки на позвоночнике выпрямились. Вот только любовь помаячила и растворилась далеко-далеко, вернулась, наверное, туда, откуда пришла – на Млечный путь.

Может, бабуля эта все остаточки любви повыбила, что пыль придорожную с обуви.

А без любви – какая пьеса?

Антресолькою дразнили девчонку сызмальства, поскольку повадилась та не в «гулянки гулять», не в куклы играть, а лазить по чердакам да антресолям в поисках книг.

Сначала Аля перечитала всё, что в доме нашла. Потом по соседям прошлась. Библиотеку школьную и сельскую – «проглотила».

Вот ведь бывает: разум у некоторых не продвинешь ни туда, ни сюда. Дурь одна! Не выбить. Ни истребить! С Антресолькой же всё ладом складывалось. Само собою, казалось.

– Надо же, мать – Солоха, улетела в город: хвост трубой, и след простыл... а дочка путёвая! – удивлялась Марфа.

Аля как подросла, в Москву к матери сама напросилась. Новой семье не мешалась. Но матери на работе в детском саду с удовольствием помогала – все проводимые ею утренники посещала. Потом приноровилась к каждому празднику смешные сценарии в стихах сочинять, да так, что для каждого ребёнка находилась роль. И для бабы Яги, что ребятишкам, понятно, веником крапивным грозит. И для трёх поросят, пяти ёжиков, десяти зайчиков...

Летом устроилась в городском парке аниматором. И лучше Антресольки никто не делал мероприятий. И веселее её, в образе конопатого клоуна, тоже было не найти.

Работа – работой. Любовь – любовью.

Аля сколько себя помнила – влюблялась всегда. Иной раз прямо влюбится-влюбится, надолго – чуть ли не до вечера ... и думает-думает. А к утру – сценарий готов!

А иной раз влюблялась сразу в нескольких. И один – ничего. И второй. Да и третий не хуже.

Всем друзьям творчество Алькино нравилось. Хвалили.

Но очередной ухажер начал вдруг сценарий её лучший критиковать. Мол, глубины в сюжете не хватает. Что это бездарно. Зачем десять зайчиков? Где символы? Где смысл? Досталось и клоунским ролям за отсутствие прогресса и высоких целей.

Таких у Али ещё не было. Слушала она его и влюблялась. В смысле – напрочь, на всю жизнь! Долго по нему вздыхала. У подъезда выжидала. Пока не укараулила с другой. Вот было горя!

Любовь ушла. А вопросы остались. Зачем появляется тот или иной герой в театральном действе, пусть маленьком? Пусть рождённым всего на день, чтобы к вечеру умереть, как бабочка-падёнка?

Убрала Аля парик рыжего клоуна. Стёрла веснушки. Начала работать над серьёзной прозой. Но издательства этим не интересовались.

К осени вернулась Аля домой. Рукописи с собой привезла. А пусть будут. Вдруг настанут дни, когда её литература понадобится так же, как любовь. Ведь нельзя же стране весь век прожить без смысла.

... Обо всем этом вольно размышлялось Алевтине в скрипучем старом бревенчатом доме, что стойко противостоял угрозам последних октябрьских ливней. Точно дробью хлётко били по глазам оконным заряды первых градин. Ух. На что-то злилась погода. Что-то закручивала-заверчивала.

– Может, чего-то хочется? – подобрела вдруг бабка. – Аль?

– Молока. Только не разбавленного. – Тут же отозвалась девушка.

А сама подумала – ЛЮБВИ!

И удивилась.

Из-за печи будто вглядывалась в её душу мудрым крапивно-зелёным взглядом бабка, держа в руках литровую банку неразбавленного парного молока.

ГАДАЛЬНЫЙ СОН

Целую смерть где-то там, в безвременье, мучительным шрамом в душе Антресольки зарастала Испания!

Чёрными кружевами решёток пленована, Глупостью вельмож коронована, Жадностью негоциантов откормлена, Бездарностью проклята, Богами рублена на четыре энергетических субстанции... Жизнь инквизитора искала в бреду слова. И не могла соединиться.

Никогда не знающая испанского, однажды во сне Аля заговорила стройно, складно и чисто.

Марфа долго слушала. Накинула платок. Подошла ближе.

Точно.

Аля стихами говорит. Не по-нашему.

Бабка присела рядом. Смотрит. Что за диво? Что за чудеса? За плечо внучку тронула:

– Детка, ты чего?

– А? – ответила душа во сне, не выходя из блаженного рая, – ах да, ты же не понимаешь, я тебе по-русски прочту. Слушай...

«По синему небу,

По белому снегу

Скитаются ветры, не зная оков,

Заходят свободно

В огонь или в воду,

И в медные трубы,

и в чью-то любовь.

По чистому полю,

*По вольному морю
Летят мои мысли, подобно ветрам,
О счастье и горе,
О доле и боли...
О роли,
Завещанной звёздами
Нам...»*

– Сумасшедшая! Ты же спишь???! Антресолька! Проснись!

Там над Россией, над небом Евразии от толчка бабкиного расчленились бабочка, змей, мужчина и женщина, рассыпались по разным точкам планеты.

Боль...

Что же ты сделала, Марфа? Зачем? Из рая да в ад кровати бральной...

Аля поднялась. Глаза открыла. Увидела Марфу.

– Пора вставать?

– Ты только что три часа стихи по-испански читала... помнишь?

– На «мобилу» записать не могла?

– Как запишу-то? Ты же спишь!?

– Ничего не помню.

– Карты раскинуть?

– Давай.

Можно было включить свет, но Марфа зажгла свечи. Плат на стол разложила. На него – колоду раскинула.

– О! Детка. Тут все серьезней...

– Чем что?

– Чем сон...

– Что там?

– Дорога дальняя. Трефовый король. Найдёшь ...себя... вот ты... Найдёшь любовь до гроба... и потеряешь. Туз пиковый перевернутый видишь?

– Да...

– Не отпущу. Дома сиди. Больно будет. Больно. Очень больно.

– Больно будет, когда себя найду?

– Когда потеряешь...

КАФЕДРА

С тех пор, как Аля разбила зеркала любви, стало легче. В режиме ожидания проходили ночи. На пределе сил шла и работа в аспирантуре.

Научного руководителя лихорадило. Второй год аспирантка не может определиться с темой! А тут заявила:

– Я подняла Лопе Де Вега! Готова раскрыть «Символизм в творчестве Испании времён инквизиции»...

На что ей возразили, что Лопе де Вега всего прочесть невозможно, и вообще, поэтов такого уровня лучше читать в оригинале.

– Ты знаешь испанский?

– Да. То есть, нет.

– Да или нет?

– Не знаю...

– Полетишь вместо меня на Кубу! – профессор не шутил. Он возлагал на Антресольку большие надежды.

А у неё совершенно вылетело из головы, о чём предостерегала Марфа. Одна лишь мысль буравила мозг: «Мне же не в чем лететь!»

МАМА ДАЙ ДЕНЕГ

К матери идти не хотелось. На шапке и опушке липкий снег грозил возможностью переохлаждения.

Просить денег – это вообще не в стиле Антресольки. Но ситуация патовая. Кроме матери их никто не даст, особенно теперь, когда Аля «разбила все зеркала». Надо было ждать вдохновения! Вагон метро выстукивал на длинном перегоне в такт своего вагонного сердца:

*«Когда же,
Когда-же,
Когда,
Когда-же,
И нету надежды,
намёка даже,
В этом свирепо-летающем вагоне,
Что время
Потеря...
...нное
Нагоним...»*

Опять задула метель, подняла живыми лицами рой снежинок до зеркала души, найдя в молчаливых деталях города импровизированные инструменты: проёмы меж высотных зданий, арки, антенны, провода, ветви, кусты... и поплыла музыка! Не опуская градус, метель, заставляла всё кружиться белой змеей, вальсировать лентой вокруг Антресольки...

Алька, стряхнув бинты, коими как мумию успела за короткий путь окрутить пурга, попыталась ухватить вездесущие ветры рукой. А когда поняла, что ладонью связку ветров не удержать, то весёлая от собственного открытия, ворвалась туда, где её давно не ждали, с возгласом, почти воплем:

– Мама! Дай денег!

Глаза дочурки горели. Щёки алели. Она несла уверенную чушь о том, что привезёт:

– ...и кубинские сигары... и ром... И еще мне нужен...новый купальник!

А сама подумала – Любовь!...

– Зачем? – удивилась мать.

Алька захлопала ресницами, удивляясь, что мать не улавливает таких тонкостей, как произнесенное: «купальник» и произнесенное: «любовь»!!!

– Куба, это остров, – мило подчеркнул её новоиспечённый отчим.

Наверное, что-то понял...

«Ну, правильно, – подумала Алька, получив нежданно-негаданно блестящий результат. – Ведь мать характеризовала его по телефону кратко и ёмко «фараонит в ментовке». Значит, Фараон попался ясновидящий».

Ночью Альке виделся чудесный сон: будто смотрит она в голубое небо, голубизна сияет и синее и превращается в волны моря! И она восходит до этого моря!!

И она сама уже – это море!!!

ШТОРМОВОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Профессор не летел по одной причине – боялся. Над Бермудами – тем паче!

Он боялся летать даже на короткие расстояния. Непременно заливал робость коньячком...

Тринадцать часов перелёта ради единственной лекции, что могла прочесть любая аспирантка – для него невыносимое испытание.

Да, он просто не долетел бы до места и умер от разрыва сердца при первой турбулентности!

Аля с воодушевлением согласилась.

Нет. Мать бы тоже ни за что не догадалась. Это он, её новый муж, как-то странно смерив падчерицу с ног до головы, посоветовал возвращаться через Мадрид, чтобы увидеть ещё одну страну. И оплатил визу и гостиницу на целую неделю после научной конференции!!!

Але по большому счету было всё равно, «Бог ли ожесточил сердце фараона», как в Библии, или «Сердце фараона ожесточило сердце бога» – она летела в Гавану, а потом на неделю в Мадрид. Всё.

Зима не желала выпускать девчонку из Москвы.

В день вылета, 26 января, Аэрофлот отменил сто тридцать рейсов из-за невысказанно сильной пурги.

Непогода неприятной неожиданностью для внутренних и международных рейсов обрушила на регион более половины месячной нормы осадков! Обильные снегопады заблокировали Шереметьево... встала МКАД, в городе не останавливаясь всю ночь работала оранжевая уборочная техника, и Антресолька, вчитываясь в информацию о Бермудах и катаклизмах пресловутого треугольника, непроизвольно оторвав очи от монитора, обратила внимание на необычайное свечение отсюда, где должно быть небо. Вместо него – белый-белый и ровный-ровный свет, лучась изнутри снегопада, властвовал за иллюминатором. Булькнул мобильник «штормовым предупреждением», проворчал и уставился в потолок световым табло в ожидании хоть чьей-нибудь реакции.

На всякий случай, не желая верить тревожному предчувствию, девушка набрала сайт аэропорта и убедилась, что рейс Москва-Гавана подтверждается к вылету...

Позвонила в турагентство.

– Не переживайте, – ответила трубка. – Сезон дождей на Кубе – ерунда! Часок ночью полёт обычный тёплый тропический ливень, и всё днём снова установится, как в сказке! Пальмочки. Песочек. Полная благодать!

В САМЫЙ ПИК ПУРГИ НЕБЕСНОЙ

Можно ли судить по одной снежинке обо всем бело-белом снеге? Оказывается, можно.

Она мала. Но, когда их много, этих самых снежинок, этих белых молочных капель, филигранно выращенных космическим хладом в узорные кружева, планета отдаётся силам стихии, чтобы озымые на спящих полях могли запасть млечной неразбавленной влагою жизни!

И вот уже целый фронт идёт на Москву! Целый фронт мутно-молочных капель любви небесной, примеряя кому подвенечное платье, кому саван!

В такую метель – только валенки до колена, да полушубок до бровей, а она – в пуховичке, снятом с плеча расщедрившейся маман, с розовым искусственным мехом, в синих лайковых туфельках на «тонкой подошве».

В 4 утра осторожно ступала Аля по девственному сугробу, оставляя почти кошачьи следы..., складывающиеся в строчки:

*«Снова судьба в дорогу
Позовёт,
Молись – не молись,
Там, за моим порогом,
Быть может,
Ждет меня жизнь...
Там, за двумя перевалами ударит по рёбрам плоть,
Вся жизнь – лишь дорога
На гору,
с которой смеется смерть.
Вся жизнь – лишь одна страница,
Но ты меня позови,
Чтобы успел раскрыться
Зелёный
Цветок
Любви...»*

За день снега набралось столько, что превратило мир в волшебство и уют. Белые тучи опустились до земли лично убедиться, едет ли она навстречу... с собою....

Ночью пурга пред нею отступила в реверансе пышнообных туч. Фонари жёлтыми глазами освещали путь. МКАД оказалась неправдоподобно пуста, бела и чиста.

В БРЮХЕ ЛЕТАЮЩЕГО СУДНА

Антресолька заняла самое неудобное место – в центре салона, зажатая со всех сторон испаноязычными попутчиками, отбила СМС-ки, что взлетает...

Для начала всех поугали инструкцией пользования в «случае чего» спасательными жилетами. Но не открыли тайну: где лежат шубы. И это понятно. «Шубы в полёте до Кубы» через Ледовитый океан и Гренландию не предусматривались!

Между тем завывло. Заворчалось черноглазое нечто, тысячами ресниц седых снежинок царапая иллюминаторы, пытаясь разглядеть именно её, торопящуюся записывать в блокнот идеи нового сюжета.

А, может, ей только так казалось.

Под борт подползла гигантская машина, более напоминающая ящера, чтобы по принципу ледокола расчищать беспросветный метельный беспредел, взяла самолётик – этого большого неуклюжку как за руку, и он – бедолага – пополз послушно и медленно на своих коротеньких колёсиках, подрагивая, и как бы извиняясь, что приходится давить снежинки. Трепетал змеем-бабочкой, которому всё время мешали... крылья...

Когда же их отпустит земля...???

Вместо взлёта лётчик объявил, что борт должен пройти ещё какую-то противообледенительную обработку...

Аля вспомнила Марфу. Это она, злыдня старая, держит самолет, напуская одну напасть за другой! Нашупала в сумочке мобильник. Набрала номер:

– Ба! Уйми ты метель! Выпусти с аэропорта! Заквадратилась париться в кресле!

– За что боролась, на то и напоролась! – проворчала Марфа. – Ладно..., Бог с тобой...лети себе!... на горе! ... аминь!...

Сидящие в брюхе лайнера, всеми фибрами ощутили, как снаружи начали чем-то обдирать ледяные коросты чешуи.

Пурга приутихла, точно бабка Марфа и впрямь ослабила крученную удавку небесного вихря. Впереди показались аж 8 длииииннющих снегоочистителей со скребками впереди и с двумя кабинами спереди и сзади!

«Они, как жёлтые змеи-переростки!» – написала в блокноте Аля.

Вожделенная «взлётка» явилась неожиданно, как любовь! Январским утром она оказалась полосатою: слой асфальта – слой снега!

Юууухааа!

Включается двигатель!

Голова лайнера втискивается, наконец, в белую пургу.

Поехали!

Полетели?

В Море снега!

В Океан снега!

Во Вселенную снега!

Видимость нулевая. Самолёт идет по приборам...

В туман!

Отрывается...

Земля уже внизу... тает... блестит... переливается...

Через несколько минут, прорвав ещё один фронт – на этот раз облаков – нос запыхавшегося от усердия лайнера на ярком солнце покрывается испариной. Затуманиваются иллюминаторы.

Антресолька видит это одна, потому что люди, хлебнувшие длительного ночного ожидания, уже спят.

СОЛНЕЧНОЕ ТЕПЛО НЕБА

От беременных снегом облаков шло мощное отражение солнечного тепла. Маршрут проложен через Северный ледовитый океан. Это показалось ей надежней, чем лететь над Бермудским треугольником!

Когда Аля оторвала глаза от блокнота с почти готовым сюжетом, лайнер, подобно заполненному до отказа рейсовому автобусу, уже гудел где-то над Норвежским морем. Остались позади Финляндия, Швеция, Норвегия. Выспавшиеся соседи наблюдали по интерактивной карте, как внизу проплывали: Исландия, Гренландия, Канада, США...

Где-то над Кикик-Тарюаки, а потом над Чикаго – заколбасило. Все уж приготовились, что вот-вот кикиктюрюакнутя или как минимум чикагнутя, но ни того ни другого не случилось. Зато рассмотрели озеро Онтарио, на берегах которого когда-то давно совершались невероятные приключения известных индейцев.

О! Да! Летели над Торонто и Лос-Анджелесом, над Нью-Орлеаном и Атлантой. Мысом Дискавери. А, когда над Карибами зацепили крылом край окаянного Бермудского треугольника, так начало трясти, что стало не до шуток. Такая турбулентность Алевтине представлялась тем, что стихия буквально пытается затянуть её в какие-то неприятности.

Но лайнер уже снижался, подлетая к Гаване. Мониторы сменили космическую карту на видеотрансляцию широкого серого моря.

И вдруг картинка оживилась ярким изображением синей глубины, затем изумрудной, бирюзовой, наконец, ослепительно-голубой, как в недавно увиденном сне, а под нею – белый песок, укатанный в дюны волнами!

Полоса белой земли Кубы, поросшая зеленью, принимала, махая каждой травинкой.

ГАВАНА

Совершив над аэродромом три круга, прибывший с опозданием борт, жёстко коснувшись колёсами бетонной полосы, совершил, наконец, посадку. Надо было слышать, сколько радостной силы вложили «уважаемые пассажиры» в овации при этом.

Три часа – прибытие и регистрация в Шереметьево, два часа ожидания в лайнере, тринадцать часов полёта, паспортный контроль в Гаване – всё это бессонное, душное, тесное и проблемное выбивало из реальности даже такое стойкое выносливое существо, как Алевтина.

Пришлось отлеплять от себя верхнюю одежду.

Жесть!

Жара.

Да... сколько ж можно?

В Гаване только что прошёл дождь. Облака плотно покрывали небо.

Полученный багаж и экспонаты для конференции цеплялись за прохожих, мешая девушке сосредоточиться в поисках такси до самой дешёвой из приличных гостиниц с диким названием «Ди-айвиль». Ветер, заметно свежел и всё сильнее раздувал веера гигантских пальм, похожих на желтокрылые осенние мельницы.

Не успела она дойти до машины, как полил тот самый тёплый тропический ливень, что обещала турагент.

– О! Дождь! Милый дождь! Как ты прекрасен!

Выяснив с таксистом маршрут движения, она удобно устроилась в старой разбитой легковушке, у которой едва закрывались дверцы, а ручка, а ручка!!! – та вообще при контакте вывалилась из двери.

Антресолька захохотала. Это было так неожиданно. Потом она привыкла, что на Кубе машины именно такие!

Дождь хлынул обильно. Они мчались по Гаване, потом вырулили на набережную Малекон. Ливень быстро выговорился «навзрыд», что весьма характерно для тёплых тропических дождей. Вышло горячее солнце, что тоже характерно.

Наверное, остров Куба являлся ярко-выраженным холериком!!! Быстро вспыхивал. И быстро остывал. Моментально расстраивался. И сразу утешался.

По пути встречалось множество запущенных и охваченных процессом разрушения зданий. На серой набережной привлекло внимание 14-тиэтажное голубое здание облезлой гостиницы архитектуры социалистического реализма времен СССР 60 – х.

По приезду, получив расчёт, таксист тут же бросил пассажирку с багажом возле парадного входа «Диайвилья». Торжественно, несколько раз выстрелив на прощание выхлопной трубой, такси испарилось.

Ей достался 13 этаж. И номер 04. Вместе значилось так: 1304. Почему 4, Аля не задумывалась. А вот число 13 чуть-чуть встревожило.

Отворив комнату, она тотчас поняла, что такое в понятии кубинцев «винтажная мебель» недорогих гостиниц. Эта мебель, расставленная по всем этажам, эксплуатировалась никак не менее пятидесяти лет. Разложившийся поролон кресел высыпался на пол. Пружины, через полупрогнившую ткань старались вонзиться в тело. Хлипкие розетки. Сомнительной чистоты санузел. Несвежие стены и потолок, запылённый унитаз с информацией на бумажной полоске, что он стерилен. Почерневшая от времени и сырости амальгама зеркал...

Заклинившее от пыли окно долго не открывалось...

Поменять номер не приходило в голову. Зачем? Гостиница была вся такая!

Достав из чемодана одну из вещей, Аля помыла ею стены и пол, чтобы далее нормально жить в этом странном месте.

Во время душа вода намочила пол туалетной комнаты и не собиралась испаряться! Пришлось открыть и окно и форточку в ванной, которая вела в вентиляционную шахту. В номер тут же проник пахнувший океаническим бризом пряный сквознячок, а вместе с ним – удивительно-красивая экзотическая бабочка, дразня и волнуя. Несколько раз она приблизилась к самому лицу девушки, точно пытаясь поцеловать, а когда убедилась, что её заметили, тут же вылетела в окно и стала падать вниз, к набережной Малекон, где прогуливались люди, и среди прочих – незнакомец в белой короткополой шляпе...

Аля вздохнула. Ей почему-то захотелось – к нему. Просто погулять, и подышать морем. С высоты 13 этажа волны казались большими, а люди маленькими.

Тучи не покидали небо, угрожая новым дождём, заметно похолодало.

Аля достала тёплое одеяло. Закрыла форточки. Бог с ним с невысохшим полом – пусть скользит! По Малекон по-прежнему прохаживались люди, но волнение в атмосфере нарастало. Окрепший ветер превращал волны прямо-таки в водяные горы, захлёстывающие не только гранит набережной, но уже и асфальтовую дорогу и даже дома испанского типа с чёрными решётками. Судя по замшелому виду, они привыкли к таким условиям за годы отбывания на острове.

Под феерию прибоя, залпы пушек старой крепости и даже под низкий густой бас гигантского десятипалубного парохода, входящего по каналу в городскую бухту, Антресолька неумолимо засыпала!

Сердце предчувствовало неладное. Это шёл разрушительной силы торнадо...!!!

ТОРНАДО

Полярное сияние иссиня-чёрного сна извивалось гигантской лентой электрического Кецаль-Коатля размером с полземли, но что ещё величественнее – с полнеба! Сегодня он, свернув воронкой перья и положив длинный зелёный хвост на обыденный ход планетарных законов, целенаправленно полз к гостинице «Диайвилья», чтобы обрести крылья крохотной бабочки.

Губы Альки, как молитву, шептали по-испански:

*«Нет! Никогда не умирает тот,
Чья жизнь прошла светло и беспорочно,
Чья память незабвенная живёт,
В сердцах людей укоренившись прочно»...*

Она проснулась от сверкания множества молний у лица. Торшер не загорался. Гостиница оказалась обесточена.

«Странные люди, эти островитяне, ничего ж не видно! Зачем на ночь отключать электричество?» – подумала незадачливая путешественница.

В стекло, не как из ведра, а как из бочки непроглядная космическая чернота наотмашь внахлёт опрокидывала воду! Стены и двери ходили в темноте ходуном.

– Та-та-та-та-та-та-та! – стучали зубы дверей винтажной мебели.

– Брень. Дзень, – лязгали туалетные форточки.

– Др-др-др-др, – клацали проёмы окна.

– Бах-бах-бах! Бум-бум-бум! Бац! – бились двери, пытаясь оторваться от петель и убежать по ступеням тёмной винтовой лестницы!

Здание трясло. Предметы на тумбочке прыгали. Розовые сланцы забились в угол...

Аля решила, что началось землетрясение, подкралась босиком к окну, как сама осторожность, чтобы в случае, если напором воды разобьёт стёкла, отпрыгнуть обратно. Гавана освещалась лишь молниями. Горело всего три огонька – маяк, и где-то ещё два в крепости.

На эту темень обрушивались шквалы океана. Ошмётки водорослей с Саргассова моря били в её окно! Вся набережная, включая широкое шоссе и пешеходные улочки, уже была затоплена беснующимися волнами!

Ни один учёный на земле сегодня не смог бы правильно рассчитать путь электрических разрядов. Молнии электрошоком будили умерший от страха остров. И удивлённое существо, глядящее круглыми глазами на стихию, не верило, когда волны били прямо в окно 13-го этажа! Причём, казалось, что сила удара была направлена вообще не с океана, а с неба!

Антресолька, успокаивая себя уверениями турагента, что тропический ливень вот такой вот, своеобразно-кубинский, через час пройдёт, что эти ливни, по всей вероятности, бывают у них в сезон дождей частенько, открыла дверь, и попыталась выйти в коридор к общему окну.

Сильно уплотнённый душный тропический океанический воздух гулял по этажам обезлюдевших коридоров.

Аля, оказавшись по щиколотку в холодной воде неосвещённого коридора, моментально вернулась обратно в номер, плотно затворила дверь.

С каким-то восторженным ужасом восхищенно взгляделась в кружение черноты за окном. Привыкая к фантазмагии дичайшей грозы, стала различать оставляемые молниями фантомы – странные видения. Это были лица. Ничего не выражающие. Глаза африканца. Старого. Они приближались к лицу Али сквозь стёкла, подобно экзотическим бабочкам, гляделись равнодушно, и быстро удалялись в океан.

Вспыхивал новый фантом. Яркий и зримый испанец в кружевах конкисты. Потом появлялся какой-то индеец в ареоле из пульсирующих многомерных перьев. Креолка. Метиска... юноши... девушки. Все темнокожие...

Антресолька не знала, как это объяснить. Ей казалось: она видит не облака, не тучи, а многоликую чёрную плотность гигантских размеров, стремительно вращающуюся воронку из лиц, ползущую от океана к суше. Чёрный вихрь замешкался у окна 13 этажа, и отходить от наружной стены Дияйвиля не торопился вовсе. Но и в гости как бы не напрашивался.

Наэлектризовавшись ионами грозы, пахнущей свежими креветками, Аля просто прилегла на кровать и затворила ресницы.

Пусть.

Двери скрипели. Окна выли. Стонали. Будто бы океан с землёю занимался сексуальными активными действиями в непрекращающемся длительном оргазме! А потом ветер нашёптывал непонятные разуму слова давно забытых языков. Пел песни о пиратах и колонизаторах, рабах и работорговцах, о любви, верности, предательстве и измене...

Она снова уснула и во сне шептала теперь:

... «я знаю точно, что любовь пройдёт,

Когда сердца разъединяет море...!»

Выживший Дияйвиль, как летучий голландец, до утра упорно подставлял борта непрекращающемуся ветру...

А все теле- и радио- каналы мира уже взахлёб обсуждали подробности о том, что 27 января вечером, примерно в 21:00 с юго-востока Мексиканского залива на территорию Кубы обрушился разрушительный торнадо со скоростью ветра свыше 100 км/ч. Более 200 человек погибших и пострадавших. От «атмосферного феномена чрезвычайной интенсивности» разрушены восточные районы

столицы. Торнадо затронул более полутора тысяч зданий, многие из которых полностью разрушены. Гавана обесточена, а районы, вдоль береговой линии, затоплены. Ураганная воронка вырывала с корнем пальмы, линии электропередач, разбрасывала, как игрушки, автомобили и металлические конструкции. Груды обломков перекрыли транспортные артерии. С крыш сорваны кровли и стропила, выбиты окна...

Когда утром она отправилась на регистрацию в зал конференции, то увидела следы разрушений с выбитыми окнами и выкорчеванными стихией деревьями...!!!

ВСТРЕЧА, КАК ИСКУПЛЕНИЕ

За рулём такси оказался молодой человек лет двадцати пяти в шортах и обтянутой выцветшей футболке. Полноватый. Шустрый. С серьгой в ухе. И странной причёской типа «под хвостом у свлявшейся персидской кошки».

Он проворно отворил дверцу в хлам разбитой советской «копейки».

Алевтина плюхнулась в провалившееся с годами сидение, спинка откинулась резко назад, скрипнув одновременно с непроизвольным визгом пассажирки.

Надо полагать, молодой человек либо влюбился в неё с первого взгляда, как и все остальные кубинцы, встречавшиеся на пути, либо такая манера знакомства обычна у островитян.

Лихо вырулив на залитую водой набережную, он тут же принялся делать комплименты. Поняв, что девчонка «ни бельмеса на испаньёл», стал изъясняться общепринятыми на Кубе жестами. Обвел пальцем вокруг своего лица, и показал знак супер! Потом – на свои глаза и на её, что они тоже супер.

Понятно.

Следующий жест у кубинских мужчин – вопрос: есть ли на эту ночь партнёр, и – жест трущихся друг о друга указательных пальцев.

Аля ошалела от такого проявления «кубинской свободы», сделала вид, что не поняла. Но парень был из тех, «кого в дверь, они – в окно!» Он настойчиво задал свой вопрос пять раз разными жестами, при этом снабдив убедительную речь и немецким «ихлибедир» и английским «айлавью».

Девчонка ударила деланно себя по лбу – ну да, конечно! Конечно же, есть тот, кто с нею вот так палец о палец трётся каждую ночь!

Процесс установления связи завершился разочарованным прерывистым вздохом обломавшегося мачо.

Эти динамичные минуты общения сопровождались постоянным заваливанием сидения назад. Водитель его тут же восстанавливал. Но Аля, не дожидаясь новых испытаний, крепко закогтила пальчиками за ручку двери, чтобы больше не опрокидываться.

Проржавевшая техника, рассекая волны, подобно катеру, упорно перемещалась по набережной. Через незакрывающиеся окна внутрь салона заливались высокие волны, обдавая с головы до ног.

Но в борьбе с водной стихией у отслужившего своё «жигуля» шансов почти не было. После очередной волны двигатель заглох и напрочь отказывался возобновлять работу.

Водитель, поняв, что не в состоянии завести агрегат, выбрался из машины, взялся поудобнее и покатил её вручную...

Мимо проплыли две-три более удачливые машины, не желая помогать собрату.

Вокруг, насколько охватывал взгляд, разливалось «полноводное море набережной Малекон».

Девушка, боясь, что может опоздать на регистрацию, сняла обувь и вышла вслед за водителем.

– О! Ноу, сеньёра! Ноу! – взмолился тот, покрывшись липким потом жадности, боясь потерять обещанные 25 кук...

Не обращая внимания на его «ноу, сеньора», девушка отправила его жестом за руль, и пристроилась толкать «копеечку». А, когда увидела в зеркало перепачканное личико, шляпу, сползшую на бок, неухоженные волосы, голубенькую юбку, что не жалко выбросить после наводнения, и особенно босые ноги, то громко захохотала!

Веселье прервало прикосновение загорелой руки. Справа уверенно, как будто делает это всю жизнь, пристроился толкать «заболевший» автомобиль улыбающийся мужчина, давая какие-то команды водителю.

Машинёшка завелась не сразу, покапризничала, да кто ж ей станет потакать?!!!

Мокрая, а теперь уже и грязная, с достоинством герцогини Австрийской, Аля искоса поглядывала на незнакомца в бумажной шляпе, чёрной рубашке и светлых парадных брюках, который так же беззастенчиво и бесцеремонно глядел на неё в упор, не скрывая искрящегося блеска смеющихся глаз.

– Грасиас, – поклонилась девушка.

– Порфаор, – поклонился тот учтиво, и направился к собственному оставленному такси, бороздя шлёпанцами лужу, как будто это были не дешёвые вьетнамки, а натёртые до блеска шузы члена английского парламента.

Спортивный и правильно сложенный, он легко перепрыгнул поток. Изящным жестом поднял руку, чтобы взглянуть на часы – не опаздывает ли. Аля ещё раз обратила внимание на шоколадный загар этой красивой руки. Светлые его брюки тоже намокли. Талию обхватывал строгий ремешок.

– Вот это мужчина! – восхищенно вырвалось у Али вслед. Наверное, слишком громко.

– Вы говорите по-русски? – он моментально среагировал, и тем же порядком через водную преграду вернулся на прежнюю точку.

Алька даже ухмыльнулась, как это он так быстро прыгнул! Как обезьяна!

– Спасибо, что не оставили нас в луже! – поклонилась снова, но уже не опуская глаз. – Вы местный?

– Нет. Вчера только был у Мексиканского залива.

– Какими судьбами в Гаване?

– Конференция.

– И вы?

– И вы?

Оба засмеялись.

На что таксисты, не сговариваясь, загудели.

– Встретимся на регистрации, – помахала Аля.

– Предлагаю все-таки воспользоваться моей машиной.

– Нет, мне мой «жигулёнок» симпатичней.

– Сантьяго! Меня зовут Санти! – крикнул в след мексиканец.

– Алевтина. Аля!...

Обе машины одна за другой покатали по Старой Гаване искать Дом Конвенций.

Мокрого и взъерошенного водителя девчонке стало как-то сразу жалко. Она достала из сумочки московскую шоколадку «Россия. Щедрая душа» с символом своей страны на яркой обёртке, коих навезла на Кубу полчемодана именно для таких случаев.

Парень невероятно радостно принял дар. Тут же оторвал край упаковки, отломил кусочек грязными своими толстыми пальцами, и попытался этот фрагмент засунуть ей в рот.

Девушка увернулась, хоть и была голодна, но «не из рук же» в самом деле!!!

Водитель быстро расправился с шоколадом, а фантик пустил по ветру!

– Ого! – ахнула Антресолька..., удивившись количеству мусора в канавах Гаваны.

Более чем шоколадка, парня порадовали 25 кук.

Ещё бы. Здесь они приравнивались к евро. Если учесть, что заработная плата кубинцев в месяц в среднем 12-15 кук – он совсем не в проигрыше за этот вояж!

Ретро-мобили – своеобразная визитная карточка Кубы. Сюда везут технику шестидесятых-восьмидесятых годов прошлого столетия. Местные умельцы содержат их в рабочем состоянии. Перекрашивают авто обычно в разные яркие краски. Используют, как могут. Железо исправно работает. Но внутренний интерьер, как правило, изношен полностью. Кресла и обивка в ужасном состоянии.

Кроме автомобилей можно встретить велосипедных рикш и мотоциклетных рикш. Те и другие делают самодельные приспособления из спинок железных кроватей, приваривают какие-то кузовки и прочее.

Всё это сильно напоминало Але «Остров погибших кораблей» – приключенческий роман Александра Беляева, популярный в своё время за исключительную фактуру о Саргассовом море с множеством давно-давно затонувших кораблей.

Куба сегодня казалась Але таким же вот островом погибшей техники с одной только разницей, что машины здесь до сих пор каким-то чудом эксплуатируются!

Свежие ветра, приносящие чистые океанические воздушные массы практически со всех сторон, компенсируют вред от выхлопных газов устаревшей техники.

Потеряв минут пятнадцать, Аля осматривалась по кругу в поисках Сантьяго, пытаясь сообразить, где и как зарегистрироваться.

Взъерошенная и лохматая, в розовых резиновых пляжных шлёпанцах, она и зашла в зал регистрации, заполненный солидными учёными. Профессора и доктора наук съезжались сюда со всех стран. Предупредительно и любезно относились друг к другу, пропускали вперед очереди дам.

Аля почувствовала некое вакуумное истощение сил, когда ещё утром без воды и света в гостинице «Диайвиль» взглянула в зеркало. Да, собственно, ничего не изменилось. Только волосы как-то странно побелели. Как будто бы «за Ночь с Торнадо» она почти полностью отдала их природный ресурс русого цвета местной пиратской Ведьме. Как будто она перевернула песочные часы Времени в Необратимом процессе. Два дня сумасшедшей дороги от заснеженной Москвы, с обледеневшим бортом и всей уборочной техникой, на которую способна столица, до экзотической Гаваны с ночной тряской на 13 этаже «Дьявольского Диайвиля» и океаническими волнами на набережной вокруг обездвиженных «Жигулей». Наконец – энергетически подавляющая очередь из сплошь испаноязычных людей, которые её не понимают, и не хотят понять!

– *«Природу трудно изменить,
Но жизнь изменчива, как море.
Сегодня – радость, завтра – горе,
И то и дело рвётся нить...»*

Это сработало, как молитва.

Аля услышала понятные слова за своей спиной:

– Ах, вот Вы где. А я Вас ищу! – вложил в них Санти столько чувственности, точно искал её всю жизнь, и наконец, нашёл.

– А я – Вас! – обрадовалась она.

И так хорошо выдохнула, точно с тем вышла вся-вся печаль, что была до этой вот минуты. Точно она тоже искала, искала, искала. И было так, что, вроде, искала не его. А на самом деле, его, конечно. Его. Идеального улыбающегося и радующегося ей.

Она подумала, что Бог послал ангела с неба! Наверное, так и было, потому что учёный из Мексики, по какой-то счастливой случайности знающий русский язык, потому что учился в России, тоже приехал сюда, чтобы зарегистрироваться.

Они стали делиться мыслями о том, что ночью была сильная гроза, что у каждого в гостинице отрубили свет. О том, что совсем рядом прошёл разрушительной силы Торнадо, периодичность которого в этих местах 1 раз в 40 лет!!! И что кофе в кафе оказалось ужасным. И что отключалась вода. И что неудобно добираться из гостиницы до зала Конвенций...

– В какой гостинице вы остановились?

– Диайвиль!

– Диайвиль? – её глаза максимально округлились от удивления, – Не может быть!!! На каком этаже?

– На третьем!

Откуда-то появилась мысль: значит, он живёт третью жизнь, а она на десять жизней старше...

Тут очередь тронулась, и они быстро зарегистрировались. Обменялись визитками.

– Моя тема, – лепетала Аля без умолку, – «Символизм в творчестве Испании времён инквизиции».

– А я заканчиваю докторскую по «Философии Лопе де Вега».

– Не может быть!!! – Аля удивлялась совпадениям, спросила: – Может, Вы после конференции в Мадрид на неделю полетите?

– Может, и полечу...

Но молодой человек лукавил.

Поговорили о своих докладах. Выяснили временное место на линейке залов. Ознакомились с расписанием.

Сантьяго с его знанием испанского, то есть, русского – оказал ей услуги не только переводчика, но и гениального коммуникатора – такси обходились уже не в 25 кук, а в 15; они делили оплаты транспорта на двоих, потом на троих, на четверых-пятерых, когда компания увеличилась...

Когда друзья оказались в Диайвиле, свет уже дали.

О! Счастье! Аля могла принять душ! Могла погладить платье! Уложить плойкой волосы!!! Спуститься с 13 этажа не по мокрым залитым водой опасным скользким ступеням, а на лифте!!!

Он уже ждал внизу, а когда увидел, невольно перекрестился – так неожиданно хороша показалась ему юная леди.

Вместе поднявшись к киоску второго этажа, где туристов привлекали агентства путешествий, он любезно согласился охранять её сумочку, пока девушка осматривала полки с сувенирами, незаметно отворил замочек. Извлёк и изучил авиабилеты до Испании. Прочитал СМС ленту в телефоне... И положил обратно.

В сопровождении испаноязычного мужчины Аля могла насладиться Старой и Новой Гаваной. Сделать потрясающие снимки.

Она ещё не осознавала, что Сантьяго станет не просто знакомым, но учителем. Ни сервантесским Дон-Кихотом. Ни пушкинским Дон-Жуаном. А почти кастанедовским Дон Хуаном.

Как-то на прогулке, испытывая искреннюю неловкость от того, что вынужден заняться личными делами, Санти просто убил её откровением:

– Простите, но мне надо обязательно зайти в книжный...!

Антресолька была поражена. Ведь именно книжные – а никакие другие магазины привлекали её всегда. Её библиотека пополнялась со всех уголков, и это самое ценное и самое тяжёлое, что она везла отовсюду!

И вот она встретила человека, который тоже стремился посетить книжный! Девушка стала осознавать, что их общение это Милость Божья!

Не удивительно, что их доклады на секциях оказались наиболее интересными, информативными и талантливыми.

С ним легко рассуждалось о проблеме местной веры Сантерии, о ритуалах индейцев, кубинских аборигенах таенах, о людоедах карибах. О колонизаторах и работоторговцах. Об особенностях строения балконов и решёток под-испань. О пиратах. О Бермудском треугольнике. О запасе пресной воды в Латинской Америке и на Байкале. О Китае. О храмах на Кубе. О судьбе Че. О Фиделе Кастро. О Мексике. О Москве. О том, что Новый Свет дал Старому Свету и наоборот. О кукурузе и пшенице. О подсолнечном масле. О социализме и капитализме. О положительных и отрицательных сторонах открытия Америки Колумбом. О стране басков. О будущем Земли... Всё это происходило легко и ненавязчиво. Как бы между делом. Как бы между снимками, что делали они на заседаниях, на экскурсиях, в кафешках и на симпозиумах, на прогулках по набережной Малекон под аккомпанемент волн и местных уличных музыкантов.

– Наша встреча похожа на искупление грехов, – призналась Аля.

– Я не верю в эти фантазии, – ответил Санти. – Я понимаю, очень мало прошло времени, но...

– Нет, – произнесла машинально Аля, как реагировала всегда на слишком быстрые предложения.

– И это правильно, – опустил взгляд Сантьяго, его сердце застучало так сильно, что потеснило воздух во всем «Диайвиле», придавив Алю к стене! – Это правильно, я не хотел пугать тебя. Прости.

Душа заболела, потому что созрела до понимания. Прогнулись перекрытия переполненной книгами полки душевной. И корешки этих книг, как прутья камеры заключённого, врезались в бока! Тесно! Гулко! Воздуха бы в помощь! Бога! Свободы!

Алька и сама однажды испытывала подобное.

– Боюсь тебя испугать, потому что... стихи во сне читать иногда начинаю..., – добавил Санти.

– Что же ты читаешь?

– Лопе де Вега...

– Что???

– «Собаку на сене»... а, когда просыпаюсь, не помню ни строчки.

На миг Але показалось, что Санти шпион... Ну, не может же быть так много совпадений! Да. Пусть совпала гостиница. Конференция. Знание русского языка. Но ведь и она – она тоже во сне читала стихи по-испански. И не факт, что это не Лопе де Вега! А темы диссертаций???

Аля напряглась и стала вспоминать, не говорила ли баба Марфа о ночных странностях Антресольки кому-либо. Нет. Такого не было... Что же тогда?

КОНФЕРЕНЦИЯ

Конференция для Алевтины и Сантьяго постепенно приобрела вид грандиозный, поскольку складывалась из тысячи личностей, а также фрагментов их озвученных осознанных мыслей, к которым, возможно, шли они в течении жизни. День за днём, как в химическом проявителе становилось яснее и яснее наиболее продвинутое и передовое – научный срез достижений человечества во всём его планетарном масштабе.

Конференция развернулась широко по различным секциям и специализированным залам.

В первую очередь обсуждались проблемы, волнующие ту или другую страну. В большей части – страны Карибского бассейна.

Политические залы, куда, как магнитом, затягивало Санти, Аля старалась не посещать. На них – одни лозунги о свободе, где через каждое слово звучало «Либерасьон», «Хосе Марти» «Че Гевара», «Браво, Фидель» и «Вива, Куба!» Они не нуждались в переводе, и повторяли друг друга, как опята на пне, не смотря на то, что произносились разными людьми.

Темы же по секциям обсуждались самые разные, освещая насущные и надсущие проблемы.

Интеллектуальный потенциал мировой науки демонстрировал личное участие через частное, объединяясь в социо-проблемы Земли.

Разноликие люди, представители всех рас пытались найти общий язык. Сегодня им стал не эсперанто. А духовный язык. Сегодня им стал испанский. С него – с испанского многоязыко транслировались в тысячи наушников на всех языках знания, достижения, проблемы.

Символизм – культура Земли – корреспондировали лучами со Свободной Кубы достижения человечества. Тысячи полезных документов закладывались в общий электронный диск.

Алевтина представила не только доклад научного руководителя, но и свой. Санти стал её папаша. Она – его.

Трудно было представить, сколько разведчиков и разведок разных стран вынуждены были на удалённом доступе с разных материков, прослушивая конференцию с помощью тысячи «жучков», обновлять знания «испаньол»!!! Пусть слушают. Пусть докладывают начальству. Пусть те воруют эти общечеловеческие мысли! Пусть ставят на эти общечеловеческие ценности свои копирайтеры, менеджеры, секретари, юристы-адвокаты-барыги всех видов и мастей! Учёным и истинно творческим личностям, к которым Антресолька, конечно же, себя причисляла, не нужны в конечном итоге деньги. Главное – чтобы работала эта самая мысль! Чтобы она запускала генератор нового витка цивилизации!

Это всё здесь и сейчас было так важно. Когда голос был звучен, когда вибрации бьющихся сердец воспринимались так рядом. Когда карие глаза с интересом вглядывались в глаза синие...

Аля и Санти стали неразлучны. Не размыкая душ, постоянно находились вместе, обсуждая всё живо и по-юношески светло.

Оба ловили себя на мысли, что считывая чувства другого, угадывают желания.

– Встань с той группой, я тебя сфотографирую, – быстро приказывал Сантьяго.

– Как ты догадался?... – спрашивала она потом...

Или угадывала она:

– Я захватила для тебя пару бутербродов.

– Я только хотел попросить об этом...

Такие вещи случались постоянно.

– В испанском существует, после исторического сближения наших культур в Латинской Америке с местными индейскими племенами, понятие SENTI-PENSAR! Это, когда люди отключают функции слов, а взаимодействуют только при помощи духа.

– Когда мысли и чувства – это одно и то же?

– Да!

Укладывая чемодан в такси, на прощание Аля вложила в руку Санти стихи:

SENTI-PENSAR

Обозначаются чувства, как SENTI.

Думы включают понятие PENSAR.

В чувствах и думах за счастье в ответе

Свет равновесия senti-pensar.

*Пламя воды лёд сканирует чутко,
Думает тоже, что чувствует пар.
Встретит планета наш выдох короткий
В общем дыхании sentipensar...
Будут меж нами границы, заборы,
Время потерь, расставаний кошмар.
Но отразится так старо...
Так Ново
Sentipensar в амальгаме зеркал.*

Понятие Sentipensar, которое вполне доступно объяснил ей Санти, стало самым главным открытием Кубы.

- Напиши мне, – скупое поставила точку Аля.
 - Непременно, – хитро превратил её в многоточие Санти.
 - Разве ты рад, что я улетаю?
 - Конечно, рад. Ты ведь улетаешь в Мадрид?
 - Да. В Мадрид.
 - Прости, пока ты выбирала сувениры, я просмотрел СМС в твоём мобильнике. У тебя очень богатая личная жизнь. Столько кавалеров.
 - Это разбитые зеркала.
 - Все?
 - Кроме одного. – Она показала мобильный телефон с его номером.
 - Хорошо, – сказал Санти.
- И просто пошёл прочь.

САМОЛЕТ ГАВАНА-МАДРИД

Девушку с момента, как Санти оторвал от неё свой взор, давило чувство невыносимого одиночества.

Расстроенная грустными мыслями, поднялась по трапу.

Попыталась поднять сумку на багажную полку и вдруг ощутила удивительную лёгкость, точно кто-то помогает сзади...

– Санти!!! Как ты здесь оказался?

Сердце забилося. Душа замерла. Почти мёртвая, запросила воздуха у Бога! И Свободы от себя самой!

– Лечу с тобой в Мадрид! Я и билеты зарегистрировал вместе. Ты не заметила...

– Что ты наделал?! – обняла его девушка со всей силы, на которую была способна, впервые не скрывая, что происходит с нею. – Ты сумасшедший! Нам будет потом больно! Больно расставаться! Ангел! Мой!

– Я люблю тебя!

Весь полёт над океаном она не отрывала взгляда от своего возлюбленного божества. То обвивала руками шею, то целовала загорелые руки. Пальцы. Ладони. Линии жизни. Запястья. Вдыхала медовую солёную ваниль локтевых изгибов. Гладила волосы. Шептала ласковые слова в самое ушко. Прикасалась нежно головою к груди снова и снова, слушая звонкое второе сердце, колышущее рубашку. И не припоминала, чтобы когда-то слышала музыку слаще этой! Ненасытными жадными глазами она старалась налюбоваться линией губ, разрезом красивых глаз, точёным носиком и подбородком, блеском зубов, вдруг оказавшихся так рядом! Гладила брови.

Уже через час после взлёта закрыли иллюминаторы, и утомлённый людьми салон заснул. Только они наслаждались отражением друг в друге. Только они перешёптывались, изучая ощущения прикосновений к одежде и волосам, запоминая эти новые ощущения. Только они пытались понять, зачем явил себя в их встрече счастливый случай, зовущийся Богом Любви.

Зная, что ещё долго лететь, и бесполезно сдерживать притяжение, они касались друг друга губами, растворяясь от нахлынувшего блаженства. И вновь ныряли взглядами в глубину очей.

– Я чувствую твое сердце, – шептал Санти. – Оно любит!

- ...меня никогда ещё никто не любил, – отзывалась эхом Аля.
- ...ты околдовала меня с первого взгляда...
- ...ты околдовал!
- ...ты самое красивое существо во вселенной...
- ...самое красивое существо...

Падая в воздушную яму и выныривая, лайнер бережно нёс над океаном два влюбленных сердца.

- Сколько дней ты будешь в Мадриде? – спросила тревожно Аля.
- ...с работы отпустили на пять суток. Пять дней! Пять!
- А я семь!
- Знаю.
- Как же я тебя отпущу?

Аля принялась с новой силой целовать его, точно расставаться предстояло вот прямо сейчас, прямо здесь. Он закрыл глаза.

- Я боюсь, ты устанешь меня целовать.
- Никогда.
- Я боюсь, ты однажды разлюбишь.
- Никогда!
- Мне казалось – я такой несовершенный. Не достоин любви.
- Мне тоже казалось, что я ...
- Ты многих любила?
- Не помню. Ты стёр всех, кто был до тебя. Их больше нет. Есть ты.
- И ты.
- ...когда я тебя полюбил...
- ...мы полюбили...
- ...да, когда мы... это так странно звучит... всегда я был один...
- ...и я одна...
- ...когда мы полюбили, мир стал другим...
- ...он всегда был таким, просто мы не могли его видеть...
- ...почему?
- ...потому что мы родились, лишь когда встретились.
- ...друг для друга?
- ...я так счастлива!
- ...я счастлив!..
- ...почему ты за мною повторяешь?
- ...потому что я... потому что... мы чувствуем одинаково...
- ...мы... это звучит так...
- ...так...
- ...как?
- ...Нежно!
- ...не боишься, что я тебя замучаю?
- ...я тебя замучаю!
- ...обещала...
- ...обещал!
- ...а сейчас учусь у тебя...
- ...чему?
- ...ты так ласкова...цветок подснежника. Я не встречал таких женщин.
- ...боюсь, ты скажешь, что у тебя жена и двое детей.
- На самом деле, жён было больше.
- Да? Вот это новость.
- Ты не спрашивала.
- И ты летишь за мной в Мадрид???
- ...ты колдунья, Алевтина!
- ...ты волшебник, Сантьяго!

- ...тiiiииихо, не шуми... отпущу теперь, только если запросишь пощады!
- ...а торнадо помнишь? Оно пришло с юго-восточной части Мексиканского залива...
- ...я там живу...
- ...то есть, ты принёс торнадо?
- ...ветер любви, – улыбнулся Санти.

ИСПАНИЯ

Мгновение пролетело? Час? Три? Четыре?

Принесли обед. И вина.

Они заказали ещё. И уснули.

Они не знали. Но оба шептали во сне по-испански одно и то же:

«...Любовью оскорбить нельзя,

Кто б ни был тот, кто грезит счастьем;

Нас оскорбляют безучастьем...»

Вдруг что-то тормознуло – они же в самолете! И уже летят над Испанией! Боже мой!

Красно-бордовая земля. Родная...!!!

На вершинах бирюзовых гор – белый снег! Это Пиренеи? Где-то внизу граница Испании и Франции. Страна басков.

Это Пиренеи!

А дальше – пустые поля выжженного Арагона! Серые горы. Красные горы. Жёлтые горы. Корасон! Сердце Испании! Белые высушенные старицы рек. Редкие населённые пункты. Оливковые сады, похожие на небрежно накинутые леопардовые пятнистые шкуры на плечи хребтов.

Сквозь круглые иллюминаторы уверенно обдало жаром испанского солнца. Ого! Печёт без шуток!

Сели плавно, точно плащмя намазали масло на бурый каравай земли. Спасибо пилоту! Доставил в целости и сохранности двух влюбленных в испанскую песню!

ЛОПЕ И ВЕГА

Первая белая простынь, как белый холст, зеркалом «без прикрас» явил долгожданно-желанное отражение друг друга.

Перед глазами Антресольки пробежала лента случайных бесформенных отроков... мужчин... со-старившихся так и не повзрослевших мальчиков. Осколков невозврата. Ничего достойное Санти она не припоминала, даже включив дополнительные объёмы интернет-памяти – чтобы так на белом полотне выглядело божественно и утонченно.

Санти, как и она пытался ноздрями вдохнуть больше воздуха, чтобы нейтрализовать первое волнение. Он возлежал подобно римскому патрицию на сугробах испанских длинных подушек, не отрывая глаз от увиденного, как от той самой точки возврата к себе самому, настоящему, невыдуманному, не такому, каким должен быть по семейному долгу или по долгу службы, по общественному или социальному признаку, а в начале пути, что потом останется землёю в ладанке на благословение и оберег.

– Ты прекрасна!

– Прекрасен ты!!! Нельзя же так быстро и откровенно читать мысли женщин!

– Женщин нет. Ты их стёрла. Они – разбитые зеркала... есть ты. Единственная во вселенной.

Он попытался встать.

– Лежи. Пожалуйста. Не шевелись.

– .. моя богиня...

Аля старалась запомнить всё до мелочей. Дар божий, что живыми линиями на холсте художника – день-два и исчезнет. Как сон.... Как вожденная кружка кофе на беломраморном столе.

– ...жрица любви...

Она понимала, что тысячи тысяч людей наслаждаются друг другом, а «счастье выразить счастье»

выпало только ей. Пусть пройдет много лет. Она, когда научится пользоваться даром слова, снова зайдет в эти блаженные воспоминания. А сейчас – работает мозг! Работает сердце! Работают чувства. Река времён сорвала плотину. Синими чернилами выливаясь в будущие строки. А исток лежал перед нею загадкой Сфинкса.

– ...красивый шоколадный загар, – шептал он, заклинателем змей, не отводя взгляда от её гладкого тела.

– ...у тебя... у Зевса... Аполлона... Боги резали с любовью эти линии... Святые... Санти... боги... это невероятно красиво..., – вторила Алька, проводя снова и снова ладонями по стройным мускулистым ногам, по плечам и рукам, пружинисто напрягшимся.

– ...помню, обещала замучить... тебе можно.

– ... терпи, мне надо вспомнить тебя... вспомнить себя... запомнить тебя... запомнить себя такую... таких.

– ... невероятно... – прошептал он ещё тише.... – о, Боже!...

Потом они говорили молча. Потому что мысли и чувства их совпадали, как вдруг подошедшие половины кривого, разорванного, выдранного с мясом и кровью, с острой стародавней болью, приглушенной столетиями других чувств,... извилистого недостающего пазла.

Как река течёт по другой реке, облака по облакам, или нет, как кровь смешивается в любом организме венозная с кровью артериальной, голубая с красной, так сейчас взгляд плыл по взгляду.

– ...твои пальцы... они самые красивые в мире!

– ...твои!

Она прикоснулась губами к стопам ног:

– Боже мой, какие ноги... какие руки... сияние... Ты видишь его?... ангел...

– ...я демон...

– ...человек...

– ...змей...

– ...бабочка...!

Вся её ненастоящая жизнь, переболевшая разочарованием одиночества среди многообразия тех, кто не являлся достойным..., пройденная на дешёвых сценах понарошку, среди трёх поросят и десяти зайчиков, – пришла в негодность, как выношенная бумажная шляпа.

Знаниями профессионального терапевта-психолога, Санти здесь и сейчас вылечивал силою и красотой души своей Альку тем лишь одним, что просто позволял целовать свои пальцы.

– ...целую ваши ноги..., – повторяла она устами героя пьесы Лопе де Вега, – ...целую ваши ноги!

И он вторил на испанском...

С ним, с Сантьяго, с великим маэстро материализации сокровенных мыслей, зазвучали все ноты мощного органа души. Обеих душ. Потому что играть на половине органа – всё равно, что полглотка молока пригубить, а другие полглотка разбавить. И не водою, – нет – крепким вином, прогорающим в огне пустой никчёмной жизни!

По мере того, как душа женщины в предвидении долгой засухи одиночества набирала впрок во все ёмкости живительную влагу всепоглощающего чувства, колодец избавлялся от грязной тёмной воды, заполнялся молоком жизни, чистейшим нектаром любви, одновременно возвеличивая самооценку мужчины, захлебывающегося все прожитые до неё годы от комплексов, неуверенности, упрёков, требований, промахов, и проигранных сражений. Ответную партию в унисон выдала его душа. От густых басовых труб. От мягкого бархата баритонов. Из центрального солнечного сплетения божественной тональности До. До высоких и самых высоких ангельских До третьей октавы. И выше тончайших высочайших камертонов, совершенно не похожих на стон, а скорее на восхищенные восторги небес... До!

А так...

Они заняли крошечный чистенький номер с неправдоподобно-высокими потолками в гостинице Едрейра на улице Аточе. Почти не ели. Почти не спали. Предавались самозабвенно любви. Не чувствуя усталости. И насыщения. Заминали белоснежные крахмальные простыни. Принимали вместе душ. Любовались друг другом. Немного гуляли, изучая столицу Испании по картам, путеводителям и туристическим маршрутам.

Сантьяго любил сангрию со льдом. Алевтина постоянно заказывала апельсиновый фреш. Просила, чтобы прямо с дерева, и чтобы безо льда. Чтобы тепло солнца попадало в бокал. И выпивала это сладкое испанское солнце, пополам с апельсиновым соком!

Их разговоры вращались вокруг Лопе де Вега. И неудивительно, ведь темы диссертаций были напрямую связаны с великим поэтом.

Она вслух декламировала на улицах отрывки пьес и сонетов в русском варианте. Он вторил на испанском. Оба отдавали себе отчет, что идут по священным следам и, дополняя друг друга, представляли, что раньше чувствовал Лопе де Вега.

Феликс (солнечный!!!) Лóпе де Вéга (исп. Lope de Vega) носил, как все испанцы, более длинное имя – Félix Lope de Vega y Carpio – Фéликс Лóпе де Вéга и Кáрпио...

Он родился здесь. Под этим небом почти половину тысячелетия назад, 25 ноября 1562, и умер там же в Мадриде 27 августа 1635 года.

Без труда прямо на улице Аточе они обнаружили мемориальную табличку на церковной стене. Потоптались, поглядывая друг на друга. Пожали плечами, пока Санти негодуяюще не озвучил общую мысль:

– Представляешь! Испанский драматург! Поэт и прозаик! Выдающийся представитель Золотого века Испании! Автор около 2000 пьес, из которых 426 дошли до наших дней, и около 3000 сонетов! А на церкви, где покоится прах, вот эта табличка! Всё!

Не размыкая рук, они вышли на площадь Пуэрта-дель-Соль (Ворота Солнца), которая во все века служила нулевой точкой для отсчёта дорожных расстояний Испании.

– А вот и площадь Феликса! То есть солнца! Мы должны здесь поцеловаться! – заключил её в объятия Сантьяго. – Это главная площадь! Значит, либо он назван в честь солнца...

– Либо солнце в честь него???

– Ха-ха-ха!

– А почему тогда главной считается Пласа-Майор?

– Там есть волшебные часы! На Новый год они отбивают после 4 ударов (по 4 стихиям и частям света) ещё 12 раз. В это время жители съедают заранее очищенные от кожуры и косточек 12 виноградин, и после каждого удара загадывают желание.

– А что потом?

– Потом выкуривают сигару и пускаются во все грехи, а именно – раскупоривают «Каву» и гуляют до утра!

– Пьют Шампанское, и гуляют как мы? Здорово! Лопе тоже так делал?

– Возможно... Представляешь, мы сейчас в самом центре круга Испании, Испанского мира, и можно загадывать любые желания и признаваться в самых сокровенных мыслях.

– Разве сейчас Новый год? – засмеялась Аля.

– Сейчас новая жизнь! Новый свет. Новое солнце. Новое счастье... И нам надо, наверное... получить ответ на самый трудный вопрос, – серьёзно сказал Санти.

– Единственная мысль... ты знаешь её, – прижала голову к мужской груди женщина, вслушиваясь в удары сердца, как в свои.

– Знаю.

– Да. Я иногда... во сне...

– Ты говоришь по-испански стихами Лопе де Вега...

– Ты тоже...

– ...мы говорим...

– ...мы говорим...

– Ты слышал о феномене с названием «стигматы»?

– Кровоточащие раны, открывающиеся на теле отдельных католических подвижников?

– Да, под влиянием религиозной экзальтации...

– Это не то...

– Да. Это совсем не то. Я говорила во сне, когда ещё не умела читать... Я была Лопе? Там. Давно. В прошлой жизни? Скажи. Скажи мне это здесь, на площади Пуэрта-дель-Соль. У Ворот Солнца!

– Или я им был?

– ...мы?

- ... мы были Лопе де Вега?
- Почему ты говоришь это шепотом?
- Боюсь спугнуть вечность...
- Смотри, – оторвался Санти, – отсюда идут лучи нулевого километра по всей Испании. Один из лучей – старая улица, точнее пожилая: по-испански – Майор.
- Майор это старый?
- Ну, да. Мы же старые с тобой. Нам пять сотен лет! Если, как мы думаем, мы оба были Лопе...
- Перестань смеяться. Я не шучу!
- Постой... постой же, я тоже не шутил.
- Хорошо, – печально улыбнулась Аля, – хорошо, майор! Потом поговорим...
- Во всех городах Испании, с колониальными поселениями в Америке, – он сделал вид, что не волнуется, – есть центральные квадратные площади с подобным названием Пласа Майор. На них ранее совершались значительные события. Казни. Коронования. Бои быков. И прочие публичные действия. Единственный город, где Пласа (Пласа мы произносим так) Майор в Испании круглая – город Чин Чен. Видишь, здесь надпись: «До начала XVIII века конная коррида в Мадриде проводилась на Пласа-Майор в присутствии короля. После формирования традиций современной пешей корриды в XVIII веке главная арена находилась в районе ворот Алькала».
- Стой! Значит здесь, на этой площади он казнил францисканца? Он же был... он же инквизиция...
- ...или францисканку... Здесь проливалась кровь не без участия Лопе...
- Куда бы не двинулись они в эти дни, в городе солнца везде их поджидали жаркие объятия светила. Открытия. Загадки. Размышления.
- Здания были выстроены так, чтобы прятаться от жары и зноя. Зато внутренние дворики освежали прохладой. Тенистые деревья умудрялись не высыхать в широких проходах меж домов, ведь солнце даже и не думало туда пробраться!
- Мадрид – центр жаркого красного засушливого полуострова – любезно разворачивался перед ними. Демонстрировал, как веками на этой земле шла яростная борьба за земледелие и вообще за любую зелень. Трепетное отношение к деревьям в Мадриде было особенно заметно. Их высаживали даже на крышах домов!
- Вот Сан Мигель (Святой Михаил) – самый древний рынок. Прямо на тротуарах, как в Париже, столики под гигантскими зонтами, где отдыхающие могут попить кофе и отведать устриц, побеседовать, и посозерцать.
- Вот роскошная мэрия. Рядом здания удивительной архитектуры, где сочетание камней, ковки и скульптуры соединены в неповторимые шедевры! Фонари всегда разные, изящно поддерживаемые затейливыми узорами кованых столбов.
- Фонари и балконы – характерная деталь любого испанского города. Они отличаются в провинциях по форме. Но присутствуют обязательно.
- Один раз под конным памятником какому-то очень старому военному они увидели бабочку, что, развернув великолепие узора, спасалась от зноя.
- Осторожно! Ядовитая, – предупредил Санти.
- Бабочка?
- Змею разве не видишь?
- И точно. Возле бабочки вдоль гранитного постамента вытянулась змея.
- Бабочка не торопилась улетать, даже когда тень путешественников коснулась крыльев. А змея не хотела уползть.
- Почему испанцы любят памятники военным? На конях?
- ...исторически, – коротко ответил Санти. – Испанцы горячий народ. Воинственный. Иначе было не выжить, когда делился мир...
- Что означает Мадрид?
- Через город течет Мансанарес, ранее принадлежавшая Кастилии. В северо-западной части города – Сьерра-де-Гуадаррама с его высочайшей точкой Пеньялара. – Ответил Сантьяго. – Название «Мадрид» связано с арабским «майра» (водный источник).
- Ты араб?

– Немного, – улыбнулся мексиканец, – чуть-чуть, как все испанцы. При добавлении частицы *it* (обилие) получается слово «*majer-it*», обозначающее «источник полных вод». Есть ещё версия. По старо-испанскому «мажерита» – лесная поросль. Считается, что город основал эмир Кордовы Мохаммед I для защиты подступов к Толедо от леонцев и кастильцев.

– Я думала ты индеец.

– Немного атоми. Чуть-чуть итальянец. Но больше баск.

– Баск? Тогда ты знаешь много старых легенд?

– Про Мадрид только одну. Она живет много лет в центре меж тех трех фонтанов – Богу Нептуну, влекомому дельфинами и конями, Богу Аполлону и Богине Кибеле на колеснице. Вон тот, что в центре площади – своеобразное устрашение для воров. Смотри, площадь Сибелес (Кибеллы) сформирована четырьмя зданиями: неоклассическим Банком Испании, дворцом Буэнависта герцогов Альба, особняком маркизов де Линарес и зданием Главного почтового управления. Предание гласит, что под ними множество древних проходов и дренажных систем. И, как только грабители посмеют проникнуть в банк, вода из фонтана уйдёт под землю и затопит хранилище вместе с ними!

– А змеи умеют плавать? – спросила Аля.

– Конечно! В Мексике есть Бог Кецаль-Коатль.

– Змей-бабочка?

– Змей с перьями.

– Я видела его... он над планетой вьётся полярным сиянием.

– Да?

– Конечно! И плавает в млечном молоке космического пути...

– Ты поэтесса?

– Немного. Но больше работаю с прозой.

Наконец, около монастыря de la Encarnación в тени деревьев они заметили скромный памятник своему кумиру. На высоком красиво украшенном постаменте, снабженном надписью «Лопе де Вега от города Мадрида 1902 год» возвышалась фигура самого знаменитого испанского драматурга, который в задумчивости рассматривает сборник своих пьес.

– Ты поняла, как называется монастырь? Де ля Энкарнацион? Ничего не напоминает?

– Реинкарнация от латинского лат. *reincarnatio* – «повторное воплощение»!!!

– Итак, давай поразмыслим и выстроим аналогии прошлого с настоящим, – продолжил ломать голову над главным вопросом Санти, когда они остановились на сиесту неподалёку от монастыря.

– Хорошо. Что мы имеем? – потягивала с наслаждением сок из трубочки Аля.

Ещё раз и ещё они пересказывали друг другу детали жизни Лопе.

В 10 лет Феликс (солнечный) перевёл в стихах «Похищение Прозерпины» Клавдиана! А вот Университет ему закончить не удалось. Благодаря горячему нраву и бойкому перу, он написал сатирическое произведение на родителей возлюбленной девушки, отвергнувшей его. В результате, он был осуждён на 10 лет изгнания из Мадрида. Несмотря на это смелый и дерзкий талантливый юноша возвращается в столицу, чтобы похитить новую даму сердца и тайно жениться на ней.

Не удивительно, что его сценические вещи столь хитроумны и запутанны. Они грустны и веселы одновременно. Порою не поймёшь, трагедия разыгрывается у вас перед глазами, или комедия!

В 1588 году Лопе де Вега принял участие в походе «Непобедимой армады», после поражения которой поселился в Валенсии, где и создал ряд драматических произведений. Лопе де Вега состоял секретарём у герцога Альбы, маркиза Малвика и герцога Лемосского. К этому же периоду относится расцвет его драматического творчества.

В 1609 году Лопе де Вега круто изменил судьбу, получив звание *familiar del Santo oficio de la Inquisición* (добровольного слуги инквизиции), а в 1614-м принял сан священника.

Лопе де Вега один из революционеров в литературе того времени. Перевернув и поставив себе на службу традиции, он не только создаёт новые произведения, но и обыгрывает старые сюжеты, бытующие в народе.

Его пьесы – многоходовки. Его герои – живы и многогранны. Достойные динамичные места занимают слуги. Эти остроумные хитрые бестии с колоритным народным языком, смекалкой и ярко выраженными пороками, смешат публику до слёз, и заставляют восхищаться гением автора.

Влюблённые люди снова и снова восторгались драматургией Лопе де Вега, рассуждали о нём, как об историке отечественном и европейском. Находили тому много свидетельств, к примеру, пьеса о Лжедмитрии «Великий герцог Московский», исторические хроники «Доблестный кордовец Педро Карбонеро», «Последний готский король», «Граф Фернан Гонсалес», «Зубцы стен Торо», «Юность Бернарда дель Карпио», «Незаконный сын Мударра» и др.

Кто не знает его «Собаки на сене» и «Учителя танцев», завоевавших восхищение России, но ведь было много других, ещё более ярких, таких, как «Любовь без правил» «Глупая для других, умная для себя», «Изобретательная влюбленная»... !

В 1932 году муниципалитет Мадрида учредил ежегодную театральную «Премия Лопе де Вега».

– Вернёмся к инквизиции, – заострила Аля разговор. – Santa это ведь святой или священник?

– Можно и так, и так.

– Ясно.

– Ничего не ясно!

– Можно только предположить... ну, как предположение... те странные вещи во сне... стихи и прочее как-то связаны с летающим ящером, то есть змеем, то есть Кецаль-Коатлем и бабочкой...

– Вы о жиронском змее толкуете? – обернулся к ним сосед соседнего столика.

ЛЕГЕНДА О КОКОЙОНЕ, РАССКАЗАННАЯ МИГЕЛЕМ

– Открою вам все тайны Жиронского двора, если конечно угостите холодным пивом! – воскликнул небольшого роста старик и бесцеремонно занял третий стульчик за их столиком. – Старина Мигель кое-что знает о змее и бабочке...

– Конечно, прошу Вас, – кивнул Санти, внимательно изучив незнакомца с ног до головы. Внешне приветливый и развязный он, тем не менее, вызывал смутную тревогу; может, взгляд неуловимо суетлив, и напряжённая улыбка.

Старик не торопился вещать, ждал пива:

– Всё-таки Жирона ближе к Франции. Не знаю даже, чего в ней больше, испанского, еврейского или французского... Нет? Не согласны? Мигель, меня зовут Мигель...

– Я Лопе, а она Вега, – представился в тон Санти. – А где Ваша Жирона? Далеко?

Старик захохотал, оценив шутку.

– Почему это она моя? Может, она боле как раз таки ваша!

Принесли пива. Он втянул в чёрное солнце пасти золотистую пенку:

– Это средневековое графство вы легко отыщите между Барселоной и Фигерасом. Жирона (Херона, Жирундум) живёт себе не одну тысячу лет на территории современной испанской провинции Каталунии. Скажу по секрету, это с-а-а-а-мое загадочное место старой Испании. Ничего такого таинственного вы не прочтёте в официальных источниках! Но! Именно здесь проживают самые богатые люди ми-и-и-и-ра. Именно отсюда снабжённый таинственными ка-а-а-артами, отправился в Америку Колумб! Именно в Жирундум стали доставляться несметные сокровища, о которых не мог мечтать даже Крёз! Именно отсюда уехала на другой материк Статуя Свободы...

– При чём же здесь змей и бабочка? – скептически спросил Санти.

– А при том, что по преданию своим названием город обязан трехголовому чудищу Жерио, пришедшему сюда с юга Испании. Жерио влюбился в местную красавицу по имени Пирене, та сбежала от него в окружающие город леса. Жерио, взбешённый непокорностью красавицы, поджёг лес, и Пирене погибла в огне. Геркулес – легендарный основатель Испании, также влюблённый в Пирене, отомстил за её смерть, убив Жерио, а затем похоронил свою возлюбленную, навалив груды камней на её могилу. Могилка оказалась так велика, что образовались Пиренеи.

Но у дракона Жерио осталось три сына. Они-то и основали в честь отца треугольную крепость на берегу реки Оньяр и назвали её Жирона.

– Треугольная крепость есть только в Германии. Под аббревиатурой «SS» скрывалось «die Schwarze Sonne», «Чёрное солнце». Тайные мистерии, основанные на древних практиках, проводились Гитлером в крепости Вевельсбург, также имеющей треугольную форму, – шепнула Аля Санти.

Помолчала и вслух спросила старика:

– Так что же; потомки Жерио тоже трехголовы?

– Отнюдь, – скрипуче захихикал дедок, опустил голову. – Где вы видите на этой шее три головы? Жирона только на вид похожа на тысячи других средневековых городков!

Он вскинул голову и гордо воскликнул:

– Но это настоящий! Массонский город!

Санти заказал вторую кружку. Старик тут же подобрел:

– В начале нашей эры в Жерундуме, а это истинное название Жироны, поселились первые семьи сефардов – испанских евреев, а затем Жирона стала крупным иудейским центром. Именно здесь возникло учение о Кабале, а сейчас недалеко от переулка, где жил её автор, можно посетить музей сефардов и побывать в еврейском центре культуры.

Мигель, приглушив голос, зашептал, приблизившись к лицам собеседников так, что слышали только лишь они:

– В ночь Святого Жуана на 24 июня, когда из недр земли выходят духи и призраки, в ночном аромате парка можно слышать шёпот и печальные песни. Это загубленные души оплакивают свою печальную участь.

– Ну и что?

– Разве ещё не ясно?

– Нет.

– Почётным животным города считается... муха!

– Муха или бабочка?

– О бабочке потом поговорим. Сейчас о мухе, её же на багажниках машин приклеивают вместе с каталунским осликом! Именно мухи, вылетевшие из гроба Святого Нарциса, помогли защитить город от французских захватчиков! Святой похоронен в одной из церквей старой Жироны, каждую осень пышно отмечают праздники в его честь.

– А змей-бабочка?

– То ж Кокойона!

– И?

– Что и? Умейте же слушать!... Гярсон! Ещё пива, пожалуйста!

Он уморительно сморщил лоб, приблизив его к носу, и в оправдание произнес:

– Жарко...

– Вы о кокойоне хотели рассказать, – напомнил Санти.

– Конечно, я для того и подсел к вашему разговору. Кокойона – гибрид крокодила и бабочки, проплывающий в лунную ночь под мостами реки Оньяр города Жерундум. Легенда гласит, что когда-то на этой реке находился женский монастырь, обитательницы которого, мягко говоря, не очень придерживались правил монашеской жизни. Кроме одной! Единственная молодая монашка, строго следовавшая монастырскому уставу, настолько надоела своими укорами остальным, что те, недолго думая, заточили её в подземелье, где девушка провела несколько лет. От тяжелых условий жизни и сырости, девушка превратилась в водного ящера. Возможно, она также была прямым потомком трехголового дракона Жерио. Но душа её оставалась чистой, поэтому у ящера выросли крылья бабочки. Ящер-бабочка прорыл подземный ход...

– Так-таки и прорыл?

– Д-а-а-а-а, – уверенно растянул Мигель, точно видел всё это собственными глазами. – Он прорыл. Она прорыла, то есть. И выплыла, в смысле выплыл в реку. И теперь особо романтичные жители города и туристы стараются увидеть тень, скользящую по реке в летнюю ночь. Я помог вам?

– Очень! – улыбнулась Аля.

– Ещё пива, и за Жирону я расскажу вам всё: есть здесь и ведьма, пугающая детей, и двуххвостая русалка с роскошными волосами, и хитрый бесёнок, помогающий избавиться от долгов, и шут когда-то героически веселивший жителей в умиравшем от эпидемии городе и за это поплатившимся жизнью. Общепринятая привычка бросать в фонтан монетку, чтобы вернуться, заменена в Жироне своеобразным еврейским ритуалом. Есть в городе поговорка “Кто не поцелует изваяние львицы (леона) под хвостом, не сможет стать гражданином Жироны”. Теперь для желающих побывать здесь ещё раз к задней части львицы подставлена лесенка, а раньше приходилось взбираться на столб...

– Нет-нет, нам уже пора, – засобирались влюблённые, а чтобы не расстраивать собеседника, оставили ему на пиво...

ЛЕГЕНДА О КЕЦАЛЬКОАТЛЕ, РАССКАЗАННАЯ САНТИ

Ночной Мадрид переливался рекламными змеями.

Бабочка-дракон Жироны не давала покоя влюблённым. Повсюду им казалось, что видят её, мерцающую среди кованых решёток.

Свет Кокойоны то пролетал по небу, то проползал под ногами прохожих.

– У нас в Мехико есть старый район Койоакан.

– Кан – город. Койо – ??? Бабочка?

– Койоты. Это луговые волки.

– Летающие ящеры с крыльями?

– Нет. Летающий ящер у нас Кецалькоатль, Quetzalcōātl – «пернатый змей»!

– А это на каком языке? – загорелись глаза у Алевтины.

– Язык науатль. Кецалькоатль – один из главных ацтекских богов и вообще древней Америки, которая была до испанцев. Кецалькоатль считается сыном богини Чимальмы, она зачала Кецалькоатля, проглотив драгоценный камень жад!

– Жад? Опять следы Жерио?

– Нет.

– Но как похоже!

– Да нет же. Послушай. Кецаль – это птица с ярко-изумрудным оперением, которое высоко ценилось у нас в традиционных культурах. К тому же она не просто птица, а ещё и символ свободы.

– Как их кокойона и наша синяя птица?

– У вас нет синих птиц. У нас есть. Кецаль не живёт в неволе.

– А ты живёшь?

– Я не кецаль!

– Разве? Зачем тогда полетел за мною в Мадрид?

– Я тебя полюбил.

– Жён своих не любил?

– Это другое.

– Я правда не до конца знаю, почему изображения Кецалькоатля и смерти находили вместе на пирамиде Солнца...

– «...Там, за двумя перевалами

ударит по рёбрам плеть,

Вся жизнь – лишь дорога

На гору,

с которой смеется смерть...»

– Смерть?

– Вот и я всё думаю, смерть или не смерть...

СГОРЕВШАЯ НА КОСТРЕ ИНКВИЗИЦИИ

Когда влюблённые после насыщенного дня засыпали, срастаясь в объятиях, они даже не вспомнили чудаковатого старика – хранителя Жиронских тайн. А в церкви, где захоронен Лопе, взволнованный дневной встречей с молодыми людьми, горячо каялся монах Мигель:

– De profundis clamavi ad te, Domine! (лат.) Из глубины взываю к тебе, о! Господи!

Прости, согрешил с лишнею кружкой пива! Снизощёл до попрошайничества, не вынес засухи живота!

Прости меня, Господи, ведь я Та!

Сгоревшая на костре инквизиции! Невинная жертва!

Та, что была убита за чей-то грех, задыхающаяся от несправедливости, ... повинною я была в проклятии великого Лопе!

... В те тёмные времена инквизиция под знаменами святой церкви свирепствовала на Пиренеях. Лопе де Вега на склоне жизни поступил на службу инквизиции, приняв на себя этот крест. Поэтому был вынужден участвовать в проводимых церковью казнях. Не все жертвы были виновны. Одна из

них на смертном одре воззвала к Господу, свершив тем самым великий христианский грех проклятья. А проклянувший и проклятый – один грех...

– Прости меня, Господи, ведь я Та!

Сгоревшая на костре инквизиции! Из-за меня ушедший в мир иной Лопе де Вега был рассечён мечом архангела Света на четыре части.

Первая – обернулась электрической молнией в тело змея, вторая – упорхнула бабочкой. Третья – стала талантливой женщиной, четвёртая – серьёзным мужчиной, учёным, политиком, философом.

Ветер солнечный сдул эти четыре пылинки с горизонта жизни, и отправились скитальцы по свету.

Прокляла я его. Прокляла!

Теперь проклятый и проклянувший в обоюдных мучениях отмеряют пятый век, собираясь и распадаясь снова. Пока не простишь ты нас, Господи!

Не было, нет, и не будет нам покоя. И нет смысла в существовании.

Лишь тоска разъедает грудь.

Лишь душу разрывает притяжение.

Но кто бы на земле мог понять и предугадать последствия за сие четвертование – расчленение его души, чтобы бабочка, чтобы дракон, чтобы лёд и пламень, чтобы белая роза и чёрный кактус?

Прими молитву мою о прощении.

Вижу, время их встречи, продолжительностью в жизнь бабочки, вновь истекает. Дай им силы разорвать объятия и умереть в последний раз!

Прости меня!

Амэн.

ВСЁ О ДРАКОНАХ И БАБОЧКАХ

– Почему ты всё время смотришь на меня? Разве не интересен тебе Мадрид?

– Столица, как столица...

– Давай купим вон то платье? Будешь ходить по Москве ярким цветком бугенвиллии...

– Зачем тратить время? Лучше побудем последний день вместе.

Санти чувствовал то же, что и она. И всё-таки настаивал:

– Взгляни же на фасады. Какая архитектура! Ты никогда не увидишь такой красоты!

– ... тысячу раз! – чуть не плача возражала Аля, понимая, что не ощутить большего тепла, чем от яркого света глаз Сантьяго.

– ...мы знали...

А в постели снова и снова спрашивал он у неба. Почему женщина, что данная как эталон, почему она должна улететь на Восток, а он – на Запад?

Будто он вернул способность видеть её ауру, похожую на кокон бабочки.

Физическое тело этой радужной, видимой в ночи ауры менялось. Оно то вырастало, красиво распахиваясь, то собирало крылья яркими перьями у лица.

Когда Аля стонала под напором его змея, превращающегося в цветок, энергетические крылья рук приобретали форму гигантских крыльев бабочки.

Солнечные эти бабочки, рождающие одна из другой, как матрёшки или египетские саркофаги, купались свободно в неразбавленном молоке любви. Пили тёплый нектар млечного пути. Вечного пути...

И энергия этих чувств передавалась его рукам и ногам. Он заразился ими, покрываясь радужным светом, рождающимся из белого света её души. Он ощущал себя именно этим световым стержнем в ней, выходящим из себя... выходящим из неё... обвивающимся зелёными волнами энергий полярных сияний вокруг планеты...

А на дивной её шелковой коже – возможно ли это понять? – на коже проявлялось новым сознанием зелёно-золотая, или нет, скорее изумрудно-огненная змеинная чешуя...!!!

Бабочки отражались друг в друге, сотрясаясь в едином порыве. Кровать, резонируя от вибраций, перемещалась к зеркалу, возвращалась обратно...

Соседи снизу лихорадочно курили. А идеальный баланс всех двойственностей жизни, расчленённый вчетверо крест-на крест, показывал, что он на самом деле являлся теперь единым неделимым. Целым.

Духовная Сущность Креста, Свободы и Бога, что люди называют Душою, пульсировала на ресницах: задумав – взлетала, раздумав – приземлялась обратно в тела мужчины и женщины, любующихся с закрытыми глазами друг другом – образу и подобию своему.

Солнечные частоты энергий выбивались в окна, слепили рекламы Мадрида. Заставляли прохожих останавливаться с замиранием сердца в необъяснимом эффекте трансформаций пересекающихся времён.

Независимо от светового диапазона, всё, к чему прикасалась эта солнечная гармония любви, становилось изнутри белым и радужно-прозрачным.

Утром завершающего дня, небесное светило выпустило лучи с площади Ворот Солнца Пуэрта-дель-Соль. И от солнечной короны по всему миру устремились потоки умиротворённого счастья.

– Я ЗНАЮ ВСЁ О ДРАКОНАХ! – засыпала утром Аля.

– Я ЗНАЮ ВСЁ О БАБОЧКАХ! – засыпал Санти.

Звучание чистой ноты пробуждения обретших смысл жизни пары счастливых, в центре диссоциирующих звуков бытия, отозвалось камертоном ожидания и надежды во всех сердцах планеты.

«Ты ещё не знаешь, что такое истинное счастье!» – увлекла дразнящая эта нота. «Ты рожден лишь для того, чтобы познать однажды её сладость».

Они умирали от любви.

Распыление звука утекало по солнечным лучам, как выдох таявших крыльев волшебной ночи.

РАССТАВАНИЕ

– ...не провожай меня, – попросил Санти. – Прощаемся на углу, где такси...

– Хорошо.

Они оделись, не глядя друг на друга, точно стыдясь перед увиденным ночью змеем-бабочкой, что ничего не могут изменить, даже ради чуда, свидетелем которому стали оба.

Алевтина не мыслила себя без Москвы, без аспирантуры и без бабы Марфы. Без смешной клички Антресолька...

Сантьяго не мог оставить тех, кто растил наследников его мудрости.

Расставание было неизбежно.

Чёрные, как смоль, его опущенные в пол ресницы. Что прячет взгляд?

Почему именно ЭТО остро ударило в сознание женщины непреодолимой безутешностью? Электрическим разрядом без проводов? Зелёною молнией оголённого чувства? Чтобы никто – НИКТО, даже ОНА – не могла считать информацию горя с его дрогнувших ресниц?!!

Кофе сварили сами. Но не прикоснулись от волнения. Не пригубили и капли.

Из её руки выпал и разлетелся вдребезги стакан.

– К счастью, – удивилась она.

У него почему-то лопнул экран мобильного телефона... в его чреве на целых пять дней были захоронены и отключены от новой жизни номера женщин, ожидающих действия сети...

Она подумала о новой пьесе.

Он – о новой статье...

Пара шла по ровным плиточкам улицы Аточе.

Сколько осталось? Пятнадцать минут? Десять? Пять? Четыре?

– Всё. Здесь, – сказал он. Непонятно зачем, он торопил время, чтобы закончить урок.

– Здесь? – переспросила Антресолька.

– Да.

Последнее отлучение тел походило больше на насильственный разрыв мощных стальных магнитов. Мужчина пошёл, не оглядываясь.

Женщина, забыв как дышать, смотрела вслед, пока не смолкли за поворотом звуки неуклюжих чехоманных колесиков.

Да. В ней росла вселенная, разбуженная чьим-то стуком, запущенная стучать в ответ соучастием. Сопричастием. Причастием. При счастии. При беде. При чувстве. Как вибрация Морзянки... тук-тук. Точка тире. Точка. Спасите наши души! SOS – стучало созвездие. А, может галактика, не услышанная никем, кроме неё... Может, она – единственный проводник? Параметр???, характеризующий свойства всей электрической установки пространства и времени? Переговаривающиеся, перестукивающиеся, замкнутые друг на друга миры, её и космоса содрогались почти одновременно. Способные связывать один атом? Что это: атом? Что это – электричество? Валентность? Одновалентность? Одночувствие? Как Ом – великий и непогрешимый – создал закон об электричестве, так и не поняв, что такое любовь? Где она? Почему не все сердца способны воспринимать гравитацию переживаний Бездны? А только понимающие музыку сфер? Почему для одних «закон писан», для других нет???... Может, это и не закон вовсе? А исключение?

Она всё ещё стояла на том месте, где произошло затмение души. Сжавшись, как от крапивных ударов бабки Марфы.

Стемнело. Показалось, глаза ослепли... от слёз. «Я выдержу, – шептала Антресолька. – Не выдохну его вздох. Сберегу в своем сердце. Не сломаюсь».

Она... усилием воли старалась запустить остановившееся сердце снова.

Он...

Он чувствовал то же самое.

ЗВЕЗДНАЯ БЕСКОНЕЧНОСТЬ

Между Большой и Малой медведицей – созвездие дракона, ожившее всеми звёздами, зашевелилось, запереливалось чешуёю всех входящих в него невидимых далеких звёзд. Хвостом ударило по млечному пути вселенского моря, взбивая его в масло. На землю брызгами полетели падающие звёзды, всколыхнув на бумаге неиссякаемый речной поток синих чернил!

Дивились люди, загадывали желания.

Они не исполнялись...

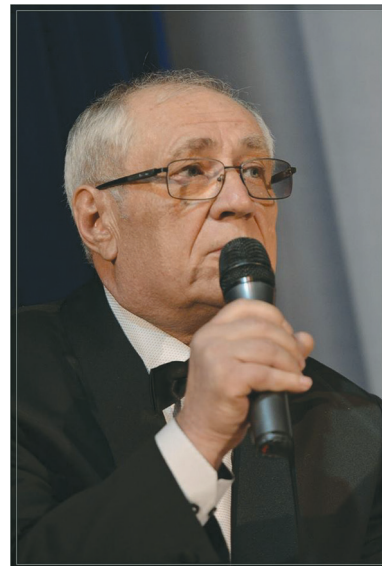

Поэзия

Владимир Тыцких

Редакция журнала «Берега», поклонники и читатели поздравляют Вас, Владимир Михайлович, с 70-летием! Неиссякаемого светлого вдохновения, радости творческого воплощения Ваших животворных идей, крепкого здоровья и великолепного самочувствия!

Тыцких Владимир Михайлович родился в 1949 году в Лениногорске Восточно-Казахстанской области. Окончил Усть-Каменогорское медицинское училище, Высшее военно-морское политическое училище в Киеве, курсы военных журналистов во Львове. Служил на Балтийском и Тихоокеанском флотах на надводных кораблях и подводных лодках. Автор более 30 книг прозы, поэзии, публицистики, литературной критики. Удостоен литературных премий и почетных званий в Москве, Хабаровске, Владивостоке, Нью-Йорке. Исполнительный директор Приморского краевого отделения Русского географического общества – Общества изучения Амурского края. Заслуженный работник культуры России. Живет во Владивостоке.

* * *

Толком даже названий не знаю,
Но зачем-то опять и опять
Звёзды в стынущем небе считаю
И никак не могу сосчитать.

Этой хватит для вечного света,
А другая, сверкнув в высоте,
Упадёт на глазах моих в Лету –
Разойдутся круги по воде.

Оглядишься – картина простая:
Слева церковь, а справа погост...
Мне судьбу, как букварик, читает
Ночь в мерцанье задумчивых звёзд.

Он такой у меня бездорожный,
И былой, и оставшийся путь...
Всё другое на свете возможно –
В эту ночь невозможно уснуть.

Мать честная! Как сладко и горько
Пролетает сквозь нас, мимо нас
Миг, который закончился только,
И который начнётся сейчас!

Он как будто нечаянно создан
Тьмой и лёгким ночным сквозняком.
Как далёки, как трепетны звёзды!
Как молчат неизвестно о ком!

БАЛЛАДА О БЕДАХ И РАДОСТЯХ

Случится, что радость далече,
А горе – у самых ворот.
Да, время, наверное, лечит,
Но больно уж долго идёт.

Расстанемся с братом и сыном,
Предательских слёз не пролив;
С соседом и другом старинным
Простимся, обид не простив.

Простимся, но рядом и вместе
Сойдёмся под смертным огнём,
А, выжив, забытую песню
Опять после боя споём.

За Припять отхлынем, на Волгу,
Но отчей земли не сдадим,
И празднично пушки умолкнут,
Когда мы врага победим.

Да, время, конечно же, лечит,
Когда, свои беды храня,
Друг боль твою примет на плечи,
И хлебом накормит земля;

Когда непроглядные тучи
Отступят с заветных высот,
И всё, что нас ранит и мучит,
Прозрачной водой унесёт.

И места не будет обиде,
И даль распахнётся, чиста,
И мы, как впервые, увидим,
Какая кругом лепота!

Какие красивые люди!
Какая вокруг благодать!..
И мы свои беды забудем.
И беды вернутся опять.

* * *

Вот приехал на родину... Странно –
Мне теперь заграница она.
Я на этой земле окаянной
Веселее знавал времена.

Мне казалось, что здесь я – навеки,
Но гляжу – вроде всё, как всегда:
Вспять ещё не повернуты реки,
Да текут неизвестно куда.

Вот – сплошные канавы да ямы
По пути на убогий погост,
Где под глинистым холмиком мама
Отдыхает от пролитых слёз.

Вот – за серой оградой кладбища,
Как последний солдат на посту,
Появляется сумрачный нищий
И бредёт от звезды ко кресту.

И, готовый упасть и заплакать,
Средь заброшенных русских могил
Прохожу я, весьма косолапя,
Как отец мой нетрезвый ходил.

В кои веки приехал дней на пять –
Погощу в загранице моей.
Я бы тоже, наверное, запил,
Но боюсь сделать маме больней.

Ветер листья срывает сухие
С тополей у печальной скамьи.
Подождите, друзья дорогие.
Не спешите, братишки мои.

В небе тучи предзимние дремлют,
И недолго осталось смотреть,
Как прощально на бедную землю
Сыплет осень последнюю медь.

Ветер крыльями времени машет.
Кто там знает – вдруг нас как-нибудь
Соберётся Отечество наше
Медным звоном листвы помянуть.

* * *

Алтайским солнцем грелось лето.
Репейник млел в тени оград.
И дух зелёного ранета
Вдыхал, хмелея, мамин сад.

Повита вечной муравою,
Песочком времени шурша,
За сонной дачною межою
Текла тропа до Иртыша.

Там небо на волнах качалось,
И у прибрежных камышей
В прозрачной заводи купалась
Моя улыбка до ушей.

А на яру за черноталом
Под сводом старых тополей
Звенел любимый голос мамы,
Досмертной радости моей.

То лето где-то затерялось,
Но стало в памяти слышной,
Как мама весело смеялась,
Как я смеялся вместе с ней.

И делом оставалось малым –
Смириться с правдою простой,
Что смех печальным был у мамы,
Что есть на свете смех такой.

У незнакомцев чужедальных
И у соседей за стеной
Я буду слышать смех печальный,
И мне он станет, как родной.

Зато откроется едва ли
Сквозь расстоянья и года,
С чего нигде смешной печали
Я не увижу никогда.

* * *

Беспутье. Бездолье. Забвенье.
Свет памяти нашей угас.
Родные великие тени,
И те отвернулись от нас.

Кобзарь на излучке аральской
О вольной семье не поёт.
Готовясь в поход, Пржевальский
В ОВИР документы сдаёт.

А Гоголь с улыбкою странной
Ложится в раскопанный склеп,
И царский мундир Валиханов
Швыряет в кайсацкую степь.

Аулами стали станицы.
По землям, державным допрежь,
Славутич течёт в загранице,
Яик убежал за рубеж.

О, Красное Солнышко, где ты?
За тем ли, вольны и дружны,
Мы были в заветное лето
Тобою к Днепру сведены?

Как долго в молчанье невольном
Христовые церкви стоят
И ждут звонарей колокольни,
Готовы ударить в набат.

* * *

В окне июнь. Паслён ещё зелёный.
Отец во снах воюет на войне...
Там жизнь и время шли не по айфону.
Там ходики стучали на стене.

В том далеке – чем дальше, тем светлее –
Легко вставала ранняя заря...
В окне июль. Ещё шиповник спеет.
А вот душа – в кануне ноября.

Ни просьб, ни ожиданий, ни желаний.
Звонков ни от кого и никому.
А за окном косые тени зданий
Вечернюю сгущают полутьму.

А привозная прима в «Мариинке»
Торопится дотанцевать Кармен.
А мир устал от перемен великих,
Но снова ждёт великих перемен.

И всё куда-то движется незримо.
И все туда спешат и не спешат.
И всё понятно, но необъяснимо,
Чем сможет успокоиться душа.

А город за окном шумит привычно,
Открыт для всех родных и не родных.
И всё неповторимо, но обычно
В делах людских и судьбах мировых.

И жизнь идёт и что-то обещает,
Хоть никаких гарантий не даёт.
И кажется, что вечер нескончаем.
Но это заблуждение пройдёт.

И вспомнится далёкий от печали
Отцовский дом в рассветной тишине,
Когда казалось: всё ещё в начале,
А ходики стучали на стене.

* * *

Здесь ли июнь травы мягкие нежил?
Тонет в снегу колея.
Солнцем забыт, небесами отвержен,
Вьюжным просёлком, тоской непроезжей
Тянется путь февраля.

Зимняя непогодь, будь ты неладна!
Холод, пурга, снеголет...
Полноте, так ли зима безотраднa?
Что там, на дикой лозе виноградной,
Птичка-синичка поёт?

А не поёт – запоёт, коль дождётся
После смурной кутерьмы
В соснах хрустально-морозного звонца
И возвращенья знакомого солнца
В небо притихшей зимы.

А запоёт – и сосед, и соседка
Дружно подхватят, и вот:
В заячий хвостик прицелившись метко,
Мягкий снежок с покачнувшейся ветки
В тёплый сугроб упадёт.

Тот-то от страха взовьётся зайчишка
И по кустам сиганёт!

И, пропадая, уже не услышит,
Что там вдогонку всё тише и тише
Птичка-синичка поёт...

ЭТЮД

Закат горел над морем вполнакала,
Полсолнца отпустив за горизонт,
На опустевших пляжах и причалах
Закончив отопительный сезон.

Прижались к суше скалы-истуканы,
Сбежала осень к придорожным рвам,
И разлетелись нехотя бакланы
По дальним и не дальним островам.

Вода текла, и коромысло гнулось,
И А и Б сидели на трубе,
И время так томительно тянулось,
Как будто позабыло о себе.

А мудрый ворон в роще полусонной,
Ссутулившись, глядел издалека,
Как зябко на ветру дрожали волны,
Как холодно дымились облака.

И с давней грустью думал ворон старый –
Ему проникнуть в тайну не дано:
Зачем остатком летнего загара
Художник разукрасил полотно?

* * *

И хорошо бы вновь вернуться,
Да и большого горя нет
В том, что дороги не сойдутся
Со всем, на чём сошёлся свет,

С чем в добрых, но иных пределах
Сквозь расстоянья и года
Душа и плакала, и пела,
Не разлучаясь никогда.

Не видно берега родного,
Но снова, как трава весной,
Из памяти живей живого
Он вырастает предо мной.

Мой тихий сад, уют мой давний
В лучах проснувшегося дня –
На окнах растворяет ставни
Мой свет, сторонюшка моя.

Сейчас весёлая кибитка
Подкатит, полная родни,
И скрипнет старая калитка –
Ты только руку протяни.

И зашумит волна речная
О том, как берег мой живёт,
Чьих возвращений ожидает,
Кого уже давно не ждёт.

И песни вольные польются
Опять по саду моему...
И хорошо бы вновь вернуться,
Да что там делать одному,

Когда лишь тоненькою ниткой
Подшита память узелком:
Поёт мой дом, скрипит калитка,
Стоит кибитка под окном.

Геннадий Рязанцев

Геннадий Рязанцев-Седогин – поэт, прозаик, эссеист. Член Союза писателей России. Автор десяти книг поэзии и прозы. Лауреат Всероссийской литературной премии имени Святого благоверного князя Александра Невского. Лауреат литературных премий имени Ивана Бунина, Ярослава Смелякова, Алексея Липецкого, Евгения Замятина и других. Награждён большой серебряной медалью имени Николая Гумилева

ОБЛАКА

Плывут, плывут по небу облака,
Скитальцы в бесприютной сини.
Земля моя просторна, широка,
Со вкусом горькой и сухой полыни.

Плывут, плывут без усталы вперёд,
Как караваны в небе кочевые.
Им вслед глядит с улыбкой мой народ,
Да знаки по дорогам верстовые.

Куда плывут не скажут никогда.
Но было так и в древности и ныне.
Так безучастны, коль придёт беда,
Так веселы, коль нет беды в помине.

То встретится забытое село,
То храм людьми покинутый, старинный,
Он сохранен под ангельским крылом,
То серые и голые овины.

Душа жива и трепетна пока,
В раздумье полнится и грустью, и печалью...
Не исчезая за незримой далью,
Плывут, плывут по небу облака...

ГРОЗОВОЕ ВРЕМЯ

Темнело небо. Близилась гроза.
Сверкало в поле серебристой ртутью.
И я впивался в мрак во все глаза,
С таинственной и первородной жутью.

И словно полоснуло по глазам,
Я сквозь года услышал голос тётки.
Гони цыплят в сарай и к образам,
Зажги лампаду, приготовь мне чётки.

Её монашкой звали на селе,
Она в роду одна была девица.
Цыплята подлетали на метле,
Тревогою светились наши лица.

Уже сверкало в боковом окне,
И тётка становилась на колени,
И жестами показывала мне,
От рук её ходили в доме тени...

Тот час очнулись сонные глаза,
Сгущалась тьма по небу грозовому.
Опять меня, как встарь, гнала гроза,
В священном страхе к дорогому дому.

ПОЭТ

Ну что же ты, поэт,
среди людского шума
Молчишь,
иль убегаешь прочь?
Занозой залегла
в душе угрюмой дума,
И мучит, и томит
Тебя всю ночь?
Где ж рифм твоих
простое постоянство,

Людскому шуму
Благостный ответ?
Где суете мирской
Души твоей убранство?
Иль растерял ты
Богом данный свет?

Молчишь,
закрывшись в доме тёмном,
И думаешь,
что всё уходит прочь,
Что в этом мире,
в сущности бездомным,
Ты прожил жизнь,
И больше жить
невмочь.
Один, один
в чужом закрытом доме,
И друга нет,
Никто не стукнет в дверь.
Стоишь в слезах
в распахнутом проёме...
Как в клетке одинокий,
зверь.

ПРИЗРАКИ УШЕДШЕГО

В этой деревне над чёрною пашнею,
Думать об этом невмочь,
Ночью глухую, беззвёздную, страшную,
Ходит боярская дочь.

С думой о бабушке, с думой о Родине.
Ходит и бродит века.
У берегов земля плодороднее.
Да и река глубока.

Дивная странница, душам приказчица,
Думы мои сбереги.
Жизнь моя катится, под гору катится,
Страшно, не видно ни зги.

Хватит, довольно земле припорошенной,
Песни печальные петь.
Белое платье украсят горошины,
Будет приятно смотреть.

ЛЕТНЯЯ НОЧЬ

Душная летняя ночь.
С лугов не приходит прохлада.
И с листьев дремотного сада,
Свет лунный уносится прочь.

Тоска от бегущих огней,
Томит и волнует мне душу,
И в сумраке прожитых дней,
Как ночью, тревожно и душно.

Опустится холод с небес,
На низкую тёплую траву.
Туманом укроется лес,
И речка у переправы.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ДОЛЯ

Яркой зеленью рощи украшены,
Синий свет так и льётся с небес,
Лишь поля нищетою погашены,
Наливается соками лес.

Вспашут землю, и выдохнет поле,
Утром паром зайдётся туман.
Кто мне скажет: крестьянская доля –
Нищета, да пустой карман.

Кто мне скажет, что счастье земное –
Это сытость, да барская лень.
Счастлив тот, кто не знает покоя,
Кто в трудах и молитвах весь день.

Кто себя для других забывает,
Кто спешит к тебе ночью и днём.
На совет, «отдохни», отвечает,
Вот умрем – и тогда отдохнём.

ВОСПОМИНАНИЕ

Зимой сидели в доме старом,
В кругу оставшейся родни.
Вдруг в дверь мороз ворвался с паром,
И вспомнились былые дни.

И вспомнилось в далеком детстве,
Избы натопленной уют,
Животные в родном соседстве
Гербарий собранный жуют.

Вставал над дверью иней белый.
Тогда отец студил избу.
Входила поступью несмелой,
Показывая худобу,
Кобыла наша.

Пригибаясь,
Светились темные глаза,

На морде струйкою качаясь,
Текла согретая слеза.

Зима стояла у порога,
А лошадь фыркала в избе.
Впервые я увидел Бога,
В той лошадиной худобе.

ДЕТСТВО

Всё позади:
И детство, и любовь.
Нет чувств живых,
Волнующих и новых,
Но память
Возвращает вновь и вновь
В приют туманных дней
Счастливых и суровых.

Я счастлив был,
Как радостный цветок.
Тем, что он жил
на этом белом свете.
Тянулся головой
За солнцем на восток,
Как все живое
На моей планете.

Я смутно помню
Матери глаза.
Усталую,
Но светлую улыбку.
И помню
Как летела стрекоза
И на ладонь мне села
По ошибке.

Я смутно помню
Старое крыльцо,
Приезд отца
Внезапный из района,
Его колючее,
Небритое лицо,
И сумку чёрную
В руках у почтальона.

Я помню девочку
И смоляной барак,
И мерный скрип
Раздолбанных качелей.
И я сидел часами,
Как дурак,
Смотрел, смотрел

Из-за зелёных
Елей.

Качается или сидит
Она,
Укрывшись на качелях
Старой шалью.
А ночью я дежурил у окна,
Завешанного тюлем,
Как вуалью...

Всё позади:
И детство, и любовь.
Нет чувств живых,
Волнующих и новых.
Но память возвращает
Вновь и вновь
В приют туманных дней
Счастливых и суровых.

ПЕЧАЛЬ ЗЕМЛИ

Иду дорогой от деревни,
По обе стороны поля,
И никого на тракте древнем,
Как будто вымерла земля.

Взываю к небесам дремотным,
Печальным, грустным небесам,
Внимаю звукам мимолётным,
И приглушённым голосам.

И сердце закипает грустью,
От невесёлых наших мест,
Моё родное захолустье,
Здесь счастье грезилось окрест.

Бывало, тянется подвода,
Пылит дорога, ось скрипит.
День жаркий или непогода,
Работа на полях кипит.

И слышны песни баб весёлых,
Мелькают белые платки.
По вечерам в соседних сёлах,
В гармонь играют мужики.

Иду по тракту, грусти полный,
Как встарь волнуются поля.
И эти солнечные волны,
Печаль моей души, земля.

ТЕПЛО.

Как будто не было снегов.
Смотри, уж роща зеленеет.
Ещё от влажных берегов,
Туман едва заметный веет.

Палящим солнцем облита,
Земля летит теплу навстречу,
И греет душу человечью,
Как плоть травинки и листа.

Стою во мгле ночного сада,
И слышу в сумраке немом:
Земля питает родником,
Кривые ветви винограда.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Каким-то странным неземным покоем,
Упрямо веет над моей деревней.
Стоит церквушка ветхая, в лесах,

А над землёй моей святой и древней,
Летают самолеты с гулким воем,
Кресты рисуя в синих небесах.

Всё небо синее крестами закрестили,
И стало мне опять не по себе,
Просить, просить в неистовой мольбе,
Чтобы страну мою из плена отпустили.

Но понял я, что это не случайно;
И неземной покой и шум моих берёз,
И ветер, что летит над вековой тайной,
Исполненный предчувствия и слез...

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

Спрыгну с поезда – гравий серый,
Под ногами хрустит словно лёд.
Полустанок осиротелый,
Где меня уж никто не ждёт.

Провожу машиниста взглядом,
Отвернусь и пойду в поля,
Никого в целом мире рядом,
Лишь родная моя земля.

Только эти родные берёзы.
Как шумите вы в небесах!
Душу стылую лечат слёзы,
Заблужусь в окрестных лесах.

Знаю, завтра разбудят рано.
Сяду в поезд, уткнусь в окно.
Просияет восход багряный,
На заросшее наше гумно.

Никому не отдам на свете,
Я печали своей вовек,
Мне родные и небо, и ветер,
И последний в селе человек.

Поэзия

Владимир Стрижов

Родился в Ленинграде в 1954 году. Вырос в городе Зеленоградск Калининградской области. Окончил физико-математический факультет Калининградского государственного университета.

Рассматривает написание стихов как хобби, периодически возникающую потребность. Круг интересов, кроме искусства – Мироздание и Человек. Четыре главных вопроса: Что? Как? Почему? и, главное, Зачем?!

* * *

Когда расправляются Ангела крылья,
И трубы Небес начинают звучать,
Покрытый земной ежедневности пылью,
Я, вдруг, вспоминаю, что надо сверкать.

Почистить давно не блестящие мысли,
Зажечь Откровения пламенем взор,
Наполнить события Жизнью и Смыслом
И с Богом продолжить вести разговор.

* * *

В Бытие есть лишь две неприятности,
Что порочным и делает круг.
Это, как бы, две «противостатности»:
Тот – кто мыслит. И всё – что вокруг.

В жизни тоже есть два лишь несчастья
Из всего, что с тобой может быть:
Это – не получить своё «счастье»,
И, напротив – сполна получить.

* * *

Иди вперёд.

А то, что следом, сзади,
Тебе уже не нравится давно.
Там нет того,

чего бы скуки ради
Опять смотреть постылое кино.

Там всё помногу

раз уже случилось.

Сюжет исполнен. Сорваны цветы
В полях событий сердцу прежде милых.
Там было всё.

Но только был ли Ты?!

В своём лесу –

Нехоженом и диком,
Где Зверь прекрасный терпеливо ждёт,
Когда, меня с каждой жизнью лики,
Ты не закончишь этот Хоровод.

* * *

Где-то там, в белоснежной печали
За порогом мирской суеты,
Где мы все ещё молодо ждали,
Где была ещё первая Ты;

Там над первой из детства дорогой
Ещё первая пыль не стоит,
И твоя до сих пор недотрога
Уже стала «дотрогой» быть;

Где-то там, где ещё всё быть может,
Вместе чувство, желание, мысль,
И за тем, что вокруг происходит,
Есть всегда хоть какой-нибудь смысл;

Где-то там в этом призрачном «Было»
Всё осталось, как будто бы «Есть»:
Чашка кофе ещё не остыла,
И на жизнь ещё можно успеть.

* * *

Она давно в него вошла.
С тех пор никак не хочет выйти.
И расцвела цветами зла,
Вплетая всюду свои нити.

Он был влюблён. Но, не совсем –
Инстинкт отца, сердечность брата ...
А снежный ком её проблем
Катился с крыши безвозвратно.

Всё ближе край. Земная твердь
Внизу не встретит хлебом с солью.
Свиданье с нею дарит смерть
Или калечит очень больно.

Пока же взгляд свой оторвать
От высоты она не может.
Но станет он её спасать -
Она не ведает. Он – тоже.

И смех над «пропастью во ржи»
Звенит натянутой бравадой,
Где оба прячутся во лжи
От ставшей очевидной правды.

* * *

Не рви мне сердце песнею тоскливой
Во мне и так тоски полным-полно.
И заплетает кто-то в косы гриву
Души моей уже давным-давно.

Её свобода разных состояний
Одним узором запечатлена.
И крепче узел стянутый не станет,
Как вкус с годами старого вина.

Далёкий ветер кружит эту осень.
А с ним и я кружу свой хоровод.
Здесь ни о чём уже никто не спросит,
И никуда уже не позовёт.

Лишь чьи-то руки бережно впускают
В пределы ночи неземные сны
О том, о чём ещё никто не знает.
О чём, быть может, все узнаем мы.

* * *

Проходит всё.
И как мы ни лелеем
В душе бывшего призрачную тень,
Бродить по старым памяти аллеям
Уже не так пронзительно.

И день
Не длится, как дарованное нечто.
Неслышно рядом старость или лень.
И, то ли ближе,
то ли дальше –
Вечность.

* * *

Едва лишь утра лёгкий ветер
Качнёт туман небытия,
И света тень лишь обозначит
Черты реальности прозрачной –
Я всякий раз готовлюсь к встрече,
И ждут неожиданного глаза,
И полно сердце зябкой дрожью,
Как и предчувствием душа.

* * *

Ты можешь думать, что постиг
Все тайны Бытия.
Что Вечность – то же, что и миг,
Ты – то же, что и я.

Что точка так же велика,
Как и Вселенной круг.
Богач – беднее бедняка,
А враг – твой лучший друг.

Ты можешь верить, что всему
Есть мера, как и суд.
И беды наши потому
Когда-нибудь пройдут.

Ты можешь знать, что суета
Ужаснее, чем смерть.
И что невинные слова
Коллеблют мира твердь.

Ты можешь жить и дальше петь
Все песни, что сложил.
И в этом даже преуспеть,
Не надорвав всех сил.

Но ты не сможешь, не трудись,
Вместить всё в свой предел.
И над тобой – всё та же Высь,
Куда ты так хотел.

* * *

Как мягко вечер летний угасает
В саду багряном, за которым – ночь.
И солнца диск лениво исчезает
За край земли.

А вслед уходят прочь
Вся суета дневная и заботы,
Что теребят нас без толку весь день.
Без всяких глупых – кто ты? что ты?

И, Бог избави, главное – зачем?!
 Но что расскажет ум, от дел уставший,
 Своей душе в минуты тишины,
 Когда, на время с телом попрощавшись,
 Она уходит где-то видеть сны.

* * *

Не заметен час рассвета.
 Но приходит срок,
 И, доселе спавший где-то,
 Теплится восток.

Не заметен час разлуки –
 Так привычны дни.
 Мелкий шелест тихой скуки
 Гасит все огни.

Но тебя я выбираю –
 Не сгорать с тобой.
 Для костра нужна другая.
 Для огня – другой.

Взглядом долгим смотришь мимо
 Прочей суеты,
 Где почти непоправимо
 Пропадаешь ты.

Ясных линий лик спокоен
 С Богом в глубине –
 Одинокий в поле воин
 Без щита в руке.

* * *

В моей любви проснулась осень...
 Богатством красок «бабье лето»
 Ещё украсит лик любимой,
 Весенним мною днём воспетой.

Ещё хранят тепло желаний
 И наши дни, и наши ночи.
 И нам пока ещё не странно,
 Что ночь – длиннее, день – короче.

Ещё уста, глаза и руки
 Любви своей найдут награду.
 Ещё не слышен голос скуки.
 Лишь сердце внемлет листопаду.

Но, знаю я, наступит время, –
 Оденет утро иней первый,
 И чистый снег былых мгновений
 Падёт на землю в час вечерний.

* * *

Зачем приходят эти дни и ночи?
 Куда уходят, здесь оставив след,
 Пера событий?
 Чей нелёгкий почерк
 Мне так знаком по долгой книге лет.

Её читать.
 Не знать конца и верить,
 Что он далёк – в руках лишь первый том.
 И открывать страницы, словно двери
 В свой всякий раз меняющийся дом.

Когда – как зритель.
 Чаще – как участник
 С несочинённой ролью и судьбой,
 Чтоб иногда в руках незримой власти
 Гореть не мной зажжённой свечой.

* * *

Да будет Свет! И нет в нём тьмы.
 Свет истинный и чистый,
 В котором все мы рождены
 Божественною мыслью.

И да придёт на Царство вновь
 К своим сынам заблудшим
 Давно забытая Любовь
 В пустующие души.

Да станет Разум во главе
 Ума, эмоций, воли!
 Тогда не будет на Земле
 Страдания и боли.

Да сокрушатся Правдой ложь,
 Всех паразитов орды.
 Так отсекает нечисть нож –
 Безжалостно и твёрдо.

За ложью следом страх и смерть
 Уйдут, как наважденье.
 И прекратится круговерть
 Сансары воплощений.

Свобода Выбора вернёт
 Свою Осведомлённость.
 И каждый снова обретёт
 Покой и Просветлённость.

* * *

Смотри, как всё стремится к Свету!
Как даже ночь – и та светла,
Когда кончаются рассветом
Её молитвы и дела.

Смотри, как всё стремится к Богу!
Как даже самый падший здесь –
Пред Ним лишь ставший на дорогу
Подняться снова и расцвести.

Смотри, как всё вокруг прекрасно,
Пока не служит суете!
И день, прожитый не напрасно.
И миг, застывший в красоте.

* * *

Вот и всё... Ночь оплавил свечи,
И в бокалах звенит пустота.
Одиночества утренний ветер
Холодит как прицел у виска.

А за дверь от всех сожалений
Сквозь обиды, досаду и пыль
Вдаль уходит дорога. И время
Пишет сказки на прошлую быль.

* * *

Всему причина есть.
И часто с полуслова
Приходит отчуждение в сердца,
Когда безумства прежние готовы
Мы счесть лишь глупостью.
И зеркало лица
Стекланным взглядом смотрит мертвеца.

Что быта фальшь в житейском переплёт
Сюжет знакомый высушит до дна,
Мы знали прежде.

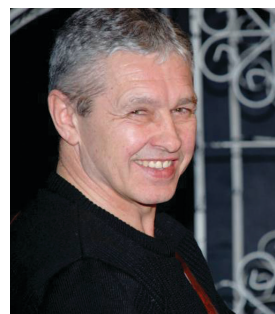
Верили, напротив,
В свою игру.
И грелись у костра,
Сжигая сад у нашего окна.

Поэзия

Вадим Новожилов

Вадим Александрович Новожилов родился в 1954 году в г. Рига. Окончил ЛГУ им. П. Стучки, историко-философский факультет. Место жительства: Калининград – Рига. Член Союза писателей России. Автор четырёх поэтических сборников.

Три богатыря

Пьеса

Начало. Продолжение в следующем номере

Скоморох 1

Где Закат ночует рыжий,
может дальше, может ближе,
может выше, может ниже,
за наживой не гонясь,
то воюя, то охотясь,
экономно, но не жмотясь,
о земле своей заботясь,
жил светлейший русский князь.

Не спесив, красив и строен,
был он молод, ладно скроен.
Но однажды встал расстроен по утру и огласил, –
вот уж год, как мне не спится,
а усну, сейчас же снится
свадьба! И-и... хочу жениться...
так хочу, что нету сил.

Тотчас слуги повскакали
на коней и поскакали.
И невесту отыскали аж за тридевять земель.
Привезли и в тронном зале
всё о ней порассказали,
а лица не показали,
не дразнить чтоб пустомель.

Зашептались «Те» и «Эти»,
мол, невеста в силуэте,
при дневном и лунном свете не дурна,
и вся в фате...
Тут с три короба наврать бы,
но нельзя: «Играем свадьбу!» –
крикнул князь на всю усадьбу,
раскрутившись в фуэте.

Скоморох 2

Зазвенели бубенцы,
и гонцы во все концы
полетели с приглашеньем,
что б поспеть до пятницы.
От ворот и до ворот,
всюду мечется народ:
коль затеяна женитьба, значит, дел невпроворот.

Через Польшу и Литву
мчатся кони, мнут ботву.
Это гости потянулись из-за моря к торжеству.

Вот собрались все, кто мог,
и невеста под шумок,
от гостей фатой укрывшись,
первой входит в теремок.
Ей навстречу, весь искрясь,
выбегает светлый князь
и, за стол её сажая, об ладонь ладонью – хрясть.

Все уже сидят за столом Князь (поднимаясь)

Ой Вы, гости-господа,
Вы послушайте сюда,
то, что я хочу поведать – далеко не ерунда.
Я по свету покругил,
враждовал я и дружил,
и богат я стал, и знатен, только счастья не нажил.
Что мне титулы и власть?
Не живётся с ними всласть.
И решил я, что б до сроку
в меланхолию не впасть,
как душевную струну,
отыскать себе жену.

И нашёл... любуйтесь, люди!
(не глядя на невесту, срывает фату с неё)

встань, мой ангел!

(гости хором)

Ну и нууууу...

(князь, не глядя на невесту, продолжает)

И теперь, она и я
есть единая семья.
Кто желающие, могут записаться в кумовья.
Мы отныне навсегда
вместе, не разлей вода.
Не пора ль поцеловаться? Ну же!
Горько, господи!
(гости неуверенно и вразнобой проговаривают
«горько», князь поворачивается к невесте...
столбенеет, видя перед собой Бабу Ягу)

Скоморох 1

Ничего себе, завязка...
Натуральное фиаско!
То ль былина, то ли сказка, то ли происки вра-
га...
Вот загадка, вот замес-то!
Увели, видать, невесту:
налицо невесты вместо вездесущая Яга.

Скоморох 2

А Яга вся аж цветёт,
тараторит, как метёт,
знать, Кощей опять интригу
супротив Руси плетёт.
От него сплошное зло,
то падёж, то эНэЛО...
Он уже четыре года докучает нам зело.

Все застыли, только шорох слышен.

Князь обомлевший.

Этим воспользовалась Яга.

Схватила метлу и прыгнула в ступу.

А из ступы прокричала.

Яга

Обмишурился, ты, князь,
за женитьбою гонясь,
ты себя покрыл позором и лицом ударил
в грязь.
Приуныл, гляжу, дружок,
съезди к маменьке в Торжок,
с этой нынешней женитьбой
не по-детски ты зажёг.
Ты грозился нам войной.
Только втайне, за спиной,

за твоей спиной коварство
замутил Кощей со мной.
Не с кем нынче – под венец.
Знать, и сказочке конец:
супротив нечистой силы ты, любезный,
не боец.

Хошь поверь, а хошь не верь,
мы за тридевять земель
повидали всяких разных и Иванов, и Емель.
Молодцы, как на подбор.
Их и ныне полон бор,
но никто из них до дому не вернулся
до сих пор.

**Князь, схватив меч, бросается к Яге, но та,
махнув метлой, взмыла в небо и улетела.
Князь бьёт мечом об пол и кричит.**

Князь

Вызывайте поскорей
ко двору богатырей,
чтоб невесту возвернули и сгубили упырей,
чтоб, не мешкая ни дня
объявились у меня,
дам им всё, что пожелают, и кольчугу, и коня.
Надоел заморский вор!
Трубачи, трубите сбор!
Завтра утром с петухами выступаем за бугор!

Скоморох 1

Вот и утро подкатило,
из-за гор взошло Светило,
обогрело, приютило, погасило фонари.

Петухи едва пропели.
Оглянуться не успели,
а у княжеской купели, тут, как тут, богатыри.

Скоморох 2

В центре Муромец Илья.
Он гроза всего жулья
и нечистых укротитель, разоритель их жилья.
Он и воин, и герой,
и крестьянствует порой,
и себя не даст в обиду, и за Русь стоит горой.

Скоморох 1

От него Добрыня справа.
Честь и воинская слава
для Добрыни не забава, не потеха, не слова.
Как его ни поносили,
он опора для России.
Об уме его и силе бродит по миру молва.

Скоморох2

Мечет взгляд и вдаль и вширь
слева младший богатырь.
Хоть Алёша и Попович, чтит кольчугу, не псал-
тырь.
Он находчив и хитёр,
Нравом крут, умом остёр.

Оба скомороха

Им навстречу князь выходит и объятья
распростёр.

Князь

Слава, Вам, богатыри!
Я томился до зари:
увели вчерась невесту из-под носа упыри.
Окончательно Яга
потеряла берега!
И по ней, и по Кощею стосковалась каторга!

Муромец

Полно, князь. Пора кончать
эту сказочную чадь,
а не то их адвокаты вновь начнут права качать.

Добрыня

Ведь они засели все,
кто в Гааге, кто в ПАСЕ...

Алёша

Может, в море их потопим, аль зароем на Косе?

Князь

Это, братцы, ерунда.
Если мы их навсегда
изведём, для новых сказок где героев
взять тогда?
Зло нам жизнь подвезла
для сюжетного узла.
Мы ж добра не распознаем,
если вдруг не станет зла.
Мне невесту бы вернуть.
Остальное как-нибудь
образуется с годами, ну, а Вы – скорее в путь!

Муромец

Мы уже спешим к крыльцу.

Добрыня

Лишь возьмём по «кладенцу».

Алёша

Да по яблочку прихватим,
чтоб не стариться лицу.

Скоморох 1

В путь, так в путь. Заржали кони,
взвыли мамки на балконе,
пономарь прильнул к иконе, затаились упыри.
Всевозможно нечисть кроя,
поскакали в поле трое –
наши славные герои, как один, богатыри.

Скоморох 2

Князь же, сбор велев играть,
воеводе вверив рать,
тогчас следом устремился,
чтобы время не терять.
Мимо окон и дверей
гнал коня, – скорей, скорей!
И у Муромского леса всё ж настиг богатырей.
Подскакал, поправил меч
и сказал такую речь,-

Князь

Коль вчера не получилось мне невесту уберечь,
так вам, витязи, скажу:
или голову сложу,
иль Кощея самолично разыщу и накажу!

Илья

Что же, князь, тебе решать.
Воевать – не потешать,
ну, а мы во всём подмога,
только надо поспешать.

Добрыня

Жаль, не ходят поезда
до Кощеева гнезда,
мы с Алёшей бронепоезд снарядили бы туда.

Илья

Чем и как атаковать
после будем толковать,
а пока не село Солнце, в путь, друзья, и не зе-
вать!

Скоморох 1

И, размяв немного ноги,
отметая прочь тревоги,
князь и витязи в дороге, гонят вскачь
(поспеть бы в срок).

И, как водится веками,
кони вынесли на камень,
что лежал под облаками на развилке трёх дорог.
Ни норы за ним, ни люка.
Закричал Добрыня,

Добрыня

Ну-ка,
братцы, сдвинем каменюку, зря что ль силы бе-
регли?!

Скоморох 2

Но сидел как-будто бес там,
и ни в два, ни в три присеста,
как ни бились, – даже с места сдвинуть камень
не смогли.

Скоморох 1

Тут Алёша, не лукавя,
отошёл, развёл руками
и сказал: – Нам этот камень отвернуть
невмоготу.
Вот и надпись в пару строчек...
Узнаю Кощея почерк...
Без эпитетов и точек он оставил, я прочту.

Алёша
Если прямо кто пойдёт,
на опилки изойдёт,
а шагнувший влево-вправо,
тут же смерть свою найдёт..

возмущённо

Это что ж теперь, Илья,
нам вертаться до жилья?
Никогда ещё не бегал русский витязь от жулья!

Добрыня

Да, Кощей вконец дерзит!
Страшной карой нам грозит!
Голосую за внезапный, упреждающий визит!

Скоморох 2

Князь Добрыню отстранил,
веско слово проронил, –

Князь

Знаю я про этот камень, многих он похоронил.
Что б продолжить дальше путь,
грудью надобно прильнуть
к валуну сему и после трижды дух его
вдохнуть.
А вдохнувший имярек
камнем станет сам навек,
но служить другим в дороге будет он,
как оберег.
И с последней фразой князь,
разом грудью наваясь
на валун, вдохнул и замер,
тут же в камень превратясь.

Скоморох 1

И тогда Илья изрёк, -

Илья

Князь собою нас сберёг,
дружбы и любви во имя,
он на смерть себя обрёк.
И теперь, как ни крути,
нам другого нет пути,
кроме, как невесту князя
в эту местность привезти.
Слышал я, что поцелуй
эффективной аллилуй
исцелит от чар любого,
хоть сто раз над ним колдуй.
Значит, выбор не велик:
в путь-дорогу сей же миг!

Скоморох 2

И погнал коня, пришпорив,
мимо камня напрямик.
И, как требует сюжет,
Оба витязя вослед
Поскакали, чтоб исполнить
к сроку княжеский завет.
Кони их, роняя пот,
Вынесли за поворот...
Вдруг, навстречу им из чащи,
не спеша, выходит кот.
Замурлыкал, заурчал, –

Кот-Баюн

Ой, кого я повстречал...
Я ж сто лет людей не видел, аж едва не одичал.
Я сейчас вам пропою
всю историю мою,
ну, а вы передохните у опушки на краю.

Скоморох 1

Знали б молодцы тогда –
Кот-Баюн для всех беда:
кто решит его послушать, засыпает навсегда.
Кот мурлычет и урчит,
по ушам ручьём журчит,
и былинные герои клонят голову на щит.

Скоморох 2

От заката до зари
крепко спят богатыри.
Богатырь во сне не воин, тут его, как хошь бери.

Скоморох 1

Кот умолк, разгладил шерсть,

только вздумал что-то съесть,
тут его как тряхануло магнитудой баллов шесть.

В ухо – бас, как гром со скал, –

Илья Муромец

Ну, кошара, ты попал,
я, пока ты сказки баял, притворялся, но не спал.
Мне в дорогу, против чар
влила матушка отвар.
На меня с того отвара твой не действует пиар.
Тут тебя б и порешить,
но не следует спешить.
Люди бают, ты умеешь невидимки-шапки шить.
Коль пожалуешь одну,
отпущу твою вино,
и мечом не потревожу, и из лука не пальну.

Кот

Есть... как раз одна и есть!
Невидимка – просто жуть!
В ней ты сможешь хоть к Кощею, хоть к Яге в
избушку влезть.
Мать честная! Я – не я!
Забирай её, Илья,
а меня пусти до дому. Заждалась, поди, семья.

Илья

Что ж, иди да не борзей
и не трожь моих друзей.
Чтобы впредь не повстречаться,
во все стороны глазей.

*(оборачивается к Алёше Поповичу
и Добрыне Никитичу)*

Эй, друзья, пора вставать.
Чисто поле – не кровать:
нам ещё себя бессмертной
славой надо покрывать.

Скоморох 2

Тотчас витязи проснулись,
осмотрелись, потянулись
да в ручье ополоснулись, что меж елями гудел.
А Добрыня, под сурдинку,
простокваши выпив кринку,
взял да шапку-невидимку потихонечку надел.

И исчез, из виду скрылся,
то ль пропал, то ль затаился,
и Алёша удивился, и Илья, дивясь, застыл.
После тут же, на привале,
поиск организовали,

три часа Добрыню звали,
но того и след простыл.

Илья

В понимании моём
Дальше следуем вдвоём:
впереди у нас работы
предстоит большой объём.

Алёша

Не сюжет, а ассорти,
что б мне с места не сойти.
По-любому нам невесту князя надобно найти.

Скоморох 1

Множество ночей и дней
гонят витязи коней.
Оборвалась вдруг дорога, лес стеной
навис над ней.
По краям холмов горбы,
да столетние дубы,
и сквозь ветви проступают очертания избы.
Над избой висит дымок,
снизу – пара курьих ног,
А на дверь скобою ржавой
косяной прибит венок.

Скоморох 2

Жуткий свист раздался вдруг,
затрещало всё вокруг,
на дыбы поднялись кони,
чуть не вырвались из рук.
И откуда, не понять,
снизошло, ни дать, ни взять:
то ли брат Кощея сводный,
то ль Яги подмётный зять.

Гикнул этот бармалей

Соловей

я – разбойник-Соловей,
на своём веку немало освистал богатырей!
Землю их костями мощу,
вас к Кощею не пущу!
Сперва холодом обдую, после
насмерть засвищу!

Илья

Это что за трансвистит
в уши витязям свистит?
А пальну-ка я из лука, пусть навеки загрузит.
Алексей, подай стрелу,
ту, что в колчане, в углу.

Проучу врага, чтоб не был
шибко падок на хулу.

Скоморох 2

И прицелился Илья.
Хоть при этом не был я,
говорят, стрела влетела прямо в тело Соловья.
А точнее, в правый глаз,
потому как витязь – ас
был в стрельбе и той стрелою
подтвердил высокий класс.

Скоморох 1

Завалился Соловей.
Брызнул яд из-под бровей.
Побежал ручей по полю
из отравленных кровей.
Закричала пустельга,
разразилась в зной пурга,
и внезапно объявилась вездесущая Яга.

Яга

Всё, сушите сухари
про запас, богатыри!
Впрочем, вряд ли вы отныне доживёте до зари.
Люто мы, Кошей и я,
отомстим за Соловья:
испокон мы с ним по жизни закадычные друзья.
Кто-нибудь из вас – любой,
выходи со мной на бой...
Если страшно в одиночку,
даже можете гурьбой.
Закатаю на метле,
а потом сварю в котле.
Из начинки богатырской выйдет славное суфле!

Скоморох 2

Тут вперёд шагнул Алёша,
Крикнул, голову взъероша,-

Алёша

Ах ты ж, старая калоша,
ты кому грозишь метлой?!
Перед злом мы не елозим,
мы его на свалку свозим.

Скоморох 2

И Ягу как шваркнет оземь...
та лишь выдохнула,

Яга

– Ой...

Скоморох 2

А Алёша рвёт и мечет,
налетает, словно кречет,
и курочит, и калечит тело щуплое Яги.
И Яга сперва крутилась,
а потом без сил взмолилась, –

Яга

Пощади, сдаюсь на милость...
приподняться помоги.

Пусть враждуем мы порою,
но секрет тебе открою,
как былинному герою (мне былины дороги):

Соловей, когда посвищет,
тот же час к его жилищу
прибегают вёрст за тышу скороходы-сапоги.
Ты не стой тут, уши грея,
над поверженной храбрея,
а спеши к Илье скорее,
пусть прикажет Соловью,
Чтобы тот для вас, по ходу,
отсвистал тем «скуроходам»,
чтоб явились, гли походу, сей же час к его жи-
лью.

Алёша

Ишь ты, старая юла...
Ну, гляди, коль соврала,
и тебя не пожалею, и избу спалю дотла.

Обращается к Илье Муромцу

Слушай, Муромец, давай
Соловья не добивай,
лучше нам посредством свисту «скуроходы» до-
бывай.

Илья (нависает над Соловьём, замахиваясь)

Ну, свисток, скорей свисти,
сапоги оповести,
надо, мол, быстрее ветру до Кошея донести
не утырков, не хмырей,
а троих богатырей,
а о прочем побормочем
после, ты свисти скорей!

Соловей

Я по жизни хоть и тать,
не позволю честь топтать.
И поэтому не буду сапогам для вас свистать...

(цуть погода, потупив взор)

Тут они, в моём дупле,
при уюте и тепле.
Если надо, забирайте.
Мне не жалко, s'il vous plaît.

Илья

Будь любезен, Алексей,
принеси обуток сей
да недолгим испытаньем нам сомнения рассей.

Скоморох 1

Взял Алёша сапоги,
натянул на две ноги,
потоптался, покрутился, хмыкнул, –
вроде не туги.
Осторожно, не спеша,
поднял ногу, сделал шаг...
И исчез за горизонтом,
только свистнуло в ушах.

И разинул рот Илья,
удивленье не тая:
ратный шлем с него сорвала реактивная струя.
Стал он думать да гадать:
ждать Алёшу, аль не ждать...
Порешил: пока, однако, погодить коня нuzдать.

Скоморох 2

В то же время Алексей,
обогнав косяк гусей,
пролетел быстрее ветру
разом над Россией всей.
На песке ли, на траве ль,
под загадочную трель,
он, в итоге, приземлился
аж за тридевять земель.
Огляделся, посидел,
снял сапог, опять надел...
Ухмыльнулся, интересно, в чей же я попал
удел?
Или я во сне дурном...
Вдруг раздался страшный гром,
и, тряхнув три раза землю, полыхнуло за бу-
гром.

Скоморох 1

Было сыро, стало сухо,
и обдало жаром ухо,
и взревело: – Русским духом,
здесь не пахло испокон!
И невиданного весу
с хрустом выползло из лесу
диво страшного замесу – огнедышащий дракон.

Горыныч

Это кто здесь грунт корёжит,
кто Горыныча тревожит?!
Пусть объявится, коль сможет, легкомысленный
плейбой!

Скоморох 1

А Алёша был бесстрашный.
Крикнул,

Алёша

– Чудище дурашный,
прибыл я на рукопашный, на смертельный бой
с тобой!

Ты решил, заморский тать,
На моей дороге встать?!
Что ж, голов врагов несметных мне рубать не
привыкать.

И не зли меня огнём.
Тут пожарный водоём.
Скоро витязи подъедут, в нём тебя и окунём.

Горыныч

Ой вы, головы, дивитесь,
только не воспламенитесь:
тут какой-то русский витязь появился
к нам живьём.
Он мечом повсюду тычет
и меня на битву кличет,
это с наглостью граничит в понимании моём.

Я – Горыныч! И вообще я,
чтоб он знал, слуга Кощея!
Хоть Кощея нет тощее,
он прославлен грабежом.
Обопрусь сейчас о брусью,
до нахала доберусь я,
чтобы впредь не пахло Русью
здесь у нас за рубежом.

Скоморох 1

И воскликнул Алексей

Алёша

– Ты, Горыныч, фарисей!
Ну, а я реальный витязь,
не мифический Персей!
Будь ты зелен иль лилов,
не сносить тебе голов:
в помощь мне Илья с Добрыней
прибывают из тылов!

Прямо здесь, за рубежом
мы тебя и острижём,
срубим головы, и станешь
не Горынычем, ужом.

Скоморох 1

И запел Алёша гимн,
змей же с возгласом благим
пыхнул жаром и прищёлкнул
о рельеф хвостом тугим,
и в восторге засопел.
Алексей же гимн допел,
Отскочил от чуда-юда, только не оторопел,
Змея даже не ругнул,
лишь утёрся да сморгнул
и, решительно напрягшись,
гневно голову нагнул.

Скоморох 2

А тем временем Илья,
осадивший Соловья,
вознамерился податься до ближайшего жилья.
Разом пот смахнул со лба, –
пропадай, моя судьба!
Тут к нему на курьих ножках подкатилась изба.
Над избой горит плафон,
под плафоном белый фон,
в центре, с яблоком зелёным, надпись жирная
«Айфон»,
И Яга трещит, снуя,–

Яга

Вот, Илья, какая я:
в тридесятном царстве «Apple»
юрисдикция моя!

Поёт:

Не гуляйте долго, дети,
хоть вы и мыслители,
в одиночку в интернете,
то есть без родителей.
Эта сеть – такая дама,
там такое крошево!
Кроме вирусов и спама,
ничего хорошего.
Приходите лучше к нам,
здесь, как в санатории,
ну, а мы расскажем вам
всякие истории.
Не программы школьные,
не академичные,
а вполне прикольные,
даже динамичные,

(кикиморы подпевают)

Мама с папой, не ругай!
Это нас пугает...
Ну-кА, Apple, зажигай!
.....
Apple зажигает!
Ийййй-еессе!!!

(Продолжение в следующем номере)

Берега Новороссии

Иван Нечипорук

Родился в 1975 году. Коренной горловчанин. В довоенном прошлом – шахтёр. Выпускник Горловского ИИЯ и Славянского ГПУ. Зампредседателя Межрегионального союза писателей, член СП России, исполкома МСПС, членкор Крымской литературной академии и Славянской литературно-художественной академии (Болгария). Руководитель Литературного объединения авторов Донбасса «Стражи весны»

ИТАКА

Моя полынная Итака
За бурным морем ковылей,
Ты золотишься тучным злагом
На исковерканной земле.

Я твой Улисс, бродяга вечный,
Расстрига раненного дня...
Легли отрепьями на плечи
Крыла, им не поднять меня.

Я вновь шепчу в ночи молитвы,
И грежу запахом травы...
Но все желания залиты
Смолой неправедной молвы.

КТО НЕ СКАЧЕТ

Ещё вчера кричавшие: «Осанна!»,
Сегодня перекрасились нежданно,
Благоразумия уже не сохранить,
Когда в загуле и в угаре пьяном,
Злой дух толпы, витая над майданом,
Рождает крик, взывающий: «Распни!»

И хмурый день становится кровавым.
Народ кричит и требует расправы
(Найдут виновных, ведь никто не свят)...
Зигуя небу жестом ультраправым,
Толпа, как зверь рычит: «Отдай Варавву!»,
И скачет... Кто не скачет – тот распят!

ЖИВЁТ МЕЧТА

Назло тяжёлым болевым векам
Живёт мечта! Сквозь дым и облака
Идёт сквозь гул разрывов канонады
К звезде полей, что нынче далека,
За пеленой вселенской снегопада.

Мечты накал несказанно высок:
Уйти б к реке, послушать шум осок,
И вздрагивать при каждом крике выпи...
Но время горькое опять клюёт в висок,
И чашу скорби всё же нужно выпить.

КРИКИ ЧАЕК НАД НЕВОЙ

Тают в облаках лучи...
Ветер свищет, как нагайка,
Воздух сладостно горчит.
Надо мной не плачут чайки,
Надо мной кричат грачи.

Кроны тополей пусты...
На ветру трепещет осень,
Сквер, осунувшись, простыл.
И октябрь с собой уносит
Прогоревший дух листвы.

Заболел мой край войной...
И друзья считают чаек
Над холодной Невой.
И по Родине скучая,
Не торопятся домой...

* * *

Алтыном почерневшим жизнь моя,
Утратив вес, лежит под половицей...
Желтеют дневников моих страницы,
Оторванных от света бытия.
И в темноте сомнения томится
Всё то, что раньше называлось «Я».

Плевками в душу проникает боль,
Но в сердце нынче закалённой стали
Живёт надежда, и теперь едва ли
Меня смутит незавидная роль...
Идя тропой развенчанной морали,
Держаться света, братец, соизволь!

* * *

Памяти Е. З.

А годы всё колючей и капризней,
Счастливые моменты далеки...
Ещё вчера мы, словно мотыльки,
Летели смело к свету взрослой жизни,
А нынче нам полёты не с руки.

Оглядываясь вспять, мгновенья меря,
Себя считаем племенем младым,
Но пожиная времени плоды,
Мы отмечаем в дневниках потери,
Смыкая поредевшие ряды.

* * *

Дышит край мой ковыльным привольем,
Пахнет воздух полынью седой.
Этот край был веками намолен,
И вчерашнее Дикое Поле
Нынче стало нам Русью Святой.

Пробиваясь огнём и секирой
Нас дороги и судьбы свели.
Мы полпреды славянского мира
Из Донца мелового потира
Причащаемся тела земли.

* * *

Вчера обстрел – сегодня тишина,
И только ветер, бередящий клёны,
Прорвавшись в трещину разбитого окна,
Мне напевает песню утомлённо,
Про то, как надоедлива война.

Мой хрупкий быт висит на волоске,
Мои волненья, как тугая роздымь...
И я смотрю сквозь дырку в потолке
На горькие испуганные звёзды,
Сжимая крест в слабеющей руке.

* * *

Мы раньше срока поседели,
Бессонницу войны кляня.
Здесь даже городские ели
Познали пагубность шрапнели,
Жестокосердие огня.

И горожане-фаталисты
Живут, но помнят каждый час,
Что ангел смерти бродит близко...
И где-то там артиллеристы,
Прицельно думают о нас.

ПРЕДДЕКАБРЬСКОЕ

А за кордоном – снежная страна,
Реалии ноябрьских откровений.
Мой путь через посты и сумрак бранный,
Где страх, как набежавшая волна
На грани у растерзанной вселенной.

Где всё спокойным кажется на вид,
Но дребезжит рассудок чайным блюдцем.
Снежинки в окна призрачные бьются,
Там ёлка прошлогодняя стоит
Всё ждёт, когда хозяева вернуться.

* * *

Промолчи, промолчи, промолчи!
Александр Галич

Дух бунтарства по свету рассеян,
Память схлынула красной волны.
Вы – расстриги печальной страны
Позабыли, чем дышит Расея.

И на беды взирая сквозь пальцы,
Равнодушия пьёте туман...
И заплакало небо славян,
Запекаясь кровавым румянцем.

ЗВЕРЬ
ПО ИМЕНИ ДОБРО

Когда внезапно грянет гром
Уже крестится мало толку,
Боль разгорается костром...
Мой зверь по имени Добро
Всё чаще в чашу смотрит волком.

Ах, сколько я его кормил
Своей надеждою с ладони,
Стараясь из последних сил,
Чтоб на луну не голосил...
Но зверь Добро добра не помнит.

* * *

Как в бесприютности мне тяжело
Быть в поле воином одним.
Судьбой и временем гоним,
Я не могу найти покой,
Поговорить бы нараспашку
Под чашку кофею с тобой.

Но между нами расстоянья,
Окопов вёрсты, блокпосты...
Но знаю; в эту ночь и ты
Ведёшь подсчёт разлуко-дней,
И веря в разум мироздания,
Пьёшь чай, печалясь обо мне.

* * *

С Васильевского острова давай
Через Неву пешком пройдем до Мойки,
Под песни возвращающихся стай,
Как будто мы с тобой попали в рай,
Где аромат весны кружится стойкий.

Попробуй нас теперь остановить –
Исаакиевский сквер минуем скоро,
Там Пушкин нас с тобой благословит,
А дальше к храму Спаса на Крови,
И мы уже влюбились в этот город.

Михайловский, а дальше Летний сад
На набережной речки Голодуши,
Где мы не озираемся назад,
Пытаемся прочувствовать закат,
И освятить апрелем наши души.

* * *

Жизнь обтесала острые углы,
Но снова осень, снова плачет город,
Среди листвы блистательного сора.
Ноябрь сорвался и вперёд поплыл,
Где улицы пустынные и светлы,
И хлипкий день стекает мне за ворот,
Здесь вместо клёнов – голые стволы.

Холодный ветер навевает блюз,
То вдруг дождём сыграет пиччикато...
Действительность моя в тиски зажата,
Но я устал дрожать. Я не боюсь
Нести тревоги многолетний груз.
А за холмом опять гремят раскаты,
Как подтвержденье крепких братских уз.

ЕСЛИ Б НЕ ТЫ

Андреевской церкви на солнце горят купола,
Но мне неуютны барочные хмурые своды.
Пройдёмся по спуску! Где дышится в полдень
свободно,
Где города змиева осень легка и светла.

Пусть машут каштаны своей обречённой
листвой,
Пусть камни брусчатки на солнце
агатом искрятся!
Андреевский спуск. Дом Булгакова –
номер тринадцать,
И старая липа, парящая над мостовой.

Я город когда-то любил наблюдать с высоты,
Пока в моей жизни судьба не проела прореху...
И если б не ты, я сюда ни за что б не приехал!
И множество прочих условностей:

«если б не ты!»

Берега Новороссии

Андрей Чернов

Чернов Андрей Алексеевич. Родился 11 июля 1983 года в Луганске. Публицист, литературовед, критик. Автор книги «Притяжение Донбасса» (2016). Награждён орденом Фёдора Достоевского I степени Пермского краевого отделения Союза писателей России (2016), медалью Интернационального союза писателей «Российская литературная премия» (2018), медалями ведомств ЛНР. Секретарь правления Союза писателей ЛНР. Зам. главного редактора альманаха «Крылья». Живёт в Луганске.

Перестроечные бездны под ироничной линзой Вадима Грачева

Ирония помогает нам отстранённо взглянуть на, собственно, вовсе не шуточные вещи. Ирония не умаляет драматизма или трагичности ситуации, конкретных моментов нашей жизни. Но она помогает их осмыслить – будто со стороны, под иным углом зрения. А лёгкий юмор обезболивает не хуже наркоза.

Именно этим, судя по всему, руководствовался писатель Вадим Грачев. Его сборник рассказов «Исповедь афериста» (Москва: «Грифон», 2018) подобрал в себя ряд рассказов, посвящённых драматическому периоду нашего Отечества – перестройке, развалу СССР, тем самым «лихим 90-м». Но автор учёл, что об этом написано уже много – и крутостью суровой правды никого не прошибёшь. Все мы прекрасно помним, КАКИМИ были те годы, унёсшие не только наши надежды и чаяния, но и жизни очень многих наших соотечественников. Да что там – в трубу унеслась наша великая страна.

Поэтому Вадим Грачев решил, повествуя о тех приснопамятных временах, не экономить на иронии. И с добрым прищуром, хитрецей персонажи Грачева взглянули на мир быстро изменяющейся реальности. Нужно отдать должное таланту Грачева: лёгкий и ненавязчивый юмор его придал живости картинам прошлого, согнав с них сумрак мрачности и безнадёги.

Неоднократно отмечалось, что предпринимательство на постсоветском пространстве в начале 1990-х годов носило явные черты жульничества. Что было – то было, и на зеркало пенять не приходится, коли рожа выдалась кривой. Из прожитого страницу не вырвешь, а забывать такое нельзя прежде всего потому, чтобы впредь не повторять ошибок. Иронично, порою с сердитой интонацией пишет о таком предпринимательстве Грачев в рассказах «Дела огуречные», «Отец Костик», «Челноки». Это не газетные скетчи, не зарисовки хроники, не умело переданные «бывальщины». Скорее – всё вместе взятое. Здесь сгустком передана суть пережитого опыта.

Особенно выделяется рассказ «Отец Костик» – о своеобразной метаморфозе, преобразении заядлого фарцовщика Кости, приторговывавшего в 80-е годы импортными товарами, да ещё и с надувательством. По злой иронии жулик и прохиндей Костик становится... священником, настоятелем одного из московских храмов. Столкновение прошлого Костика с его настоящим – шквально, будто цунами накрыло, опрокидывая и сметая всё. Это не обвинение в нечистоплотности. Это – знак вопроса о человеческой совести, о своём месте в мире, мере ответственности перед собою и Богом. Ведь сбежать от себя невозможно, попытаться можно, но люди не дадут, не отпустят.

Мир братков, кидалова, разборок, отчаянных наездов – эта действительность 90-х предстаёт в книге Вадима Грачева в свете ироничного прожектора. И весь этот ужас становится... как бы и не ужасным, во всяком случае, не до такой степени, каким мы его помним, когда перестрелки, взрывы, покушения были обыденностью на улицах больших городов. То, что казалось ужасным, под ироничным углом зрения не стало менее ужасным, просто стало карикатурнее, явнее проступили

черты – и злой бессильной злобы бандитов, и нашей наивности, которой пользовались бандиты-братки. Такими прочитываются рассказы «Автоподставы», «О гастарбайтерах», «Полупокер». И к этому присовокупляется (куда уж без этого!) итог «сексуального просвещения» освобожденных от коммунистической морали людей – распространение гомосексуализма. Рассказ «Славик» – наименее ироничен из всех, представленных в сборнике. Здесь автор не пытается высмеять разложение молодёжи, затачиваемой в сети, так называемой, свободной гомосексуальной любви. Автор ставит вопросы, верно изображая и природу распушенности молодых людей, и само общество, которое, увы, способствует формированию таких индивидов.

Небольшой по объёму, сборник рассказов Вадима Грачева «Исповедь афериста», тем не менее, очень ёмок и содержателен. В нём представлены все «страшные грехи» перестройки: жадность, разврат, эгоизм, равнодушие. И ирония автора не умаляет их, но делает их понятнее, очевиднее их чёрный мрак, вытесняющий из нас человеческое, духовное. Вытеснит ли? Всё в наших руках. Как в случае с персонажем рассказа «О гастарбайтерах» Санькой, который смог стать хозяином своей жизни – одним из командиров донбасского ополчения.

Берега истории

Юлия Пляукшта, Лондон Неонилла Пасичник, Киев

Юлия Пляукшта – выпускница Института стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова, востоковед-японист, историк, член «Союза журналистов России», главный редактор журнала «Русское наследие». Родилась в 1973 г., жила в Японии, Китае, Республике Корея. Училась в аспирантуре Института востоковедения РАН, далее – в МГОУ, посвятив несколько лет изучению вопросов воспитания японской молодежи в духе любви к своей родине и уважения предков. Преподавала в МГУ им. М.В. Ломоносова и ИГУМО и ИТ (Москва). С 2009 г. живёт и работает в столице Великобритании Лондоне, является основателем и директором художественной галереи «Zlaro Art», секретарём общества «Русское наследие в Соединённом королевстве». Занимается исследованиями в области формирования национальной идентичности и сохранения русского наследия за границей.

Неонилла Пасичник – кинорежиссер, автор, журналист, член Национального союза кинематографистов Украины, участница Международных кинофестивалей документального кино «Молодость» (Киев), «Берлинале» в Берлине (Германия), Кракове (Польша), Нионе (Швейцария), Амстердаме (Нидерланды); съёмки осуществила в Японии; фильмы демонстрировались на телеканале «Культура». Автор русских зарубежных периодических изданий: «Новый журнал» (США), «Русская мысль» (Париж-Лондон), «Вестник Русского Наследия» (Великобритания), «Фамилия» (Киев), «Берега» (Калининград), информационных ресурсов: «Русская народная линия», «Русский народный дом» (Санкт-Петербург), «Телескоп» (Минск, Белоруссия). Автор публикаций в книгах исторических исследований: «Эпоха. Судьба. Коллекция. Никита Д. Лобанов-Ростовский», Москва, «Русский Путь», 2010 г., «Рюрикович в XXI веке. Князь Никита Дм. Лобанов-Ростовский», Москва, 2017 г., «Святые и пророки Белой Руси», Кирилл Фролов, Москва «Книжный мир», 2018. В качестве добровольца с 2011 года сотрудничает с информационно-просветительским Центром «Надежда» при Киево-Печерской Лавре, администратор сайта <http://nadezhda.church.ua> Прошла курс повышения квалификации по программе «Русское наследие за рубежом в культурологическом аспекте», декабрь 2018, Лондон-Оксфорд (Великобритания)

«Владимерова княгиня» – Гита Уэссекская

Уточнение даты рождения английской супруги Владимира Мономаха и её влияния на русского правителя.

Принцесса Гита, дочь последнего англо-саксонского короля Гарольда II, или Гарольда Годвинсона (Harold Godwinson, ок. 1022 – 14 октября 1066 в битве при Гастингсе), и его первой жены Эдиты (Эдгиты) Лебединой Шеи (Edyth Swannesh или Edyth Swanneck, ок. 1025 – ок.1086) родилась ок. 1052 года, за 2 года до появления западной – Римо-католической – ветви христианства.

Брак Гарольда и Эдиты был заключён по так называемому «датскому обычаю», то есть согласно германским языческим законам, и церковные власти его не признавали. Сведений об этой паре мало, но известно, что Гарольд, как, вероятно, и его первая супруга, были потомками датского королевского рода и даже состояли в близком родстве (их бабушки были двоюродными сестрами). Именно это обстоятельство не давало им права заключить венчанный брак. Не смотря на это, их брак принимался обществом и не мог игнорироваться церковью: согласно Василию Великому, даже невенчанный брак является установлением Божиим.

Надо отметить, что в сохранившихся источниках нет точных сведений о каких-либо браках Гарольда до его венчания с Эдитой Мерсийской, второй, но единственной законной супругой короля в глазах церкви. Часто двух жен Гарольда путают. Однако два факта заставляют исследователей сойтись на версии, что именно Эдита Лебединая Шея была матерью его старших детей, которые к моменту венчания с Эдитой Мерсийской уже были подростками или взрослыми. Во-первых, хроники указывают, что Эдиту Лебединую Шею Гарольд любил ещё до того, как его короновали, и, во-вторых, именно эта возлюбленная искала его на поле битвы в Гастингсе, и опознала его тело по только ей известной примете на груди короля. Мы принимаем общепринятую версию того, что Эдита Лебединая Шея была матерью Гиты, дочери Гарольда и в будущем жены князя Владимира Мономаха.

Не смотря на невенчанный брак родителей, Гита была крещена и, как следует из даты её рождения, это случилось до Великой Схизмы, следовательно, она была православной. Своё имя Гита получила в честь бабушки Гиты по отцу, дочери датского знатного викинга Торкеля Стюбьёрнсона.

То, что Гарольд был глубоковерующим христианином, подтверждает история Уолхэмского аббатства (ныне район аббатства находится на востоке Лондона), в котором Гарольд получил исцеление от чудотворного креста в то время, когда был эрлом Эссекса и Восточной Англии. Благодарный Гарольд перестроил церковь, сделав её больше и благолепнее. К сожалению, эта постройка была утрачена в 12 веке, так как церковь снова претерпела реконструкцию. Считается, что после того, как Эдита опознала тело возлюбленного в Гастингсе, монахи вынесли его и похоронили именно в Уолхэмском аббатстве. Сейчас на могиле Гарольда лежит внушительных размеров камень, а само место является местом притяжения всех, кому дорога англосаксонская культура и традиция.

У Гарольда и Эдиты было несколько детей (до нас дошли имена Годвина, Эдмунда, Магнуса, Гунхильды, Гиты). От второй жены Эдиты Мерсийской (Edith of Mercia) у Гарольда было двое сыновей, Гарольд и Ульф (Вульф). Возможно, это были братья-близнецы, или же Ульф родился после смерти Гарольда. Второй брак Гарольда большинство исследователей рассматривают как заключенный по чисто политическим мотивам, укреплявшим позиции Англии. Эдита была вдовой валлийского правителя Грифида ап Лливелина из Уэльса и дочерью эрла Эльфгара, правителя Мерсии. Уэльс и Мерсия были противниками Англии, но после брака с Эдитой Мерсийской Гарольд заручился поддержкой правителей и знати этих земель.

Гарольд был фактическим правителем Англии, самым влиятельным эрлом, которого поддерживала знать, в то время как король Эдуард Исповедник больше времени уделял молитве, чем государственным делам. Из этого следует, что де-факто Гарольд своих детей воспитывал как принцев и принцесс.

Интересны сведения о воспитании дочерей англо-саксонскими знатными семьями. Традиционно эти девочки получали образование при монастырях, которые располагались около королевского поместья. Известно, что одно из поместий Гарольда находилось в Уолхэме, то есть рядом с аббатством, о котором мы упоминали выше. Мы можем предположить, что монахи монастыря принимали участие в воспитании детей Гарольда. Тесная связь между светским и церковным воспитанием отразилась на Гите – из описания её жизни мы узнаем, что она была глубоко верующей христианкой и своих детей воспитывала в вере. Очевидно, что история исцеления её отца и его жертва на храм тоже отразилась на дочери, о чём мы расскажем ниже. Любовь к молитве Гита тоже получила во время обучения в монастыре: дети были вовлечены в распорядок дня, господствовавший в обители.

Несмотря на строгое воспитание, девочкам из знатных семей была дана свобода воли в выборе своего супруга, о чём свидетельствует исследователь из Университета Нью-Мексико Алиса Велинг.

Напомним, что на Британских островах христианство существовало с 1 века н.э., после ухода римлян в начале 5 века претерпело упадок, а с 597 года, после прибытия св. Августина в Эббсфлит в Кенте, усилиями миссионеров и самого св. Августина стало быстро распространяться по территории сопредельных королевств. Христианство в Англии того времени отличалось глубокой монашеской традицией, высоким уровнем образованности монахов, множеством святых угодников Божиих, среди которых были представители знатных родов.

В 2012 году впервые вышло собрание житий древних святых Великобритании и Ирландии, и сделала это не Англиканская, а Русская православная церковь: по благословению архиепископа Суражского Елисея был выпущен внушительных размеров том «Жития святых, в землях Британских

и Ирландских просиявших», в котором собраны сотни житий святых первого тысячелетия, которые считаются православными. Можно смело сделать вывод, что Гита воспитывалась в прочной христианской традиции, в то время как Русь была крещена менее 100 лет и делала первые шаги в этом направлении.

Позиции Гарольда были поддержаны знатью в Англии, но у него был серьёзный соперник, претендовавший на английские земли – Вильгельм Нормандский. Существует распространённая версия, что Гарольд принёс присягу Вильгельму ещё при жизни короля Эдуарда Исповедника, но после смерти последнего собрание английской знати выбирает королем Гарольда, а не Вильгельма, и тот становится перед Вильгельмом клятвopеступником. Этот факт был использован Вильгельмом для получения поддержки со стороны европейской знати и Папы Римского, благословившего Вильгельма на поход на Англию со своими целями – внедрить церковные реформы после Великой Схизмы, случившейся 12 годами ранее. Однако с большой долей вероятности можно сказать, что эта история с клятвой Вильгельму была выдумана позже для оправдания захватнической войны нормандцев.

После поражения при Гастингсе 1066 году Англия присоединяется к Римской Церкви. Этот процесс шёл непросто, с ломкой устоявшихся традиций и изменениями в богослужбном круге и уставе.

В некоторых источниках, в том числе и в Википедии, указано, что именно 1066 год был годом рождения принцессы Гиты, но российским историкам в 18 веке была известна другая дата её рождения, которую мы привели выше и иллюстрируем снимком графической родословной таблицы из т. 2 «Истории Российской от древнейших времён» князя Михайло Щербатова.

Доверять этому историографу в вопросе брачных союзов мы можем по той причине, что М.М. Щербатов сделал существенную поправку в вопросе браков польских королей, обратив внимание на возрастное несоответствие лиц, сочетавшихся браком. Эта поправка была принята как правильная. В вопросе года рождения Гиты возникает вопрос.

После гибели отца в битве при Гастингсе, Гита вместе с родственниками, вероятно бабушкой Гитой, матерью Гарольда, и братьями, жила два года в городе Эксетере на юге Англии, где училась у настоятеля собора св. Петра епископа Леофрика. Примечательно, что в Эксетере хранится так называемая Эксетерская книга (The Exeter Book, написанная предположительно между 960-990 годами), в которой в форме аллитерационных стихов рассказывается «обо всём на свете», в том числе приводится кодекс поведения и добрых нравов. Эта книга была завещана собору владыкой Леофриком. Напрашивается параллель с известным сочинением «Поучение Владимира Мономаха», с которого началось обсуждение нравственных вопросов в русской литературе. Не Гита ли рассказала о подобном поучении мужу, и у того появилась идея записать свои наставления потомкам?

Оставаться в Эксетере было небезопасно, поэтому Гита с родными бежала во Фландрию, затем, согласно Саксону Грамматикю, вместе с двумя братьями поселилась у своего дяди Свена Эстридсена, короля Дании, который и выдал её замуж за Владимира Мономаха, князя Смоленского. Интерес Саксона Грамматика к Гите и первой семье Гарольда был понятен: все они по праву крови принадлежали к датскому королевскому роду.

Гита, которая в скандинавской традиции зовется Гидой, была названа принцессой, хотя, строго говоря, такой титул в родной Англии не носила. Гита понравилась королю Свену Эстридсену. Саксон Грамматик пишет, Свену понравились благочестие и нежность юной Гиты, и он задумал выдать её замуж за Владимира Всеволодовича. К слову, у датского короля жена была русская – Елизавета Ярославна была тёткой Владимиру Мономаху, и, конечно, могла рекомендовать супругу обратить внимание на молодого князя. Первым мужем Елизаветы был норвежский король Гаральд Гардрода (1015 – 1066). История любви Гаральда и Елизаветы нашла отражение в художественной литературе: А.К. Толстой воспел эту пару в «Песне о Гаральде и Ярославне». Гаральд погиб под Йорком, поэтому судьба Гиты и её будущей тетки по мужу тесно переплелись. Елизавета хорошо понимала, что на Руси девушке будет безопасно. Так и случилось.

Брак между князем Владимиром и Гитой состоялся в 1074 году. Возвращаясь к вопросу года рождения Гиты, рассмотрим версию, что девочка родилась в 1066 г. В таком случае, на момент брака ей было всего 7 лет! Забегая вперед, скажем, что своего второго сына Мстислава, о котором речь будет ниже, она, выходит, родила в 10. Версия, что Гита родилась в 1052 году, куда более вероятна: на момент брака ей было 22 года, и она пребывала уже в зрелом фертильном возрасте.

Каким путём шла Гита в русские земли, остаётся неизвестным. Ясно, что это был водный путь по Балтийскому морю, далее либо по Неману, либо по Западной Двине. Считается, что князь Владимир встречал её в Смоленске.

Приблизительно в это же время или чуть позднее папы Римские предпринимали попытки «привести Россию под свою духовную область, и в сие время, тогда державствующий папа Урбин II прислал епископа именем Феодора, родом грека с дарами многих мощей. Порученное дело сему епископу нам неизвестно, но, предполагаю, что он прислан был для приведения России под свою духовную область» – пишет в «Истории Российской от древнейших времён» князь Михайло Щербатов, историограф Екатерининских времён. Это же было и причиной одобрения Папой Римским захватнического похода Вильгельма Завоевателя, который к несчастью англосаксов окончился поражением их армии.

Каково было имя княгини Гиты на Руси – точно не известно, некоторые исследователи упоминают её крещальное имя Анна. Английская принцесса стала матерью старших сыновей Владимира Мономаха – Мстислава Владимировича Великого, Ярополка Владимировича, Вячеслава Владимировича, Изяслава Владимировича, Святослава Владимировича и Любавы – давших начало многим русским княжеским родам, которых принято называть Рюриковичами. К ним относятся такие древнерусские роды как Щербатовы, Бярятинские, Лобановы-Ростовские, Шаховские, Долгоруковы, Хованские, Оболенские. Также существует обоснованное предположение, что «Гюргиева мать», то есть мать Юрия Долгорукого (род. в 1090-е годы – ум. 15 мая 1157), тоже Гита.

Старшего сына Владимира Мономаха и Гиты – Мстислава Великого – в западных источниках вслед за дедом называли его вторым именем – Гарольд. По свидетельству князя Дмитрия Михайловича Шаховского, профессора Русской церковной истории в Свято-Сергиевском богословском институте в Париже, в его ДНК преобладают скандинавские гены.

Приведем ДНК-тест Y хромосомы представителей династии Рюриковичей из книги князя Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского «Эпоха. Судьба. Коллекция».

«Отдаленными потомками Рюрика по женской линии являются 10 современных монархов Европы (Норвегия, Швеция, Дания, Голландия, Бельгия, Англия, Испания, Люксембург, Лихтенштейн, Монако), несколько американских президентов, писатели, артисты. Современный род Рюриковичей принадлежит, по крайней мере, к двум разным ДНК гаплогруппам: N1c1 (непосредственные потомки князя – большинство ветвей), R1a1 (Тарусская ветвь). Разные гаплогруппы указывают на разных предков в роду по мужской линии, то есть лица, относящие себя к потомкам Рюрика, не могут считаться носителями генотипа Y хромосомы от Рюрика. Обе гаплогруппы N1c1 и R1a1 являются типичными как в генофонде восточных славян, так и в генофонде скандинавов и многих других народов. Определить «национальность» какого либо конкретного человека или рода по его гаплогруппе невозможно».

Существует осторожное предположение, что Гита поддерживала связи с Пантелеймоновской обителью в Кёльне и участвовала в Первом крестовом походе вместе с Готфридом Бульонским, умерла и погребена в Палестине, скорее всего в 1098 году, так как, по некоторым версиям, год спустя Владимир Мономах женился на другой женщине. Этой версии придерживается доктор исторических наук Людмила Морозова. Версию, что Гита могла останавливаться в этой обители в Кельне во время своего бегства из Англии, поддерживают и британские ученые.

В «Похвальном слове Святому Пантелеймону» немецкого церковного деятеля первой трети XII века Руперта из монастыря в Дойце сообщается, что на этот шаг её толкнуло происшествие со старшим сыном Мстиславом, который чуть не погиб на охоте и вылез из горячих молитв Гиты Святому Пантелеймону. Медведь распорол Мстиславу живот так, что внутренности вывалились наружу. Когда его привезли домой, его мать Гита принялась молиться за него Святому Пантелеймону. В эту ночь Мстислав увидел во сне юношу, который пообещал его исцелить. Наутро этот юноша, очень похожий на святого Пантелеймона, уже наяву пришёл к больному с целебными снадобьями и вылечил его. После этого Гита пожертвовала в кёльнский монастырь большую сумму денег и дала обет совершить паломничество в Иерусалим.

Одно можно сказать с уверенностью: до Гиты Гарольдовны целитель Пантелеймон был малоизвестным и малопочитаемым святым, но именно благодаря её регулярной помощи монастырю св.

Пантелеимона в Кёльне, где она могла останавливаться во время бегства из Англии, и чудесному исцелению по молитвам святого её сына Мстислава, это имя стало популярным. Так, второго сына Мстислава Великого Изьяслава во время крестин нарекают Пантелеимоном Л. Морозова указывает на то, что точной даты этого события в «Похвальном слове» Руперта нет, поэтому можно предполагать, что это случилось с Мстиславом, жившим с 1076 по 1132 гг. в то время, когда он был взрослым и женатым человеком. В 1095 г. его супругой стала шведская принцесса Христина. К моменту неудачной схватки с медведем у пары уже был старший сын, поэтому Пантелеимоном нарекают второго, а не первого, уже крещёного, ребенка. Став взрослым Изьяслав изображает на своих щите и печати лик святого. Чуть позже в Новгороде появляется монастырь святого Пантелеимона. Важным является факт, что и Пантелеимонов монастырь на Афоне стал расцветать благодаря особой любви к этому святому Гиты Уэссекской, передавшей эту любовь своему потомству, которое впоследствии делало богатые пожертвования обители.

Л. Морозова придерживается версии, что Гита решилась на паломничество в 1097 году, когда готовился Первый крестовый поход в Палестину, а, значит, не обошла стороной и Константинополь, и даже могла получить часть захваченных богатств, в том числе и голову св. Пантелеимона, от крестоносцев. Впоследствии, согласно предположению Л. Морозовой, Гита передала это сокровище Свято-Пантелеимонову монастырю на Афоне. Не стоит забывать, что смелость Гиты в подобном опасном путешествии была обеспечена влиятельной роднёй из Европы.

Палестинское паломничество Гиты открывает ещё одну важную тему в нашем исследовании. По мнению митрополита Илариона (Алфеева) богословские споры имели место и до раскола 1054 года, продолжались они и после него. Однако окончательный разрыв произошёл уже после Крестовых походов, когда римские папы стали учреждать на Востоке параллельные латинские кафедры и поставлять на них своих епископов, несмотря на уже существовавшую там православную иерархию. Именно это и сделало раскол окончательно свершившимся фактом, устранило возможность диалога.

Историк князь Михайло Щербатов оставил нам свидетельство о том, что сестра Владимира Мономаха «инокиня Янька (пострижена в Андреевском девичьем монастыре) в 1092 году ходила в Константинополь и привела с собою митрополита из Грек Иоанна. И сие доказует, что хотя тогда Российская церковь иногда и сама себе, в митрополиты на *начальный Киевский престол* избирала. Однако во время доброго согласия с Греками, на сей начальный престол Российской церкви пастырей посвященных Константинопольским патриархом получала». Тогда же были обреты и перенесены мощи святого Феодосия Печерского.

По другой версии, Гита умерла в Смоленске в 1107 году. Мы являемся сторонниками именно этой даты, поскольку у Михайло Щербатова нет записи о кончине Гиты в 1098 году, в то время как запись о кончине княгини в мае 1107 года даже выделена, как значимое событие: «[подзаголовок– выделено ред.] *Смерть Владимировой Княгини, 1107 год.* [текст– выделено ред.] Сей год начался несчастным приключением для Владимира, то есть смертью его супруги, которая скончалась мая 7 дня. Но угрожаемое России несчастью нашествием половцев принудило Владимира отереть свои слёзы, дабы с другими Российскими Князьями им в сопротивление вооружиться». : Стоит отметить, что у князя Щербатова в «Истории» масса нюансов, которые поздние историки просто проигнорировали, кроме, пожалуй, Карамзина, включившего их в свои обширные примечания. Например, дату основания Москвы – 882 год! Дело в том, что источники, на которые опирался князь, были приобретены императрицей Екатериной после его смерти – вся библиотека! Но она исчезла. Предполагаем, что князь располагал рукописями знаменитой библиотеки Киево-Печерской Лавры, считавшимися сгоревшими в 13 веке, ведь князь – прямой потомок Михаила Черниговского, святого благоверного князя, принявшего мученическую кончину в Орде!

Примечательно, что при Владимире Мономахе начали заключаться династические браки между Рюриковичами. Ярослав Святополчич (убит в 1123 году при попытке вернуть Владимир-Волынский) и Всеволод Ольгович (черниговский князь с 1127 года) были женаты на дочерях Мстислава Владимировича (внучках Мономаха), на дочери Мономаха Агафье был женат Всеволодко Городенский, Роман Владимирович был женат на дочери Володаря Ростиславича Перемышльского. Стабильность в государстве держалась на авторитете Мономаха, который он заслужил в борьбе с половцами, а также концентрации большей части земель Древнерусского государства в руках киевского князя.

Традиционно российско-британские отношения рассматривают с 1554 года, когда потерпевший крушение корабль Ченслера причалил к берегам Архангельска, и англичан препроводили в столицу Московского государства. Однако, как мы доказали, в том же Иване IV уже текла англо-саксонская кровь и ещё при Владимире Мономахе были установлены самые крепкие связи между английской и русской знатью. Пусть Гита и прибыла не из самой Англии, которая попала под завоевание Вильгельма из Нормандии, но была представительницей Саксонской династии.

Так как сведения о братьях Гиты крайне скудны, можно сделать вывод, что они не стали видными государственными деятелями, поэтому королевская кровь Гарольда потекла в жилах только русских князей, в том числе, Юрия Долгорукого.

Гита была глубоковерующей христианкой и опиралась как на опыт английской церкви, так и на собственный опыт, в частности, зная чудесное исцеление её отца Гарольда в Уолхэмском аббатстве, что придавало ей сил не сдаваться, воспитывать своих детей в вере, вымолить здоровье тяжелобольному сыну Мстиславу, а также передать любовь к святому Пантелеимону не только своим детям, но и всему христианскому миру.

Гита наверняка рассказывала Владимиру Мономаху о том, чему училась у епископа Леофрика и из «Честерской книги». Определённо, эта женщина была выдающейся и оставила глубокий след в истории Руси, а литература о принцессе Гите Уэссекской может быть дополнена ещё одним важным источником – вторым томом «Истории Российской от древнейших времён» князя Михайло Щербатова.

Источники:

Морозова Л. Е. Великие и неизвестные женщины Древней Руси. – М.: АСТ, 2009. Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. – М., 2001. – ISBN 5-7859-0085-8. Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси / под ред. В. П. Шушарина. – М.: Наука, 1968. – 473 с. – ISBN 978-5-458-27604-7. Хмыров М. Д. Гида Гаральдовна // Алфавитно-справочный перечень государей русских и замечательнейших особ их крови. – СПб.: Тип. А. Бенке, 1870. – С. 27. Саксон Грамматик. Деяния данов. В 2 томах. I–XVI книги / пер. с лат. яз. А. С. Досаева. – М.: Русская панорама; СПСЛ, 2017. – 1224 с. – Т.2. – ISBN 978-93165-369-3 (общ.), 978-93165-371-6 (т.2).

Wehling, Alice. Royal Daughters in Anglo-Saxon England // University of New Mexico. 2017

Темерко А., сост. Лана Д. и Державина В. Жития святых, в землях Британских и Ирландских просиявших. Лондон, Сурожская епархия. 2012

Критика

Валерий Старжинский

Валерий Павлович Старжинский, член редакционной коллегии журнала «Берега», доктор философских наук, профессор кафедры философии Белорусского национального технического университета, член экспертного Совета Парка высоких технологий Республики Беларусь

Отклик на событие

Энциклопедия авторов журнала «Берега», – Калининградская книга, 2019

В июле 2019 года вышла в свет Энциклопедия авторов журнала «Берега», которая ознаменовала пятилетний юбилей этого замечательного издания. Более точно, «не вышла», а подготовлена и издана усилиями основателя и главного редактора Лидии Владимировны Довыденко. Зачем это нужно главреду, этому неистовому и неугомонному «сеятелю чистого, доброго, вечного». Давайте не будем торопиться с ответом, а поразмышляем над этим событием.

Вначале о методологии. Как известно, вопрос «почему?» конституирует науку, а «зачем, каков в этом смысл?» – философию. Начнем с нашего «всего», говоря языком культурологии, непреходящих, абсолютных ценностей нашей отечественной, да и мировой культуры, Александра Сергеевича Пушкина. Все помнят из школы:

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастёт народная тропа ...

Да простит меня великий Мастер, в эпоху интернета, информационного общества, как ни странно это звучит, встаёт задача – отыскать величественные памятники современной культуры и указать к ним тропу. Более того, поддерживать тропу в рабочем состоянии, расставить указатели, а главное – убедить, что это не просто тропа, а дорога к Храму.

После постмодернистских изысков задача усложняется ещё и тем, что в современном мире, якобы, нет никаких памятников (авторитетов, великих достижений культуры и духовности) и не нужны никакие навязывания своих мнений. Якобы, все относительно, в мире нет логоса, а есть хаос и бесконечная свобода выбора. Но это мнение пессимиста, когда у него только «полстакана». Оптимистический, жизнеутверждающий взгляд на мир предполагает преемственность культуры, которая развивается и сохраняется (а значит, сохраняют нашу планету Земля) благодаря абсолютным ценностям, воплощённым в великих произведениях культуры и их творцах. Критик, прочитав эти строки, саркастически улыбнется: «Эка хватил! Где Пушкин и где мы...». Но не торопитесь с суждениями о несоизмеримостях... История, лучший судья, может, будет милостива по отношению и к нашим творцам-современникам.

Зададимся вопросом, а как же разыскать эти памятники. Не только в плане монументальности: пресловутых общечеловеческих, непреходящих ценностей. (Лично я не знаю ответа на этот вопрос, но полагаю, что великие мастера художественного слова современности не только чувствуют, но и знают наверняка. Дело за «малым» – проверкой временем, отделением «зёрен от плевел»). Я же гооврю об информационно-технологической доступности, востребованности и популярности. На сленге: «раскрутке» журнала и авторов. Информационное общество потому и получило свое название, что её субстанцией является информация. Сформулируем задачу на чисто техниче-

ском языке. Научно–публицистический и художественный журнал «Берега» должен обрести свои координаты и место в медийном пространстве.

Но как разыскать эту маленькую звездочку в бесконечном звёздном мире, который представляет собой информационно-медийное пространство, есть ли всеобщий способ ориентации? Да, есть, и называется он – рефлексия. Следует вознестись к небесам и посмотреть с высоты на информационное пространство и попытаться увидеть эти будущие и настоящие памятники. Тем более, памятники не рукотворные, а результат культуротворчества. Самое место им на небесах. Таким образом, тексты будут преобразованы в метатексты, и анализу подвергнутся не только произведения искусства, но и их творцы. Но отрефлексировать, посмотреть сверху – это полдела, следует их оценить–упорядочить (а эта задача, подобна прохождению по минному полю. Есть опасность проглядеть талант, недооценить автора, что чревато...), создать карту звёздного неба журнала «Берега». И построить своеобразный навигатор. Вот главное, но не единственное назначение Энциклопедии персоналий «Берегов».

Заметим, что в советское время подобные метатексты существовали на уровне средней школы, в которых давалась общая оценка, социально-политический контекст написания произведения, основная идея, описывался сюжет и краткое содержание. Школьники такие произведения называли «Критика». Конечно не всё из этой «критики» можно было оправдать, но главное следует наследовать – разрабатывать навигаторы для ориентации в лабиринте хитросплетений культуры и политики, высокой культуры и массовой, узнавать в лицо антикультуру, контркультуру и пр.

Итак, современное информационно-медийное (язык не поворачивается сказать – культурное) пространство замусорено постмодернистской и масскультурной вторичностью. И чтобы разглядеть настоящие бриллианты, золото и платину, надо их поначалу увидеть, созерцать, «брать на зуб», опираясь на мнение знатоков-специалистов. Особенно это важно для молодежи – обрести ориентиры, находить пласты полезных ископаемых в горных массивах.

И это всё для пользователей-читателей. А что же авторы? Разве они не ждут признания от благодарного читателя и критика? Вот вам следующее назначение энциклопедии – антропологическое, вернее, социально– психологическое. Энциклопедия представляет собой не просто список авторов журнала. Она возникла в результате профессионального культурологического, художественно-эстетического, нравственно-эстетического, конциентально-идеологического анализа произведений, разных по стилю, жанру, лингвистическим изыскам, но единых в главном – высокохудожественных и патриотичных. Остается только восхищаться и благоговеть перед мастерством художественно-критической оценки произведений и творцов, выполненной Лидией Владимировной.

Свойство патриотизма отнюдь не случайно названо в качестве одного из критериев качества произведений и их авторов. Красной нитью эта тема проходит буквально через всё содержание журнала «Берега». И здесь я должен изменить стилю и пуститься в пространные объяснения. В силу глобализационных процессов и, прежде всего, информационно – коммуникационных, культура становится полем сражения по принципу «свой-чужой». Наши идеологические (и не только) противники выбирают путь опосредованного идеологического воздействия через СМИ на сознание граждан страны, особенно молодого поколения с не устоявшейся системой ценностей и юношеским радикализмом. С этой целью разрабатывается новый вид оружия – конциентальный. Конциентальность происходит от латинского слова *conscientia* – «сознание» или «совесть». Соответственно, конциентальная война – война на поражение сознания, изменение системы ценностей. В основе такой трансформации лежит уничтожение способности к самоидентификации, т.е. к самоопределению в рамках культурно-исторической традиции. Другими словами, идеологическая обработка осуществляется таким образом, чтобы человек не мог ответить на вопрос: кем он себя считает, в рамках какого национально-культурного образования он предпочитает жить. Расшатывание основ самоидентификации приводит к неустойчивости его взглядов и убеждений и постепенному дрейфу на сторону идеологического противника. Ставится задача – убедить молодежь, что русский человек уже, якобы, не звучит гордо, что русский, якобы, – лузер, исподволь навязывается негативное мышление и установки по отношению к русскому миру культуры и образу жизни. А вот Запад, дескать – это прогресс... Человек, который обладает

чуждой системой ценностей и убеждений способен в процессе холодной и даже «горячей войны» перевернуться на сторону врага. В процессе консциентальной войны цель наших противников – сделать граждан страны её врагами, оппозиционерами, друзьями её врагов. Такие люди делают выбор: отказ от Родины в пользу навязанных им идеалов и ценностей.

Вспомним знаменитые строки Михаила Исаковского:

Враги сожгли родную хату,
Убили всю его семью.
Куда теперь идти солдату
Кому нести печаль свою?

Так вот, задачи гибридной войны и консциентального оружия – сделать так, чтобы граждане своей страны стали её врагами и «сами сожгли родную хату». К сожалению, мы видим весьма эффективное применение этого оружия на примере наших соседей.

Уважаемая Лидия Владимировна! Мы разделяем вашу позицию. Общечеловеческие ценности, и прежде всего любовь к Родине, духовности, культуре являются доминантами нашего социального развития и воспитания подрастающего поколения. Ваша деятельность в качестве руководителя журнала и направлена против расчеловечивания Человека.

Однако не будем о грустном (земном) и обратимся к звездному небу. Автор Энциклопедии создает нам Млечный Путь – большое созвездие авторов, доступных созерцанию каждому на звездном небосводе. Именно главный редактор ищет, зажигает, лелеет звёздочки, открывает новые пульсары и квазары на небосводе духовной культуры, художественного слова на нашей необъятной Родине и за её пределами. Для Лидии Владимировны, как и для всех нас не существует границ, поскольку мы находимся в духовном, нерукотворном мире высокого Искусства.

С выходом в свет Энциклопедии персонаний-авторов журнала «Берега» Лидия Довыденко стала не просто руководителем издания она – продюсер проекта: Возрождение духовности в сфере изящной словесности, демиург, творец мира подлинной культуры. Она не только зажигает звёзды, но и заботится о том, чтобы свет самой далекой звезды был воспринят нами. Помогает ориентироваться в этом звездном небосводе духовности и культуры. При этом она играющий тренер. Энциклопедия обрела статус Полярной звезды, вокруг которой вращается художественно-публицистический и духовный небосвод «Берегов». Кто сомневается в необходимости Полярной звезды, спросите у мореходов и других странников мира.

Критика

Владимир Вахрамеев

Вахрамеев Владимир Сергеевич – представитель того поколения, которое сегодня именуют «Дети войны». Он член Союза журналистов России (СЖР), Международной Федерации журналистов (IFJ), Международной Ассоциации писателей и публицистов (МАПП), ветеран Вооружённых Сил СССР, Войск ПВО страны, имеет около 30 правительственных, государственных и ведомственных наград СССР, РФ и ЧССР, кавалер Почётного нагрудного знака Совета главных редакторов региональных газет России «Четвёртая власть. За заслуги перед прессой» (2012), лауреат премии «Журналист года – 2014» и Международного литературного фестиваля-конкурса МАПП «Балтийский гаммаюн» (2018), обладатель диплома «Золотое перо» ACADEMY OF ARTS AND LETTERS (2017) и многочисленных отечественных и зарубежных дипломов. Владимир Вахрамеев – автор трилогии «Опалённые ложью» (2010–2012), книг: «Я не хотел бы всех печалить», «Лики Балтии» и др., а также сотен статей, очерков, рассказов и иных публикаций в отечественных и зарубежных периодических изданиях

Дорогая Эяна Суодене!

Примите сердечное поздравление с юбилеем от редакции журнала, Ваших друзей, читателей, самые прекрасные пожелания в Вашей творческой и личной жизни!

С новым литературным успехом в Вашем юбилейном году! Удачи, здоровья! Высоко ценим и благодарим за укрепление литературного содружества русских писателей, публицистов и поэтов ближнего и дальнего зарубежья!

Я хожу по вселенским орбитам»...

К юбилею Эяны Суодене

При каждой встрече с этой милой женщиной и талантливым учёным, известной среди филологов и литературоведов, поклонников поэзии как исследователя и знатока жизни и творчества Марины Цветаевой, невольно вспоминаю один из афоризмов древнего мира, что «науки ведут к скромности, лишь глупец кичится учёностью. Так свет усиливает наше зрение и делает слепыми сов». Речь идёт о докторе гуманитарных наук и поэте Эяне Суодене, с которой судьба, в лице замечательной русской поэтессы Литвы Эльвиры Поздней, свела меня несколько лет тому назад. Уже тогда моё внимание привлекли некоторые её поэтические сборники, а это – «Метафизика вечной женственности», «Поэма о Марине Цветаевой», «Поэма о Карсавине или песнь Элените», «Поэма об Андрее Платонове» и другие. Уверен, что только после перечня этих названий, как, впрочем, и после знакомства почти с двумя десятками книг Эяны Суодене не только меня, но и многих не удивит тема диссертации героини моей публикации: «Анафора в поэзии Марины Цветаевой (стилистический аспект)». Некие цветаевские нотки нередко улавливаются в творчестве выпускницы Вильнюсского государственного университета, хотя, бесспорно, отличаются своеобразием. В её поэзии духовное тесно переплетается с божественным: «Я воздух пью, как молоко криницы / От Млечного пути... / О, как мне насладиться / Свеченьем Красоты... // О, как добра природа, / Даруя этот миг / Единства всеблагого / С Творцом

Первопричин... // И чувствую – правдива / Вселенной красота, / И золотится нива, / Как новая строка...» (Международный альманах «Ступени – 2015», Вильнюс Литва, стр. 205).

К своей юбилейной дате рождения Эяна Суодене сделала почитателям её творчества замечательный подарок в виде новой книги «Поэма об Осипе Мандельштаме», которая вызвала широкий позитивный отклик в республиканской и зарубежной печати. Новую поэму, презентация которой состоялась в большом зале еврейской общины г. Вильнюса 13 июня 2018 года, даровитая поэтесса и литературовед начинает следующими строками: *«Вишни в литовской Жагаре, / Словно капельки крови – / Скольких там расстреляли, / Вырвав поэта корни. // Он словно жертву искупления / Себе готовил на заклятие – / Еврейско-русский гений / С литовскими корнями».*

Русскоязычный журнал «SOVA» (Атланта, США) опубликовал на своих страницах большую статью, подготовленную Самоиласом Лорманасом и Гершонасом Тайцасом, в которой освещается столь важное для творческой интеллигенции Литвы событие, как выход книги о гениальном поэте. Так, авторы отметили, что присутствующие тепло встретили родственницу поэта Илону Рукене, а также выступления президента РО МАПП Льва Месенгиссера, автора книги д. г. н. Эяны Суодене, режиссёра русского драмтеатра Юрия Щуцкого и поэта Эльвиры Поздней. Гершонас Тайцас рассказал о своих открытиях в биографии Осипа Мандельштама, новых, ранее не известных, фактов и событий. Таким образом, он заполнил пробелы 1896-1897 годов, не изученного ранее периода пребывания поэта в Каунасе, как, впрочем, и происхождение его фамилии. Автор книги о великом поэте многоуважаемая Эяна Суодене рассказала о том влиянии, которое оказала поэзия Мандельштама на её жизнь и, конечно, на создание поэмы о нём.

Волей-неволей эта публикация в русском периодическом издании США навеяла мне некие воспоминания, связанные как с Осипом Мандельштамом, так и с Эяной Суодене. Так, автор книги о гениальном поэте в замечательном литературно-художественном и общественно-политическом журнале «Берега» №4 – 2017 (Калининград, гл. редактор Л. Довыденко) публикует свою статью «Сокровенный сердца Человек» (О книге Владимира Вахрамеева «Лики Балтии»), которая начинается со следующих строк: *«Осип Мандельштам, отец и мать которого были из Литвы, писал: «Век мой, зверь мой, кто сумеет / Заглянуть в твои зрачки / И своею кровью склеит / Двух столетий позвонки».* Книга Вахрамеева удивительным образом склеивает позвонки двух веков, но уже не девятнадцатого и двадцатого, а двадцатого и двадцать первого. Автору удалось (вспомним выражение М. Бахтина, чьё имя также неразрывно связано с Литвой) передать «сквозную умонастроенность, таящуюся в глубинах всех сфер» погибшей советской Атлантиды, и духовными капиллярами своего сердца написать современную эпоху, общественное сознание которой во многом уже переформатировано». Безусловно, получить такой отзыв о своей книге от столь известного учёного и писателя, каким является доктор гуманитарных наук Эяна Суодене, приятно и, более того, лестно. Должен заметить, упоминание имени великого Осипа Мандельштама в публикации Э. Суодене меня несколько озадачило и только через год стало понятно, что статья была написана в тот период, когда вся научная и творческая жизнь учёного и поэта Эяны Суодене была тесно связана с работой над книгой «Поэма об Осипе Мандельштаме» (Каунас, Литва, 2018). Тогда же я вспомнил своё первое знакомство с поэзией Осипа Мандельштама, которое выпало на начало 50-х годов прошлого столетия и связано с воспоминаниями о моей бабушке Павле Варфоломеевне Вахрамеевой, которая, до памятных революционных потрясений 1917 года, была известной на Вологодчине заводчицей. Кстати, в те, теперь уже далёкие, 50-е годы она, будучи прикованной к постели неизлечимой и тяжёлой болезнью, любила «гонять» меня по ступенькам стремянки вдоль книжных шкафов богатой отцовской библиотеки, на верхних полках которой стояли сборники поэтов Золотого и Серебряного веков. Среди этих поэтических сборников были и книги О. Мандельштама, из которых запомнил лишь две – это небольшая брошюра «Камень» в красивом изумрудном переплёте и серенький сборник (такие до революции выпускало издательство «Копейка») под названием «Tristia». После публикации упомянутой выше статьи Э. Суодене, пересматривая немало статей, очерков и воспоминаний о гениальном поэте, а также перелистывая страницы книг с его произведениями, нашёл и любимое стихотворение моей бабушки Павлы: *«Я изучил науку расставанья / В простоволосых жалобах ночных. / Жуют волю, и длится ожиданье, / Последний час вигилий городских; / И чту обряд той петушиной ночи, / Когда, подняв дорожной скорби груз, / Глядели в даль заплаканные очи / И женский плач мешался с пеньем муз. // Кто может знать при слове расставанье – / Какая нам разлука*

предстоит? / Что нам сулит петушьё восклицанье, / Когда огонь в акрополе горит? // И на заре какой-то новой жизни, / Когда в снях лениво вол жуёт, / Зачем петух, глашатай новой жизни, / На городской стене крылами бьёт?..». Кто-то, вероятно, вспомнил и завершающие строки этого прелестного стихотворения: *«Нам только в битвах выпадает жребий, / А им дано, гадая, умереть».*

Мог ли я предполагать, что через три десятка лет, уже после смерти бабушки Павлы, офицерская судьба приведёт меня во Владивосток. О тех давних событиях, связанных с проведением тактических учений нашей части, которая дислоцировалась на Камчатке и была в ходе учений направлена на полигон Телемба в районе г. Читы. Из порта Петропавловск-Камчатский офицеры, сержанты и солдаты под командованием подполковника Бориса Марковского, у которого в ту пору я служил в должности заместителя по политчасти, вышли на комфортабельном круизном теплоходе «Александр Пушкин» в порт Владивосток (судьба теплохода и причины его пребывания в порту Петропавловск-Камчатский, как и история боевых стрельб на полигоне, подробно изложены в моей «красной» книге «Опалённые ложью» кн. 3, Калининград, 2012 г., ФГУП и Т газеты «Страж Балтики», МО РФ, стр. 195-224). На теплоходе вместе с нами возвращались на «материк» члены сборной команды СССР по горнолыжному спорту, с ними за время рейса завязались добрые приятельские отношения. Продлились они ещё более чем на неделю, которую мы провели в столице Дальнего Востока в ожидании подачи эшелона для дальнейшего следования по железной дороге до станции Чита. Весь личный состав воинской части по прибытию доставили из порта и разместили в Моргородке, который, по словам местных офицеров, некогда был территорией лагеря пересыльных. Более того, мы узнали, что ворота городка остались ещё со времён существования лагеря (N.B., – во время работы над этим очерком узнал, что «лагерные ворота» снесли только в 2005 году).

Через пару дней в казарме «Морского городка», где расположился личный состав нашей части, меня разыскал посыльный по штабу гарнизона и сообщил, что на контрольно-пропускном пункте меня ожидает группа молодых людей. Ими оказались мои недавние попутчики по теплоходу. Следует заметить, к тому моменту из бесед с командованием военного городка мы уже знали, что в сочетании «Моргородок» слово «Мор» могло означать не только «Морской». Ибо почти вся территория военного городка ранее называлась «Спец – пропускник СВИТЛага», т.е. Северо-Восточного исправительного трудового лагеря НКВД (транзитная командировка), по которой протекала небольшая речка Сапёрка, и МОР заключённых в пересыльном пункте являлся неотъемлемой частью той страшной лагерной жизни. Через четыре года, после моего посещения Владивостока, искусствовед Валерий Марков заявит, что именно на территории военного городка, благодаря командованию ТОФ и части, была законсервирована и сохранена конфигурация лагеря, «ставшего объектом особой государственности». Вдоль речки Сапёрки (в настоящее время она протекает в трубах), находился ров, где зимой 1938-39 г.г. «тело усопшего... Осипа Мандельштама... до весны вместе с другими усопшими лежало непогребённым». Затем, как писал В. Марков, «зимний штабель... был захоронен в братской могиле». Более того, среди жильцов нескольких домов, построенных для комсостава и служащих воинской части, ходило из уст в уста стихотворение, в котором были такие строки: *«...и потому эта улица, / Или, верней, эта яма / Так и зовётся по имени / Этого Мандельштама».* Но, с упомянутыми в данной публикации исследованиями, как, впрочем, и с невероятно интересной книгой Павла Нерлера «Осип Мандельштам и его солагерники» (изд-во АСТ, серия «Ангедония. Проект Данишевского»), я познакомился уже спустя несколько лет.

Однако вернёмся к тому летнему дню 1986 года, когда небольшая группа моих бывших попутчиков по морскому рейсу из порта Петропавловска-Камчатского в порт Владивосток на теплоходе «Александр Пушкин» (с 1992 года судно носит название «Marco Polo»), решила навестить меня и пригласить на экскурсию по городу. Вот как описывается наша прогулка в трилогии «Опалённые ложью» (кн.3, стр. 212): *«...спортсмены предложили съездить в район Второй речки. Нашим гидом в этой поездке стала Веста. За дни знакомства я уже знал, что её отец, потомок древнего дворянского рода, был профессором филологии. Чтобы дочь оправдала своё старинное имя, переводимое как «всезнающая», учёный ежедневно занимался с дочерью по многим гуманитарным наукам и изучением иностранных языков. Однако этот профессор-гуманитарий «до мозга костей», не противился увлечению дочери горнолыжным спортом. Благодаря отцу Веста после окончания ВУЗа занялась изучением жизни и творчества советских писателей и поэтов довоенного периода. Одним из любимых её поэтов был Осип Мандельштам. Помнится, мне казалось, что о его творчестве она*

могла говорить без пауз и остановок часами. Во время поездки она читала нам какие-то стихи трагически погибшего поэта, при этом, совершенно не смущаясь и не обращая внимания на реакцию пассажиров автобуса. Именно от этой девушки я узнал впервые о последних днях и часах жизни Осипа Мандельштама, осуждённого по ст. 58 (10) сроком на десять лет и умершего в безвестности от тифа в бараке, который (якобы?.., – прим. В.В.) стоял в районе Второй речки. Через несколько лет в газете «Известия» меня заинтересуют воспоминания Ю. Моисеенко о последних минутах жизни великого поэта. Как не покажется странным, но страшные по своей правде воспоминания арестанта напомнят мне рассказ молодой и красивой девушки-филолога». И далее в своей книге я писал: «Когда мы приехали в район Второй речки, то ничего неожиданного не увидели. Какие-то складские помещения, стрелки, рампы, переплетение железнодорожных путей... Не было ни памятного знака, ни информационного стенда о том, что здесь стояли пересыльные бараки для заключённых, сотни и тысячи которых погибли в муках и страданиях... Через пару дней на этом железнодорожном узле уже шла погрузка боевой техники и личного состава в эшелон, которому предстояло преодолеть путь до станции Чита. В какой-то момент возникшей паузы я рассказал присутствующим о трагической странице истории нашей страны, связанной со Второй речкой, которые поведала мне Веста. Велико же было удивление не только моё, но и других присутствующих, когда комбат майор Олег Волков негромко прочитал известные строки Осипа Мандельштама: *«Мы живём, под собою не чужа страны. / Наши речи за десять шагов не слышны, / А где хватит на полразговорца, / Там припомнят кремлёвского горца»* (кн.3, стр. 213).

Бесспорно, в те далёкие дни пребывания во Владивостоке, посещения мест последнего пребывания О.Э. Мандельштама в нашем брэнном мире никак нельзя было предположить, что пройдёт ещё чуть более трёх десятков лет и перекинется некий мостик памяти между любовью бабушки Павлы к великому поэту, пребыванием в столице Дальнего Востока и поэмой талантливой русской поэтессы Литвы Эяны Суодене: *«Тёмные глаза, / Сдвинутые на переносицу... / Надменная голова... / Вот как увидел Волошин // Юношу Осипа... / «Вот растёт будущий Брюсов»... / Как предчувствовал точно! / Как Волошин искусен! // Конечно, Осипа самость / Ни на что не похожа... / Угадал в Мандельштаме / Геня одарённость, // Вмиг оценил Цветаеву, / Когда её Брюсов поругивал: / Чувствовал силу тайную / В уникальности чудной»* (Эяна Суодене «Поэма об Осипе Мандельштаме», стр. 15).

Замечу, что в воспоминаниях, упомянутых в главе «Танцуем на вулкане» книги «Опалённые ложью», в которой шёл рассказ о встречах во Владивостоке, поездке на полигон Телемба и боевых стрельбах на нём, есть ссылка на очерк «Без дружбы нет службы», опубликованной в газете «Суворовский натиск» в том, уже теперь далёком, 1986 году. В газетной публикации есть ссылка на афоризм неизвестного древнего мудреца Востока: «Пусть никто не соединяется с плохими друзьями, пусть никто не соединяется с плохими людьми. Привяжитесь к хорошим друзьям, привяжитесь к благородным людям». Далее шли размышления, от которых не могу и не хочу отказываться и сегодня, – спустя десятилетия: «Каждому в жизни довелось общаться с множеством людей. Кому-то жизнь ограничивает этот круг десятком-другим людей, кому-то – сотнями... А кому-то по роду своих обязанностей приходится ежедневно и ежемесячно встречаться и общаться с десятками сотен, тысяч людей. Однако в памяти остаются лишь те люди, которые отличались неординарностью. Одни становились друзьями на долгие годы и даже десятилетия, с другими жизнь разводила навсегда...». С молодыми людьми – горнолыжниками больше мне никогда в жизни не довелось встретиться, как, кстати, и с интеллигентной, внешне невероятно привлекательной, влюблённой в творчество О.Э. Мандельштама, девушкой Вестой. Воспоминания о ней вошли в трилогию «Опалённые ложью», работу над которой завершил в 2011 году. Велико же было удивление, когда в следующем, 2012 году, известная в Литве русская поэтесса Эльвира Поздняк познакомит меня с доктором гуманитарных наук и поэтом Эяной Суоденей.

Уже с первых минут знакомства с этой талантливой женщиной было невероятным и до странности знаменательным всё: и то, что её возраст почти совпадал с возрастом Весты, и то, что обе являются наиболее яркими представителями творческой интеллигенции и родились в семьях учёных, и то, что они увлечены творчеством Осипа Мандельштама и даже то, что Веста и Эяна необычайно скромны. Хотя, мне неизвестно, как сложилась судьба той привлекательной дальневосточной девушки – филолога, но, при знакомстве с Еленой Генриховной (так, вероятно, в литературном и учёном мире России именовали бы сегодня талантливую и невероятно застенчивую учёную и поэта Эяну Суо-

дене) мне кажется, нет, – пожалуй, уверен, – произошло некое перевоплощение, метаморфоза или нечто подобное вроде реинкарнации, трансформации, и Эльвира Поздняя представила мне уже умудрённую жизнью и временем ту мою давнюю и случайную знакомую. И эта уже умудрённая жизнью Женщина напишет, спустя более трёх десятков лет после встречи в прекрасной столице Дальнего Востока, эти прелестные строки: *«Я хожу по вселенским орбитам, / Звёзд высоким сияньем дышу, / И, дождём прибалтийским омытый, / Появляется огненных звук: // Я слагаю напевные песни / В золотом ободочке зари, / И церковный серебряный крестик / На небесной высокой груди...»*.

К своему юбилейному 2018 году Эяна Суодене из восторженной и одухотворённой девушки, рождённой в Минске и воспитанной в семье потомственных интеллигентов, станет учёной, известным литературоведом в стране и мире, поэтом и общественным деятелем. Теперь она сама, как кумир её жизни Марина Цветаева, может уверенно заявить: *«Я расскажу тебе – про великую ложь: / Я расскажу тебе, как зажимается нож / В узкой руке, как вздымаются ветром веков / Кудри у юных – и бороды у стариков»* (Марина Цветаева, СС, Минск, 1989, стр. 104). В семье, где отец был профессором физики, а мать – профессором биомедицины, «мне уже с детства была уготована судьба учёной», – скажет мне Эяна во время одной из наших встреч в г. Каунасе (Литва). К тому же, в ту, послевоенную, пору её дед по материнской линии был заслуженным деятелем искусств Литвы, а прадед по отцовской линии – священником. Не удивительно, что в цикле поэтессы «Троицкая Родительская Суббота» находим в одном из её стихотворений такие строки: *«О, Боже, как миры поют... / О, Боже, как сияют... / И будто звёздную тесьму / Мне на запястье дарят...»*, а в другом её произведении читаем: *«Как будто язык иностранный – / Andante... Adagio... / Как будто бы дальние страны / Мне шлют неземные приветы...»* (Международный литературный альманах «Ступени – 2015», Литва, Вильнюс, стр. 203). Каждая из этих строк – это частица биографии учёной и поэта. В 1975 году, после завершения учёбы в Каунасской средней школе, Э. Суодене поступает в Вильнюсский госуниверситет на факультет «Русский язык и литература». Выбор не случаен, ибо девушка росла и воспитывалась в интернациональной литовско-русской семье, где разговорной нормой было общение на нескольких языках, но главными были русский и литовский. Поэтому не удивительно, что в её поэзии мы нередко встречаем слова и изречения на русском, литовском, немецком, польском и иных языках. Так, в стихотворении «В музее Адама Мицкевича читаем: *«Мы, музыкой слов опьянённые, / Состав номинаций пополним... / Да будет рефреном над городом: / «О Litwo, ojszyzna toja!»* (Поэтический облик Вильнюса «Зов Вильны», Вильнюс, 2017, стр. 330-331).

После защиты диссертации, связанной с жизнью и творчеством Марины Цветаевой, непоседливый ум молодого учёного и литературоведа с увлечением постигает нюансы поэтического творчества поэтов Серебряного века и православную поэзию в Литве: *«У Бога не просят лишнего – / Просят самого главного: / Неба над домом чистого / И любви несказанной, / Просят здоровья близким, / Просят здоровья себе, / И – чтоб жила Отчизна, / Преумножая свет»* («К 700-летию православия в Литве», 2017, Вильнюс, Литературно-художественное издание «Присутствие непостижимой силы», стр. 397).

Бурные события начала 90-ых годов прошлого столетия негативно отразились не только в некогда единой стране, но и «взорвали» политическую, социально-экономическую и иные стороны жизни в бывших братскими союзными республиках, сказались и на взаимоотношениях во многих интернациональных семьях. Вот тогда самобытная поэтесса впервые обращается к ироническому стилю в своей поэзии: *«Эзон дал нам манеру – / Стиль очень ироничен, Подтекст столь многомерен, / И – напряженье мысли. // Это – уловка рабства, / И прокрадётся в ум, / И не страшны препятствия / Любых цензур...»* (Литературный альманах «Oceanus sarmaticus» №1-2017, Каунас*Рига, стр. 94). В эти годы происходит деградация тех, сложившихся годами, морально-этических норм и правил, привычного уклада жизни и устоявшегося взаимоотношения в обществе и многих семьях. *«Иносказание хранит следы борений, / И недомолвка тем точнее, / Чем покровы над ней прозрачней, / И мысль читающий обрящет, // Ну, а слова отыщет сам, / И этот убежденный способ / Включает тот потенциал, / Что скрыт далеко в подкорке...»*, – эти стихотворные строки в немалой степени отражают определённый этап жизни поэтессы, её душевное состояние.

Вот уже два года на моём письменном столе лежит незавершённая рукопись новой книги-размышления «Семь смертных грехов плюс...», повествующая о жизненных и душевных передря-

гах, выпавших большинству граждан огромной Державы на начало 90-х годов XX-го века. Как оказалось, писать о пороках людей и общества, как и о тех «дырявых сундуках с новыми жизненными и духовными скрепами», в которые нас заперла недоэлита, более сложно, чем о талантливых, мудрых, интересных и замечательных людях, с которыми довелось встречаться на дорогах жизни. Безусловно, любители поэзии и острого словца знакомы с «гариками» Игоря Губермана: «Прохвосты, проходимцы и пройдохи, / И прочие, кто духом ядовит, / В гармонии с дыханием эпохи / легко меняют запахи и вид». Куда меньше поклонников «корсариков» Андрея Корсарова – поэта и президента МАПП: «Вдруг, глядим – а уже карапузы / Раздирают на части наш быт. / Вместе – суффиксы вновь и союзы, / Благо – школьный задел не забыт». Ещё скромнее круг тех, кто знаком с «валериками», которые писал мой давний, безвременно ушедший друг, поэт, литературный и театральный обозреватель, режиссёр Валерий Петровский: «От лжи тошнит, / Но и от правды – тоже, / Поскольку правда защитить себя не может / И всё кладёт на жертвенный алтарь. / А клевета живёт, / Как царь!». Не меньше мудрых мыслей и афоризмов можно найти и в поэтических зарисовках Эяны Суодене, которые можно смело назвать «эляниками»: «*В потоке информации / Как истину найти нам? / Что там источник знаний, / Раз нет антонимии? // Стирается граница / Меж правдой и обманом... / События фиксируются, / Но нет толкований*». Или другое её поэтическое и остроумное наблюдение: «*Сейчас – реклама между строк... / Куда исчезли все подтексты? / Чем больше нам дают свобод, / Тем мысль неинтересней...*». Мне же куда больше нравится стихотворение поэтессы, которое вошло в цикл «На одном дыхании... *Стихи, пришедшие сегодня 12 мая 2015 года...*»: «*Ты инакий, если мыслишь, / И тем тоньше юмор, / Чем сильнее стремятся втиснуть / Мозг твой в конъюнктуру... // Чтоб духовная культура / Процветала, крепла, / Ей нужна свобода – мудрость / Вызревает в недрах...*».

Знатоки и любители литературного творчества Эяны Суодене знают то, что в её поэзии большое место занимают стихи на религиозно-лирическую и духовную тематику, часть из которых уже приводились ранее. Можно привести ещё немалое их количество, но приведу лишь одно, отличающееся неким своеобразием и непривычностью сюжета: «*Я помню розы райские – / Они благоухали / Непостижимо царственно, / Как розам подобает... // Этот декабрь сияет / Блаженной райской розой, / И лепесточков сладость / Как звуки Чимарозы...*» (Сборник «Присутствие Непостижимой силы» К 700-летию православия в Литве, Вильнюс, 2017, стр. 396-397). Трепетное дыхание поэтических строк Эяны Суодене, несомненно, во многом сравнима с прелестной музыкой ныне подзабытого выдающегося итальянского композитора Доменико Чимаразо (17.12.1749 – 11.01. 1801). Его оперы «Мнимая парижанка», «Итальянка в Лондоне», «Клеопатра», «Тайный брак» и др., а также большинство балетов, драматических кантат и прочих музыкальных творений с огромнейшим успехом шли на сценах не только европейских и российских театров. Кстати, великий композитор несколько лет жил и творил в Петербурге.

Вполне закономерно, что столь трепетное отношение учёного, поэта и героини моего повествования к православию стало отправной точкой для создания Центра культуры имени Л.П. Карсавина при Каунасской Благовещенской Церкви (Литвы), а также организации и проведения Международного фестиваля духовной поэзии Покрова в Воскресенской церкви города Каунаса. Куратором праздника духовной поэзии все годы является настоятель каунасской Благовещенской церкви отец Николай. Сам же этот уникальный проект осуществляется при поддержке Департамента национальных меньшинств Литвы (Н.В. – напомним читателям, что большинство жителей государства являются католиками). В состав организационного комитета входят руководитель Русского собрания Литвы Рябенко Л.П., руководитель каунасского Центра русской культуры «Учение – Свет» Вильчинскене Т.Н., президент РО МАПП Месенгисер Л.П., редактор альманаха «Ступени» Поздняя Э.И. и многие другие известные в Литве представители русскоязычной интеллигенции государства. Кстати, высокой чести быть в составе оргкомитета руководство фестиваля д. г. н. Эяна Суодене доверила и мне. Поэтому, как частенько говорят, изнутри была видна та огромнейшая работа, которую проводила и проводит руководитель этого, всё более набирающего популярность, Международного Покровского фестиваля духовной поэзии. Межу прочим, 2018 год – это год уже шестого Международного фестиваля, в котором участвовали русскоязычные поэты, художники, деятели искусств, художественные коллективы из Литвы, Латвии, России, Беларуси, США, Польши и других стран. И неизменно остаются актуальными слова, сказанные на открытии одного из предыдущих праздников высокой

поэзии, автором идеи и неизменным руководителем его Эляной Суодене: «уникальность фестиваля в том, что в православном храме поэты – представители разных религиозных конфессий – объединили свои сердца в единой поэтической молитве к Богу...», что участники фестиваля собрались для «религиозно-философского осмысления дня сегодняшнего, поэтического проведения будущего и оценки событий времени прошедшего». В «Журнале русского наследия истории и культуры Литвы», издаваемого Союзом русских литераторов и художников «РАРОГ», его председатель – магистр истории и обозреватель Валерий Иванов точно подметил, что в выступлениях участников фестиваля из различных стран мира «звучали исповедания страждущих внимания и ласки человеческих душ» в этом «костном, лицемерном социальном мире». Поэты и прозаики «через образы природы, её красоту... дерзали найти упокоение и земной покой... что «звучали слова, зовущие не успокаиваться на достигнутом, а идти всё вперед и вперед, стяжая истину Вселенского креатора для того, чтобы нести... её людям, жаждающим обрести счастье среди людей, где оно только и возможно...»

Как сказала бы моя бабушка Павла, прекрасно знавшая и владевшая русским языком, галемо (т.е. – важно, значительно) заметить, что всего за несколько лет второго десятилетия XXI-го века в странах Балтии заметно активизировалась русская литературная жизнь. Об этом подробно написано в моих очерках о творчестве современных русскоязычных поэтов и прозаиков Эстонии, Латвии и Литвы. Так, в любимой мною Литовской республике, помимо уже упомянутого Международного фестиваля православной поэзии «Покрова» (Эяна Суодене, настоятель каунасской Благовещенской церкви отец Николай), популярность и авторитет уже завоевали Международный литературный фестиваль «Балтийский гамаюн» (Лев Месенгисер, Эльвира Поздняя, Эяна Суодене) и многонациональный литературный фестиваль «Многоречивая Вилия» (Владимир Кольцов-Навроцкий, Римантас Шална, Эяна Суодене), проводимые в столице Литвы г. Вильнюсе. В одном из своих очерков «Камертон» (Москва), посвящённых фестивалю «Многоречивая Вилия», русская поэтесса Литвы и обозреватель Ева Ахтаева приводит строки одного из стихотворений Эяны Суодене: *«Где ты доблесть, соборность святая? / Где всеобщность любви вселенской?»*. Ответ мы находим в самой публикации, где приводятся замечательные строки письма друга А. Мицкевича, польского поэта Антония Одынца (1804–1885) поэту Сергею Корсак (1864–1895), зачитанные при открытии фестиваля, что «говорящим под наитием духа дан дар всех языков или, лучше сказать, – тот таинственный язык, который понятен всякому». Уверен, что большинство читателей обратили внимание на то, что в числе авторов проектов и руководителей всех трёх наиболее значимых литературных фестивалей мы видим доктора гуманитарных наук Эяну Суодене. Большой интерес представляет перечень только нескольких организаций, представляющих русскую культуру и литературу на этих фестивалях, среди которых: Ассоциация русских писателей Литвы (Е. Шеремет), ЛИТО «Логос» (В. Кольцов-Навроцкий), студия «Плеяда» (Г. Почуев), ЛС «Поэтоград» (Э. Суодене), Союз русских литераторов и художников «РАРОГ» (В. Иванов), ЛО «МиР» (В. Екатериничева-Фатеева), Ассоциация русского романа в Литве (Е. Бахметьева), РО МАПП (Лев Месенгисер), гостиная «Русские посиделки» (Э. Поздняя), салон «Мелодии жизни» (Р. Канаева), Центр культуры им. Л.П. Карсавина (Э. Суодене), Центр русской культуры «Учение – Свет» (Т. Вильчинскене) и др. Помимо представителей общины русскоговорящей интеллигенции Литвы на литературных фестивалях в г. г. Вильнюсе и Каунасе можно встретить депутата Сейма Латвии и поэта Александра Якимова, главного редактора популярного литературного журнала «Берега» Лидию Довыденко (Калининград, Россия), поэтов Нину Гейдэ (Копенгаген, Дания) и Давида Кудыкова (Лондон, Великобритания), руководителя литературной студии «Краски жизни» и поэта Эллен Кофман (Атланта, США), прозаиков Николая Герасимова (Минск, Беларусь) и Валентина Баюканского (Липецк, Россия), президента Европейского Фонда культуры и Творчества «EOS» и известного венгерского поэта Арона Гаала, а также многих других. Как видим, на уже упомянутых и прочих литературных мероприятиях не столько в роли почётно-го гостя, а в качестве организатора, руководителя и участника всегда активно присутствует Эяна Суодене. Столь многосторонняя деятельность учёной и поэта, проповедника русского языка и литературы не должна и не могла остаться незамеченной. Она отмечена многими высокими общественными, научными и литературными званиями и премиями, одно из которых – это «Золотой лауреат» Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» (Москва) за вклад в развитие русской культуры в Литве. А в ноябре 2018 года в большом зале Академии наук Литвы в честь 100-летия восстановления Литовского государства премьер-министр Саулюс Сквернялис вручил Эяне Суо-

дене высокую государственную награду – Серебряный знак чести «За заслуги» в области внесения большого вклада в создание гражданского общества, поддержание и развитие гражданских культур и поощрения межкультурного диалога в Литве.

Стоит отметить уникальные способности героини моего повествования совмещать в своей жизни и деятельности, казалось бы, разные виды литературной и научной деятельности. Так, в канун открытия 3-го Международного фестиваля духовной поэзии «Покрова», состоявшегося в 2015 году, в интервью периодическому изданию Литвы «Обзор» она сообщает, что одной из важнейших особенностей предстоящего фестиваля считает создание при Каунасской Благовещенской церкви Центра культуры имени Льва Карсавина (N.N.V. – Лев Платонович Карсавин или на литовском языке Леонас Карсавинас – профессор Каунасского и Вильнюсского университетов, поэт, религиозный философ, историк-медиевист, автор многочисленных философских и литературных трудов, среди которых 5-томный труд на литовском языке «История европейской культуры», годы жизни 1882-1952), который сама и возглавила. «Лев Платонович Карсавин, яркий представитель Серебряного века, – пишет д. г. н. Э. Суодене, – сочетал в себе блестящее знание как православной культуры, так и католицизм. Опыт сочетания мировидения Востока и Запада, давший неповторимые вершины философской и художественной мысли, является одной из основоположных черт Русского Ренессанса...» и далее: «Мы словно поднимаем перо, выпавшее из руки Льва Платоновича Карсарова, и продолжаем этот диалог, в том числе и на Фестивале духовной поэзии «Покрова», в постоянном стремлении к совершенству, путём постоянной рефлексии в парадигме «Свобода воли – Добро – Зло»...». Столь высоконравственное и одухотворённое состояние души замечательной женщины, поэта и учёного проявляется не только в руководстве деятельностью Центра культуры имени Льва Карсавина, но и участии в Международной ассоциации писателей и публицистов, Каунасском клубе «Надежда», литературной студии «Поэтоград», Русском собрании Литвы, других организациях и структурах, объединяющих русскоязычных граждан государства в их устремлениях сохранить, обогатить и преумножить родную культуру и язык.

Однако, несмотря на своё огромное трудолюбие, невероятную повседневную загруженность, Эяна Суодене всегда была заботливой дочерью и внимательной матерью. Несмотря на болезнь близкого и дорогого ей человека, отнимающего ежедневно немало сил и времени, она всегда остаётся оптимистичным и невероятно приветливым человеком. Осенью 2018 года она не без гордости подарила мне книгу своего сына, магистра эдукологии, Антанаса Суодиса «Meninio vertimo laboratorija», которую перевела на русский язык. Стоит заметить, что этот молодой учёный, последовавший по стезе своей родни, не только начинающий писатель и публицист, но уже известный в стране сценарист, режиссёр и оператор. И, несмотря на то, что он пишет на литовском языке, ему дороги и близки мысли, чувства и слова, высказанные талантливой матерью: *«Кто русский, знает, что другого / Нам Бог не избрёл пути, / Чтоб раны своего народа / Как стигмы светлые нести. // «Мы сами это сотворили» – / Сказал когда-то Карамзин. / Все наши небыли и были / В едином сердце сохраним».*

Когда этот очерк был уже готов, вышла новая книга доктора гуманитарных наук и поэта Эяны Суодене «Поэма об Анне Ахматовой». Новое произведение известного в Литве и мире литературоведа и знатока русской классической поэзии отличается не только мастерством и глубоким философским смыслом, но и элегантностью, отсутствием стандартного подхода к отражению жизни и творчества гения русской поэзии Анны Ахматовой. Уже в предисловии, которое Эяна Суодене назвала «I. ADAGIO. “ автор задаёт себе и читателям вопросы: “Откуда ты пришла? Из Intermario? / Из древней киевской земли? / Откуда в гости к нам нагрянула? / С каких высот? С каких низин?” и отвечает на них во второй части «II. ANDANTE. “. В самом названии глав этой части поэмы читатели видят не только некую загадку, но и скрытый ответ на вопросы, заданные в предисловии: “А. “ВЕЧЕР”, “Б. “ЧЁТКИ”, “В. “БЕЛАЯ СТАЯ”, ... “Д. “ANNO DOMINI”, ... “Н. БЕГ ВРЕМЕНИ”: “Да, стих её не покорён, / Таким остался и поныне, / Поныне женская стихия / Не знает утончённей форм”. Гимном творчеством поэта звучат заключительные строки, которые Эяна Суодене вынесла в 3-ю завершающую часть книги, названную «III. Final», читаем: “А ты запомнила предательства / Незаживающие язвы / И подлинность любви народной, / Как изъявление Высшей Воли, // Как проявление трудной доли / То ли царицы, то ль изгоя, / Неся торжественную мету / Священства русского поэта”.

Критика

Людмила Воробьёва

Воробьёва Людмила Анатольевна – член Союза писателей Беларуси с 2017 года, лауреат Международной премии им. С. Есенина «О Русь, взмахни крылами...» (2017), Международного литературного конкурса «Славянский калейдоскоп – 2018», посвященного Дню единения России и Беларуси (Минск). Автор книг литературной критики: «Душа слова» (2015), «Время жизни, любви и подвига» (2016), «Единство вечных истин» (2018). Живёт в Минске. Литературно-критические статьи публиковались в российских газетах: «День литературы», «Литературный Санкт-Петербург», «Дагестанская правда», «Приневский край» (Гатчина); белорусских: «ЛіМ», «Звязда»; журналах: «Берега», «Подъём», «Невский альманах», «Язык и литература: проблемы теории и практики» (Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра РАН), «Аспект» (Belgrade – Minsk), «Новая Немига литературная», «Белая Вежа», «Роднае слова», а также на Интернет-порталах: «Российский писатель», «Литературный Санкт-Петербург» (Дом писателя), «Осиянная Русь», «Русское Воскресение», на сайтах газеты «День литературы», Союза писателей Беларуси, холдинга Издательского дома «Звязда» (Минск, проект «Созвучие: литература и публицистика стран СНГ»).

Посредине странствия земного...

Размышления над книгой Лидии Довыденко «Гумилёвская осень»

(Завершение. Начало в журнале «Берега», №3 (33)-2019)

ЧАСТЬ 2

«Что делать нам с бессмертными стихами?»

Я – не первый воин, не последний,
Долго будет родина больна
Помяни ж за раннюю обедней
Мила друга, светлая жена!

*Александр Блок,
«На поле Куликовом», 1908 г.*

Опыт тех лет, проведенных Гумилёвым – бесстрашным бойцом – на фронтах Первой мировой войны, подготовил его и для последних испытаний. Большой поэт всегда разделяет судьбу своего народа, оставаясь преданным сыном своего времени. И звёздный взлёт поэзии Н. Гумилёва в три последних года вполне закономерен. Новая поэзия XX века ищет простоты, ясности, достоверности, пытается преодолеть риторичность века XIX, которая так приелась Гумилёву. Именно военный опыт, по убеждению Л. Довыденко, оказался для поэта решающим в его становлении. И она абсолютно права, замечая следующий момент в его творческой биографии, когда говорит о том, что «поэт ещё не прочитан и по какому-то странному недоразумению оставшийся автором «Капитанов» (1909 г.). В книге «Гумилёвская осень» как раз идет речь о «новом мироощущении – одном из наиболее ясных откровений духовного смысла войны», который открылся Гумилёву и нашел отражение в его зрелой

поэзии. Это стихи о войне 1914 года: «Новорожденному», «Наступление», «Война», «Солнце духа», «Рыцарь счастья». В них его поэзия обретает живое и мощное дыхание, блистая своей эстетической данностью, поражая фантастической симфонией культур.

Издавна страна держалась на трёх столпах российской государственности, которыми являлись: Самодержавие, Православие, Народность. Монолитная уваровская формула прочно вошла в народное сознание, и русский солдат в бой шёл за Веру, Царя и Отечество. Л. Довыденко знакомит нас и с книгой религиозного философа Павла Флоренского «Столп и утверждение Истины». В стихах «Новорожденному» (20 июля, 1914 г.), посвященных сыну М. Лозинского, Гумилёв писал: «И он искупит пред Богом / Многие наши грехи. <...> Он должен. Мы бились много / И страдали мы за него», – понимая, что земная жизнь – это, прежде всего, несение креста. Стихи «Наступление» продолжают военную тему, перекликаясь с повестью «Записки кавалериста»: «Мы четвёртый день наступаем, / Мы не ели четыре дня», – здесь, как видим, поэзия вливается в тягучую прозу жизни. Между тем, главное – дух внутренний, а отнюдь не физический, когда «Господне слово / Лучше хлеба питает нас». И «голос дикий» рвётся из груди, и вещи пророческие строки рождаются вопреки и наперекор смерти: «Я, носитель мысли великой, / Не могу, не могу умереть». Но война жестока и беспощадна, доказательством чему стала смерть члена Российского императорского дома, хотя, как скоро станет известно, не единственного в ветви Романовых, князя Олега Константиновича, корнета лейб-гвардии Гусарского полка. Стихи «Наступление» Н. Гумилёв послал А. Ахматовой. Поэта отличало отменное чувство ритма и слова. «И так сладко рядить Победу, / Словно девушку в жемчуга, / Проходя по дымному следу / Отступающего врага», – в последней строфе он предстаёт не только акмеистом, Гумилёв по-прежнему в чем-то тот же романтик, «русский Киплинг», как часто его называли.

Великие исторические события имеют и свою отдачу. Такой отдачей и большой наградой для поэта стали его военные стихи, впитавшие феномен русской культуры, который вне своей религиозной природы и традиции не имел смысла. Та же А. Ахматова отмечала в поэзии Н. Гумилёва «религиозное возрождение» в восприятии им войны. А Н. Оцуп писал о том, что в стихах поэта слышится, «как в молитвах, обращение к Божьей Матери и Христу». Образы нового мира будоражили воображение Н. Гумилёва, в архетипах войны ему виделась особая миссия России, то, о чём писал И. Кант, считая «целью русского искусства – усовершенствование жизни, а не искусства ради искусства». В дневниковых записях А. Ахматовой есть оценка того архисложного периода: «Несомненно символизм – явление XIX века. Наш бунт против символизма совершенно правомерен, потому что мы чувствовали себя людьми XX века и не хотели оставаться в предыдущем...» В самом конце XIX и первые два десятилетия XX века русская культура, как и вся национальная культура, переживали период необычайного подъёма, период, как бы воскресивший и подхвативший традиции пушкинского «золотого века», и названного по аналогии «веком серебряным». Канун нового, XX века, воспринимался современниками как некий итог исчерпывающей себя цивилизации, как преддверие неминуемой катастрофы, как начало конца света. Эсхатологическими настроениями были пронизаны философско-религиозные и художественные пророчества. Это было время бешеной популярности всякого рода оккультных наук, мистических откровений и напряжённой философской мысли, когда человек оказался на краю пропасти, обуреваемый тревожными предчувствиями. Литературовед, критик, публицист Д. П. Святополк-Мирский восторженно писал в 1926 году: «Никогда поэты не занимали такого места в русской общественной жизни, как в период Серебряного века. Флаг поэзии взвивается ветром истории прежде, чем приходит в движение поверхность народного моря». Да, поэт тогда был демиургом, всевластным творцом создаваемого космоса. Свежий всплеск творческой инициативы был осенён знаменами романтизма, близкого к модернизму. Сегодня нам это не понять, но люди того времени стремились жить по законам поэзии, и в обществе было особое отношение к поэзии и к званию поэта, безоговорочно утверждавшего исключительность творческой личности.

Однако вернемся к Гумилёву. В потоке многочисленных течений, группировок, школ, в этой неоднозначной эстетической атмосфере, когда трудно синтезировать обобщенную концепцию, Н. Гумилёв, минуя пестрый шлейф разнообразных литературных ассоциаций и аллюзий, будучи на пути обостренного эксперимента, всё же находит своё сугубо индивидуальное и неповторимое видение мира и искусства, свои утонченные поэтические формы, свою оригинальность поэти-

ческого стиля как наивысшего критерия художественности. Он прошел путь извилистый и тернистый, путь, усыпанный не столько розами, сколько шипами, путь волшебного и мучительного преобразования гадкого утенка в прекрасного лебедя, который, по примеру В. Брюсова, прошли такие поэты, как М. Кузмин и Н. Гумилев, который сформировал своё художественное credo в соответствии со всей мировой поэтической картиной. Гумилёв жил и творил собственную жизнь, красочную, яростную и таинственную.

Вся она нашла отражение в его поэзии о войне. В книге «Гумилёвская осень» автор размышляет об этом и анализирует его отдельные произведения данного периода. И как аналитик-литературовед Л. Довыденко добивается удивительно острого сочетания аналитики с эмоцией. Можно сказать, что «Записки кавалериста» – это боевая страда поэта, а военные стихи – это его героический подвиг. Так произведение «Война», посвящённое поручику Чичагову, Гумилёв пишет, когда уже созданы образы войны в творчестве Пушкина, Лермонтова, Толстого. Но у него собственный найденный ракурс войны, наряду с трагедией, у поэта она становится своеобразным полигоном, на котором проходит испытание на прочность человеческий материал, прежде чем стать материалом для образа. Гумилёв тяготеет к многомерности, проникновенной философской углубленности, осмыслению событий исторического прошлого. Стихи «Война», вошедшие в его сборник «Колчан», А. Ахматова читала на вечере в Государственной Думе. «Как собака на цепи тяжёлой, / Тявкает за лесом пулемёт, / И жужжат шрапнели, точно пчелы, / Собирая ярко-красный мёд», – строки явно прочерчивают пересечения с XV главой «Записок кавалериста», где так же «пули жужжали, как большие, опасные насекомые». Что отличало Гумилёва от других художников слова Серебряного века, отрицающих творчество как служение, чего нельзя сказать о нём, так это то, что он всегда стоял перед Богом: «И, представ перед ликом Бога...» – о чём откровенно признавался в стихах. Его военные произведения просты и торжественны. Поэт не отступался, по словам философа, религиозного мыслителя Г. Флоровского, от «абсолютной, религиозно-нравственной нормы», которая всегда являлась главным мерилом каждой эпохи. «Тружеников, медленно идущих / На поля, омоченных в крови, / Подвиг сеющих и славу жнущих, / Ныне, Господи, благослови», – только Бог может благословить человека на великую любовь и на жертвенный подвиг, ибо слаб он и не в силах один справиться с подобной невероятно тяжелой ношей. И Гумилёв в это свято верил, целиком и полностью вверяя себя лишь одному Богу.

Поэт эстетизировал войну, у него присутствовала своя метафизика патриотизма, воспевающая всепобеждающую терпеливую жизнь духа. Философско-символическое произведение «Солнце духа» впитало в себя впечатления боев в Восточной Пруссии, и «жизнь нервами» описана им в «Записках кавалериста». Стихи были опубликованы в 1915 году в журнале «Невский альманах жертвам войны».

Расцветает дух, как роза мая, / Как огонь, он разрывает тьму,
Тело, ничего не понимая, / Слепо повинуется ему.
В дикой прелести степных раздолий, / В тихом таинстве лесной глуши
Ничего нет трудного для воли / И мучительного для души.

Лишь воспитав душу и волю, можно победить себя, победить смертный страх. А. Куприн говорил о том, что Н. Гумилёв «умел поэтизировать» войну. Но крайне сложно, совместить пафос и обыденность, оставаясь честным перед своей совестью, а еще при этом и соблюсти чувство меры. Изыщна и гармонична гумилёвская ритмика. Близок недостижимый идеал, как близка и эстетическая значимость, подтверждаемая живой поэтической мыслью. Гумилёв талантливо сочетает традиции и новаторство, его идеалы стоят рядом с их реальным воплощением.

А. Ахматова, спустя годы, вспоминала: «Война была для него эпосом, Гомером, и когда он шёл в тюрьму, то взял с собой «Иллиаду». Романтика, мотивы странствий и войны, торжественная песнь победы звучат в стихах поэта «Рыцарь счастья»:

Как в этом мире дышится легко! / Скажите мне, кто жизнью недоволен,
Скажите, кто вздыхает глубоко, / Я каждого счастливым сделать волен.
<...>
Пусть он придёт! Я должен рассказать, / Я должен рассказать опять и снова,
Как сладко жить, как сладко побеждать / Моря и девушек, врагов и слово.

История мира была его историей, и он сам был настоящим человеком мира. Лирический герой Гумилёва решителен, полон веры, он превосходит и себя самого и поэта, реализуя многоликое авторское «Я», очередной раз доказывая, что русский романтизм – явление многогранное и сложное.

Господне слово

Есть Бог, есть мир / Они живут вовек,
А жизнь людей мгновенна и убога.

Николай Гумилёв

В апреле 1918 года Н. Гумилёв возвращается домой. Брестский мирный договор, обеспечивший губительный выход России из Первой мировой войны и сопровождавшийся эпитетом «унизительный», подписан. Говорят, что пути Господни неисповедимы. А пути истории? Пути литературы? История войн, если воспользоваться формулировкой Герцена, часто бывает «сведена на дифирамб и на риторику подобострастия». Именно этого и не могла принять свободолюбивая и прямая душа Гумилёва. Но и одна история с её исключительным сослагательным наклоном не могла и не может всё рассказать о войне, ибо она субъективна. И лишь литература с её гениальными произведениями способна внести не менее существенный вклад в спасение мира, потому что она умеет рассказывать образами, рассказывать через условно сослагательное наклонение мысли и метафоры.

Пожалуй, самые личные и автобиографичные стихи Н. Гумилёва, поражающие, как замечает Г. Струве, своей «объективностью», своей двойственной парадоксальностью, – «Пятистопные ямбы», вошедшие в сборник «Колчан» и адресованные блестящему переводчику М. Лозинскому. Начало их пронизано знакомыми мотивами кочевья и дальних экзотических странствий, но отнюдь ими не исчерпывается, где каждая строфа набирает мощь и неуклонный рост, открывая тематическую широту видения поэта, его безоглядность в литературе. Мы ныне это утратили. Явная боль и горечь разрыва прочитывается в строках, обращённых к А. Ахматовой, обнаруживающих нестерпимую бездну их отчуждения. «Я молод был, был жаден и уверен, / Но дух земли молчал, высокомерен, / И умерли слепящие мечты, / Как умирают птицы и цветы. / Теперь мой голос медлен и размерен, / Я знаю, жизнь не удалась... и ты... <...> Сказала ты, задумчивая, строго: / «Я верила, любила слишком много, / А ухожу не веря, не любя... <...> И ты ушла в простом и чёрном платье, / Похожая на древнее Распятье», – эти печальные признания не могут и сегодня не волновать современников, настолько сильна их испепеляющая страсть, их роковой поединок, не имеющий конца и продолжающийся в веках. «Ямбы» Гумилёва – это серьёзная оценка жизни и творческого пути. И душа поэта, обожжённая счастьем ратного дела, нашедшая в нём свое спасение, беседует со звёздами о Боге, и «глас Бога слышит в воинской тревоге / и Божьими зовёт свои дороги». В. М. Жирмунский оценил справедливо гумилёвские «Ямбы», метко сказав: «Эти стрелы в «Колчане» самые острые, здесь прямая, простая и напряжённая мужественная поэзия создала себе самое достойное и подходящее выражение». Поэт ставит себя перед Богом, обращаясь к библейским евангельским образам высшим стилем. «Крылатый призыв к вышине...», мистическая высота – иной путь, который открылся ему после войны.

Есть на море пустынном монастырь / Из камня белого, золотоглавый.
Он озарен немеркнущей славой. / Туда б уйти, покинув мир лукавый,
Смотреть на ширь воды и неба ширь... / В тот золотой и белый монастырь!

Проецируется некий футуристический взгляд, когда религия будущего, возможно, станет религиозией космоса. И в то же время его стихи воспринимаются не как отдельный голос и нечто непостижимое, но как сокровенное, последнее слово из вечности.

Н. Гумилёв во многих стихах, входящих в послевоенные сборники, предсказывал свою смерть. «<...> Несравненное право – самому выбирать свою смерть», – строки из его раннего произведения «Выбор». Будто предчувствуя ограниченность сроков жизни, он пишет стихи «Смерть»: «Есть так много жизней достойных, / Но одна лишь достойна смерть, / Лишь под пулями в рвах спокойных /

Верись в знамя Господне, твердь». Как умереть? – вот что важно. Только для героев-воинов и благородных мыслителей мира: «Свод небесный будет раздвинут / Пред душою, и душу ту / Белоснежные кони ринут / В ослепительную высоту».

Общий обзор собственной биографии, в котором вновь соединяются и жизнь, и судьба, и творчество даны в стихах «Память» (Сборник «Огненный столп», 1921 г.), известных двумя незабываемыми строками, что навсегда символически врезались и в нашу память: «Только змеи сбрасывают кожи, / Мы меняем души, не тела». Но Гумилёв не был бы выдающимся поэтом, если бы представлял лишь одну биографию, он всегда и везде, безусловно, говорит больше, видит дальше, взлетает выше. Он заново переживает свою судьбу, творит её поэтически, этот «священный долгожданный бой» в нём не замолкает ни на мгновение. «Знал он муки голода и жажды, / Сон тревожный, бесконечный путь, / Но святой Георгий тронул дважды / Пулею нетронутую грудь», – так он напишет о тех военных днях. Поэт опять на пути, где бушует вечная стихия прозрений и озарений. Его любимым поэтом, как замечает Л. Довыденко, становится У. Блейк, поэт-путеводитель. И Н. Гумилёву видятся «стены Нового Иерусалима / на полях моей родной страны». Небесная высота слога не лишает стихи естественности, потому что поэт предельно искренен, нет натянутой искусственности. «Предо мной предстанет, мне неведом, / Путник, скрыв лицо; но всё пойму, / Видя льва, стремящегося следом, / И орла, летящего к нему», – срезы жизни, существующие в памяти человека, что «слабее год от году», словно наслаиваются и разрастаются, открывая Млечный Путь, на котором когда-то могут встретиться изменчивые, непостоянные человеческие души, абсолютно не зависящие от брэнной жизни тела. Поэт поражал своей новой поэтической религией, которая не противоречила христианским истинам, покорял своей жертвенностью русского воина. Философ Е. Трубецкой, говоря о национальном патриотизме России, восхищался святостью этого дела, его правотой, лишенной национального эгоизма.

Поэтика воинского мужества и жертвенного героизма, отвергающего смерть, убедительно слышна в стихах «Священные плывут и тают ночи...» (1915), отражающие чувства тех десяти дней под прусским небом. «Священные плывут и тают ночи, / Пронесётся эпические дни, / И смерти я заглядываю в очи, / В зеленые, болотные огни», – это сочетание эпического и эстетического момента, таинственным способом объединяющем эпичность и сжатость, где энергетически сопряжена рядом частная история и история человечества, исповедь одного человека и фреска эпохи. Поиск утраченного и обретение чего-то неизведанного часто пересекаются в его стихах, уже не удивляя своим парадоксом: «Но прелесть ясная живёт в сознании, / Что хрупки так оковы бытия, / Как будто женственно всё мирозданье, / И управляю им всецело я». Удивительны и стихи «Сестре милосердия» (1915), несущие этим жертвенным ангелам войны боевой и отважный посыл веры «в здоровье духа, / в молниеносный его полет», в особенности их заключительная строфа:

И мечтаю я, чтоб сказали / О России, стране равнин:
– Вот страна прекраснейших женщин / И отважнейших мужчин.

Автор книги не раз обращает наше внимание на провидческие чувства Гумилева, которым было суждено оправдаться. Достаточно упомянуть и стихи о нём наших современников, и памятник, и мемориальную доску, и праздник поэзии «Гумилевская осень».

Как ни парадоксально, но историю делают войны, и отечественная художественно-философская мысль XIX века сильна вечными темами, воплощенными в русской поэзии. Если оттолкнуться от высказывания Н. Бердяева, то Н. Гумилёв гениально владел не только «магией слов, всегда заколдовывающей», но и «мистикой слов, всегда освобождающей».

Необычайно притягательна в книге Л. Довыденко глава «И ещё о небе», без которой образ поэта-воина, поэта-ратника был бы неполным. Образ неба, олицетворяющий бесконечную широту мирового пространства, к чему он действительно испытывал магическую тягу, зрительный образ соприкосновения земного и небесного, проходит через весь гумилёвский сборник «Огненный столп», где собраны его вершинные, зрелые стихи. Этот сборник, наряду со сборником «Костёр», говорит о том, какие неограниченные возможности таились в поэте, жизнь которого так рано оборвалась. Вячеслав Иванов в своей литературоведческой статье «Звёздная вспышка», характеризуя поэтическую судьбу Н. Гумилёва, сравнивает её со взрывом звезды, «перед своим уничтожением внезапно ярко вспыхнувшей и пославшей поток света в окружающие её

пространства». Астральные, космические звёзды, далёкие планеты, Млечный путь, молниеносно сгорающие кометы неотступно озаряют его поэтический мир. Философская составляющая и мистическая интуиция, а он унаследовал этот пушкинско-лермонтовский дар мистика, являются ключом к разгадке его стихов. Представьте такую картину, что где-то в глубине Вселенной мириады звёзд, они рождаются и исчезают, а свет от них тысячелетиями разливается по Космосу. И человеческая жизнь лишь слабый отблеск этой звезды, она мала и мимолётна, но свет от неё может струиться долгие годы по истории мира. Жизнь и судьба Н. Гумилёва, обладавшего внутренней свободой, колоссальной энергетикой и независимостью стиха, – ярчайшее подтверждение этому.

«<...> скитания очищают, переплетают встречи, века, книги и любовь. Они роднят с небом», – писал романтик советской эпохи К. Паустовский. Восточная поэзия – самая большая страсть Н. Гумилёва, африканский материк его манил своим «колдовским очарованием». Произведение, исходящее метафорой, зачаровывающее загадками и тайнами древности, – «Звёздный ужас». Оно всё пронизано символами и знаками. Ничто не раздроблено во времени. Внутренняя душевная сила и гармония рождает и чувство символизма. Захватывает фантастичность происходящего, нереальность и какая-то планетарная перспектива, которую поэту необходимо оставить в сознании последующих поколений. «Это было золотой ночью, / Золотой ночью, но безлунной, / Он бежал, бежал через равнину, / На колени падал, поднимался...» – бежал, падал, но не смотрел лишь «в небо чёрное, где блещут / недоступные чужие звёзды», первая и последняя строки взаимосвязаны, они как будто замыкают вечное кольцо бытия, здесь срабатывает та самая необъяснимая, загадочная нота, делающая стих великим и поднимающая из исторических глубин земли тысячелетние ассоциации.

Н. Гумилёв удивительно поздно раскрылся как большой поэт. В чём же секрет его поздних стихов? Они отличались, по словам В. Иванова, колоссальной мощью, смещающей обычные представления. Дальнейший путь поэта после окончания войны – путь внутреннего углубления. Он в конце концов приходит к выводу, что ему до сих пор не хватало именно глубины, прочной идейной основы. «Заблудившийся трамвай», пожалуй, – одно из самых сложных философских произведений Гумилёва, включающее аллегорическое обобщение собственной жизни и судьбы. Происходит изменение привычных категорий, смещение действия во времени и пространстве, но и странным образом соединение разрозненных деталей и частей стиха, очень ясных и вполне самостоятельных по содержанию.

Шел я по улице незнакомой / И вдруг услышал вороний гай,
И звоны лютни, и дальние громы, – / Передо мной летел трамвай.

<...>

Мчался он бурей темной, крылатой, / Он заблудился в бездне времен...
Остановите, вагоновожатый, / Остановите сейчас вагон.

<...>

Где я? Так томно и так тревожно / Сердце мое стучит в ответ:
Видишь вокзал, на котором можно / В Индию Духа купить билет.

Поэтика духовного героизма окрашена извечной тягой в Востоку, где в соприкосновении ощущается и острое предвидение собственной смерти. «В красной рубашке, с лицом, как вымя, / Голову срезал палач и мне...» – так метафорически представляет поэт свою смерть. При этом в стихах прослеживаются точные причинно-следственные связи между самыми различными событиями, когда все части собираются воедино. Поэт использует литературные реминисценции, навеянные воспоминаниями пушкинских мотивов из «Капитанской дочки» – образ Машеньки, а из «Медного всадника» – образ Императрицы. «И все же навеки сердце угрюмо, / И трудно дышать, и больно жить... / Машенька, я никогда не думал, / Что можно так любить и грустить», – жизнь тем и влечёт, что человек никогда не может себя исчерпать, что нет ничего окончательного в его судьбе. Эта парадоксальная двоякость происходящего и помогает ему идти дальше, падать, вставать, всё терять и вновь обретать себя. Возможно, тут ощущается и влияние Блока на поздние стихи Гумилёва. Он учился у Блока противоречиям в поэзии. И его стихи по-блоковски были «натянуты, как холст, между двумя противоречиями».

Философская мысль в поэзии Серебряного века тяготела к диалектическому взаимодействию, к самоосознанию себя в меняющемся мире. Художники слова пытались соединить философию и поэтическое знание, предвидя грандиозные перспективы развития философии и литературы. В XIX и XX веке начинает активно доминировать русское философское течение – космизм, открывающее органическое единство всего и во всём. XX век стал веком возмездия, веком мучительного поиска понимания в непрекращающейся борьбе противоположностей. Гумилёв, используя образы пространственного единства, создает в своей поэзии общее органическое мироощущение. Философ Н. Лосский рассматривал мир как целостную систему, как единство органически целого. И Н. Гумилёв заражал умы философией поиска истины, её благородным духом, вызывая своей поэзией чувство философского восторга. Противоречивая борьба идей найдет выход в его стихах «Шестое чувство». Да, жизнь неоднозначна. Наряду с вещами традиционными, есть и нечто непостижимое, загадочное. «Но что нам делать с розовой зарёй / Над холодеющими небесами, / Где тишина и неземной покой, / Что делать нам с бессмертными стихами?» – задается вовсе не риторическим вопросом поэт. И выдаёт исключительный ответ, завершая этот поэтический шедевр строфой, раскрывающей секрет гармонии и примирения с двойственностью мира:

Так век за веком – скоро ли, господь? – / Под скальпелем природы и искусства
Кричит наш дух, изнемогает плоть, / Рождая орган для шестого чувства.

Эволюция духа как высшая цель, где поэт «носитель мысли великой», найдет у Гумилёва своё развитие в центральной теме – теме слова, высвечивающей подлинную высоту человеческих устремлений. «Путь Гумилёва – движение к «сакральному творчеству, к стремлению объяснить бытие России и человечества в XX веке, соединить «личное» и «соборное», – пишет Л. Довыденко. И поэт напоминает нам всем об ответственности за изречённое слово, о его роковой неслучайности в нашей жизни и в человеческой судьбе. Гумилёвская строка восхищает своей фантастической плотностью, энергетическим накалом мысли. Поэт считал, что «без изучения поэзии нельзя писать стихи». И он усиленно учится стихотворному мастерству, будучи при этом отчаянным словолубом и мечтателем. Стихи «Слово» перекликаются с его поэмой «Начало», где «заповедное слово Ом» – сама божественная плоть, сама материя и аура природы, некий космический Абсолют. Гумилёв по-пушкински верил в то, что гениальные слова и строки способны изменить жизнь и судьбу. Гениальное стихотворение будто вырастает из самого себя и бесполезно пытаться его интерпретировать. Тело слова, претерпевшее воплощение, способно к воскрешению, к новому уровню существования, к просветлению души и ее бессмертию.

В оный день, когда над миром новым / Бог склонял лицо свое, тогда
Солнце останавливали словом, / Словом разрушали города.

Мир слова таинственен, непознаваем до конца, он воистину целомудрен, прост и точен, как мир Бога.

Но забыли мы, что осиянно / Только слово средь земных тревог
И в Евангелие от Иоанна / Сказано, что слово – это Бог.
Мы ему поставили пределом / Скучные пределы естества.
И, как пчелы в улье опустелом, / Дурно пахнут мертвые слова.

Как завещание потомкам звучат стихи «Мои читатели» – своеобразная исповедь поэта, в которой он говорит и о предназначении человека, о предначертании судеб, когда все земные пути ведут к Богу. Читатели Гумилёва близки ему по духу: «Много их, сильных, злых и веселых, / Убивавших слонов и людей, / Умиравших от жажды в пустыне, / Замерзавших на кромке вечного люда, / Верных нашей планете, / Сильной, весёлой и злой, / Возят мои книги в седельной сумке, / Читают их в пальмовой роще, / Забывают на тонущем корабле», – перед его читателями весь мир, огромный и разноликий, и они владеют им, как когда-то владел и сам автор этих строк. Но отраднее то, что спустя столько десятилетий, Гумилёв по-прежнему владеет нашими умами и сердцами: «Я научу их сразу припомнить / Всю жестокою, милую жизнь, / Всю родную, странную землю / И, представ перед ликом Бога / С простыми и мудрыми словами, / Ждать спокойно Его суда», – вещие строки поэта словно вписаны в книгу жизней Вселенной, в которой обязательно должны храниться гениальные стихи, ведь и слово, что было вначале, было словом Бога, и было оно, несомненно, поэтическим.

В контексте сказанного, мы видим, что великие писатели и поэты прошлого не боялись ставить насущные жизненные вопросы и искать на них ответы. Процесс этот бесконечен. Мы тоже сегодня в поиске свежих идей и решений. Благодаря книгам, подобным «Гумилёвской осени», тем священным десяти дням, которые потрясли мир поэта и вошли в нашу с вами жизнь, мы находим смысл бытия, находим внутреннее равновесие, что дает нам и новый прилив сил. Николай Гумилёв научил нас многому: осуществлению живого слова, смелости мысли, проникновению в мир красоты, он научил, возможно, самому главному – быть выше любых обстоятельств. Чтобы история не стала мифом, она должна быть, как и дерево, с корнями и кроной. И мы должны очистить память, она не должна быть отравленной, и по нашим венам не должна бежать «отравленная кровь». Когда осуществляется воля истории, то осуществляется и неизбежное право собственной человеческой памяти, к которой призывал поэт и о которой говорил в своих стихах. Он страстно хотел этой сакраментальной сопричастности. И великое будущее военной литературы прошлого в том, что она всегда прежде и впредь, что мы непосредственно находим в документальной повести Гумилева «Записки кавалериста» и в его военной поэзии.

Сквозная тема книги «Гумилёвская осень» – проблемы войны и мира, исторической ответственности каждого живущего на земле, его гуманистических возможностей в результате опыта, накопленного человечеством, а также в контексте современных реалий с опорой на национальные традиции нашей русской литературы. Лидии Довыденко удастся синхронизировать и осмыслить бытие и творчество поэта на гребне глобального цивилизационного разлома, осмыслить всего лишь в пределах десяти гумилевских дней под прусским небом, проводя нас по дорогам войны, которые в конечном итоге, как и дороги жизни, всегда ведут к миру, а значит и к Богу. Давайте будем размышлять историософски, учиться и помнить, как это делал русский поэт Николай Степанович Гумилёв, о том, что история и поэзия живёт в нас, в каждом шаге, до последнего дня и часа. И не прощает предательства.

«Едут в Победино, чтобы прочувствовать Гумилёвскую осень, ставшую символом «серебряного века» в Калининградской области, едут в Победино, как к месту паломничества, те, кто любит поэзию Н. Гумилёва», – пишет в завершении автор, соединяя в книге исторический фон с хроникально-бытовым и с условным временем, подразумевающим прошлое, настоящее и будущее. И пророчески звучат строки поэтессы Татьяны Гнедич, посвящённые Гумилёву, в ее «Венке сонетов», написанном в прошлом веке:

Народный разум всё ему простил –
Дворянской чести рыцарственный пыл
И мятежа бравурную затею –
Прислушайтесь: над сутолокой слов
Его упрямых бронзовых стихов
Мелодии всё громче, всё слышнее.

Использованная литература:

- Гумилев, Н. С. Собрание сочинений в четырех томах. / Н. С. Гумилев. – М.: ТЕРРА, 1994.
Гумилев, Н. С. Лирика. / Н. С. Гумилев. – Мн.: Харвест, 2018.
Ахматова, А. А. Сочинения в двух томах. / А. А. Ахматова. – М.: Худож. лит., 1986.
Поэтические течения в русской культуре конца XIX – начала XX в.: Хрестоматия. – М.: Худож. лит., 1988.
Русская поэзия XIX – начала XX в. – М.: Худож. лит., 1987.
Сонет серебряного века. – М.: Издательство Правда, 1990.
Война в славянской литературе. – Мозырь: ООО «Белый Ветер», 2006.

Критика

Екатерина Фёдорова

**Рюрикович на переломе эпох:
сборник статей, интервью и других материалов.
Издательство «Минувшее», Москва, 2019**

К 50-летию культурной и благотворительной деятельности в России

Кто такой Никита Лобанов-Ростовский?

Почему надо непременно познакомиться с этой книгой? Во всех ипостасях своей деятельности, в своеобразии отношения к миру и в своих радостях и горестях представлена в высшей степени обаятельная и противоречивая личность.

Личность

Отважный и осмотрительный; чувствительный и беспощадный; расчетливый и жертвенный; требовательный к себе и капризный; рискованно вольный на языке, но в душе чопорный и благовоспитанный; авантюрный, но бесконечно честный; то, как по нотам предсказуемый, то внезапный, как стихия; порой суровый до одервенения, неумолимый, а в то же время трогательный ребенок... Этот ряд каждый из знающих Никиту Дмитриевича Лобанова-Ростовского мог бы продолжить на свой лад. Вызывает самые разнообразные эмоции, кроме одной – скуки. Почему ещё?

Человек большой культуры

Культуры, доставшейся ему по праву рождения, принадлежности к древнейшему благородному семейству, но, бесспорно, являющейся плодом его постоянной потребности учиться, возникшей и благодаря энергичному интересу к жизни и людям. Его вкус и мнения о художественных процессах и мире выставок, коллекционеров и аукционов притягивают внимание, а также просто полезны для всех, интересующихся искусством.

Государственный муж

Он, конечно, подлинный **государственный муж**, в строгом смысле этого слова, подобно его предкам: губернатору Якову Ивановичу, министру юстиции Дмитрию Ивановичу или министру иностранных дел Алексею Борисовичу Лобановым-Ростовским, председателю кабинета министров светлейшему князю Петру Васильевичу Лопухину, главе российского флота графу Григорию Григорьевичу Кушелеву, а также морскому министру маркизу Ивану Ивановичу де Траверсе. Он деятельно исполняет важные общественные должности – так будет всегда – и владеет умением оценивать экономические и политические процессы современного общества широкомасштабно и квалифицированно, привлекая знания законов финансового рынка, и того, как, в целом, устроена жизнь. Отсюда – достоверность прогнозов. Привлекательно и познавательно.

Великий обман в Ростове Великом

Тяжёлым и постыдным «детективом» нашего времени является представленная в документах история с музеем-заповедником «Ростовский кремль», получившим от князя самое крупное

Я.И. Лобанов-Ростовский

Д.И. Лобанов-Ростовский

А.Б. Лобанов-Ростовский

П.В. Лопухин

И.И. де Траверсе

Г.Г. Кушелев

Д.И. Лобанов-Ростовский

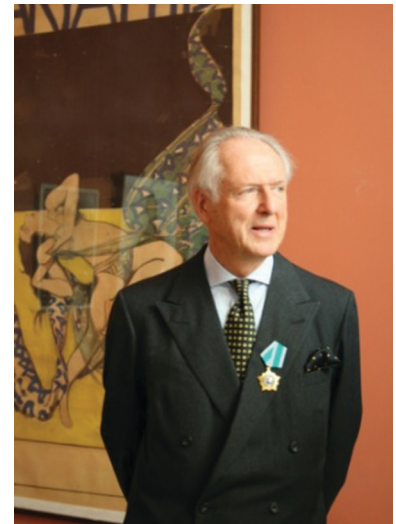
*И.В. Лобанова-Ростовская
с сыном Никитой*

*Рекламный проспект
для выставок даров Н. Лобанова*

*Александра Экстер.
Театральный эскиз*

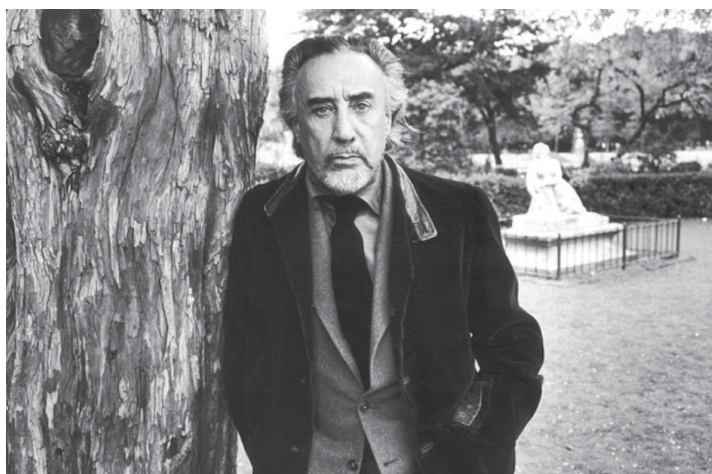
*Н.Д. Лобанов.
Театральный музей,
Санкт-Петербург. 2008*

*Рекламный материал, изданный Музеем Ростовского кремля
для выставок даров Н. Лобанова*

*Н. Лобанов с терьером Салли.
Лондон. 2010*

Ромен Гари

Рюрикович на переломе эпох

**Князь Никита Дм. Лобанов-Ростовский:
зэк, «вор», чемпион-пловец, геолог,
банкир, меценат**

Н.Д. Лобанов-Ростовский. Москва, 2019.

Фото Д.И. Белякова

Обложка книги

в XX–XXI вв. для этого учреждения дарение, публично обещавшим размещение коллекции Лобановых-Ростовских в отдельном особняке, но вместо того начавшим публичную травлю дарителя. В этой истории ярко читается характер нашего времени и его «нравов». Пока можно сказать одно: тот, кто рассчитывал на сокрушительность безнравственной акции, – несколько просчитался. Лобанов-Ростовский вечный борец, держит удар. У меня нет сомнений, что музей состоится. Знать бы, когда?

Цена жизни.

Метод вербовки в советской Болгарии

И, наконец, неизбывные печали Никиты Дмитриевича. Ценным для историка и вообще для людей, которым небезразличны судьбы родины и её несчастных детей, попавших в трагический круговорот истории, являются публикации фрагментов дел отца и матери героя книги. Пронзительной болью отзываются страницы допросов его матери, Ирины Васильевны, ур. Вырубовой.

Её муж Дмитрий Иванович исчез среди бела дня, на самом деле был расстрелян. Она – одна, без средств к существованию, на руках с несовершеннолетним сыном. Её привлекает к вербовке болгарская госбезопасность. Она понимала, что несогласие повлечет за собой неизбежное уничтожение её и сына.

Впрочем, именно эти документы, которые Никита Дмитриевич принял мужественное решение опубликовать, свидетельствуют: в чёрные дни, в полном отчаянии Ирина Васильевна прилагала невероятные усилия, чтобы не навредить окружавшим её людям.

Смертельно больная раком, она вступила в неравную и безнадежную игру с органами, поставляя пустые дамские сведения о бытовых мелочах. Понимала, что её «нерадивость» будет ими открыта, и это лишь вопрос времени. Мы видим по документам, что так и произошло. Органы приняли решение вывести на чистую воду Ирину Васильевну. Шантаж, угрозы, весь набор психологических пыточных инструментов...

Выручил случай – появляется влиятельная после Великой Отечественной фигура писателя Романа Гари, героя-лётчика, а в тот момент дипломата...

Критика

Лидия Довыденко

Главный редактор художественно-публицистического журнала «Берега», прозаик, публицист, секретарь Союза писателей России, член Союза журналистов России, кандидат философских наук, автор 19 художественных, историко-краеведческих, публицистических книг, ряда телевизионных фильмов. Победитель различных литературных конкурсов и премий

Заветы человечеству. О книге Амира Пахлевана «Грани таланта»

К 60-летию поэта

Многогранность личности Амира Пахлевана позволяют ему охватывать далёкие горизонты человеческой и общественной жизни на территории этики человечества. Память и ответственность, любовь и милость, думы о совестливом мире привлекают к той вечно новой старой истине о Бытии, с которой нужно знакомить каждое новое поколение, часто уткнувшееся в гаджет и лишённое драгоценного дара – живого общения.

Особой миссией в мире автор наделяет Поэта, которого он ставит выше «любого адвоката и депутата», потому что подлинная поэзия – это «голос народа», именно Поэт «высказывает все его думы и чаяния», служит своему народу, презируя корыстолюбие: «порою эта миссия так тяжела, что хочется её сбросить со своих плеч, но этого он не может совершить, так как он есть совесть народа и не вправе обмануть его».

Поэт, писатель, художник, музыкант, если они являются выразителями духовной сущности своего народа, они несут ему в своих произведениях слова доброты, красоты, искренности, простоты, отзывчивости, что подпитывает внутренний ресурс человека, расширяет палитру мира множеством оттенков позитивных чувств и действий, делая человека более устойчивым психологически, помогая делать правильные поступки.

В сборнике Амира осуждение зла, войн, людей, погрязших в потребительстве и стяжательстве, посягнувших на уничтожение природы, разрушающих семейные традиции, осевших в оффшорных зонах, а также осуждение СМИ, которые из людских судеб и трагедий делают развлекательные шоу, – что позволяют отнести его книгу к тем, в которых читатели очень нуждаются, чтобы духовно расти.

Поэт и философ, он знакомит нас с восточными притчами и мудрыми размышлениями, выражая их образными обобщениями в поэтической метафоре:

А когда наш древний мир
был новым,
Ничего этого
в нём не было –
Было слово.
Мы слушали не ушами,
Говорили не языками,
А говорили ветрами,
Говорили лесами.

Художественный облик Пахлевана близок не только азербайджанцу, но и всему земному миру, не обходящемуся без Божьего человека.

Язык мой – Вселенная,
Весна, лето, осень, зима.
Язык мой – нежный мугам,
Зов предков, клад потомкам.

(Мугам – азербайджанская традиционная музыка, многочастное вокально-инструментальное произведение)

Язык мой –
Вселенная целая,
Звонкий мой колокольчик,
Новруза роза алая!
Язык мой,
Истории друг и попутчик!

(Новруз – древний праздник нового года, который приходится в день весеннего равноденствия).

Поэт Амир Пахлеван призывает людей на планете взяться за руки во имя противостояния злу, ведь «все мы здесь квартиранты, и одна у нас планета».

Встанем все мы стеной, как один,
Вспомним прошлые дни, поглядим,
День за днём мы возвысимся вновь,
Мир не может остаться таким!

В стихотворении «Дорога» выражена жажда справедливости, мечта, чтобы политики замолчали, и мы, наконец, услышали пение птиц:

Хочу я справедливости –
Ужасен мир, когда
Птицы молчат,
Говорят политики («Спаси меня, мама!»)

Автор осуждает такое страшное явление на планете, как торговля детьми, и рассказывает о силе молитвы. Его не смущает, что кто-то его «считает наивным человеком», кто-то «пользуется добротой». Мы достигли такой степени расчеловечивания, что все, кто против этого явления, должны что-то делать, чтобы «красота и доброта спасали мир». Писатель делится заветами своей матери: «Всегда протягивай руку тому, кому плохо, и умей прощать того, кто сделал тебе больно по неведению. Самое великое качество – это уметь прощать своих врагов. Пусть Господь исправляет их, направляя на путь истины».

Ставя вопросы, кто я, кем я могу стать, человек может найти для себя примеры для подражания, моральные ориентиры. Поэт напоминает нам о чудесных, бесценных качествах человека: умение дружить, верность и преданность, «высокая любовь», бережное отношение к языку, мудрость и величавость:

...Эту песню сердце поёт,
Высокая любовь поёт.
Испытанный веками,
Верный мне язык поёт.
Журчание родников –
Язык мой!
Величавость высоких гор –
Язык мой!
С мудрым племенем тюрков
Уходит вглубь веков
Язык мой!

С художественной убедительностью рассказывает поэт о Нико Пиросмани (Пиросманишвили Николай Асланович), который родился в 1862 году в селе Гахингилой Гахского района. Позже он переехал в Тбилиси. Сюжет знаменитой песни «Миллион алых роз» (слова Андрея Вознесенского, композитор – Раймонд Паулс) – это подлинная история в жизни реального художника, способного на великие поступки:

Ночью он рассыпал
Эти цветы на площадь
Перед её окном.
...Пожалейте того, кто возвысил опять
Из руин замок вечной любви («Пожалейте»).

Рискуя жизнью, постоянно подвергаясь себя опасности за голос истины, Поэт остаётся верен себе:

И совесть чистую, и имя пред народом
За миллионы я не покупаю («Некто – покровитель неких»).

Краеугольным камнем человечества является его доброта, человечность, благородство, величие, но, их нужно защищать и отстаивать:

Бесправья здесь закон
Все ложью спрессовал.

Лирический герой Амира Пахлевана уверен, что судьба мира предрешена, он «исчезнет в миг один», если не услышит планета Поэта.

Гаджылы Амир Пахлеван оглы родился 29 июля 1959 года в Нахчыванской АР Азербайджанской Республики. В 1977 году был призван на военную службу, которая прошла в Новосибирске. Окончил факультет журналистики Азербайджанского государственного университета, является главным редактором и учредителем газет «İlham», «Вдохновение». Лауреат ряда конкурсов и кинофестивалей. В 2009 году получил премию «Посол мира». Автор 70 книг, 4 художественных и 11 документальных фильмов.

***Сердечно поздравляем Амира Пахлевана с юбилеем
с пожеланием новых творческих успехов, воплощения в жизнь
самых смелых замыслов, с благодарностью
за благородство поэзии!***

Мир без границ

Берега Чехии

Ольга Белова-Далина

Москвичка, проживающая в Чехии. Выпускница Карлова университета в Праге. Преподаватель русского и английского языков. Автор-составитель сборника «История искусств. Краткий курс лекций для средних школ» (Москва, 1997, 2000). Среди публикаций также статьи по педагогике и психологии искусства, подборки стихов, рассказы, сказки в литературно-художественных и научных изданиях России, Чехии, Финляндии, сборники стихов. Дважды победитель Пражского международного литературного фестиваля (2013 г., 2014 г. – первое место в номинации Поэзия).

Член Союза литераторов РФ, Русского творческого союза в Чехии. В 2015–2018 гг. – главный редактор альманаха «Пражский Парнас» Союза русскоязычных писателей в Чешской Республике. 2016–2019 председатель Русского творческого союза в Чешской Республике. С 2019 г. главный редактор литературного альманаха «Влтава».

* * *

Мой далёкий, безвинно опальный,
ваша длинная тень – от окна до стены –
в моей спальне,
там, где в зеркале старом овальном
силуэты темны,

где дрозда перепевы побудкой
сквозь окно проникают в тревожные сны
бледным утром, –
лишь желание тени, лишь шутка
подгулявшей луны.

* * *

отцветала рябина,
ветер мял занавески,
ты стоял у окна,

я ли – веской причиной,
ты ли – доводом веским?
на обоих вина?

или оба невинны –
дважды два равновесья
и разлука одна...

свет стекал по гардинам,
были тени не резки,
создавала луна

(без угля и сангины),
на стене у окна
и на памяти фрески.

В КОМНАТЕ

Два на два метра полотно:
зелёным, голубым и жёлтым –
в открытое окно –
пейзаж с далёким

горизонтом.

Угрюмым гостем – грузный стол:
на чёрном бледность орхидеи.

Но зацветает пол –
цветы заметно

поредели.

И, ох уж, эти зеркала!

Пусть будет символом печали
серебряный овал:
в нём отразишься ты едва ли.

* * *

Прорастает трава сквозь камни –
греет солнце горбы камней.
Сквозь пространства и дней нетканность
прорастаешь и ты – во мне.

Чем ростки поливаю? Кровью
дней моих. Суждено – вершись!
Нет других прорастаний кроме
в теле – тела, в душе – души...

* * *

Присвоен инвентарный номер,
а значит, скоро уходить
очередному году – кануть в Лету...
О, сколько среди канувших таких,
которым пожалео и тавра
с набором суетливых цифр и знаков!
Но, слава Богу, что не одинаков
за годом уходящий год,
Был между ними – торопливый – тот,
что носит человеческое имя.
Он меткой неизбежности помечен –
год нашей встречи.

* * *

Герберы были
так подобны астрам,
а значит, звёздам...
Не сегодня. Завтра
узнаешь, что последним
был торопливый летний
рассвет – наш третий лишний.
Нет – соавтор,
подельник, соучастник,
соглядатай.
Пришла пора
сомнений и закатов.
Себя с собою сверив,
закрой за мною двери.
Не взяв залога,
избежим расплаты.

* * *

Пора. К губам свисток поднёс
кондуктор. Прага. Главный
вокзал.
Отходит плавно
мой поезд.
И под стук колёс –
и рельсовый и шпальный –
забавно мне грустить о вас –
улыбкою наружу.
Но, мой покой нарушив,
заката воспалённый глаз
заглядывает в душу...

ФИКУС И ТЮЛЬПАНЫ

Я видела: фикусу кто-то
отрезал зелёный росток.
Белёсой дорожкой тонкой
струился медлительный сок.

А рядом в стаканах – тюльпаны,
на глади дубовой стола.
Но мелкими были стаканы,
а жажда глубокой была...

Приснится, я знаю, однажды
мне в самом унылом из снов
тюльпанов безмолвная жажда
и фикуса белая кровь.

ОБНОВА

Крючок вязальный – карандаш. Вот петли.
Они же – буквы – я стихи вяжу,
в слова вплетая трудно пряди света
от лампы, наклонившей абажур.

И, попирая штампы коннотаций,
неточной рифмы славя диссонанс,
я повинюсь. И даже может статься,
что ничего не напишу о нас.

Оконной раны чернота сквозная
в боку оштукатуренной стены
затянется к утру. И точно знаю,
что с неба уберут бельмо луны.

И будет день, как прежде было слово.
Проснутся золотыми облака,
и предъявлю я им свою обнову:
смотрите! – ни о чём, зато в стихах.

* * *

Лучами солнца
снова полон дом.
И снова пустота хрустальных ваз –
призывом к наполнению цветком.
Лучи тепла,
как мне не помнить вас?!
Вы золотом
на куполах церковей
играли в летнем городе моём,
и прятались в желтеющей листве,
на время
побеждённые дождём.

Блестели в волосах моих детей
вы сотню детских радостей назад,
и тысячу ребяческих затей.
Когда-то, помню, и в моих глазах
вы отражались.

Но пришла зима –
неряха – платье серым лоскутом...

* * *

В лоскутном

 платьице льняном,
подол замысловатым кружевом –
висит, совсем ненужная,
над письменным столом
марионетка.

 Меркнет свет,
бесцветен лён, тусклы кружавчики,
и гвоздь покрылся ржавчиной,
а милого всё нет...

На склоне

 пасмурного дня –
пусть не любя, пускай из жалости –
сними с гвоздя... Пожалуйста,
с гвоздя сними меня!

* * *

Как ноябри роскошны
в Иль-де-Франс!
Свежи дожди, и солнца вдоволь...
Найду ли правильное слово?
Храни, о Боже, от бесстыдства фраз!

А в Иль-де-Франс
опасны ноябри –
кто невиновен, тот подсуден.
Язык людей мне скуп и труден,
Но всё же вывожу «Je suis Paris».

* * *

Весны в своих наивных песнях
воспела бы я божий дар,
когда б не полыхал пожар
в душе, скорбящей по Одессе,
не тот предсмертный плач когда б,
когда бы не проём оконный,
когда б не ангел нерождённый...
Второе, май – нет горше дат.

* * *

Мне душно внутри и снаружи тревожно.
Не лечит уже городской променад,
вдоль улиц кривых с топонимикой сложной.
На волю, к холмам! И дышать-вспоминать!

И вспомнится Мурманск, откуда я родом,
мой дед-капитан и отец-мореход.
Потом ностальгия грунтовой дорогой
в деревню, где тридцать дворов уведёт.

Там крынки на тыне и сено в сарае,
польнь-лебеда да люпиновый цвет –
там лето. И мама, совсем молодая,
несёт на террасу ромашек букет.

Мир без границ

Берега Чехии

Наталья Волкова

Родилась и провела детство в Екатеринбурге, более 25 лет живет в Праге. Окончила Карлов университет по специальности «Славянские литературы» с титулом «доктор». Преподаватель, переводчик, журналист. Председатель Союза русскоязычных писателей Чехии. Автор четырех стихотворных сборников. Стихи, статьи и переводы публиковались в журналах, газетах, научных и поэтических сборниках Чехии, Германии, России, Австрии, Польши, Болгарии и США.

ИТАЛЬЯНСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

1.

Зимой ты мне являешься всегда
Не кучная и потная, дневная
А праздная, холодная, пустая
Твои каналы, с тонкой плёнкой льда,
Такой я и теперь тебя узнаю...

Хочу по улочкам твоим бродить
Без масок, без шумихи карнавальной,
Сама с собой, в старинном платье бальном
Не думая кому-то угодить
И не грустя о веке гениальном

Афиш обрывков рвётся круговерть,
Туберкулёзным кашлем, жгучим ветром
Приподнятая. Но не китчем в стиле ретро –
По улицам твоим проходит смерть,
За ужин с ядом не прося куверта.

АДРИАТИЧЕСКИЕ ВОЛНЫ

2.

Красные флаги, серые волны и
Будто бы в детстве, в радости – полные
Лёгкие – я набираю отваги.
Серые волны, красные флаги.

Брызги и пена, солнце в зените и
Беглых валов бесконечная смена.
Волны на пляже – это событие.
Солнце в зените, брызги и пена.

3.

Подводный свет, любимый Леонардо:
Флоренция, подернутая дымкой
В которой лишь яснее очертанья
Колонн и крыш, покрытых черепицей,
Увиденных с небесной высоты,
И вечные вдали холмы Тосканы:
Как будто возвратилась я домой...

* * *

Мне снится Париж по ночам
Он – то ли притон, то ли храм,
Скорее искусства, чем веры,
И лезут по стенам химеры...

Когда я мечтаю о нём
Париж мне мерещится днём
Бульвары, платаны, каштаны
Танцовщицы и куртизаны.

Но всё же приходит пора,
Иду от Madellain к Opéra,
И чувствую, пробую, слышу и вижу
Звук, запах и пёстрые краски Парижа.

* * *

Амели, Амели, оторвись от земли
Груз забот не имеет значенья
Ерунды не мели, не сиди на мели –
Отправляйся искать приключенья.

На дыханьи одном полетим, поплывём,
По воде побежим над волнами
То, чего не бывает – прольётся дождём,
Что случится – останется с нами.

Амели, Амели, снаряжай корабли
Нарисуй белый след за кормою
Если старые земли исчезнут вдали -
Для тебя Новый Свет я открою.

* * *

Нежным свистом, птичьей трелью длинной
Прага утро новогоднее встречает,
И трамвай ночной баюкает, качает
Брызжа искрами, как гроздьями рябины.
С улиц, вымытых полуночным дождём,
Клейкий запах первых хрупких почек
Отпускать домой меня не хочет.
Что ж, побродим и рассвета подождём.

* * *

С одним проститься, а другого – выгнать,
кого-то проводить в далёкий путь.
Уловки, недосказанности, игры
мне надоели. Время отдохнуть,
пить чай на кухне из непарной чашки,
и мыслями не нарушать покой.
А ночью мятный шёлк ночной рубашки
своею только мять рукой.

* * *

Какие славные барашки
Сегодня в небе тёмно-синем,
А зебр упругие тельняшки
Умыты пролетевшим ливнем

Ступаю по полоскам белым
Удачу чтобы не спугнуть,
Стрекочут рядом оголтело
Цикады, провожая в путь.

Теплом повеет темнота,
Тот не судим, кто не осудит
Сегодня сбудется мечта,
а завтра? завтра будь, что будет.

* * *

У моря – запах арбузной корки,
А привкус – терпкий, почти что горький.
Как горе – море, а не как жалость,
Как эта вечность, что нам досталась.
Медуза плывёт – почти что Горгона.
Воде от неё никакого урона.
Море глаз не имеет, лишь слёз потоки,
А мы – каменеем, а мы одиноки.

На шее капли прозрачных бус.
Попробуй, так ли горьки на вкус?

* * *

Раз вам дано неназванною силой
Дать имя существу, как дал Адам в раю,
И чувствовать, что страшно, что красиво,
А боль чужую – больше, чем свою,
Однажды наступают дни такие,
Что жизнь не стоит медного гроша.

Всего трудней поэту жить в России.
Здесь боли больше, чем вместит душа.

Мир без границ

Берега Мексики

Франсиско Хавьер Мартинес Браво

Франсиско Хавьер Мартинес Браво является выпускником Воронежского Государственного Университета по специальности – археолог. Начиная с 1997 года, преподаёт русский язык, как иностранный, мексиканской молодёжи в университете города Гуанахуато в Мексике, где работает преподавателем-исследователем. Сходство мексиканской души с русской он видит во многих явлениях повседневной жизни. Шестилетнее пребывание в России оказало глубокое влияние на его деятельность. Старший сын родился в России, и с ним отец общается по-русски. Археологическими раскопками в Мексике Хавьер Браво занимается, используя советскую методику, ведёт семинары и курсы о социалистических революциях, преподаёт русский язык и культуру. Будучи любителем русской литературы, Хавьер Браво воспринял настоящей катастрофой потерю своей личной библиотеки русской классики. Отсутствие в библиотеках Гуанахуато русской литературы он считает недопустимым. Только в 2019 году с помощью оргкомитета Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» удалось пополнить библиотеку русской литературы. Фильм об истории, археологии и мифах Мексики «Мексика. Философия свободы» ТВ «Золотое перо Руси», где главным действующим лицом и ведущим является профессиональный археолог Ф. Хавьер Мартинес Браво, обрёл большую популярность

Мифы Мексики

Миф о Мексике

Мексика родилась, как материализация мифа, в 14-м веке. В самом деле, мы – мексиканцы 21-го века – точно, как и наши предки в древности, живём частично мифами, ведь они придают смысл памяти, дают единство народу, самосознание и самоназвание неоднородным группам. В определенном смысле миф направляет шаги народов сегодня в их борьбе за лучшее будущее. Вот почему в Мексике мы научились ценить наши многочисленные мифы, которые говорят об основании этноса, о господстве, о цивилизационных скачках, о приобретении отрицаемого кем-то человеческого достоинства.

Миф об основании города Мехико

Королевский орёл (*Aquila chrysaetos*) – это солнечный символ, стоящий на нопале (*Opuntia ficus-indica*) и пожирающий гремучую змею. Вот такой образ нашли Мехика (Мешика – это самоназвание ацтеков), кочевники, которые искали себе свою землю обетованную. Позже это стало центром крупнейшей империи Мезоамерики, но в то время, то есть в 1325 году, это был небольшой курган-островок, окружённый болотами. Как случилось, что будущий воинственный и самодержавный народ ацтеки решили поселиться в таком сложном ландшафте и создать город Мешико-Теночтитлан? Согласно мифу, именно Уицилопочтли (Колибри-левша) им велел таким образом поступать. Уицилопочтли – это древнемексиканский солнечный господин и бог войны.

Миротворческий миф

Когда-то в мексиканском штате Гуанахуато существовало общество, сформированное различными народами (отоми, тараски), создавшими протогорода с церемониальными центрами монументальной архитектуры. Несколько деревень, некоторые из них сельскохозяйственные, посвящённые собирательству или производству различных товаров, окружили и обеспечивали почти всем необходимым эти

святилища общего архитектурного стиля. Археологические раскопки и региональное исследование этой географической среды свидетельствуют о том, что, по крайней мере, с 6-го – 10-го веков, эти народы сосуществовали в мире, так как нет никаких находок либо данных, указывающих на проведение систематического насилия типа войны, вторжения или внезапной эвакуации. Как специалисты объясняют мирное сосуществование различных народов в одном регионе на протяжении стольких веков? Ответ заключается в том, что общая мифология, ритуал (религиозный, политический, исторический) – общие для всех, а также материальная культура, отражающая эту идеологию, были бы важной составной частью ценностей, которые дали им единство, внутреннюю идентичность и силу. Поэтому они сумели создать сети взаимодействия для обмена материальными благами, идеологическими представлениями и родственными отношениями. И в основе этой идеологии был, опять же, миф.

Миф о божестве-воине

Уицилопочтли родился вооруженным (как Афина в греческой мифологии), чтобы спасти свою мать, Коатликуе (Coatlícue это Мать-Земля), от нападения её четырехсот сыновей (южных звезд) во главе с Койольшауки – сестрой, которая подстрекала убить их мать. Ещё раньше, давным-давно, Койольшауки подметала пол в Коатепек (священная Гора Змеи), пошёл дождь красивых перьев, одно из них упало между её грудями, но когда она хотела вытащить его, она от этого пера и забеременела. Это стало мотивом для нападения четырехсот сыновей и дочери. Будучи ещё в материнском чреве, бог Уицилопочтли осознал что произойдёт и решил родиться. Таким чудесным образом он родился полностью вооружённым, один воевал с братьями и сестрой, и в итоге солнечный бог войны одержал победу над ними, в том числе их лидер. Обезглавил Койольшауки, оставил голову на вершине горы (голова затем превратилась в Луну), а тело бросил, и оно скатилось под гору и осталось расчленившимся, как символ превосходства народа Мешика над южными народами.

Миф о цивилизации

Монтесума II в империи Мешика был лидером или Тлатоани (тот, кто глаголит), встретил Эрнана Кортеса в ноябре 1519 года. Согласно испанскому летописцу, он признал завоевателя олицетворением мезоамериканского бога Кетцалькоатля (Пернатый Змей). По хроникам Тлатоани якобы высказал посетителю, что ему воевать совсем не нужно было, потому что вся огромная территория под контролем народа Мешика в самом деле уже принадлежала испанцу. Возникает вопрос – как это случилось, что лидер так называемой империи ацтеков отдал без сопротивления свои земли захватчикам? Следуя рассказам мезоамериканской устной традиции, мы увидим, что Монтесумы руководствовался рядом мистических знаков для принятия решений. Одним из таких знаков был военный шлем, который Кортес попросил наполнить золотом. Тлатоани заметил, что этот предмет был идентичен одному из признаков бога Кетцалькоатля, так что другие знаки, казалось, теперь имели смысл для него. Кто он был такой, чтобы поступить против воли богов? Но в 1521 году центр города империи ацтеков пал, можно сказать, из-за мифа.

Миф о деве Гваделупе

Через десять лет после падения Мешико-Теночтитлан индеец по имени Хуан Диего, спускаясь по склону горы Тепейакак, услышал чудесное пение самых замечательных птиц среди обилия цветов, что он колебался, думая, проснулся он или спит, он в земном мире или в раю. Нежный и уважительный способ, которым богиня Тонанцин-Коатликуе представилась ему в образе Девы Марии Гваделупской, заставил Хуана Диего чувствовать, что его достоинство восстановлено, потому что в памяти были свежи события завоевания Мешико-Теночтитлана десять лет назад. Католические священники навязывали идеологическое господство, унижали индейцев, уничтожали сведения о древнейшей мезоамериканской религии. Но это было также необходимо. Хотя историографический рассказ уже давно объяснил миф об этом явлении как механизм колониального господства, сегодня свободомыслящий народ интерпретирует иначе один и тот же миф. В оригинальном тексте 16-го века, Гваделупа просит простого индейца Хуана Диего, а не короля великого Карла I, построить ей «маленький дом» (небольшой храм) на холме. Он, стоя, слышит, как Божья мать даёт ему указания выполнить эту миссию. Хуан Диего бежит, чтобы поговорить со священником Зумаррагой в его дворце. Тот свысока слушал с недоверием петицию, в то время как индеец рассказывает, стоя на коленях, что он видел и

слышал. Иерарх не поверил в слова этого бедного индейца, который после этой встречи несколько раз приходил, чтобы принести весть о своей божественной матери, но подвергался насилию снова и снова, по приказу Зумарраги люди Хуана Диего оскорбляли, презирали и избивали. Борясь даже с самим собой, индеец приходил к Гваделупе, и она настаивала и всегда разговаривала с ним с нежностью, уважением и достоинством – таким образом, доверяла ему свою миссию.

Миф о том, что иной мир возможен

Наши коренные жители не рассматривают географическую среду вне человеческой природы, а, наоборот, как составную часть всех женщин и мужчин на свете. Наши коренные народы в течение пятисот лет были перемещены со своих родных земель, и эти земли были оккупированы сначала испанцами, затем мексиканскими землевладельцами, а теперь и капиталистическими компаниями. Индейцы сопротивляются и сражаются по-разному, руководствуясь убежденностью в том, что землю не следует продавать, так как яркость звезд не должна продаваться или вода не должна быть куплена или продана. Так же как мы не можем купить или продать пение чистой воды, протекающей в реке. Мы убеждены в том, что природа имеет такое же достоинство, как и люди, и такое убеждение мотивирует нас бороться за её спасение, потому что спасение природы спасает жизнь.

Сапатистская Армия Национального Освобождения (EZLN) является общественным движением коренных групп майя в мексиканском штате Чьяпас. Они, сапатисты, восстали и открыто противостояли мексиканской армии в 1994 году. Однако ещё с давних времён они сопротивляются господству мексиканского государства. Они сопротивляются неолиберализму, основываясь на устойчивую культуру на основе своих тысячелетних обычаев. Они заботятся о своих землях, водах, джунглях, общинах, как составной части человека. Коллективно избирают своих представителей; у них есть своя всеобъемлющая образовательная система, которая с таким же уважением наблюдает за историей, философией и науками. И с таким же уважением они изучают свои мифы, используют свою природную медицину, учитывают мудрость старших, признают достоинство женщин, вместе участвуют в своих религиозных торжествах, и каждый взрослый человек, в свою очередь, является частью общинной полиции.

Это способ организации производства, выживания и обеспечения хорошего образа жизни своих народов. Сапатистас твёрдо убеждены в том, что такой образ жизни, этот другой мир, не только возможен, но и уже существует для всей Мексики и в первую очередь для коренных народов моей страны. Передовая интеллигенция Мексики (а не интеллигенция, которая хочет жить под властью Соединенных Штатов и глобального капитала), которая сегодня управляет этой страной и строит философию освобождения, смотрит на этот образ жизни как конкретное выражение мифа, в котором человек не является доминатором природы, не использует её, не эксплуатирует, не уничтожает её, не продаёт, не покупает её, а наоборот, является частью её, её сын, её частица, её самый скромный гость.

Мы считаем, что это принцип и основа жизни, хорошей жизни, и этот миф – есть лекарство от глобальной болезни изменения климата. Он может вылечить нас и от неолиберализма, который потребляет человеческие тела, а затем он их выбрасывает как выношенные и ненужные предметы потребления. Миф о том, что возможен другой мир, уходит корнями в древнюю Мексику, и мы добровольно решили в него поверить, потому что в него включена теория и практика хорошей жизни. Этот миф заменил в нашем духе ещё один миф, который был важен в двадцатом веке – миф о марксистско-ленинском социализме, который был евроцентричным и никогда не воспринимал наши коренные индейские народы, как историческое бытие для изменения мира в лучшую сторону. Вместо мифа о деньгах и войнах, мы предпочитаем миф о том, что Землю-Мать надо уважать, беречь и защищать. Нам жить лучше с нашим коренным мифом, который любит природу, а также человеческое достоинство в коллективах, где практикуем непосредственную демократию.

В условиях глобального риска экологической катастрофы человеческий вид рискует также совершить коллективное самоубийство в результате исчезновения многих видов животных, а также в результате глобального потепления, в результате загрязнения пресной воды на планете мусором, который накапливается в океанах, и чрезмерной эксплуатацией не возобновляемых природных ресурсов. Перед лицом этого апокалиптического горизонта доброе проживание коренных народов Мексики, которые любят и живут своими мифами – это способ снова смотреть с любовью на соседа и на нашу Землю-Мать, нашу ацтекскую Coatlicue, заботиться о них, чтобы жить с ними вечно. Этот миф может спасти нас как вид.

Бережок

Елена Киселёва

Елена Киселева родилась в городе Елгава Латвийской ССР. Закончила филологический факультет Латвийского университета. С 1994 года живет в Пскове. Работает в Псковской областной универсальной научной библиотеке. Печаталась в краеведческих и литературно-художественных альманахах. В 2015 году вышла первая книга прозы.

Детские игры

Ранним утром на путях возле депо появился бронепоезд. Новоскольники, хотя и районный город, но ещё и большая узловая станция, через которую проходят железнодорожные пути со всех концов света. Но даже для Новоскольников приезд грозной военной машины оказался событием невероятным. Все мальчишки с улицы Пролетарской – Миша, Генка, Петя и Дима собрались в депо, разглядывая бронированный паровоз и вагоны с башенками, ощерившиеся дулами пушек и пулеметов. Рядом ходили важные часовые, с примкнутыми к винтовкам штыками, и было видно, что они очень гордятся своей принадлежностью к бронепоезду. – Что, Генка, ты такого у себя не видел? – спрашивали мальчишки высокого парня. Он приехал на летние каникулы из Белоруссии, почти от самой западной границы, вдоволь насмотрелся на настоящие танки и самолёты, и местные мальчишки ему завидовали.

– Да, впечатляет... – признался Генка. – А ты ещё говорил, в Новоскольниках ничего интересного.

– Мальчишки, как и часовые, тоже испытывали гордость за свою принадлежность к боевой машине. Больше всех в этот момент гордился Миша. Его отец работал в ремонтных железнодорожных мастерских, куда бронепоезд и прибыл для мелкого ремонта. Собираясь утром на работу, отец сказал:

– Делов там всего на пару часов. Надеюсь, быстро управятся. – А откуда он пришёл, папа? – А вот это, Миша, военная тайна. И когда ребята спрашивали Мишу, знает ли он, откуда прибыл бронепоезд и куда уйдёт, делал загадочное лицо и отвечал, что это военная тайна, сообщать о которой он не имеет права. Мальчишки простояли у путей до обеда, сбегали домой перекусить, и быстро вернулись обратно, чтобы не пропустить, когда бронепоезд пойдёт в мастерские. Но он всё стоял и стоял, иногда с шипением выпуская пар, пробившийся между паровозных колес, и в этот момент становился похожим на Мишиного соседа дедушку Колю, у которого росли такие же по-будёновски пышные усы, седые от старости. В этот день мальчишкам с Пролетарской улицы было уже не игр. Обычно они носились по городу, играя в «красных и белых», в разведчиков, но их любимой была игра в пограничников. Все знали, что первое в мире социалистическое государство окружено врагами – буржуями, басмачами, японскими самураями. И белогвардейцы, обосновавшиеся в Харбине, на западе с территории Польши то и дело рвались в страну, и диверсанты, террористы, шпионы. Но на пути всех врагов неизменно вставали советские пограничники со своими верными помощниками – псами Алым и Джульбарсом. Прождав до вечера, огорчённые мальчишки отправились спать, а утром бронепоезда уже не было. Он исчез, должно быть, ночью, в темноте, или ранним утром, так же незаметно, как и появился. Сколько ни всматривались мальчишки вдаль, во все стороны света, сколько ни прикладывали ухо к рельсам, надеясь услышать далёкий перестук колёс бронированного состава, спешившего навстречу прорвавшимся белогвардейцам и диверсантам, ничего не увидели и не услышали.

Боевая машина ушла, но память о себе в Новоскольниках оставила долгую. С этого дня мальчишки с Пролетарской улицы стали играть в «бронепоезд». Бронепоезд, даже не настоящий, требовал вооружения и брони. Вооружением могли служить палки и камни, а вот с бронёй обстояло хуже. Но выход был найден. Миша, назначенный одновременно и машинистом, и паровозом,

тайно притащил из дома новую оцинкованную ванну, другие ребята, которым была отведена роль вагонов, достали вёдра и кастрюли. «Броню» одели на головы, все встали друг за другом, и, шаркая ногами, чтобы поднять побольше уличной пыли, изображавшей паровозный дым, двинулись в первый боевой поход. – Чух-чух, чух-чух. У-у-у! – подавал Миша сигналы, и из-под ванны они звучали угрожающе. Бронепоезд прошествовал по Пролетарской и, когда свернул на Пушкинскую улицу, чуть было не сошёл с рельс и завалился в канаву. Видимости не было никакой, но Миша и тут нашёл выход – пробил в ванне обзорную дырку, и дальше бронепоезд двигался без остановок до самой городской окраины. Здесь, на пустошах, росла многочисленная вражеская рать крапивы и лопухов. Раньше мальчишки в кавалерийских наскоках секли её палками, а теперь дружно осыпали камнями и осколками кирпичей и, сломив сопротивление, пошли вперёд, топча противника бронированной тяжестью. Крапива покорно ложилась под ногами, но широколистные лопухи с зелёными колючками на стеблях отвечали встречным огнём, цепляясь за одежду. Воевал бронепоезд и в последующие дни и всякий раз с новыми врагами: это были басмачи с английскими империалистами, то белогвардейцы с самураями, то польские диверсанты. Закончил свой славный боевой путь бронепоезд неожиданно быстро. Мама Миши уже давно искала запропастившуюся ванну, в которой купала его младшего брата. И однажды увидела свою ванну, шествующую по улице в сопровождении мятых ведер и кастрюль. – Мишка, что ты, озорник, делаешь? Зачем взял ванну? – засмеялась она, направляясь к ребятам. – Ага, да у вас это, видно, броневик. Ну, озорники, начудили. Миша так и застыл на месте. Вспомнилось некстати, что ванна была единственная в доме новая вещь, купленная специально для купания брата. Да он и сам в жаркую погоду любил налить туда воды и посидеть, плескаясь в прохладе. А теперь, сколько не лей воды, хоть целое озеро перетаскай, ванну уже не наполнить. Мама, смеясь, подходила ближе. Миша невольно съёжился. Ещё два шага, ещё один – и она увидит пробитую в передней стенке у самого днища огромную, размером с кулак, обзорную дыру... Пройдёт несколько лет, и все ребята с Пролетарской улицы, игравшие когда-то в «бронепоезд», уйдут на войну с немцами. Генка станет пограничником и примет бой в Брестской крепости, где и погибнет в первый день войны. Петю ранят на берегах Вислы при освобождении Польши. Дима примет участие в разгроме японской Квантунской армии на Дальнем Востоке, а Миша закончит зенитное училище, и начнет охранять от вражеских самолетов небо над Москвой. Но это уже будут не детские игры.

Наши друзья

Советуем почитать:

- Журнальный мир:** <http://xn--80alhdjhdcxhy5hl.xn--p1ai/vse-zhurnaly>
Союз писателей России: <http://www.rospisatel.ru/>
Союз писателей Беларуси: www.oo-spb.by/
День литературы: <http://denlit.ru/>
Сайт Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры: <http://slav-academ.ru/regions.html>
Дальневосточный журнал «Сихотэ-Алинь»: haos216@mail.ru Почтовый адрес: 690003, Владивосток, ул. Авраменко, д.17–65
Литературный журнал «Наш современник»: nash-sovremennik.ru
Журнал «Великоросс»: <http://www.velykoross.ru/>
Журнал «Экоград» Москва: <http://ekogradmoscow.ru/novosti/novosti-press-sluzhb/zhurnal-berega-pobedil-v-konkurse-zhurnalistikogo-masterstva-slava-rossii>
Виртуальный салон искусств «Преголя-арт»: <http://pregolia-art.com>
Международный пресс-клуб: <http://www.pr-club.com/>
Русский народный дом: <http://rusnardom.ru/russkaya-literatura/poeziya/intervyu-yunnyi-morits/>
Журнал «Воин России»: voin-rossii.ru
Журнал «Новая Немига литературная»: <https://zapadrus.su/partnery/novaya-nemiga-literaturnaya>
Портал Переправа: <http://pereprava.org/>
Московский журнал [//www.mosjour.ru](http://www.mosjour.ru)
Общество Русско-Американской дружбы «Добрая Воля» в Вашингтоне www.raga.org
Русская народная линия <http://www.ruskline.ru>
Журнал «Подъем»: <http://www.podiem.vsi.ru>
Культура в Вологодской области: <http://cultinfo.ru>
Журнал «Сибирь», гл. ред. Анатолий Байбородин, Иркутск
Журнал «Родная Ладога», гл. ред. Андрей Ребров, Санкт-Петербург – <http://rodnayaladoga.ru/index.php/onas?id=59>
Журнал «Петровский мост», гл. ред. Игорь Безбородов, Липецк
Журнал «Нижний Новгород», гл. ред. Олег Рябов
Альманах «Врата Сибири», гл.ред. Л.К. Иванов, Тюмень
Журнал «Белая вежа», гл.ред. Наталья Костюченко, Минск
Альманах «На нёманской хвали», гл. ред. Людмила Кебич, Гродно
«Эхо поэзии», руководитель проекта Эяна Суодене, Каунас: <http://ruspoetry.eu/>
Журнал «Корни», редактор Ольга Соколова, Рига: <http://www.korni.lv/>
Журнал «Настоящее время», гл.ред. Татьяна Житкова, Рига
Журнал «Территория слова», гл ред. Людмила Гондарева, Донбасс
Журнал «Пражский Парнас», гл. ред. Ольга Белова, Прага
Международный альманах «Ступени», редактор Эльвира Поздня, Вильнюс
Поэтический альманах «Письмена», редактор Юрий Касянич, Рига
Альманах «Резекне» – Almanah-rezekne.lv, редактор Ольга Орс, Латгалия
Литературный сборник «Светоч» (Общество литераторов «Светоч»), Рига
Литературный альманах «Океанус сарматикус», гл.ред. Альберт Снегирёв, Каунас
Литературный журнала «Аргамак», Татарстан, гл. ред. Николай Алешков
Литературный альманах «Крылья» (Луганск) <http://lugansk1.info/>

О приобретении и подписке на журнал

Дорогие друзья! Помощь журналу, приобретение и подписка на журнал «Берега» осуществляется перечислением на карточку Сбербанка на счет: **4276 2000 7527 4022**.

Стоимость одного журнала — 500 руб. Подписка на год — 3000 рублей.

Свой почтовый адрес после оплаты выслать Лидии Владимировне Довыденко:
dovidenko_L@mail.ru